

Виллигис Йегер

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ

*Изменение сознания
на пути к внутреннему миру*

Доклады
Выступления
Сообщения

Verlag Via Nova
W. Vogel & M. Büttner GmbH
Suche nach dem Sinn des Lebens,
by Willigis Jäger

Все права защищены.

*Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателей.*

Виллигис Йегер

Й30 Поиск смысла жизни. Изменение сознания на пути к внутреннему миру. /
Пер. с нем. — СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2006. — 304 с.

ISBN 5-88503-419-2

В этой книге подробно освещаются все важные темы духовной жизни. Они касаются не только христианской мистики, но и эзотерических традиций других религий, развития современного естествознания и достижений трансличностной психологии.

В книге подробно описаны психологические аспекты внутреннего пути, его глубинные структуры и стадии, техника созерцательности, обхождение с чувствами, превращение тени и значение депрессии в процессе трансформации.

Сообщения людей, которые начали вместе с патером Виллигисом свой внутренний, созерцательный путь, свидетельствуют о преобразующей силе мистического познания и указывают на изменение, которое может открыться в каждом человеке.

© Verlag Via Nova W. Vogel & M. Büttner
GmbH, 2004

© «ДИЛЯ», 2006

© Перевод «Издательство «ДИЛЯ», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	12
ЧАСТЬ 1. ДОКЛАДЫ	13
Введение	14
Значение человеческой жизни	15
Устаревшее или современное понимание мира и религии	16
Возвращение к догматам мистического опыта	16
Спасибо всем, кто поделился со мной своими знаниями	17
I. Поиск смысла жизни	18
1. Когда рушатся горизонты	18
2. Космические измерения	18
3. Значение нашей жизни	20
4. Универсум как самопроявление Бога	21
5. Духовные потребности человека	22
6. Смысл человеческого бытия	24
7. Смысл нашей жизни	25
8. Смерть и жизнь	26
9. Познание конечной действительности	28
10. Одиночество человека	29
11. Проекция на вещи и человека	29
12. Проекция на Бога	30
13. Распад проекций в познании Безымянного	30
14. Все вещи имеют вкус Бога	31
II. Естествознание и мистика	33
1. Человек больше, чем его разум	33
2. Электромагнитные поля	34
3. Жизненные поля	34
4. Мы не монады	35
5. Морфогенетические поля	35
6. Выводы	36
III. Трансперсональное познание	38
1. Развитие человеческого сознания	38
2. Ступени сознания	39
3. Названия для обозначения конечной действительности	40

4. Религия и Священные Писания	41
5. Мистическое познание	43
Совершенное и наполненное	43
Без времени и без передачи словами	44
Пробуждение Бога	47
6. Ностальгия по Богу	49
7. Освобождение — это познание всей действительности	50
8. Эволюция и первородный грех	51
9. Течение жизни	52
10. Мистическое познание и социальная ответственность	55
11. Изменение личности — изменение мира	56
12. Задачи религии	57
IV. Религия или эзотерика	59
1. Религия и эзотерика	59
2. Как пришли к образам Бога	60
3. Атеизм и агностицизм	61
4. Откровение	61
5. Эзотерика — религия — естествознание	62
6. Пантеизм — монизм	64
7. Биполярное единство	64
8. Возвращение к целостности	66
9. Мифы — язык религии	67
10. Я и сама личность	68
V. Христианская мистика и восточные эзотерические пути	71
1. Рациональное восприятие и мистическое познание	71
2. Экзотерика и эзотерика в религиях	76
3. Значение восточной эзотерики для западной мистики	78
4. Эзотерика и повседневность	79
5. Разбор предубеждений	80
VI. Созерцательная молитва — древняя христианская традиция	83
1. Определение понятия	83
2. Катафатический и апофатический спиритуализм	84
3. Религия и структура личности	85
4. Упражнения в созерцательности	85
5. Кто должен встать на путь созерцательности?	86
6. Основные формы упражнения	87
Упражнение с дыханием	89
Упражнение в сидячих позах	89
Упражнение со словами	90
Освобождение от мыслей	91
Упражнение в самоотречении и любви	92
Восприятие собственного бытия	92
Мантрическая молитва	93

VII. Молитвенные пути великих мистиков	97
1. Отцы пустынь (III–IV века): puritas cordis — чистота сердца	97
Чистота сердца	97
Практика	98
Упражнение с формулой	100
2. Майстер Экхарт (1260–1328): рождение Бога в душе	101
Не искать Бога — это путь к Богу	101
Два вида знаний	102
Указания к упражнениям	103
Внутренние упражнения	104
3. Иоанн Креста (1542–1591): преисполненное любви внимание (умение прислушиваться) — темная ночь	107
Преисполненное любви внимание	107
Упражнения в исполненной любви внимательности	109
Процесс очищения — «Темная ночь»	110
Руководство на созерцательном молитвенном пути	112
Критика духовных наставников	113
4. Мадам Гийон (1648–1717): ночной путь	116
Активный путь к свету	116
Пассивный путь к свету	117
«Ночной путь» — общее описание	118
Процесс очищения	119
5. Преследование и закат мистики	123
Созерцательная молитва до XVI века	123
Закат созерцательной молитвы	123
Преследование мистиков	125
VIII. Иисус Христос в созерцательности	128
1. Углубление веры	128
Изменение, не подражание	128
Путь очищения	129
Отказ от всех религиозных представлений	130
Иисус Христос — архетип единства	130
Иисус Христос — проводник к Божественному	131
IX. Психологические аспекты внутреннего пути	134
1. Внимательность	134
Упражнения на внимательность	134
Формы внимательности	135
«Я» — точка пересечения наших мыслей, чувств и желаний	136
Освобождение от отождествления	138
2. Таинство момента	140
Стремление человека к Богу	140
Умереть, чтобы снова родиться	142
Смерть нашего «Я»	142
Преображающая сила момента	142

Момент ведет нас к познанию жизни	144
Майстер Экхарт и момент	145
Бог в моменте будней	146
3. Глубинные структуры и стадии на внутреннем пути	146
Ступени развития	147
Обобщение	152
4. Изменение сознания (ортоноя — параноя — метаноя).....	153
5. Связь с чувствами	156
Эмоции и чувства	156
Преобразование эмоций	157
Руководящие линии	158
6. Пещера сердца	160
Пещера — символ неосознанности	160
Притча о пещере Платона	164
7. Тень	167
Значение тени	167
Проекция наружу	167
Заглянуть под маску	169
«Да» тени	169
Существование тени и сознания	170
Как получают тени	170
8. Депрессия или процесс трансформации?	172
Предназначение человека	172
Сопrotивление нашего «Я»	173
Смысл страдания	174
Два вида депрессии	175
Возможности исцеления	178
X. Нравственное поведение?	181
1. Божья воля	181
2. Что мы ищем?	185
3. Возвращение к единому целому	185
4. Движущая сила любви	186
5. Внутренняя этика	187
6. Бог — это любовь: этика христианства.....	190
XI. Смерть или преобразование	192
1. «Бесконечные миры в универсуме, как пузыри в море» (Шодока)	192
2. Система координат	194
3. О смысле сопротивления	194
4. «Следуй течению воды!»	195
XII. Мистика — бегство от мира или ответственность за мир?	197
1. Человек на пути к человеку	197
2. Назад к уроборосу... или вперед к плероме?	198
3. Псевдомистика — мистика отказа	198
4. Ответственность эзотерики за нашу Землю	199

5. Первородный грех или индивидуализация?	200
6. Изменение мира начинается с нас	201
7. Дьявол — наш брат-близнец	202
8. Мистика — гармонизирующая или революционная?	203
9. Человек имеет будущее	203
ЧАСТЬ 2. ВЫСТУПЛЕНИЯ	205
Краткое замечание	206
«Я буду свое собственное имя писать на нем»	206
Моисей и величие Господа (Исх. 33, 18)	207
Призвание (Мк. 1, 14)	207
Краеугольный камень (Мк. 12, 10)	209
Непорочность	210
Рождество (1) (Ин. 1, 1)	211
Рождество (2)	212
Эпифания	213
Культ и ритуал (к празднику обрезания Господа)	214
Кем вы меня считаете? (Мф. 16, 13)	215
Иисус Христос (1)	217
Иисус Христос (2)	218
Иисус Христос (3) (Еф. 1, 3 и Кол. 1, 15)	220
Иисус — пастырь (Ин. 10, 11)	223
Преображение Иисуса (Мк. 9, 2)	223
Воскресение	225
Воскресение — смерть Лазаря (Ин. 11, 17)	227
Вознесение Христа	228
Космический Христос	229
«Святой Дух в образе женщины»	231
Эзотерика и христианство	232
Предосудительное познание единения	234
Мифы	235
Иисус Христос как миф	236
Пастухи или Звездные войны?	237
Притча о двух сыновьях (Лк. 15, 11-32)	238
Хлеб (Ин. 6, 25)	242
Живая вода (Ин. 7, 37)	243
Последователи (Мк. 3, 31)	244
Подобие — не подражание	247
Ад или превращение	248
О молитве	249
Бенедикт	251
Видения (Лк. 2, 36 и далее)	253
Мудрость	254
Апокрифическое Евангелие Марии — женское начало в человеке	255
Agios gamos — Святая свадьба (венчальная речь)	257

Откуда мы?	260
Конец света (Мк. 13, 24 и далее)	261
Вечная жизнь	263
Новый Иерусалим (Откр. 21, 1 и далее)	265
ЧАСТЬ 3. СООБЩЕНИЯ	267
Введение	268
... всё есть свет...	269
... что нет смерти...	269
... мы разрушаем настоящее время...	269
... Я узнал выражение: «Не бойтесь»...	270
... нет пространства, нет людей, нет границ...	270
... вдруг я перестал бояться...	271
... больше ни одного вопроса...	271
... да, я был в нем...	271
... между сидением и хождением не было разрыва...	272
... кто поднимается по лестнице?...	272
... просто ложка...	272
... да, это он, редис на тарелке...	273
... капли дождя падали в воду, это было все...	273
... принят в раскрытую длань Господа...	273
... смотреть и не видеть...	273
... если я посмотрю ближе, все исчезнет...	274
... границы перестают существовать...	274
... всё есть Он...	274
... где всё есть, как оно есть	275
... почему я изучал теологию?	275
... это грандиозная игра...	275
... во всех вещах на меня смотрит Бог...	276
... просто сидя...	276
... нет морали, нет совести...	276
... я всё еще видим! Я?...	277
... я еще ни разу не был таким бодрым... вне времени...	277
... это был Бог, но «совсем другой»...	278
... я стал видеть «Ничто». Это была безграничная действительность...	278
... всё было такое настоящее...	279
... только этот Безымянный...	279
... это радикальное помешательство...	279
... Он бежал...	280
... дело в том, чтобы не сделать ни шагу...	280
... внутри молится, внутри дышит...	280
... это путь вниз, к жизни и смерти...	281
... почему у Божественного пути такие нечеловеческие черты?...	281
... Боже, почему Ты меня заманиваешь?...	282
... я, видимо, стал безбожником...	282

...даже смертельно опасная болезнь не имеет значения...	283
...только оливковые деревья, только цикады...	283
...только этот шаг, только это движение...	284
...никаких «почему»...	284
...каждый листок и мостовая... каждая вещь была ОН...	284
...я люблю так мало...	284
...на какой-то момент я стал этим шорохом...	285
...бумага белая, чернила синие...	285
...всё равно... Бог — действительность...	285
...больше нет противопоставлений...	286
...ты слышишь, как снаружи всё зеленеет?...	286
...в том я имею значение и одновременно не имею...	286
...что я всю свою жизнь мимо этого пробежал...	286
...я уже внутри ворот...	287
...ничего, кроме великого молчания...	288
...где я мог заблудиться...	289
...я есть... и Ты есть я...	289
...когда разорвутся последние веревки?	289
...что есть моя сущность?...	291
...зеркало, мои глаза, там я познаю это — Я, Ты, Бог, все...	291
...дверь открыта, я этого не знал...	293

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже восемь лет в Доме святого Бенедикта в Вюрцбурге пытаются следовать по пути познания христианских мистиков, вводить других в курс дела и сопровождать их на пути созерцательности. Опубликованные здесь доклады и выступления патера Виллигиса Йегера возникли из многочисленных курсов, которые он вел в течение этих лет. Их объединение в одну обширную тему произошло значительно позже и не претендует на систематику. Те или иные повторения согласуются с живыми событиями на курсах. Кое-что вообще трудно понять, пока не пройдет наше противостояние и мы не начнем мыслить в более глубоких сферах.

Все без исключения сообщения о процессе познания сделаны слушателями курса. Они перенесли, как смогли, свое понимание более глубокой действительности на бумагу, хотя и считали, что слова не могут выразить всей полноты их переживаний.

Хотелось бы, чтобы представленная книга являлась не просто собирательным материалом для интеллектуалов, а, подобно докладам, передавалась от сердца к сердцу и сопровождала человека на пути к познанию его внутренней сущности. В недосказанном наиболее точно выражено несказанное.

Ута Дрейсбах
Вюрцбург, март 1991

Часть 1
ДОКЛАДЫ

ВВЕДЕНИЕ

Для чего эти доклады? Не написано ли еще в «Дао дэ цзин»: «Кто знает, тот не говорит, а кто говорит, тот не знает»?

Но с другой стороны, поучительный стих дэна гласит: «Чтобы привлечь слепых, Будда исторг своими золотыми устами сверкающие слова». ¹ Слово — это приманка, которой нас заманивают в путь, пока мы не заметим, что Бога на этом пути нет.

Еще ожидают сегодня многие христиане руководства в их созерцательной молитве. И, поскольку с христианской стороны они не получают никакого практического руководства, они часто обращаются к индуизму или буддизму. Да, они предупреждены и до, и после от созерцательной формы молитвы — даже в монастырях и других церковных учреждениях.

... В ПОСЛЕДНИЕ 15 СЕКУНД ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ВСПЫШКИ...

Я бы хотел начать с вымысла: космос, согласно новейшим исследованиям, существует приблизительно 17 миллиардов лет. Если сжать эти 17 миллиардов лет до одного года — причем каждому месяцу будет соответствовать где-то один миллиард лет, — то получится следующая картина.

Из-за таинственного взрыва Вселенной первичный материал распался, благодаря своей силе тяжести, и охладился. Уже в кратчайшую долю первой секунды первого января возникает материя: элементарные частицы и сразу же за ними простейшие атомные ядра, водород и гелий. Еще до конца января излучение и материя разъединяются и создаются галактики.

В середине августа, благодаря столкновению облаков газа и пыли, возникает наша Солнечная система. На Земле сначала появляются сложные химические, а затем и биологические структуры. Древнейшие горные породы земной поверхности возникают где-то с середины сентября.

Начало октября — время появления ископаемых водорослей. В течение двух последующих месяцев рождается невиданное количество водных растений и животных.

19 декабря растения распространяются на суше. 20 декабря пустынные пространства покрываются лесом. Жизнь сама создает для себя чистую атмосферу. 22 и 23 декабря из рыб рождаются амфибии и завоевывают влажную местность.

Из амфибий 24 декабря развиваются рептилии, которые заселяют также и сухие пространства. 25 декабря появляются первые теплокровные. Поздно вечером, наряду с многочисленными ящерами, возникают первые млекопитающие. В ночь на 30 декабря начинают разворачиваться горы и возникают горные пастбища. В ночь на 31 декабря (то есть в последний день) из рода обезьяньего развивается род человеческий. За 5 минут до 24 часов появляются неандертальцы, за 15 секунд до 24 часов рождается Иисус Христос, за полсекунды до 24 начинается Технический век.²

Американские ученые не считают, что космос возник в результате так называемого взрыва. Космическая система была, есть и будет без начала и конца.

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Что значат в космическом масштабе рождение и жизнь человека Иисуса (последние 15 секунд истории универсума)?

Как проявляется Божественная действительность в других галактиках? Проявляется ли она всегда и везде в том, что имеет форму? Не является ли она принципом структуры эволюции? Действительно ли мы должны искать ее вовне?

Что значит спасение и воскрешение тела? За миллион лет человек так далеко уйдет от теперешних людей, как нынешнее поколение ушло от обезьян. Так в качестве какого биологического вида мы после этого воскреснем?

Что значат 80 лет одной человеческой жизни перед лицом миллиардов лет существования космоса?

Что значит время? Что значит вечность?

Какое значение имеют человеческие мыслительные системы и догматические учения? Как долго мы можем говорить о Боге в масштабе Вселенной?

Дух развивался в течение космической эволюции, вероятно тысячекратно, также и в других галактиках. Да, Дух — это первичная материя, из которой все произошло. Почему мы должны его отделять дуалистически?

УСТАРЕВШЕЕ ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА И РЕЛИГИИ

Мистики не перестают задаваться этими вопросами. Они, так же как и ученые в области естествознания и психологии, постоянно говорят о тех сферах сознания, которые могут помочь наиболее глубоко познать действительность. Атомщик Г. Цукаф пишет: «Не удивляйтесь, если список лекций по физике в XXI веке будет также включать в себя лекции о медитации». ³ Под медитацией он понимает трансрациональные опыты. Человек и космос — это намного больше, чем может постичь наше интеллектуальное сознание. Мистик говорит, что рациональность — это тюрьма.

Формулировка опыта познания действительности, в конце концов, зависит от того, как я понимаю себя и мир: с антропологической или с космической точки зрения. Тот, кто считает биологический вид человека космическим продуктом, всегда будет испытывать трудности при описании мистических аспектов. Рационалисты должны придерживаться фронтальной личностной структуры, поскольку иначе они не могут объяснить мир. Мистики же переступают подобную фронтальную личностную структуру: у них она является безличным трансцендентным началом. Они перешагивают дуалистическое противопоставление. Мистическое миропонимание наиболее охватывающее и другого качества. Рационалисты этого не могут постичь и воспринять, они ощущают за ним распад личности, а следовательно, опасность распада их собственной структуры. Тот, кто не может понять, что существует иррациональный опыт, всегда будет сталкиваться с мистическим мышлением и даже может усомниться в «истинном познании».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДОГМАТАМ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Поскольку наша христианская вера объясняется рационально, следует вернуться к догматам мышления христианских мистиков, что в конечном итоге означает: вернуться к личному восприятию. Многие христианские теологи считают личное понимание мира и веры новым достижением, которое пришло в религию через христианство. Но, с другой стороны, оно всегда наталкивается на препятствия в прогрессирующих областях естествознания и психологии. Толкование учения и жизни Иисуса никак не согласуется с этими научными знаниями. Современная действительность является трансличностной и находится в вопросах представления о Боге по другую сторону от традиционных теистических религий, у которых отсутствуют космические и холистические перспективы.

Понимание мира современным человеком и теологическое толкование расходятся друг с другом. В сущности, мы не преодолели так называемый онтологический дуализм между Богом и творением, хотя у Иисуса была именно эта цель. «Я виноградная лоза, а вы ветки лозы». «Я больше не называю вас слугами, а называю друзьями». «Как Ты, Отец, во Мне и Я в Тебе, так и они должны быть в Нас, чтобы мир поверил, что Ты послал Меня» (Ин. 17, 21). И, наконец, в трудах об Иисусе речь идет о том, чтобы привести нас к сознанию, каким обладал Он. Наши труды в области созерцательности являются трудами о сознании Иисуса Христа.

Все большему числу людей удастся дополнить рациональную область трансличностью возможностями. Эзотерические пути больших религий оказывают в этом неоценимую помощь.

СПАСИБО ВСЕМ, КТО ПОДЕЛИЛСЯ СО МНОЙ СВОИМИ ЗНАНИЯМИ

В следующих статьях использованы не только мой опыт и мои знания, но также мысли и познания многих других. Иногда я сам не знаю, чья это была мысль и чей литературный вклад. Я почерпнул бесценные знания из многих отдельных разговоров, а также из книг. Я сердечно благодарю всех, кто внес свой вклад в создание этой книги.

І. ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ

1. КОГДА РУШАТСЯ ГОРИЗОНТЫ

Человеческое повседневное сознание можно сравнить с пассажиром на корабле. Он видит только до горизонта. Однако то, что находится за горизонтом, намного больше и могущественнее, чем все, что было до этого. Сознание нашего «Я» признает только действительность, то, что доступно разуму и имеет смысл. Все, что находится за пределами знаний, значительно величественнее и мощнее.

«Как и поднятая над глазами рука скрывает от взора большую гору, так и маленькая земная жизнь скрывает вид многообразных чудес и красок, которыми так богат мир. Тот, кто сможет отнять от своих глаз руку, узрит могущественное сияние внутренних миров».¹

Сфера восприятия сознания нашего «Я» ограничена. Мы находимся в космической системе, которая в своем настоящем объеме лежит «за горизонтом» и непостижима для нас. С одной стороны, в субатомарной области, материя скрывается в энергетических полях, со стороны макрокосмоса она исчезает в «черной дыре». Материя не является чем-то прочным и постоянным. Она изменяется, возникает и пропадает в нашем сознании и в нашем разуме. Мы можем расщепить материю, но она не распадется на мелкие кусочки, а перейдет в энергию. Энергия же может снова воплотиться в материю, в частицу. Таким образом, существующая до сих пор научная теория о мире как объекте естествознания, обоснованная Ньютоном, которая объясняет все явления космоса только материальными причинами, является несостоятельной. Основы материи имеют нематериальную природу. Постоянной величиной выступает не статика, а динамика. Непрерывность также и нашей жизни обусловлена не тем, кто мы есть сейчас, а нашим основным ядром, которое вместе с нами проходит все формы существования.

2. КОСМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В нашей Галактике находится около ста миллиардов сияющих звезд. С помощью технических приборов мы можем обнаружить приблизительно сто миллионов подобных галактических систем. А сколько мы еще не

можем установить, нам не известно. Таким образом, перед нами лежит мультиизмеримый мир, который мы можем подвергнуть только некоторым измерениям. Ганс Петер Дюрр в своем докладе привел следующий пример: мы смотрим на универсум, как неграмотный человек на прекрасное стихотворение. Так как он не умеет читать и писать, то очень внимательно разглядывает все целиком и приходит к выводу, что некоторые значки постоянно повторяются. Тогда он начинает их считать, систематизировать и каталогизировать. В итоге он узнает, что на этом листе бумаги имеется столько-то значков «а», столько-то значков «б» и т. д. И он гордится своим удачным исследованием. Однако само стихотворение он так и не смог прочитать.

Универсум, который возник немислимое количество световых лет тому назад и который будет бесконечно развиваться дальше — исчезновение миров и возникновение новых, по сути, относится к структурному принципу этого универсума, — для нашего разума непостижим. По всей видимости, его организация является иррациональной. Рациональной является только «компьютерная программа». У Бога таких программ много.

Живут ли где-то во Вселенной еще разумные существа, кроме нас, людей? Многие ученые считают, что да, в космосе есть похожие на земную цивилизации. При ближайшем рассмотрении и сравнении условий жизни можно прийти к выводу, что в космосе существует много планет, таких как Земля.

Харлоу Шепли, американский ученый, заявляет: «Из всех звезд в космосе, вероятно, только каждая тысячная окружена планетами. Попробуем предположить, что только каждая тысячная планетная система имеет планету, пригодную для жизни. Допустим далее, что только одна из тысячи этих планет достаточно велика, чтобы иметь собственную атмосферу. Затем из оставшихся планет выберем каждую тысячную, которая по своему химическому составу может подойти для жизни живых существ. Таким образом, по нашим подсчетам получается, что среди тысячи миллиардов звезд только некоторые окружены планетами, пригодными для жизни. Некоторые среди тысячи миллиардов звезд! И сколько же их тогда? Получается, что в космосе существует еще сто миллионов подобных планет. Сто миллионов планет, таких как Земля».

Следовательно, в космосе мы не единственный биологический вид, как мы думали раньше. Возможно, другие существа имеют более развитую систему, а мы вовсе не являемся «вершиной» творения.

3. ЗНАЧЕНИЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Мы спрашиваем себя, какой смысл имеет наша жизнь, которая длится от силы 80 лет, в масштабах этого гигантского временного пространства? Что значат среди этих миллиардов лет 80 лет жизни? Что значит день, а что час? Какое влияние оказывает война на это ядро космической пыли — Землю? Насколько важным в этой связи является оскорбление, которое нам нанесли?

Мистики осмысливают этот вопрос на опыте безвременья. В мистическом опыте познания отсутствует фактор времени. У них нет пункта Омега, к которому все устремлено, а только Альфа и Омега вместе. Мы, на Западе, привыкли думать линейно, а мистики, наоборот, осмысливают все в целом. Мистический опыт можно сравнить со встречей с шаром. Если постигать весь шар в целом, то только в одно и то же время. Мы должны с того места, на котором стоим, охватить весь шар. Это небо, это *visio beatifica*. Мистический опыт гласит: все познавать одновременно. Нирвана, говорит дзэн, это не место в широкой дали, а опыт познания грядущего и происходящего, рождения и смерти как постоянной действительности. Рождение и смерть — это течение жизни Бога.

Почему мы в этом контексте считаем себя и нашу жизнь такими важными? Почему мы делаем из этого так много шума? Наше «Я» ограничивает нас. Оно драматизирует события, раздувает их до невероятных размеров и вселяет в нас страх. Если бы Земля вдруг в результате разрушения атомов стала на несколько миллионов лет необитаемой, для космической эволюции это не имело бы особенного значения. Подобное происходит в космосе непрерывно. Галактики создаются и исчезают. И наверняка существуют миллионы звезд, на которых есть разумная жизнь. Тот, кто смотрит на мир с мистической точки зрения, считает его водяным пузырем в бурной реке. Это маленькое ядро звездной пыли, Земля, незаметно вращается среди других небесных тел в бесконечности космоса, который существует уже миллиарды лет.

Что значат нынешние секунды в масштабе этих миллиардов световых лет? Что значит человеческая жизнь в два десятка лет? В таком восприятии мира все личные проблемы, все проблемы данного биологического вида — человека, который сто тысяч лет размышляет о себе самом, имеют совсем другое соотношение. Оно дает нам ощущение ясности, легкости. Это просветленность Иисуса, когда Он говорит о воробьях на крыше и о лилиях в садах.

Некоторых подобное восприятие мира побуждает сложить руки на коленях и погрузиться в созерцание. Однако такое поведение всеми

религиями признается неправильным. Ибо наше существование имеет однократное значение. Такие, какие мы есть, мы являемся формой выражения Божественного. Мы — неповторимое и незаменяемое проявление Божественной жизни. Но не следует воспринимать наше существование как нечто, длящееся 80 лет, а затем окончательно замерзающее в том, что мы называем небом или созерцанием Бога. Наше истинное существование — это опыт познания приходящего и происходящего как развития Божественной жизни. Бог не статичен. Он — покой и динамика. Эту динамику можно видеть в появлении и исчезновении, это небо. Это опыт познания бьющей через край «Божественности», о которой Экхарт сказал, что Бог — это спокойствие и твердость в себе самом, «но и сверх того, самозарождение или определенное кипение, которое в тебе самом пылает, в тебе самом кипит и через тебя самого протекает; это свет, который в свете и через свет с самим тобой всего тебя полностью проходит».²

4. УНИВЕРСУМ КАК САМОПРЯВЛЕНИЕ БОГА

Мы привыкли понимать проявление Бога (проявление существующей действительности) как нечто, о чем нам рассказали. Бог что-то предоставил для познания пророку. Пророк облек это в слова и оповестил всех. Подобное мы воспринимаем также от Иисуса. Мистики Востока и Запада понимают под словом «проявление» опыт познания. Божественное в человеке проявляется сильнее в мгновенном событии. Здесь он находит настоящее присутствие Бога. Только так он может «узнать» Бога. Об этом Боге Экхарт говорит: «Если пропадает мысль, пропадает и Бог».

Я уже часто приводил пример о ветке и дереве. Когда ветка осознает себя веткой, и видит вокруг другие ветки, и слышит о стволе и корнях, она познает, образно говоря, свое «Я». Когда она смотрит на себя со стороны, то ощущает себя деревом. Тогда она узнает, чем она является на самом деле.

Так же происходит и с человеком. Если человек познает Бога только разумом, то это очень скудные познания. Когда он узнает и видит изнутри, кем он является в действительности, то это уже является совершенным познанием.

Мистики познают мир во многих измерениях. Если же они попытаются постичь мир в нашем ограниченном понимании, то только запутаются. Мистики черпают свои познания в словах и образах. Однако они осознают, что это не абсолютная догма, а лишь окно, которое указывает на свет, его озаряющий.

Тот, кто хвалился,
 Что в погружении
 Он бывает с Богом единым целым,
 Увидел однажды в экстазе
 Одного человека и спросил:
 «Боже! Почему Фарао был обречен
 На адский огонь,
 Когда он воскликнул:
 “Я есть Бог!”, а Халладж
 Был взят на небеса,
 Когда он также воскликнул:
 “Я есть Бог!”» — Тогда и услышал он
 Голос: «Фарао, когда произносил эти слова,
 Думал только о себе самом,
 Меня он забыл,
 Халладж, сказавший то же самое,
 Забыл о себе самом и
 Думал только обо Мне.
 Потому в устах Фарао слова
 “Я есть” являются проклятием,
 А в устах Халладжа —
 Проявлением Моей благодати».³

5. ДУХОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Многие люди сегодня предполагают, что жизнь намного шире того, что мы можем найти в повседневном сознании. Они чувствуют, что есть многомерные космические пространства, которые нельзя постичь разумом. Интуитивно они понимают, что только там собственная жизнь и жизнь всего космоса приобретает смысл. Они ощущают, что их жизнь могла бы быть полнее и содержательнее. Они недовольны. Недовольство — это признак того, что наши потребности не удовлетворены. Если у человека нет потребностей, он становится больным. Это касается как психической, так и духовной областей. Духовное начало является сущностью человека. Некоторые потребности могут быть вытеснены в подсознание, например потребность в осмыслении жизни или потребность веры в бессмертие. Подобные подавления или вытеснения потребностей в подсознание приводят к травматическим расстройствам здоровья и блокировке сознания. Трансличностная психология называет это метапатологией, то есть болезнью, которая скрыта за обычным психическим заболеванием.

К. Г. Юнг по этому поводу сказал, что нет ни одного пациента старше 35 лет, чьи собственные проблемы не являлись бы «религиозными». До середины жизни человек обращает внимание на внешние проявления жизни

и именно на них основывает свое ожидание счастья. Поиск партнера, сексуальность, власть, деньги, карьера и т. д. перекрывают глубокое стремление к осмыслению жизни и исполнению последнего назначения. «Каждый болен от того, что он потерял то, что религия во все времена давала верующим. И ни один не вылечится по-настоящему, если он снова не получит свою религиозную установку, и это никак не связано с вероисповеданием или принадлежностью к какой-либо церкви».⁴

Хорошо тому человеку, который ощущает свои основные духовные потребности и находит «врача», который помогает их удовлетворить. Настоящий терапевт старается показать человеку его дорогу к спасению. Правда, дороги к спасению у всех разные, но, тем не менее, они имеют ряд общих черт: они проходят сквозь конфронтацию, сквозь нужду и страх, сквозь умирание и смерть.

Многим людям удается с помощью религии найти путь к духовности. Других же не удовлетворяет традиционная религия, они даже считают, что именно она мешает развитию личности человека. Поэтому они ищут свой путь без «ненужного балласта» — религии.

Некоторые говорят, что во всем виноваты родители и другие авторитеты, так что они до сих пор страдают от воспоминаний детства. Однако не стоит перекладывать ответственность за свои несчастья на других, от этого нет никакой пользы. Жизнь нам дана для того, чтобы мы росли и развивались, чтобы мы отправились в путь поиска смысла жизни, когда нам надоест пошлость нашего поверхностного сознания. Пресыщение является решающим стимулом, который побуждает человека искать новые пути. У нас есть все или почти все, что нужно для жизни. Почему же мы недовольны? Почему же многим даже эффективная психотерапия не приносит внутреннего согласия? Почему мы хотим больше, чем просто уравновешенного психофизического здоровья?

Недовольство и гнет страданий являются как бы горючим для энергии поиска смысла жизни. Этот поиск должен поднять нас над нашим психофизическим существованием. Мы хотим знать, кто мы есть на самом деле, мы хотим узнать, в чем окончательный смысл жизни. Это «Божественное волнение» заставляет нас двигаться дальше. Так сказал Августин: «Не успокоится наше сердце, пока не обретет покой в Тебе».

Поиск смысла жизни, или поиск нашей истинной сущности, или, как говорят христиане, поиск Бога является основным принципом эволюции. Собственно, это даже не искания. В большей степени Божественное начало проявляется в нас и через нас самих. Божественное начало доходит до нашего сознания. Мы, люди, считаем, что находимся в поиске Бога. Однако это не мы ищем конечную действительность, а конечная

действительность пробуждает в нас недовольство и жажду поиска. Бог — это конечный пункт исканий. Мы сами ничего не можем «сделать», мы можем только ждать, когда сможет проявиться Божественное начало. Мы можем только, как сказал Экхарт, уступить дорогу Богу. Природная сущность обнаруживается, если мы ей не ставим препятствий. Если есть спасение, то это освобождение от нашего определенного «Я», чтобы могло проявиться то, чем мы являемся в действительности.

6. СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В чем смысл существования космоса? В чем смысл существования дерева, животного, человека? Экхарт сказал, что они существуют *sunder wazumbe*. Ангелус Силезиус написал: «Роза есть без “почему”, она цветет, потому что она цветет. Она не придает себе значения, она не спрашивает, видят ли ее». А наше существование имеет больше обоснований? Почему мы не цветем и не исчезаем как цветок? Мы не можем искать смысл нашего существования вне нашего бытия. Он должен сам быть обоснованным в нашем бытии. Данное действие нашей жизни имеет высокую цену. Мы можем и не получить другие формы своего проявления.

Почему мы на Земле? Этот вопрос был первым в древнем катехизисе. Ответ гласил: «Мы на Земле для того, чтобы познать Бога, любить Его, служить Ему и однажды остаться вечно жить рядом с Ним». Под этим я еще могу сегодня подписаться. Однако мои разъяснения по данному вопросу имеют совсем другой результат, в отличие от моего учителя религии.

Есть всепроникающая жизнь, которую мы называем Богом, абсолют, конечная действительность, истинное бытие. Это истинное бытие является глубиной нашего существования. Это бытие, которым мы живем. А если выразиться еще лучше: это бытие, которое живет в нас и над нами. Мы являемся его формой выражения.

Наше самосознание мешает нам познать наше истинное бытие. Мы не знаем, кто мы такие. Мы не можем знать, кто мы есть в действительности. Мы можем это только познать. Наше самосознание отсекает нас от опыта познания, но не от самого бытия. Если мы отрезаны от познания Божественного бытия, то оно и не оказывает никакого влияния на нашу жизнь. Одно только философское, теологическое, ритуальное или сакраментальное ознакомление с истинным бытием не может в полной мере раскрыть его силу. Формы выражения религии должны вести нас в глубины познания Божественного начала.

7. СМЫСЛ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Смысл нашей жизни заключается в том, чтобы познать свою Божественность и Божественность всех живых существ. Когда мистики рассуждают о Божественном начале в человеке, они иногда говорят: «Я есть Бог». Это можно ложно истолковать, с точки зрения пантеизма. Человек не перестает быть человеком, однако эта человеческая форма является формой выражения Бога. Если христианские мистики не находятся под давлением догматики, они выражаются так же ясно, как и мистики Востока. Святой Иоанн Креста (Хуан де ла Крус) написал: «Наше пробуждение является пробуждением Бога, а наше воскресение является воскресением Бога».⁵

Конечную действительность Бог не знает ни внутри, ни снаружи. Волна не может быть вне моря. Волна — это море, но она также и не-море. У восточных мистиков существует для этого выражение «не-два». Если смотреть на море сверху, то можно увидеть тысячи волн, а если смотреть снизу, то видно только море.

Для более наглядного примера можно также использовать линейку. С одной стороны она имеет цифровые деления, а с другой — пустая. Обе вместе они составляют линейку и представляют единое целое. Так и человек не перестает быть человеком, когда он познает Бога. Он познает эту форму существования человека как Божественную форму. «Волны познаются как море». Если мы в него попадем, то познаем единство всех волн с морем и, тем самым, взаимосвязь всех живых существ посредством Божественного моря и Божественной жизни.

Что находится в конце этого познания, мы не можем больше определить. Пожалуй, это является возвращением к тождеству Бога, к тому, что Таулер назвал основанием, Экхарт — божеством, Тереза — глубинным оплотом, дзэн — природной сущностью.

Исходя из этого, нет ничего, что бы не являлось формой выражения Бога.

Если заменить выражение «жизнь Бога» на слово «энергия», то можно провести аналогию с H₂O. Соединение H₂O может быть представлено по-разному: в виде воды, в виде пара и в виде льда. Божественная жизнь может проявляться и познаваться в совершенно иных формах. Религиозная жизнь — это бытие, связанное с Божественным началом. Она не имеет ничего общего с подчинением моральным предписаниям, религиозным истинам или ритуалам. Это намного больше того, что полагает Экхарт, когда говорит, что мы должны уступить дорогу Богу, чтобы Он мог быть в нас.

Это значит, что перед нами поставлена высокая задача: поддерживать все свои ментальные, психические и мыслительные силы, чтобы мы могли

познать проявление Божественного начала. Бог является единственной реальностью. Она всегда и во всем настоящая. Мы «игровая форма» Бога, «симфония Бога». Мы пляска танцоров Бога. К этому танцу относятся также смерть и рождение.

8. СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Нашей настоящей проблемой является уверенность в том, что мы должны умереть. Данную нам жизнь не сохранить вечно. Рано или поздно, но она закончится. Мы не можем избежать гибели. Осознание этого мы постоянно пытаемся опровергнуть и изобретаем множество механизмов, которые помогут нам избежать смерти. Однако все то, чего мы избежали, возвращается к нам снова, хотя и под другой маской. Мы знаем о смерти, но не можем вынести этих знаний. Поэтому мы стремимся к активному образу жизни. Буйство нашего самосознания не может окончательно вытеснить страх перед смертью. Когда-нибудь смерть нас настигнет. Но самым главным является то, как мы ее воспринимаем: как ступень развития или как страшное зло. Верующий человек приобретает основополагающее знание: тот, кто познает жизнь или верит в нее, перестает бояться смерти. Жизнь не может умереть. Умереть может только одна форма жизни. Это основа всех знаний и познания каждого мистика.

Смерть и воскресение относятся к структурному принципу творения. Наше «Я» противится этому процессу возникновения и исчезновения. Оно держится за форму. Оно хочет удержать эту форму существования. Оно цепляется за оболочку и забывает о содержании. Мы как заколдованные. В индуизме это называют «великой волшебницей Майя».

Почему такое познание жизни не распространяется по Земле с быстротой молнии? Почему мы не можем просто отбросить смерть? Потому что я — а сделать это могу только я один — сначала должен познать смерть. Я должен освободиться от всего, что мое «Я» хотело бы удержать. Мистическая смерть — это смерть нашего «Я». Но человек судорожно держится за это «Я». Мы, западные люди, даже отождествляем свое «Я» с жизнью. Мы хотели бы это «Я» увековечить. То, что мы считаем, будто с нашим «Я» мы можем «быть как Бог», кажется первоначальным грехом человека. Это «Я» есть не что иное, как точка пересечения наших физических сил, которая ложно убеждает нас в своей самостоятельности. От такой иллюзии следует освобождаться. «Я» — это лишь маленькая частица, которая плавает в нашем общем сознании. Это только один из органов общего сознания бытия. Однако он ведет себя как истинный правитель и, таким образом, находится в постоянной борьбе с глубинами нашего бытия. Активность этого кажущегося самостоятельным «Я»

и как результат данной активности — эгоцентризм — являются настоящей болезнью нашего времени, прежде всего на Западе: там ее называют «невроз личности».

Тот, кто не может освободить свое «Я», кто не может умереть, кто не может смотреть смерти в лицо, тот не может и жить. Многие люди уже готовы сориентировать себя по-новому. Однако по пути смерти своего «Я» (а это мистический путь) пошли лишь немногие, а до конца этот путь прошло еще меньше людей. Ибо они боятся смерти.

Не каждый человек, который страдает от самого себя, пребывает уже в том состоянии, чтобы ступить на мистический путь. Освободиться может только сильное «Я». «You have to be somebody, before you can be nobody» — «Нельзя быть никем, пока не являешься кем-то». Для иных людей, прежде чем становиться на мистический путь, было бы лучше сначала укрепить свое «Я» или, по меньшей мере, пройти в то же время терапевтическое лечение.

Постижение смысла своей жизни является важнейшим заданием, которое должен выполнить человек, перешагнувший половину жизни. Это значит, что он готов к зрелости и смерти. Без смерти не может быть воскресения к всеобъемлющему бытию. Надо научиться быть готовыми к смерти. Мы должны действительно освободить наши физические тела и наше «Я». Тот, кто уже в этой жизни испытал возможность такого освобождения, примет его как основную тенденцию и в следующей жизни. Речь идет, по сути, о том, чтобы изменить в положительную сторону наши основные структуры, наш основной образ и основные тенденции. В совокупности они являются сеткой, которую мы заново плетем, перевязываем или латаем. Это домашнее задание нашей жизни. Мы не можем просто намеренно изменить основной образ. Дело скорее в том, что мы меняемся изнутри. И это превращение исходит не от нас самих, а от Божественных сил, которые проявляются в нас. Освободиться — это значит отказаться от собственных тенденций, с тем чтобы Божественное начало могло проявиться в полную силу. Мы учимся умирать, чтобы жить. Смерть является важнейшим свойством нашей жизни.

Когда мы умрем, мы не почувствуем, что умерли. Наша жизнь будет продолжаться. Из переживаний исхода в осознании приближения смерти видно, что восприятие и испытания существуют вне повседневного сознания. То, что потом ощущается, в эзотерике называется астральным телом, у христиан — душой. Хотя совсем необязательно, что оба названия обозначают одно и то же. Итак, когда мы умираем, мы покидаем наше тело. Смерть — это только отделение нашей глубинной идентичности от этой физической оболочки. Умирает только форма, а не жизнь. Жизнь дает миллиарды форм проявления их существования — и снова

забирает. Наше собственное существование является не статичным, а динамичным. Эта динамика проявляется все время в новых формах. Наша истинная идентичность находится в течение жизни. У нас нет собственной жизни. Все, что существует, является отблеском Божественного. Мы живем не своей жизнью, а жизнью Бога.

9. ПОЗНАНИЕ КОНЕЧНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

К божеству можно приблизиться разными способами, или, лучше сказать, существуют различные пути освобождения для раскрытия в нас Божественного начала:

- Дорога через разум. Мы можем предаваться размышлениям о Боге и мире. Это является основой происхождения философии, метафизики и теологии.
- Дорога религии, то есть дорога культа, ритуала, церемонии, таинства — и всего, что с этим связано, — дорога изучения Священных Писаний, то есть иносказаний, символов, мифов, которая за ними скрыта и указывает на суть. Иносказания, символы и мифы в Священных Книгах, как окно: они освещены светом, который находится за ним. Сам свет мы не можем видеть. Мы можем распознать его только в отражении. Он словно сверкает в этих окнах параболы или мифа. Свет, который сам не имеет структуры и недоступен пониманию, через окно принимает структуру и краски. Важным является то, что мы не считаем эти окна конечной действительностью. Они только отблеск той действительности в данной конкретной форме. Мы должны заглянуть за окна.
- В большинстве своем мы следуем эзотерическим путем больших религий: путем созерцания (христианство) или путем дзэна и ви-пассана (буддизм), йоги (индуизм), тибетских форм медитации или суфизма (ислам).

Долгие тренировки в этих случаях могут так далеко завести, что у человека останются все телесные, психические и духовные процессы. Он будет готов к восприятию. Бог — это наполненная пустота. Экстаз не является целью (хотя некоторые христианские мистики, а, прежде всего, те, кто не является мистиками, конечной целью считают экстаз). Целью является познание действительности как единого целого. Наше познание не следует линейному развитию, которое в конечном пункте все оставляет позади, а скорее растет как шар до тех пор, пока не останется ничего тайного. Каждая отдельная вещь может стать воротами к целому. Это холистическое познание. Все открыто для трансцендентальности. Все может быть освобождением и формой выражения конечной

действительности. Все святое. Нет ничего, что не было бы sacramentum, то есть знаковыми внешними сторонами той действительности.

Кто потом возвращается из такого познания, наполнен любовью ко всем и каждому. И он скажет: «Все хорошо так, как оно есть, включая даже страдания и несчастья». И он станет служить людям и помогать им выбраться из тесных рамок своего «Я».

10. ОДИНОЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Человек развивается от подсознания к самосознанию. Тогда он начинает осознавать свою ограниченность, свое бессилие, свою изолированность и свое одиночество.

Чувство одиночества — это непосредственный источник страха в человеке. Он ощущает себя незащищенным, отрезанным от мира и неспособным объяснить смысл своей жизни. После того как он вкусил от «древа познания» и стал носителем духовности, он был в состоянии различать добро и зло. И в этот момент он осознал, что он голый, то есть одинок и изолирован. Он не научился еще жить, используя свои собственные силы, он не мог найти сущности в себе самом.

Затем у него проявилось врожденное стремление к преодолению одиночества.

К. Г. Юнг, несомненно, намного лучше изучил человека, чем Фрейд и Адлер. Он сказал, что религиозная страсть человека является сильнейшей движущей силой, намного более мощной, чем сексуальность или жажда власти. Это первоначальная страсть к родине.

11. ПРОЕКЦИЯ НА ВЕЩИ И ЧЕЛОВЕКА

Существует много возможностей справиться с одиночеством: секс, таблетки, алкоголь, развлечения... Только трагизм заключается в том, что иллюзия единства и защищенности исчезает, как только прекращается действие данных средств. Тогда отчаяние становится еще более глубоким, чем было прежде.

От чувства одиночества возникает потребность в любви и внимании. Человек ожидает исполнения этого своего желания прежде всего извне. Ребенок проецирует свое стремление к любви, естественно, на маму с папой, молодой человек на девушку, которую любит, а девушка на молодого человека. Но однажды человек замечает, что его партнер или партнерша его больше не удовлетворяют, что он обманулся в своей страсти. Подобная проекция может быть направлена на любые объекты: на свой собственный дом, на новую машину, на лучшую должность, более высокий оклад,

предстоящий отпуск и т. д. Некоторые люди настолько слепы, что не замечают, как в течение жизни в погоне за удовлетворением своих потребностей распадаются их проекции.

Проекция является естественной и весьма значимой психической энергией. Они относятся, по сути, к нашему человеческому бытию. И очень важно их вовремя разглядеть, чтобы разгадать, что хотели выразить, в конечном счете, те или иные наши фантазии и проекции. Например, сексуальные фантазии есть не что иное, как стремление к преодолению одиночества, стремление к целостности. Поэтому мы не должны их просто пресекать или изгонять, когда они становятся слишком яркими. Зачастую они возникают бессознательно. Христианство, несомненно, ошибается, когда советует как можно быстрее бежать от подобных фантазий или принципиально относит их к разряду скверны.

12. ПРОЕКЦИЯ НА БОГА

Когда человек осознает, что не может найти возможности осуществления своих стремлений ни в вещах, ни у людей, он обращается к Богу. Бог — это Отец, которого я могу любить. У Него я могу просить о прощении, и Его я должен бояться. Бог — отец, а я — Его дитя. Он всемогущий, всезнающий, и я чувствую себя в Его руках в безопасности. Он утешает меня как ребенка, когда я к Нему взываю. Он любит меня, когда я послушный, и наказывает в непослушании. Проекция исполнения своих желаний на Бога, который где-то там существует, наблюдает, руководит, направляет и т. д., чаще всего является последней проекцией, которую осуществляет человек. Таким образом, Бог в представлении людей является руководящей силой, инстанцией, осуществляющей контроль над поведением людей, сверхчеловеком, который способен даровать милость или лишить ее. Подобная религиозность преобладает в большинстве религий.

13. РАСПАД ПРОЕКЦИЙ В ПОЗНАНИИ БЕЗЫМЯННОГО

Решительный момент наступает тогда, когда отдельная личность в состоянии созерцательности вдруг узнает, что образ Бога стирается в ее памяти и даже распадается на части. Вначале она переживает огромную неуверенность. Она лишается отеческой поддержки, безгранично возрастает чувство одиночества и потерянности.

Мистики всех религиозных направлений знают об этом процессе и потому советуют с самого начала избегать любого конкретного образа Бога и оставить попытки Его изображения. Все, что мы можем сказать о Боге, носит символический характер. Символ открыт для всей действительности.

Правда, мы зависим от этих символов, ибо только в сравнении можно осознать бессознательное, но мы не должны создавать определенные символы и образы и считать, что так выглядит Бог. Иоанн Креста пишет, что человек, создавая образы Бога, умаляет Его. «Ибо все земные и небесные творения, как и четко определенные знания и образы, естественные и сверхъестественные, наделенные душевными силами, какими бы ни были они возвышенными, не имеют ничего общего и не идут ни в какое сравнение с сущностью Бога. Того, кто ограничивает память и другие душевные силы посредством конкретных понятий, Бог не может узнать и оценить должным образом».⁶ В религиях существует идолопоклонство (идололатрия), которое намного хуже, чем культ идолов, а именно культ понятий и интеллектуальных представлений Бога.

Понятия и догмы являются только окном в действительность. Такое окно может быть треугольным, четырехугольным или круглым. Мы можем заглянуть в него, чтобы уловить очертания Бога, только мы не можем сказать: Бог треугольный, Бог четырехугольный, Бог круглый.

Бог не назвал своего имени Моисею, когда тот Его об этом спросил. Моисей думал, что если он не сможет назвать имени Бога, евреи ему не поверят. И Бог ответил ему: «Я есть тот, кто Я есть здесь», «Я есть тот, кто Я есть», «Я есть тот, кто есть при этом». Бог не является чем-то, что имеет определенную форму или название, Он безымянный, который существует во всем. Отсюда возникает заповедь не составлять себе представлений о Боге и не упоминать имени Бога всуе. Она должна помочь человеку освободиться от конкретных представлений о Боге. Правда, из этого проистекает требование негативной теологии не наделять Бога никакими положительными качествами. По сути, можно только сказать, что Его нет. Все, что мы говорим, является беспомощным лепетом. Поэтому Экхарт сказал: «Молчи и не возводи напраслину на Бога, ибо все, что ты о Нем плохого говоришь, ты врешь, ты совершаешь грех».⁷ И другая строчка: «Поэтому я прошу Бога, чтобы Он уравнил меня с Богом».⁸

14. ВСЕ ВЕЩИ ИМЕЮТ ВКУС БОГА

Постижение конечной действительности не является мыслительной работой, оно возможно только посредством познания на опыте. Приведем некоторые высказывания Экхарта:

«Человек не должен довольствоваться одним выдуманном Богом; ибо когда исчезает мысль, исчезает и Бог. Напротив, нужно иметь существенного Бога, который намного величественней мыслей человека и всего творения. Бог является непреходящим, человек существует по воле Его. Тот, кто в бытии своем имеет Бога, кто воспринимает Бога Божественно, для

того Он сияет во всех вещах; тогда все вещи для него имеют вкус Бога и образ Бога он видит во всех вещах.

Этому человек не может научиться посредством бегства, тем, что он избегает вещей и обращается к одиночеству извне; напротив, он должен научиться внутреннему одиночеству, где бы и с кем бы он ни был. Он должен научиться вскрывать вещи и находить там своего Бога, чтобы суметь в полную силу существенно преобразовать Его в себе. Так как он единственный имеет Бога и стремится только к Богу, то все вещи для него становятся исключительно Божественными. Такой человек несет в себе Бога во всех своих трудах и на всех местах, и все труды такого человека обусловлены только Богом. Ибо труд по-настоящему принадлежит тому, кто является причиной труда, а не тому, кто его исполняет.

Человек должен находить Бога во всех вещах и всегда иметь в душе Бога в настоящее время. У того, кто с этим согласен, есть два варианта: он должен в трудах постичь Бога и научиться Его сохранять, или он должен оставить все труды. Человек должен для всех своих трудов во всех вещах находить Бога».⁹

То, что Экхарт здесь называет Богом, когда говорит, что все вещи для него «становятся исключительно Божественными», на Востоке называется пустотой. «Все вещи имеют вкус пустоты». Бога, который, помимо образа, имеет еще и форму, познать можно только в формах. Пустота — Бог (лучше божество) — что-то не имеющее формы, мысленно может отличаться от формы и образа. Однако в действительности они могут проявляться только вместе, так же, как танец и танцор могут быть представлены только вместе. Танец может отличаться от танцора, а танцор от танца, но выйти на сцену они могут только вместе. Музыка может отличаться от музыкального инструмента, но существовать друг без друга они не могут. «Все вещи имеют вкус Бога» — это то же, что «пустота — это форма». Это то, что остается в познании, когда распадаются все проекции.

Иоанн Креста писал: «Если уж душа смогла осознать, что все вещи, созданные Богом, отличаются друг от друга и со своим происхождением и своими силами роста существуют в Нем, то она может признать также, что Бог по своей сути, с бесконечным превосходством, является всем этим мирозданием. Таким образом, она лучше постигает создания в Его сущности, чем в них самих. Следует познавать создания через Бога, а не Бога через создания, то есть познавать действия исходя из их первопричины, а не первопричину из действий. Ибо второе познание является производным, а первое сущностным».¹⁰

Бог в своей сущности является всеми этими созданными вещами. Пустота является формой. Этот мир есть форма выражения Божественного. Бог стал существовать во всем. Подлинная мистика ведет обратно в мир.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МИСТИКА

1. ЧЕЛОВЕК БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЕГО РАЗУМ

Мы много больше, чем наши интеллектуальные размышления и наше самосознание. Существуют внутренние пространства, области, миры, которые измеряются в космических масштабах и выходят за рамки любых рациональных познаний. Существует метапознание (мистическое познание), которое является намного более емким по сравнению с тем, что мы можем постичь разумом и чувствами. По сравнению с подобным познанием, наука является гигантским столпом невежества. Нет ничего такого, что было бы сложнее преодолеть, чем результаты научных опытов, научные убеждения и системы. Они являются самыми непримиримыми врагами каждого всеобъемлющего познания. Ибо все, что до сих пор по этому вопросу было научно обосновано и не было доказано с самого начала, признается многими современниками иррациональным и отвергается ими. Несомненно, наши научные знания имеют огромное значение, но мы должны их расширять и дополнять посредством познания.

Так, например, старые теории о деятельности нашего головного мозга больше не соответствуют истине. Экклес, ученый-естествовед, получивший Нобелевскую премию за исследования головного мозга, сказал нам абсолютно четко, что мозг не является причиной его извилин, то есть наш мозг является не производителем энергии, а только реципиентом, который принимает импульсы и транспонирует их в данные, которые может постичь наше сознание. Сама же энергия исходит из неизмеримой области, из чисто духовной сферы, которую можно только познать.

Стремление проникнуть в высшие сферы сознания, лежащие за пределами наших рациональных возможностей, является важнейшим фактором для выживания человечества.¹ Все больше людей признает, что нужно прислушиваться к своей интуиции и искать новые пути, чтобы приобрести более глубокие познания. Однако в нашем обществе все еще нужно иметь достаточно мужества — если не сказать немножко глупости, — чтобы отправиться в подобный путь. Тем не менее некоторые осознают, как опасно для человека пытаться и дальше жить, будучи отделенным от своего истинного «Я».

2. ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ПОЛЯ

Существуют структуры — энергетические процессы, которые лежат в основе всех форм жизни и материи. Эти энергетические структуры являются невидимыми силовыми полями, на которых строятся видимые. Квантовая физика сегодня рассматривает мельчайшие строительные частицы, кварки, уже не как твердые частицы, а как такие поля. Они представляют собой динамическую паутину. То, что мы считаем твердой материей, является полем электрического напряжения различной плотности. Тайхард де Шарди говорит: «Материя и дух не существуют в конкретном виде, скорее существует только одухотворенная материя: материал универсума — это материя-дух». Тогда нет и двух видов закона существования: материя и дух, а только один основной закон для обоих. Материя — это та область пространства, в которой поле имеет крайнюю плотность. Эйнштейн написал: «В данной новой физике нет места для обоих, поскольку поле — это единственная реальность».

3. ЖИЗНЕННЫЕ ПОЛЯ

Ученый Гарольд Бурр в течение 40 лет занимался исследованием электромагнитных полей, которые, в конечном счете, направляют всю жизнь. Их нужно измерять и перепроверять. Он говорит нам, что чудеса природы не являются ни комплексной химией, ни механически протекающей физиологией, а что за ними стоит упорядоченная сила магнитных полей.

«Подобные поля неощутимы и невидимы, но поддаются измерению. Рассыпанные на бумаге железные опилки, помещенные над магнитом, выравниваются по образцу силовых линий данного магнитного поля. Если смешать опилки и снова разбросать на листе бумаги, то они опять выстроятся по тому же образцу, что и прежде, если держать их над магнитом. Нечто похожее происходит и с микромагнитными полями, только данный процесс более дифференцированный».² Бурр называет их жизненными полями (Ж-поля). Эти Ж-поля формируют всю жизнь. Исследование показало, что белковые молекулы нашего тела — а наши тела прежде всего состоят из них — обновляются каждые полгода. Через каждые полгода мы становимся другими. Только благодаря направляющим Ж-полям мы остаемся для других людей такими же.

4. МЫ НЕ МОНАДЫ

В течение нескольких лет наблюдали за ростом вяза и клена и измеряли их напряжение. Результаты опыта показали, что жизненное поле изменяется в зависимости от смены дня и ночи, от лунных циклов и пятен на Солнце. На общее Ж-поле человека данные процессы влияют еще сильнее. Таким образом, мы являемся частью универсума, а не монадами. Эти жизненные поля преодолели законы физики и химии. Они упорядочивают атомы и молекулы тела по своему образцу. После смерти эта система разрушается, и тело распадается по другим законам. В конечном счете, Ж-поля создают формы. Мы не являемся химико-физическим процессом, прежде всего мы — метаструктура, из которой формируются наши тела и наши души. Распространяющаяся организация жизненных полей отвечает за возникновение и процесс нашего существования. Чем больше мы будем открыты для этих метавлияний, тем глубже мы сможем постичь целое, чтобы лучше раскрыть все возможности нашего существования.

5. МОРФОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ

Физика и биология, да и все естественные науки до сих пор основывались на механистической парадигме. Считалось, что наш универсум следует определенным неизменным и не зависящим от времени законам. Такая точка зрения в последние десятилетия несколько поколебалась. Как возникают различные формы жизни? Почему и как из одного яйца развивается живое существо, а из одного семени растение? Биологи пытались объяснить процесс возникновения формы механистически. Для них существуют только химическая и физическая интерактивность и протекание. Однако с этих позиций мы можем только понять, что происходит. В чем же лежит основа всего, механистическое восприятие нам не объяснит. Почему, например, наши руки и ноги имеют именно такую форму? Химические субстанции и реакции еще не объясняют формы, которая из этого получится. Когда архитектор анализирует камни, строительные растворы и древесные материалы здания, он еще не знает их структуры. Из подобных кирпичей и древесины, с такими же растворами можно также построить и совсем другое здание.

Организмы имеют невидимые поля, которые определяют их формы. Развитие яйца управляется не химическими процессами, а этими метаполями, которые нельзя ни увидеть, ни измерить. Если, например, яйцо стрекозы перевязать посередине, то из перевязанной половины появится не часть организма, а целая стрекоза. Если отрезать веточку от ивы и

посадить в землю, вырастет новая ива. Таким образом, одна часть может произвести целое. Целое это намного больше, чем просто сумма его частей. Морфогенетическое поле не разрушается, оно есть в каждой части. Шельдраке называет эти метаструктуры, которые придают живым существам их формы, морфогенетическими полями. Он пишет: «Морфогенетические поля определяют и управляют всем совокупным органическим и неорганическим созданием. И хотя поля не зависят от материи и энергии, они воздействуют на время и пространство и могут изменяться в пространстве и времени. Когда у какой-либо особи одного биологического вида меняется стиль поведения, то изменяется и ее морфогенетическое поле. Если такое поведение сохраняется в течение длительного времени, оно находит морфогенетический резонанс во взаимодействии между всеми особями общего вида. Морфогенетические поля обуславливают порядок, закономерность и постоянство универсума — однако они могут допускать также и совершенно новые стили и формы поведения».³ Следовательно, мы, в первую очередь, не физиологические и биологические существа, а существа, имеющие духовную базисную структуру.

Однако не только весь организм в целом имеет морфогенетическое поле, но и сами молекулы и атомы, и, таким образом, тело состоит из разных морфогенетических структур. То, что мы называем универсумом, есть не что иное, как огромная морфогенетическая структура всего существующего.

6. ВЫВОДЫ

Учитывая всемирное влияние, которое имеют эти поля, можно предположить, что и наши сидения в дзэне, и наша практика созерцательности оказывают сильное влияние на эти метаструктуры, то есть мы изменяем человека, общество и мир и изменяемся сами. Тот, кто пошел эзотерическим путем больших религий, выполняет настоящую работу по изменению сознания в нашем мире.

Для мистиков это было ясно всегда. Немая молитва того, с кем Бог, воздействует намного сильнее и глубже любых слов. Он как бы связан с силовым полем Бога и становится энергетическим проводником для других. Мы должны научиться черпать из Божественного источника энергии, с которым каждый из нас связан.

Бог действует по своему порядку созидания. Созидание и спасение не являются носителями разных структур. Все заложено в оригинальном плане. Когда мы проникаем в метаструктуру человека и еще дальше в то, что мы называем Божественной жизнью в нас, мы изменяем мир.

Только изменяем мы его не своими силами, а силами Божественного начала, которое открывается в нас. Тогда оно воздействует в нас и посредством нас. Чем больше мы воспринимаем Бога, тем меньше препятствуем Ему. Экхарт бы сказал в этом случае: «Чем больше мы уступаем Ему дорогу — тем сильнее Его влияние». Богу хотелось создать нас и мир по своему образу и подобию. Это подразумевается, когда мы говорим об образе и подобии человека.

В дзэне и в созерцательности речь идет о раскрытии себя со всех сторон. Мы словно строим сознание, ведь существует что-то такое, как аккумуляция сознания. Если все люди раскроются в одном направлении, то, явно, возникнет мощная сила. Это может привести к так называемому скачку сознания, то есть другие люди будут подвергаться нашему влиянию, не вступая с нами в физический контакт. Почему Божественное не должно воздействовать таким же образом, как метаструктура нашего мира? Можно себе представить, что над этими полями действует милость Христа.

III. ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

1. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Универсум, по-видимому, начинался с неосознанного состояния. Сознание развивалось в течение миллионов лет и будет развиваться дальше. В человеке оно достигло той вершины, когда появляется превосходящее познание всего постигнутого. Мы называем это познание трансперсональным, или мистическим. Иногда мы говорим о четвертом измерении сознания. Человеческое сознание может наблюдать за активностью повседневного сознания. Оно, в сущности, может стать тем, из чего все происходит. Человек может превзойти свое личное сознание и понять космическое единство, которое мы называем на традиционном религиозном языке Богом, абсолютом или Божественным. Это является основой бытия человека. Пока человек отделен от этой основы, он не сможет найти смысла своей жизни. Спасение или освобождение является, таким образом, преодолением этого иллюзорного разделения, которому постоянно подвергается наше самосознание.

Мы должны раскрыться и войти в следующее измерение сознания. Дух возвращается к самому себе в процессе эволюции космоса. Наше интеллектуальное сознание является лишь промежуточной стадией. Следование по пути созерцания, дзэна или йоги должно помочь нам попасть на эту следующую ступень сознания. Также и религии должны превзойти свои интеллектуально-догматические каноны и повести человека по пути познания трансперсональной Божественности.

История человека — это история развития организма от амебы к рептилии, от обезьяны к человеку, то есть это движение от низшего к высшему и, одновременно, развитие нашего сознания и связанного с ним религиозного понимания своего «Я». Мы поднялись от первобытного общества до поколения мыслящих людей. Между ними лежат века магического и мифического сознания. Почему же развитие не может идти дальше? Почему предположения некоторых святых и мистиков о том, что следующая ступень развития человека лежит в области трансментального сознания, не может соответствовать действительности? Мы находимся где-то на середине нашего пути к совершенному и настоящему человеку. Именно здесь мы особенно уязвимы. Уже не животные, но

еще и не достигшие полной зрелости, а именно, того мистического изменения сознания, в котором находится будущее человека. И пока мы до него не дойдем, мы так и будем пребывать в состоянии войн и катаклизмов, о чем свидетельствует ситуация в мире.

2. СТУПЕНИ СОЗНАНИЯ

Мистики представляют высшую ступень, которой может достичь человек внутри одной религии. Это является целью религиозной жизни и — я осмелюсь сказать — также целью эволюции, целью процесса становления человека. Все больше людей приближаются к этой цели и достигают ее.

То, что и западные религии занимаются вопросами мистики, является требованием времени. В то время как на Востоке мистическое познание всегда находилось в центре и являлось целью религий, на Западе мистические течения не могли, по большей части, свободно развиваться, поскольку тогда они были вне организованной церкви и вероисповедания.

В общем и целом, сегодня различают четыре ступени сознания:

1) *Дорациональная ступень (доличностная)*. Это ступень физического и духовного восприятия, эмоций, простых образных и символических познаний и мифических представлений, но без четкого рационального сознания.

2) *Рациональная ступень (личностная)*. Ступень в области своего «Я», повседневного сознания, четких рациональных представлений и логических мыслительных процессов. Высшую сферу на этой ступени представляет интегральная личность, которая интегрирует тени и лица. Также это ступень теологического общения с Богом.

3) *Трансперсональная ступень*. Эта ступень делится еще на две части:

- *область тонкой материи*: к ней относятся парапсихологические формы явлений, видения, пророчества, языковой дар. Эта часть примыкает к личностной ступени. Око смотрящего медленно открывается. Он начинает познавать некоторые вещи, которые мы называем паранормальными явлениями, что доступно не каждому человеку. То, что он видит, еще не бесформенное, радикально превосходящее образное. Представления скорее познаются в определенных структурах, символах;
- *причинная область*: в ней познание единства возможно с объектом религии — личный бог, Брахман, Яхве, Аллах.

4) *Космическое сознание*. Эта ступень обозначается словами: «пустота», «божество», «сунята», «татагата», «основа». Здесь человек

познает истинное бытие, первоисточник, от которого все идет. Эта ступень предваряет все, что может возникнуть.

Одновременно начинаешь познавать, что бытие есть не что иное, как то, что из него возникает: «Пустота — это форма, форма — это пустота». Естественное и сверхъестественное являются «не-два». В дзэне это ступень, на которой просветленный возвращается обратно. Все вещи представляют единое целое, но остаются отделенными друг от друга. Сознание познается как настоящий мировой процесс, который ничего не исключает. Это познание изменяет не мир, а виденье мира. А поскольку новое виденье мира изменяет личность, то в конечном итоге изменяется и мир.

3. НАЗВАНИЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОНЕЧНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Эзотерические пути отдельных религий, ведущие ступень за ступенью к познанию, называются по-разному. В махаяна-буддизме — это путь тибетцев или путь дзэна (шикантаза-коан), в индуизме — это различные формы йоги, в исламе — суфизм, в иудаизме — учение Каббалы, а в христианстве — практика созерцания. Все они ведут к последней ступени, к космическому сознанию, *visio beatifica*. Однако для этого требуется сопровождающий, который сам прошел все ступени познания.

Религия основывается на проявлении Бога. Это проявление имеет два аспекта.

Оно возникает в чистом сознании человека. Оно не имеет формы, речи и культа. Познаваемое в чистом сознании проявление остается вечно неизменным. Лейбниц ввел для этого определение *philosophia perennis*. Познание конечной действительности нельзя выразить адекватно. Человек старается сам встать на путь познания. Религиозные обряды и речи должны сопровождать его на этом пути.

С проявлением дело обстоит так же, как и с музыкой. Музыку можно воспринимать только на слух. Если ее передавать письменно, то это уже будет партитура. Форму речи и культ одной религии можно сравнить с партитурой. А проявление — это уже музыка. Партитура может быть записана в совершенно разных нотных системах, а музыка, тем не менее, остается без изменений; так и проявление, познаваемое мистически, остается неизменным. «Музыка» всегда звучит одинаково. Несмотря на все религиозные войны, истинные мудрецы указывали на это единство познания Божественного. Все партитуры — это записи одинаковой музыки. Все религии, таким образом, имеют свой собственный источник мистического познания. Эта исходная точка, называемая мудрецами

по-разному, не имеет формы, образа, символа и слов. Образ, форма, слово, символ, парабола, вероучение относятся уже к последующему.

Когда проявление принимает речевую или культовую форму какой-либо религии, то оно принимает форму выражения и речь соответствующего народа. Религии и должны быть различными, поскольку народы, обычаи и времена отличаются друг от друга. Так же в так называемых религиях проявлений (иудаизм, христианство и ислам) проявление происходит в доязыковом пространстве. Почему у Иисуса, о котором мы знаем, что Он имеет образ человека, что-то должно быть по-другому? Так же и Его вербализация послания Бога должна найти отражение в совершенно определенной форме, если он хочет общаться с людьми.

То, как просветленный человек выражает свое познание, зависит от его образования, его религии, культурного уровня и времени, в котором он живет. Так, например, Парменид, живший в V веке до Рождества Христова, применял совершенно другие словесные формы выражения своего познания, чем живший после рождения Христа Плотин; мастер дзэна в классические времена дзэна в Китае — не такие, как Патанджали и Упанишады или Экхарт и Иоанн Креста. Они все исходят из равного самопознания, но из-за различия времени, культуры, своего образования и религиозных наклонностей артикулируют это каждый по-своему. Познание в чистом сознании конкретизируется подсознательными слоями. Приведем пример: Моисей сначала познал свое просветление у горящего терновника, затем перед ним встал вопрос о словесном обозначении познания. Наконец Бог сказал: «Я есть, кто Я есть!» (Исх. 3, 14).

Иисус, который, вероятно, всегда жил с осознанием конечной действительности, обозначил эту познанную действительность как «Отец», «Божье Царство» или «вечная жизнь». Всю ночь провел Иисус в познании единения с Богом, а когда спустился с горы, то передал людям «Отче наш», «Восемь благословений» и притчи. Однако это уже была Его форма выражения своего познания единения. В своих прощальных словах Он сказал так: «Кто видел Меня, видел Бога» (Ин. 14, 9) или: «Прежде чем был Авраам, Я есть» (Ин. 8, 58).

4. РЕЛИГИЯ И СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ

Мистиков и Священные Писания можно читать и понимать совершенно по-разному. Более четким примером тому мне кажется разговор Иисуса с самаритянкой в Новом Завете (Ин. 4, 5). Он уже долго говорит о воде жизни, а самаритянка все еще думает о настоящей колодезной воде.

Иисус указывает ей на тот факт, что Бог это не кто-то, кому можно поклоняться на той или иной горе, а что Богу нужно поклоняться в духе

и истине: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). Когда Иисус говорил об Отце, Он не имел в виду отцовское начало. Люди, к которым Он обращался, абсолютно не понимали того, что Он подразумевает на самом деле. Он хотел доказать, что Бога, который не только духовно, но и интеллектуально понятен, можно только познать. Для многих же людей Бог, или Отец, был супер-эго, который любит и наказывает, благословляет или проклинает.

Кто думает, что Абсолют — это некий вид Великого Отца, который охраняет всех, как пастух свое стадо, тот проецирует религию как проситель. Его цель доступная и простая — получить защиту и благодать от этого Бога, а взамен предоставить Ему почитание и благодарность. Он пытается жить в согласии с тем, что считает законом Божьим, и надеется получить за это в награду вечную жизнь. Целью данного вида религии является стремление к спасению, спасению от боли, страданий, несчастий и даже, в конечном счете, от самой смерти.

Ангелус Силезиус и Экхарт, назовем только двоих, поняли Писание совершенно по-другому. Они интерпретировали его с позиций своих религиозных познаний.

Ангелус Силезиус писал: «Кто просит Бога о дарах, у того дела совсем плохи. Он обращается с мольбами к творению, а не к Творцу».¹

Экхарт говорит: «Ты низводишь бесконечного Бога до дойной коровы, которую ценят за то, что она дает молоко и сыр для твоей собственной выгоды. *Isti faciunt capram de Deo, pascunt eum foliis verborum. Item faciunt Deum histrionem? Dant sibi veteres et viles vestes suas.* Такие делают из Бога козу и кормят Его словами-листьями. Также они делают из Бога актера и отдают Ему свою старую и поношенную одежду».²

«Я говорю воистину: пока ты дела свои свершаешь только ради Царства Небесного, или ради Бога, или ради твоей вечной благодати, то есть извне, то, похоже, дела твои совсем плохи. Тебя можно перенести, но лучше этого не делать. Ибо поистине, если кто-то мечтает внутри, в молитве, в сладком экстазе и в особенном благоволении Бога получить больше, чем от пастушьего костра или в хлеву, то это все равно, что ты берешь Бога, заворачиваешь Его в пальто и прячешь Его под лавку. Ибо тот, кто ищет Бога с определенными намерениями, он Его не находит. Тот же, кто ищет Бога без намерения, он постигает Бога таким, какой Он есть; такой человек живет с Сыном, который есть сама жизнь».³

Данные примеры не должны соблазнять нас пренебречь устными молитвами. Экхарт был священником и членом монашеского ордена. Конечно же, он читал мессу и выполнял обязательные молитвы. Пока мы являемся людьми, мы будем обращаться с просьбами к Богу и прославлять Его. Все это мы может делать только словами, образами, церемониями и

ритуалами. Однако при этом важно осознавать, что подобные действия являются только «пальцем», указующим на луну. Пожалуй, совсем немного людей удаляется в безбожное жизненное пространство.

Священные Писания и религия являются, таким образом, конденсатом глубокого мистического познания, и, наоборот, задачей религии является побудить человека к подобному познанию.

5. МИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Совершенное и наполненное

Мистическое сознание можно описать как область познания, в которой все есть так, как оно есть, а так как оно есть, оно совершенно. Там нельзя быть ни счастливым, ни несчастным, ни довольным, ни недовольным, ни радостным, ни печальным. Быть счастливым было бы слишком мало, также мало было бы быть несчастным. Счастье и любовь относятся уже к второстепенной области. Нет блаженства, нет счастья в смысле чувства. Все другие сферы сознания при этом относительны, в то время как то состояние является замкнутым и совершенным и наполненным до краев. Все остальные состояния сознания временные и ненаполненные.

В этом сознании форма и отсутствие формы едины. Здесь нет ни субъекта, ни объекта, только бытие. Здесь человек познает свое Божественное происхождение и готов сказать: «Я есть Бог». Эти слова ни в коем случае не являются высокомерными. В большей степени они несут неслыханное смирение и наполнены потребностью помочь всем живым существам прийти к этому познанию. Именно в этом лежит основа первой клятвы буддизма: «Живых существ множество, я торжественно обещаю спасти их всех».

В мистическом сознании человек узнает, что его собственное понимание мира является как бы взглядом на небо через трубу, то есть очень ограниченный отрезок целого. Наше концептуальное понимание космоса, какое бы оно ни было научное, лишь жалкое частичное понимание. С этой точки зрения наука является ограниченной. Однако постепенно она начинает расширять свои горизонты и включает мистическое познание в свои исследования; ибо она заметила, что нельзя объяснить мир только ньютоновскими и картезианскими категориями.

С нашими религиозными системами мы производим массу космического шума и думаем, что таким образом можем достичь Бога. Наши молитвы, наши мысли о Боге, в масштабах этого огромного мистического познания, не больше, чем кипение в пробирке «Я».

Опасность, что мы со всеми нашими представлениями о Боге молимся самим себе, весьма велика. Превращение в идола религиозных понятий представляет большую опасность для каждой религии. Мы очень высокомерны, когда создаем образы Бога или удерживаем Его в рамках своих концепций. Экхарт и Тиршеген с полным правом говорят: «Бог, которого я могу постичь, это не Бог».

Наши религиозные системы подобны компьютерным программам. Как и компьютер, который кроме заложенной в него программы не может дать нам никаких новых знаний, так и наши теологические высказывания о Боге остаются в узких рамках, если мы не углубим их мистическим познанием.

Мы должны понять, что мистика не может быть выражена исключительно в благочестивом наборе слов, как будто бы мистические состояния имеют что-то общее с ханжеством и святошами. Мистика, в большей мере, является познанием повседневного, здесь и сейчас. Это познание может быть очень банальным. Оно может стать навозной кучей или цветком, сорванным ветром или для проведения религиозных церемоний.

Мы должны уяснить себе, что есть живые существа с совершенно иной организацией, а также существа с более высоким сознанием, чем мы, люди.

Итак, наступило время поколебать самоуверенность нашего сознания и проникнуть в другие пространства сознания. Многие люди этого боятся. Однако не остается ничего другого, кроме как преодолеть наши страхи и идти дальше. Многие пребывают в сомнении, поскольку пошатнулось их здание веры. Конечно, препятствием на пути к новому сознанию может быть узкое, догматическое вероисповедание, однако, если мы научимся читать наши Священные Книги по-новому, мы найдем в них возможность изменить также наши религиозные взгляды.

Без времени и без передачи словами

Мистическое познание превзошло слово «знание». Образы, символы и язык человека подвержены постоянному изменению, Божественное же существует без времени и пространства. Оно не подвержено переменам, хотя оно и существо из всего, что меняется.

Само мышление Божественного уже означает ограничение. Здесь мы понимаем Иоанна Креста: «Не этот, не этот» — больше ничего не скажешь.

Самым важным в каждой религии является познание конечной действительности. Она претупает все барьеры и ограничения времени и пространства.

Барьеры и ограничения возникают только потому, что человек хочет абстрактно определить необъяснимое. Подобные религиозные способы выражения обусловлены временем, а потому недолговечны. Познание же не имеет времени и перешагивает все различия догматического вида. Оно является общей основой, на которой возводятся отдельные религии.

В необъяснимости конечной действительности все религии едины. Конечную действительность можно только познать. Все, что человек об этом говорит, уже искажение. Вот как думает Экхарт: «Будь у меня Бог, которого я мог бы узнать, я бы никогда не рассматривал его как Бога... Ты должен Его (Бога) любить таким, какой Он есть, Не-Бог, Не-Дух, Не-Личность, Не-Образ, еще больше: как прозрачное, чистое, ясное одно, отделенное от всех двойственностей».⁴

В своем трактате «Восхождение на гору Кармель» Иоанн Креста пишет в том же духе, когда говорит об ущербности души, когда она пытается что-то в формах и образах удержать в памяти или фантазиях. «Ибо создания, земные или небесные, как и все точные знания и образы, естественные или сверхъестественные, которые постижимы душевными силами, какими бы они ни были выдающимися в этой жизни, не идут ни в какое сравнение и не имеют никакого отношения к сущности Бога».

Иоанн Креста называет все образы и представления только лакеями короля. Чем больше смотрят на лакеев, тем меньше видят короля. «Следовательно, ошибаются те, кто такие образные восприятия не только ценит, но и даже думает, что Бог похож на одного из них и они могут через что-то подобное достичь единства с Богом».⁵

Похожие мысли высказывает поэт Кабир. Он был сыном мусульманки, позже воспитывался брамином и таким образом оказался между двумя большими религиями — исламом и индуизмом. Обе за него боролись и даже после его смерти спорили из-за его останков, потому что каждая хотела оставить его для себя в качестве великого святого:

*О ты, что Мне служишь, где ты Меня ищешь?
Смотри, Я рядом с тобой.
Я не в храме и не в мечети,
Не на Каабе и не на Кайлаше.
Я не в ритуалах и церемониях,
Не в йоге и не в отреченье.
Если ты истинно ищешь,
Ты увидишь Меня сразу,
Повстречаешь Меня в тот же миг.
Кабир говорит: О Садху!
Бог — это дыхание всех дыханий».⁶*

А Руми, исламский поэт, пишет:

*Что делать, мусульманин? Я не христианин, не еврей,
не персиянин, не мусульманин. Я не с Востока
и не с Запада, не с суши и не с моря,
не из мастерской природы и не из кружащейся Вселенной.
Я не из земли, воды, воздуха или огня.
Я пришел не с огненных небес и не из пыли,
Я не в конечном пространстве и не в бесконечном.
Я пришел не из Индии, Китая или Болгарии,
Не из царства Ирак и не из страны Хорасан.
Я не с этого света и не с того, не из рая и не из ада.
Мое место без места, не оставляет следа мой след,
Мое тело бестелесно и без души моя душа,
ибо я принадлежу Возлюбленному.
Все конечное так становится бесконечным.
Я одолел все разделения,
Я вижу оба мира как всеобщее единство.⁷*

Разум никогда не сможет исчерпать конечную действительность. Рамакришна имеет обыкновение говорить: «Все Писания и Священные Книги, веды, пураны, тантры и т. д. в определенном смысле утратили свою чистоту, поскольку их содержание выражено человеческим языком. Каков на самом деле Брахма, ни один человеческий язык не в состоянии описать. Потому Брахма как раньше, так и теперь, неприкасаем и чист».

Из многих текстов дзэна я хотел бы процитировать только один, Дао Кокуши:

*Есть действительность, которая предшествует самому небу
и земле.
ЭТО не имеет формы, тем более имени.
Глаза пропускают ЭТО, когда они ЭТО ищут.
ЭТО не имеет голоса и недоступно слуху. ...
О мои любимые выдающиеся друзья, здесь собравшиеся,
Если вам покажется,
что вы слышите громовой голос
Дхармы,
прекратите ваши речи,
очистите ваши мысли,
тогда вы пойдете так далеко,
чтобы узнать бытие.*

На ступени познания все религии едины. Однако каждый индивид, который хочет говорить о своем познании, использует те формы выражения, которые стоят на его заднем культурном плане. Таким образом, различие эзотерических путей отражает различие культур, но в своей сущности они едины.

Религию можно сравнить с Луной, которая освещает Землю, однако силу своего сияния она получает от Солнца. Когда она приближается к Земле и встает между Солнцем и Землей, происходит солнечное затмение и Земля погружается в темноту.

Солнце можно сравнить с Божественным проявлением. Оно освещает религию, с тем чтобы та светила для человека на его пути к познанию. Когда же религия слишком много о себе возомнит и вклинится между Богом и человеком, она затмит Бога. Произойдет Божественное затмение.

Кто однажды познает, то есть «отведает», свободу от любого слова и любой формы, тот узнает, какими относительными являются каждое слово и каждая мысль и как кратковременна любая формулировка. Тогда человек познает действительность такой, какая она есть. Он больше не подчинен своим проекциям и своим ограниченными представлениями. Кто однажды познает дерево изнутри, не как ботаник, который рассматривает дубы, буки и ели, а как тот, кто отказался от языковых форм и «познает» дерево, тот понимает убожество языка и выражения в религиозной сфере.

Пробуждение Бога

Иоанн Креста сказал однажды: «Наше пробуждение — это пробуждение Бога, и наше воскресение — это воскресение Бога».⁸ Итак, он абсолютно ясно и точно называет мистическое познание пробуждением Бога в нас самих. Однако это пробуждение в конечном итоге не может быть передано, поэтому в другом месте он пишет: «То, что душа в этом пробуждении узнает о Боге, целиком и полностью находится по ту сторону всех слов».⁹

История этого пробуждения рассказана нам во всех религиозных книгах. Это «любовная история» между Божественным началом и человеческим, где инициатива всегда исходит от Бога. Мы только думаем, что мы ищем, а на самом деле ищут нас.

У буддистов есть история, похожая на историю о Блудном сыне в Новом Завете, в которой та же идея выражена следующим образом.¹⁰

В Индии жил очень богатый вельможа, у которого был только один сын. Однажды тот был похищен или не захотел больше возвращаться домой. Отец делал все что мог, чтобы вернуть любимого сына. Но все напрасно. Шли годы, а он так ничего и не смог узнать о сыне. Чем старше становился отец, тем сильнее росла его тоска по пропавшему сыну. Однажды богач выглянул из окна на верхнем этаже своего дома и увидел перед воротами молодого нищего. Тот получил подавание и уже собирался уходить.

Вельможа взгляделся в лицо нищего и подскочил в огромном удивлении, ибо он узнал своего потерянного сына. Он позвал слуг и велел привести молодого нищего. Они побежали за нищим и попытались его вернуть, но молодой человек отказался. Он сказал: «Хоть я и нищий, но я не сделал ничего плохого». Слуги уверили его, что его никто ни в чем не упрекает: «Наш господин хочет тебя видеть». Однако и эти доводы на него не подействовали. Наоборот, он еще больше испугался и задрожал: «У меня нет ничего общего с таким знатным вельможей». В конце концов слуги были вынуждены вернуться обратно и рассказать своему господину, что ничего не смогли добиться.

Исполненный любовью к своему сыну, богач велел одному молодому слуге переодеться нищим и подружиться с сыном. Через некоторое время слуга-нищий предложил нищенствующему сыну богача: «Я нашел одно неплохое место. Работа не очень тяжелая и платят неплохо. Также нам дадут маленькую комнату. Давай попытаемся». Таким образом, оба стали садовниками у вельможи.

Некоторое время юноша работал садовником. Когда он уже несколько обжился, отец сделал его слугой в доме. С этой работой он очень хорошо справлялся. Тогда богач доверил ему функции контроля над имуществом. В конце концов он сделал его своим секретарем, чтобы юноша был поближе к нему и перенял его обязанности.

Шли годы. Вельможа совсем постарел и понял, что ему уже недолго осталось жить. Тогда он собрал всех родственников и представил им молодого человека: «Этот юноша на самом деле мой сын, который пропал, когда еще был маленьким ребенком». Он передал ему все свое состояние и свое положение.

В Ветхом Завете Бог представлен как ревнивый любовник. Человек является возлюбленным, который все время убегает и изменяет. Целью является любовное единение, союз. Отношение Бог — человек также выражается словом «союз», что в архаическом обществе означает абсолютную сплоченность, даже единство. «Союз с Богом» — это то, что всегда было и есть, что я должен познать.

В Новом Завете о том же самом нам сообщает Иисус Христос. Это «обращенная к нам сторона Бога». Через Иисуса мы можем познать обратную, то есть интеллектуальную и абстрактно непостижимую сторону Бога. Он является вратами, через которые мы можем войти во внутривещное пространство. Истинной целью человека является познание конечной действительности Бога. Буддисты называют это нирваной, индусы — мокшей, а мы, христиане, Небом, вечной жизнью

или Царствием Божьим. В суфизме — это объединение с возлюбленным, в иудейской мистике (Каббала) — возвращение в землю Обетованную.

Индуисты говорят о сознании Кришны, буддисты о сознании Будды, или природе Будды. Будучи христианами, мы можем назвать это пробуждение пробуждением сознания Христа. Если бы ритуалы и учения религий не были такими разными, они могли бы, в конце концов, привести человека к этому пробуждению, к познанию Бога.

6. НОСТАЛЬГИЯ ПО БОГУ

То, что в конечном итоге привело «блудного сына» домой и любимого к любимому (Бог), было, вероятно, тем, что К. Г. Юнг называет силой индивидуальности. Это та духовная сила, которая исходит из глубин нашей сущностной природы. Мы можем ее также назвать жизнью Бога или Святым Духом. Эта сила является целенаправленной, даже если наше «Я» и не всегда хочет ей следовать. Некоторые чувствуют ее очень сильно и отправляются на поиски. Все снова и снова люди говорят: «Я чувствую ностальгию по месту, которого не знаю, но которому я принадлежу. Там полный порядок». Может быть, они говорят совсем просто: «Я испытываю стремление к Богу».

Когда человеческие страсти направлены в упорядоченное русло (и лишь в этом смысл христианского аскетизма), из состояния покоя может прорваться эта новая сила. Зачастую она стремительно возникает именно тогда, когда человек из-за страданий и ударов судьбы переживает бессмысленность своего существования.

Человек в большей степени руководствуется не инстинктами, а «метаценностями», как говорит Абрахам Маслоу. Сила, которая из них исходит, выполняет телеологическую функцию, то есть является направленной. Она является основной силой всего эволюционного движения в нашем мире. Тот, кто идет путем созерцательности или дзэна, пытается эту силу освободить. На названных путях своими собственными силами ничего нельзя сделать. Не существует «самоосвобождения». Освобождение можно только найти. Оно всегда рядом. Источник силы бьет в каждом из нас, и мы должны стараться преодолеть все препятствия, которые нас от него отделяют. Этот источник пульсирует во всем, что живет. Он протекает через все области нашего бытия. Он всегда здесь. Это сила, которая толкает нас к совершенству, к Богу. Она будет сопровождать нас и после смерти, если мы освободим ее в этой жизни.

7. ОСВОБОЖДЕНИЕ — ЭТО ПОЗНАНИЕ ВСЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Отличие между так называемыми религиями откровений (ислам, иудаизм, христианство) и восточными религиями (индуизм и буддизм) в том, что для нас, на Западе, Бог является онтологически Другим, чем-то, что по своей сути от нас отделено и всегда остается отделенным. Между Богом и человеком существует огромная пропасть. Европе эту пропасть не перешагнуть. В главных же направлениях индуизма и буддизма, наоборот, человек и Бог едины, но в то же время отличаются друг от друга. Они «не-два».

В немистических традициях западных религий человек познается в отрыве от Бога. Отдельное существо потеряло связь с первоосновой, оно не может ее больше узнать. Единство Бога и человека можно восстановить через союз. Бог снова соединяет то, что было разорвано. За это соединение была заплачена высокая цена — смерть Иисуса Христа.

На Востоке это происходит весьма сложно. Это исходит не от антропоида, то есть от какого-то отдельного человека, а от космоса, от единства. Это единство нельзя обеспечить так, чтобы человек или отдельные вещи были бы отделены от своего конечного происхождения. Разделение является причиной эгоцентризма повседневного сознания, которое ложно уверяет нас в нашей самостоятельности и тем самым отделяет. То, что мы постоянно следуем этой обманчивой тенденции эго и его уверенности в собственном могуществе, является первородным грехом.

На Западе Бог и человек по своей сути разделены, на Востоке, наоборот, они имеют одно бытие, и это бытие является первопричиной всего бытия. Бог является как формой, так и зданием формы. Мы не можем его рассматривать как что-то разделенное. Эта конечная действительность есть первоисточник всего, но не отделенный от всего и не являющийся чем-то существенно другим, чем все остальное.

Возможно, так же думал и Иисус, когда сказал: «Отец является первоисточником всей жизни, и Он передал Сыну власть, так же как и Он сам, дарить жизнь» (Ин. 5, 26). Или другое место: «Отец, величие, которое Ты дал Мне, Я дал им» (Ин. 17, 22).

Экхарт считает: «Бог отличается от человека зарождением и рождением. Однако зарождение и рождение — это одно бытие, одна жизнь».¹¹

Эта конечная действительность, которую мы, христиане, называем Богом, словно океан, наполненный волнами, но не отделенный от них. Она как ствол, от которого отходит виноградная лоза, но он неотделим от лозы. Итак, конечная действительность является бытием, которое существует отдельно от всего остального. У нее нет формы, которая проявляется в форме. Человек, как и все остальные формы проявления этого

мира, является формой этой конечной действительности, формой жизни, формой Бога.

Если рассматривать Бога с этих позиций, то изменятся наши речи о Нем. Ибо чем дольше мы будем рассматривать Бога только с периферии нашего сознания как Отца, по аналогии с человеческим отцом, который заботится о нас, наказывает, хвалит, у которого мы можем что-нибудь попросить, а Он может отказать, который дарит нам вечную жизнь, что мы называем Небесами; который может наложить на нас вечное проклятие, что мы называем адом, до тех пор мы будем только просить. Если же мы будем рассматривать Бога как интегральное целое, тогда у религии есть смысл помочь нам познать это интегральное целое. Спасение и освобождение тогда являются познанием всей действительности. Это видение, *visio beatifica*. Мы не часть, которая привита, а часть, в которой осуществляется целое. Это ностальгия по Богу. Освобождение предполагает включение нашего личного «Я», которое перестает существовать отдельно от Бога, в единое целое. В мистике его называют мистическим союзом, в других религиях — просветлением, освобождением, сатори, самадхи и т. д.

Иисус хотел помочь нам пробудиться к Богу. Спасение — это метафорой, это обращение к Богу, к царству Бога. «Божье Царствие в вас» (Лк. 17, 21). «Время исполнилось и приблизилось Царствие Божье. Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15). Ни в восточной, ни в западной мистике освобождение не может быть тем, что я могу сделать сам. Оно уже здесь и ждет, когда я познаю его, пройдя процесс очищения.

8. ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ

Исходя как и из мистического познания единства, так и из современных знаний эволюции человеческого сознания, можно также по-новому рассматривать первородный грех и глубже проникнуть в преобразовательный процесс человека.

Божественное начало — это мистерия. Истинное откровение Бога находится по ту сторону нашего повседневного сознания. Поэтому для него оно только условно постижимо и кажется совершенно новым, когда человек погружается в его глубины. Мистики называют этот глубочайший слой, когда перед человеком возникает откровение, основой, сутью, *unio mystica*. Здесь человек не что-то познает, здесь только «есть».

Откровение появляется аналогично уровню наших знаний, то есть ступень за ступенью; ибо так же и наше сознание развивается в рамках эволюции.

Все религии знают о несовершенном состоянии человека. Многие говорят о «падении», о «первородном грехе». Первородный грех является не

падением с более высокой ступени сознания на несовершенную ступень, а исходом с «доличностных небес», пробуждением от глупости прежнего сознания к познанию своего «Я», выходом из состояния инстинктов к познанию добра и зла, как говорит Писание. Это был огромный шаг вперед в эволюции, который понес за собой все тяготы, связанные с этим познанием своего «Я», такие как болезни, страдания, вина, одиночество и смерть.

Так называемое грехопадение, таким образом, принесло не смертность, а познание смертности и круговорота всех вещей. До этого человек жил лишь как растение или животное.

Грехом является не то, что он вкусил от древа познаний — это только образ, — а то, что человек при становлении своего «Я» отделился от Бога. «Они были голые», — гласит Писание. Речь идет не об одежде, а о значительно большем: они были выброшены в одиночество своего «Я». Изгнание из рая — это вхождение в личное состояние без познания единства с Богом. Первородный грех — это не вина в полном смысле слова, это мы уже давно знаем. Это факт, который возник из развития нашего сознания.¹²

Путь мистического познания — это путь в рай, но не в тот, из которого человек был изгнан. Иначе это было бы регрессией и походило бы на бегство назад в утробу матери. Эволюция идет дальше. Однажды мы узнаем, что Бог всегда «гулял с нами в садах Эдема», что мы никогда от Него не отделялись — даже если мы этого сейчас не знаем, мы это познаем. Рай находится перед нами. Мы, христиане, называем его Новым Иерусалимом. Это познание единства с Богом.

9. ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ

Бесконечное зажигается в конечном. Мы — представители непреходящего в преходящем, а потому больше, чем форма, в которой мы представлены. В человеке жизнь достигла такой плотности, которая позволяет ему познать самого себя.

В то время как жизнь развивается в самосознании, она познает, что в этой, человеческой форме, она конечна. Все религии говорят нам, что существование между рождением и смертью является лишь фазой нашей жизни в целом. Мы находимся в процессе эволюции, который должен привести к познанию нашего заключительного, конечного бытия. Промежуток времени между рождением и смертью нам дан для роста и созревания. Кто хочет созреть, не должен ничего удерживать. Все, что мы удерживаем, становится ядом. Если мы удерживаем воздух, мы задыхаемся. Если мы удерживаем пищу, происходит отравление организма. Структурным принципом этого мира является потребление и выделение. Смерть, так же как и рождение, является проистечением роста и созревания.

Наше «Я» противится процессу становления и исчезновения. Оно не хочет верить, что смерть — это ворота к новой жизни. Нас учат, что эта наша жизнь лишь один акт в пьесе, которому предшествуют и за которым следуют другие акты. Наше «Я» хотело бы остановить «мировой театр». Первородным грехом является наше стремление обессмертить это маленькое «Я». Отрезок времени между рождением и смертью — это только частичка нашего существования в целом. Наша смерть — это только промежуточный пункт, переход к новой жизни. Однако человек хотел бы забыть, что жизнь имеет пролог и эпилог.

Смысл нашей жизни находится в непрерывности, которую нельзя найти на поверхности, она находится в трансличностном бытии человека. Стабильность и непрерывность пребывают в динамике. «Просветленным» является тот, кто познал течение жизни. Но познал он его Здесь и Сейчас.

Мистик — это обращенный к миру человек. Наиболее четко это выражено в так называемых бычьих картинах дзэна. Последняя картина показывает просветленного человека на ярмарке. Он покупает и продает, смеется и болтает и совсем не похож на мистика. Он забыл о своем просветлении. Он живет своей измененной личностью.

Тот, кто пробивается к течению жизни, познает вечное сейчас. Если смотреть оттуда, жизнь приобретает другую валентность. Мистик не собирается в первую очередь изменить мир. В большей степени через его познание меняется его взгляд на мир и вещи. Проекции, которым постоянно подвержен обычный человек, исчезают. Мир и вещи познаются такими, какие они есть на самом деле. Речь не идет об уничтожении или умерщвлении. То, что уничтожается, — это «кажущееся бытие» вещей, которое было неправильно оценено эгоцентризмом человека.

Когда «Конрад и Генрих», как Экхарт называет обычных людей, возродились к сущностному бытию, тогда и вещи этого мира славили свое воскресение к сущностному бытию. Человек познает имманентность Бога в мире и мир в Боге. Вспыхивает взаимное проникновение. И от этого отрезок времени между рождением и смертью приобретает глубокое значение. Он нам дан для становления и созревания. Мы лишь на пути к целому человечеству или — если человеческое существование не является нашим конечным предназначением — к существу, которым мы должны стать.

При такой установке сознания сосуществование людей изменяется. Это не значит, что на нашей Земле больше не будет никакой напряженности. Мы никогда не создадим рай; подобной утопии не подвержен ни один мистик. Однако мы можем научиться жить вместе без эгоизма.

Наше самосознание лишь один орган всеобщего сознания, но ведет себя как единоличный господин и находится в постоянной борьбе с глубинами

нашего бытия. И пока оно одерживает верх, мира не будет. Только когда мы проникнем в трансличностную суть, в то всеобъемлющее измерение нашего сознания, мы решим проблемы этого мира и сможем жить жизнью, достойной человека. Все зависит от того, кто возьмет верх: либо мы все больше и больше будем жить согласно нашим внутренним требованиям, либо мы не сможем избавиться от засилья чувств, образов и концепций; либо наше «Я» признает себя органом нашей личности в целом, либо оно с триумфом будет нас повсюду тащить вниз.

Эта жизнь нам дана, чтобы мы изменялись. Тот, кто хочет измениться, должен научиться освобождаться; только так он будет способен к трансформации. Кто в этом убежден, начинает по-другому смотреть на жизнь, на окружающий мир и на общество. Он будет, как гость, радоваться всем вещам, без желания владеть ими или господствовать над ними. У него хватит мужества жить простой жизнью, потому что почувствовать жизнь в простых вещах можно намного сильнее. Он узнает, что главное не количество, а качество. Тем самым, мы снова оказываемся перед изменением сознания, без которого не может быть изменений ни в человеке, ни в обществе.

Тот, кто действительно стремится к конечному сознанию, не может витать в облаках или быть в экстазе. Он всегда твердо стоит на ногах. Истинное познание — это познание полноты бытия в данный момент.

Я хотел бы пояснить это следующей историей.

Один человек рубил поросль по краю леса, продавал ее и жил на скромную выручку. Однажды к нему из леса пришел отшельник, и человек попросил у него совета, как ему жить дальше. Отшельник ответил ему: «Иди в глубь леса!». Человек пошел далеко в лес и нашел там чудесные деревья, которые он продал на дрова. Став богатым, он вдруг снова вспомнил о совете отшельника: «Иди в глубь леса!». Тогда он снова пошел далеко в лес и нашел серебряный рудник. Он его разработал и стал еще богаче. Как-то ему снова пришли на ум слова отшельника: «Иди в глубь леса!». Он отважился углубиться еще дальше в темную чащу таинственного леса. Вскоре он нашел удивительные драгоценные камни. Он взял их в руку и любовался их сиянием, однако снова вспомнил слова отшельника: «Иди в глубь леса!». И с камнями в руках он отправился дальше. Как вдруг, на рассвете, он вновь оказался на краю леса. Он взял свой топор и срубил поросль и продал ее своим соседям.

Исходя из этого, мы понимаем шестого патриарха дзэна, который в такой момент сказал: «Как чудесно, я рублю дрова, я ношу воду!».

Просветление ведет в данный момент. Мы приходим туда, где мы есть. Речь идет о качестве жизни, а не о количестве.

10. МИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Когда кто-то встает на путь внутреннего познания, ему сразу же ставится упрек в том, что он думает только о себе и не думает о социальной ответственности. Такое может быть, но тогда данный человек действительно находится на неправильном пути.

Мистическое познание разрушает преграды между «Я» и самоуспокоенностью. Познание всей жизни в целом, которая пульсирует во всем, заставляет познать страдания и радости других людей как свои собственные. Преграды нашего «Я» разрушены; эгоизм, основное бремя человека, преодолен.

Так говорит Экхарт: «Если сто собственных марок тебе милее, чем сто марок у другого человека, то это неправильно... и если твой отец, или твоя мать, или ты сам себе милее, чем другой человек, то это неправильно. Если ты свое счастье ставишь выше счастья другого человека, то это неправильно. Есть много образованных людей, которые этого не понимают.¹³

Мы представляем собой тело. Каждая часть служит, прежде всего, всему телу. «Глаз видит больше для ноги, чем для себя, или и для себя, для отдельных частей тела».¹⁴

Наиболее ясно мистическое представление можно показать на примере вольного изложения Экхартом истории Марии и Марты. Не возторженная Мария, сидящая у ног Иисуса, является идеалом, а Марта, которая мучается и прислуживает. Самым большим заблуждением Западной Европы в отношении мистики является ложное представление о том, что будто бы экстаз — это высшая точка мистического познания. Экстаз — это побочное явление. Целью его является познание Божественного начала в каждой форме, в каждом движении, задании и труде. Мария еще не достигла цели. Сначала она еще должна стать «Мартой».

Для мистиков Мария и Марта не противопоставляются друг другу, а скорее являются двумя аспектами одной действительности. Созерцание и деятельность соотносятся как потенция и действие. Духовный путь, который не ведет к повседневности и к другим людям, — это ложный путь. Это относится к мистикам всех религий. Самое важное торжественное обещание, которое в молитвах дают ежедневно в каждом храме дзэна, — это клятва Бодхисатвы: «Живых существ множество, я обещаю спасти их всех». Сострадание ко всем живым существам является главной добродетелью буддизма. Тот, кто познает жизнь, пульсирующую во всем, познает горе и радость другого человека как свое собственное горе и свою собственную радость.

Четкий пример тому стих к Коану 46 в «Мумонкане» («Застава без ворот»): «Не натягивай тетиву чужого лука, не скачи на чужой лошади». Это значит, если ты берешь лук, то он всегда твой; ты скачешь всегда на своей лошади, даже если она принадлежит другому человеку. Изложим более ясно: если ты плохо говоришь о другом человеке, ты плохо говоришь о себе. Познание безграничной искренности и свободы — конечное мистическое состояние — является основой буддистского сострадания. Армапа в молитве выразил это следующим образом: «В момент просветления, когда я узрел первоначальный облик Духа, во мне поднялось безграничное сострадание. Чем сильнее было просветление, тем сильнее становилось сострадание». ¹⁵

Такой установки буддизм придерживается и в вопросах этики, хотя подобные основные истины и у буддистов, и у христиан порой забываются. В мистическом познании они раскрываются элементарно.

Поэтому «истинный» мистик не является отшельником, взирающим сверху на презренный мир. Речь идет о понимании Бога в вещах этого мира. Экхарт писал: «Этому нельзя научиться посредством бегства, когда убегаешь от вещей и чисто внешне погружаешься в одиночество; человек должен научиться внутреннему одиночеству, где бы и у кого бы он ни был. Он должен научиться вскрывать вещи и находить там своего Бога». ¹⁶

11. ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ — ИЗМЕНЕНИЕ МИРА

Мистики всех религиозных направлений занимаются изменением личности. Человек должен познать, кто он есть на самом деле.

Человек больше, чем просто телесная оболочка и самосознание. Мистические пути ведут в самопознание всего человека, в том числе и его трансличного существования. Однако в этом с давних пор умы расходятся. Кто отвергает данную сферу как иррациональную или даже как психопатологическую, тот сознательно отделяется от половины человеческой личности. Тем самым он отрицает собственные силы, которые вызывают в человеке изменение сознания и могут помочь ему разрешить проблемы времени. Изменение сознания стояло в начале каждой новой эпохи. Именно оно является целью мистического пути.

Мы, в большинстве своем, стремимся решить наши проблемы согласно основному положению Союза христианской рабочей молодежи: «Смотреть, судить, действовать». Это хорошо, это правильно. Мы признаем положение вещей неправильным и изменяем его добрыми намерениями и поступками. У мистики другой путь. Она пытается изменить человека изнутри. Познание трансличной сферы позволяет узнать

более глубокие взаимосвязи человеческой жизни. Оно изменяет ядро личности. У изменившегося человека появляются новые ценности и цели, новый образ поведения. Этика этой измененной личности оказывается намного выносливей, чем благие намерения, которыми, как мы говорим, дорога в ад вымощена.

Мистик, безусловно, последний человек, который поддается иллюзиям. Он знает на собственном опыте, как труден и долг путь к изменению личности. Поэтому он открыт для любой формы сотрудничества в области решения проблем нашего общества.

Следующая древняя история дает небольшое представление о том, что могло произойти, если бы мы были готовы прибегнуть к помощи трансличностной части нашей личности, чтобы изменить мир. Это история о том, кто делает дождь.

В одной деревне долго не было дождя. Не помогали никакие молитвы и обряды, небо оставалось ясным. В огромной нужде обратились жители деревни к Великому производителю дождя. Он пришел и попросил хижину на краю деревни и запас воды и хлеба на пять дней. Затем он отослал людей к их повседневным трудам и заботам. На четвертый день пошел дождь. Люди на полях и на своих рабочих местах пришли в восторг и собрались вокруг хижины Человека дождя, чтобы восхвалять его и узнать секреты производства дождя. Он им ответил: «Я не умею делать дождь». — «Но ведь дождь идет», — сказали люди. Человек дождя объяснил им: «Когда я пришел в вашу деревню, то увидел и внешний, и внутренний беспорядок. Я пошел в хижину и привел в порядок самого себя. Когда я был в порядке, то и вы были в порядке, а когда вы пришли в порядок, то и природа пришла в порядок, а когда природа была в порядке, пошел дождь».

Эта история по своей простоте значит больше, чем все предложения и программы по улучшению мира.

12. ЗАДАЧИ РЕЛИГИИ

В интеллектуальной сфере не существует единства религий. Противоречия не наносят ущерб истине, ибо истину можно сравнить со светом, который переливается множеством красок. Мистическое познание — это свет, представленный многими гранями религий.

Задача религий состоит в том, чтобы напоминать людям о вечности во временном пространстве. Многие люди далеки от того, чтобы пробуждение к Богу рассматривать в качестве конечной цели. Очень многие ищут свое спасение в этой жизни и надеются найти счастье в проекциях на то,

что является временным. Они пребывают во власти представлений, что карьера, богатство, отпуск, сексуальность могут придать жизни смысл, и идентифицируют себя исключительно со своим телом, своими чувствами и интеллектуальными представлениями. Это не несет никакого смыслового значения. Тот, кто остается только в области эго человеческого бытия, застревает на полпути. Религии нам говорят, что вечность, Божественное начало относится ко всему человеку в целом. Оно является внутренним ядром человеческого существования. Религии до сих пор, да, пожалуй, и впредь, будут вызывать это в нашей памяти. Их представители и последователи еще могут быть настолько несовершенными, что наши религии остаются лишь пальцем, указующим на Бога.

Они могут иметь большое значение еще по другой причине. Человека можно подвинуть на познание конечной действительности и перешагнуть через его вероисповедание. В целом остается потребность восхвалять и выражать эту истину. В этом случае предлагаются традиционные формы религии; может быть, кто-то предпочитает создать свой собственный культ и свое собственное вероисповедание. Это хорошо — натурализоваться в живой традиции, ибо человеку нужна внешняя основа, в которой он сможет сам себя понять и выразить. У кого нет такой натурализации, того мистическое познание может не укрепить, а сбить с толку. Прежде всего это касается молодых людей. Поэтому мистические пути, которые идут от больших религий, заслуживают полного доверия. Здесь человек находит необходимое сопровождение на этом небезопасном пути. Его оберегают от перенапряжений и преувеличений и не дадут пасть жертвой шарлатанов.

Я верю в Божественное ядро человека. Чем больше мы откроемся этому ядру, тем быстрее и лучше мы решим также наши общественные, политические и социальные проблемы. Человек будущего будет мистиком, или вообще никем не будет (вариация слов Карла Ранера). Человек будет вращаться в это новое измерение сознания. То, что сегодня является исключением, однажды станет правилом. Человек превзойдет свое ментальное сознание и дополнит его трансличностью сферой. И помочь ему в этом должна религия.

IV. РЕЛИГИЯ ИЛИ ЭЗОТЕРИКА

1. РЕЛИГИЯ И ЭЗОТЕРИКА¹

Мы называем Богом ту силу, которая познается внутренним миром человека и им оттуда управляет. Если человек выступает против этой силы, он выступает против себя. Он тормозит свое развитие. Эта внутренняя инстанция двигает эволюцию. Это то, что мы называем Божественной сущностью, Божественной жизнью, Экхарт — Божественным началом, дзэн — пустотой, йога — суньятой, а философы — абсолютом.

Я не хотел бы в дальнейшем употреблять слово «Бог». Я говорю о «внутренней силе», или «имманентной инстанции», или также о «конечной действительности», о «целостности», о «едином целом», или о «Божественном». Если я все же использую слово «Бог», то только в традиционной, по моему мнению, архаичной форме личного Бога. Я хотел бы для передачи устаревшего архаичного содержания обойтись выше-названными понятиями.

На эзотерическом пути человек пытается открыться этой внутренней силе. Ее нельзя передать волевым усилием или учением, она передается только прямым познанием. Это познание постигается. Теологи называют это милостью. Мы не можем иметь в своем распоряжении милость, но мы можем подготовиться принять ее. Истинное значение духовного наставника в том, чтобы подготовить человека к воздействию милости, помочь ему убрать все препятствия с пути, чтобы он познал Божественное начало, извлек его из глубин для дальнейшего развития.

Итак, мы подошли к важному отличительному пункту между эзотерикой и религией.

Эзотерика старается познать присутствие этой внутренней силы в человеке и во всех вещах. Эта сила всегда здесь во всей своей полноте. Однако наш эгоцентризм мешает нам ее воспринимать. В эзотерике освобождение является познанием этой внутренней действительности. Все святые и мудрецы — это только спутники и помощники для тех, кто идет к этому познанию. Освобождение всегда рядом. Мы можем только открыться этой освобождающей силе и для этого раскрытия прибегнуть к помощи других.

Теология, напротив, пытается прийти к Богу через интеллект. Она оперирует представлениями, образами и символами. Таким образом, Бог — это трансцендентный Бог, который имеет другое онтологическое бытие и управляет людьми как бы снаружи; Его можно переубедить молитвами или жертвами, Он может подарить вечное спасение, а может и отказать.

2. КАК ПРИШЛИ К ОБРАЗАМ БОГА

Раньше человек представлял эту внутреннюю силу метафизическим существом. Божественное являлось ему прежде всего в видениях в образе конкретной психической, даже физической силы. В образных видах этой психической структуры он распознавал персональное существо, которое правит судьбами мира. Так возникли мифы о Создателе.

Также возник и «близкий Бог», которого Моисей увидел в пылающем терновнике и возвестил о Нем израильтянам как о «Боге, который здесь». Личный Бог, который сопровождает человека, вознаграждает его и наказывает, который имеет власть над историей, отступает перед так называемой «спасительной историей». Этот Бог — в представлениях людей, всегда с ними, Он живет среди них, как сказано в Библии, не смешиваясь со всеми другими живыми существами.

Даже если теология сегодня говорит об историческом откровении, то за ним все равно стоит трансцендентное, дуалистически-мифическое представление о Боге, которое возникает в видениях. Видения, как мы сегодня знаем, являются внутренним восприятием, в котором Божественное начало проявляется в архетипичных образах в качестве превосходящей наше «Я» силы.

Появляющиеся в видениях образы часто считают персонификацией Бога. Хотя все высшие религии знают, что Бог выше всего того, что можно постичь, и что не следует создавать образ Бога, они зависят от тех образов и понятий, которые не поднимаются выше положений веры. При этом забывают, что через них только передается послание Божественного. Это послание соизмеряется с людьми и для каждого времени, и для каждого человеческого сообщества истолковывается по-новому. Важными являются не личные образы, а послание. Видения Божественного бытия являются всегда в полной согласованности с духовными примерами и тенденциями смотрящего, но они могут сильно отличаться, в зависимости от времени, культуры и наклонностей.

3. АТЕИЗМ И АГНОСТИЦИЗМ

Личный Бог, как о Нем возведают теистические религии, в течение последних десятилетий был развенчан посредством науки. Существует мнение в дарвинизме и неodarвинизме, что мир можно объяснить механическим развитием через мутацию и селекцию. Ученый в области естествознания не может себе позволить продолжать исследования в этом позитивистском направлении и вместе с тем впадать в религиозный экстаз во время воскресных служб, и тогда он становится атеистом.

Однако все больше и больше нам кажется подобное позитивистское объяснение мира недостаточным. Вера во всемогущество техники и науки, благодаря новым познаниям и результатам исследований, весьма уменьшилась. Мы знаем сегодня о космосе намного больше, чем раньше, но также мы знаем, что, по сути, мы ничего не знаем.

Потому сегодня человечество больше склоняется к агностицизму. Оно оказывается неспособным дать определение действительности; ибо люди ясно понимают, что эту конечную действительность нельзя объяснить рационально.

4. ОТКРОВЕНИЕ

Как Божественное начало открывается человеку? Под откровением понимается объявление Божественной воли. Все религиозные знания зиждутся на откровении. Его называют сверхъестественным, поскольку оно происходит не из наших чувств и не из наших мыслей. Оно в большей степени является непосредственным раскрытием истины. Оно является пророкам, ясновидящим и мудрецам без конкретного образа. Они облачают его в слова и несут людям. То, что они познали в бесструктурном пространстве сознания, они облачают в образы, параболы и слова и оповещают всех об этом посредством проповедей, ритуалов и церемоний. Зачастую познание вытекает в личное противоречие, о котором они сообщают людям как об отделенной сущности.

«Видение» образов можно связать с исключительно глубоким переживанием. Это «видение» случается у некоторых людей и в наши дни. Тогда они видят Иисуса Христа или Марию, а иногда и образы из другого культурного слоя, например из греческой мифологии. Для них это означает Божественное переживание. В данных фигурах еще только указывается направление к конечной действительности. Речь идет о том, чтобы спросить о послании, а не о явлении. Особую ценность представляет собой послание.

Человек руководствуется этими внутренними образами и превращается, в общем и в целом, в зрелую личность.

В сущности, откровение ведет к внутренним познаниям, которые все имеют оттенок принадлежности «ясновидящего» к определенному культурному слою. Религия пока только частично освободилась от этих архаичных Божественных образов, в которые пророки и ясновидящие облачают свое познание, и недостаточно ясно ставит вопрос перед откровением о внутренней сути его послания. Ибо у теологов оно является как бы само собой разумеющимся, так что они даже не думают о том, чтобы Его об этом спрашивать. Другие более или менее сознают, что их Божественный образ может сильно поколебаться в процессе познания, когда они серьезно захотят испытать процесс откровения.

Под откровением эзотерика понимает бесструктурное познание в глубине сознания, то есть в трансличностном пространстве сознания, которое затем, когда оно перейдет в личное пространство, конкретизируется у человека до определенной степени в формы, образы, символы и фигуры. Эти возникшие из бесструктурных глубин образы преобразовываются потом в информацию и рациональные знания. В этих образах-шифрах, как указывает эзотерика, делается попытка осознать Божественное.

5. ЭЗОТЕРИКА — РЕЛИГИЯ — ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Естествознание, которое развенчало архаичного Бога, снова вышло на след этой внутренней инстанции. Начало положила психология. Прежде всего, К. Г. Юнг признал, что в глубине психики находятся структуры — он назвал их архетипичными образами, — в которых для реципиента воплощаются важные послания.

В знаниях, полученных в результате исследований в основных областях естествознания, находится богатый потенциал для современной теологии. Естествознание снова открыло «дух», который в последние сто лет считался предосудительным. Правда, это уже больше не тот дух, который можно приравнять к архаичному Божественному понятию. Это дух, который вместе с твердой материей образует другой аспект действительности и делает постижимой недвойственность. Имя Бога сегодня более чем: Один, Единство, Однообразность, Целостность. Это «Одно» развивается в процессе эволюции из «Однообразности» в «Многообразность». Божественное проявляется полярно. У него два аспекта: единство и множество.

К сожалению, теология осталась со своими архаичными представлениями. Вообще, имеется мало междисциплинарных исследований, в

которых теология кажется еще более ограниченной, чем другие дисциплины. Она, согласно узким положениям профессуры, остается системной. К тому же возникает трудность вместить новые положения и знания в существующие теологические понятия. Религия, такая, какой она представлена сегодня почти во всех учреждениях, закрывает многим людям дорогу для более глубокого религиозного развития. Таким образом, помимо существующих религий, начинают развиваться совсем новые религиозные учения.

Бог больше не является тем, кто всем руководит и управляет; а то, что мы называем Богом, — это целостность всего, что существует. Эту последнюю инстанцию, Божественное, следует понимать холистически. Итак, наука не считает целостность и единство прежними понятиями Бога, иначе бы через заднюю дверь снова вошло устаревшее представление о Боге. Бог проявляется как Дух и Материя. Теистическая теология ошибочно называет это пантеизмом, поскольку она не может понять, что хочет выразить эзотерика через понятие «недвойственность», а именно: познание сочетания понятий как единство действительности.

Мы, к сожалению, не придем ни к какому общему знаменателю, если не образуем сочетание понятий. Постигание этого сочетания понятий как единства действительности является мистическим познанием. Только в познании можно перейти через сочетание понятий. И только когда мы его превзойдем, мы познаем, что есть действительность. Дзэн называет оба этих аспекта действительности пустотой и формой. «Форма на самом деле пустота, а пустота на самом деле форма». Божественное — это биполярное единство. Это относится не только к стороне одного полюса, а это то, что трансцендирует оба полюса в единство.

Эту действительность нельзя описать обычными Божественными представлениями. Она, еще раз подчеркну, не Бог, которого изображает человек, а та конечная действительность, которая существует только как Дух и Материя, и по-настоящему постичь ее можно только через трансличностное познание.

Более полное согласие с астрофизикой и теорией относительности помогло бы теистической теологии в представлениях о Боге идти в ногу с всеобщим развитием сознания. Однако многие светила науки, такие как Планк, Эйнштейн, Борн, Бор, Гейзенберг, уперлись в границу рационального знания и открыто говорят о той другой инстанции, которую нельзя больше постичь ментально и выразить математическими формулами; однако она относится к тому, что мы называем действительностью. Они убеждены, что эта конечная инстанция обладает другими способностями, чем сознание нашего «Я», и что эти способности, в конечном итоге, с помощью нашего сознания ускорят весь процесс эволюции.

6. ПАНТЕИЗМ — МОНИЗМ

Оба этих понятия и сегодня еще занимают теологов. Тем не менее холистический взгляд на мир отличается от монистического взгляда. С точки зрения холистического взгляда на действительность, Дух и Материя выступают как единое целое с двумя аспектами; с монистической же точки зрения, Материя и Дух являются в субстанции едиными. На самом деле, это не так. Холисты все время подчеркивают недвойственность.

В буддизме ее объясняют на примере «золотого льва». Золото может проявиться только в одной форме (лев). Таким образом, форма (лев) и золото — это одно целое. Однако золото это не лев, а лев это не золото. В пантеизме это означает, что лев и золото имеют одинаковую субстанцию. Эзотерика так не скажет. Но лев и золото могут выступать только вместе. Они нуждаются друг в друге, чтобы проявиться. Они сосуществуют.

Другой пример: свет и тень. Они могут выступать только вместе. Они не то же самое, но один не может появиться без другой. Где свет, там и тень, где тень, там и свет.

Экхарт по этому поводу говорит: «Сразу и одновременно, когда был Бог, тогда Он произвел равного Ему во всем своего вечного Сына-Бога, Он создал также и мир».² Или: «Равным образом можно допустить, что мир произошел от вечности».³

Как христиане, мы можем оба полюса, или аспекта, назвать Отец и Сын; Отец как аспект происхождения (Дух), а сын как аспект формы (Создание). Оба вместе они составляют действительность. Когда говорит Отец — говорит Сын. Когда говорит Сын — говорит Отец. Они существуют и в своей форме существования едины. Поэтому мы говорим об «Одном Боге». Однако наше дискурсивное мышление должно разбираться как сочетание понятий. Конечная действительность — это холистическая инстанция. Один аспект проявляется в другом. Итак, нет трансцендентальности, которая бы проявлялась не холистически. Эта конечная инстанция выступает в материальных, физических и духовных формах.

7. БИПОЛЯРНОЕ ЕДИНСТВО

Действительность имеет два аспекта, как одна палка — два конца. Один аспект мы называем формой (в дзэне), или творением (в христианстве). В мире форм отражается другой аспект действительности, который мы обозначаем по-разному: божество, пустота, Брахман, абсолют и т. д. Оба вместе они составляют действительность.

В целостности нет полярности, нет времени и пространства. Для нашего человеческого сознания эта целостность непостижима. Это задевает разум. Поскольку мистическое познание является познанием этой целостности, оно часто приходит в противоречие с теологией, которая живет в мире полярности. Не то чтобы мистика была против теологии, она подчеркивает только ту сторону целостности, которую она познает, но для разума она остается закрытой.

Мне хотелось бы привести слова Николая Кузанского. Великий философ, теолог и математик, он внушает доверие, когда пишет: «Почти все, посвятившие себя изучению теологии, занимаются определенными установившимися традициями и их формами, и если они могут говорить так, как другие, которые ставят себя за образец, они считают себя теологами. Они ничего не знают о незнании того недостижимого света, в котором нет никакой темноты. Те же, кто привел себя через знающее незнание от слушания к смотрению духа, радуются тому, что достигли знания незнания через истинное познание».⁴

Каждая форма представляет содержание, которое нельзя постичь разумом и смыслом. Мир форм — это точка соприкосновения с не-формами. В мире форм отражается действительность. Мир форм — это Майя или Создание. За миром форм лежит целостность, состояние, которое все содержит неизменным образом.

Более точным, пожалуй, является сравнение с линейкой, у которой на одной стороне стоят измерения в сантиметрах, а на другой ничего. Обе же вместе они образуют линейку. Наш разум всегда может видеть только одну сторону. Мистическое познание постигает обе стороны как одно целое. Поэтому мистика говорит вместо целостности также о единстве.

Целью мистического познания вовсе не является бегство от полярности, а наоборот, ее познание как формы выражения единства. Оба аспекта соотносятся: единство (целостность) и полярность (множество), так же как две стороны одной медали.

Полярность — это тюремная камера. Она несет человеку, как говорит Будда, боль, страдания, старость и смерть. Внутри мира форм нет наполненного или удовлетворительного сознательного значения жизни.

Человек может убежать из этой тюремной камеры и остаться один. Шаг из полярности в одиночество эзотерика называет просветлением, великим освобождением, сатори, *unio mystica* и т. д. Так как этот шаг выводит из полярности, он не поддается никакой формулировке и изображению.

Если людям удастся сделать этот шаг, они должны облечь свои познания в образы и символы. Они лучше, чем абстрактные слова, выражают

невысказанное. Тем не менее все образы и символы принадлежат царству форм. Они только посредники в выражении содержания. Они относятся к их содержанию, как сновидения к их психологическому значению. Если образы и символы понимать дословно, «поклоняться» им, воспринимать их как непреложную истину — застывает религия. Золото словно путают с формой.

Религия, которая застыла в формах, видит только эти формы и сравнивает их с другими религиями. Тогда начинаются дискуссии и приведение разных доказательств. Собственная религия является лучше или даже более «истинной», чем все другие. Больше уже не видят, что религии, даже если формально отличаются друг от друга, исходят из одинаковой абсолютной истины и привести хотят к одной истине. Равная текучесть происходит в разных сосудах. И сосуды могут быть разнообразных форм и объемов. Тот, кто видит только снаружи, должен подчеркивать различия. Тот же, кто ценит содержание, вкушает равную действительность. Однако он должен сам из этого испить, простого описания недостаточно.

Это не имеет ничего общего с синкретизмом, наоборот: человеку нужны различные сосуды, чтобы познать множественность Божественного.

Все основатели религий, все мистики Востока и Запада изучили путь в познании Божественного. Все они, хотя и разными словами, высказывали одно мнение. Они показывали дорогу из полярности в целостность.

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЦЕЛОСТНОСТИ

Человек должен найти путь назад к целостности. Целостность охватывает все. Нет ничего, что бы лежало вне ее. В целостности нет ни времени, ни пространства. Пространство и время возможны только внутри полярности. Целостность нельзя описать конкретно, только в парадоксах, параболах и мифах. Только парадоксальные формулировки позволяют ее осветить.

Если единица выходит в создание, она полярна. Создание — это значит, что единство распадается на множество. Приведем лучший пример для пояснения: свет отражается через призму. Свет представляет единство, цвета являются полярностью. Призма разлагает свет на множество различных цветов. Тем не менее свет всегда остается тем, что он есть, — светом. Другой образ — веер. Он (единица) распадается на «многообразность». Он однообразный и многообразный.

Йога говорит: если в молоко положить аметист, то все молоко кажется зеленоватым. Но и молоко, и аметист остаются тем, что они есть. Данные примеры четко показывают, что мистическое единство не является монизмом. Не-двойственность остается сохраненной.

Полярный мир существует в действительности не так, как мы его видим. Эзотерика все время говорит, что это заблуждение. Наше «Я» постоянно нас гипнотизирует. Увидеть его будет трудно до тех пор, пока, как в капсуле, пребываешь в своем заблуждении. Однако не сумеешь заглянуть в тот мир — значит быть вечным узником своих заблуждений. Любой эзотерический путь пытается освободить от этих иллюзий. Понимание того, что мир поляризации не существует, является освобождением.

Сон может помочь нам с объяснениями. Когда нам ночью снятся сны, то кажется, будто все происходит в действительности. Там леса и люди. Мы летаем или ходим под водой и так далее. Когда же мы просыпаемся, то убеждаемся, что все это не существует. Чтобы это осознать, нужно проснуться. Также и универсум, над значением которого мы, люди, так бьемся, является только сном. Осознать же это можно лишь тогда, когда проснешься. Потому просветление называется также пробуждением. Это освобождение из оков полярности к единству.

9. МИФЫ — ЯЗЫК РЕЛИГИИ

Трагедией теистических религий является то, что они чрезмерно акцентируют истории. Истина религии глубоко скрыта в символе, в образе, в мифе.⁵ Они — как окна, которые освещаются «вечным светом». Окна придают свету структуру и цвет, чтобы об этом можно было говорить. Мы научились их толковать. Тот, кто понимает их только с исторической точки зрения, закрывает их истинный смысл.

Миф, в конечном итоге, включает в своем содержании всегда освобождение или, как мы обычно говорим, — спасение. Спасение приводится в ритуалах, в литургии или в драмах. В христианстве он распространился в течение года разделения церквей. Это было введением вечной истины в ритуалы. Тот, кто рассматривает жизнь Иисуса как мистерию, так же не прав, как и тот, кто видит только исторические реминисценции. Миф и истории взаимосвязаны. Литургия предназначена для изображения космической мистерии. Здесь обыгрывается происхождение и протекание Божественной жизни во всем многообразии форм. Эволюция — это представление развития Божественного.⁶

Религиозный миф следует рассматривать как сон и ставить вопрос, что хотят сказать те или иные образы. Тот, кто картины своих сновидений ставит на передний план или вообще воспринимает их дословно, ошибается в их толковании, так же как и тот, кто считает их nonsensom. Кто хочет найти истинное толкование, должен погрузиться глубоко в общечеловеческую символику. Образы — это метафоры, аналогии и

архетипы, значение которых можно найти. Так же следует поступать с образами и символами Священных Писаний.

Миф имеет свое значение. Мы только должны знать, что он не рассказывает об исторических событиях. В религии довольно часто мы, прежде всего, сталкиваемся с историей. Если мы хотим познать глубины религии, мы должны перешагнуть внешнее понимание веры. Нам следует воспринимать Отца, Сына и Святого Духа не только как лиц, к которым мы можем обратиться, чтобы изменить историю нашей жизни и этого мира, но и как метафоры, которые могут поведать нам скрытую глубинную истину. Миф передает нам не предметные знания, а знание о том, кто мы есть на самом деле и что мы должны познать как истину.

Все время возникают новые мифы.⁷ Они имеют огромное значение для созревания человека к познанию целостности. Они помогают нам найти связь с нашим бессознательным мышлением, в котором мы сохраняем собственные сведения о развитии нашей личности в форме снов и стимулов. Они несут нам целевые представления о нашем созревании и становлении нас как цельной личности. В библейском мифе об Иисусе нам показана такая полностью развитая личность. Если мы претворим в жизнь это целевое представление, то разовьемся до полного *imago dei* (образ Бога) и станем достойны, говоря библейским языком, быть взятыми на небеса; то есть в конечном итоге станем совершенным цельным человеком, который постигает целостность Божественного откровения в *visio beatifica* (духовном видении).

В христианстве данный мотив звучит при алтарном таинстве. Картина, когда разбросанные по полю зерна пшеницы в хлебе становятся единым целым, восходит к представлению, когда единицу делят на части, чтобы привести обратно к единству. Когда исходит Божественное (целостность) и распадается на множество, то есть становится созданием, умирает единство, а вместе с ним и Божественное, чтобы воскреснуть как одно целое в алтарном таинстве в виде хлеба и вина.

10. Я И САМА ЛИЧНОСТЬ

Что есть «Я»? Наше «Я» — это разграничение, которое дает нам образ и форму. Это «лев» (форма), в котором проявляется золото. Это то, что делает нас личностью, чтобы суметь придать вид (лат. *personare*) Божественному. Оно абсолютно необходимо, оно сосуществует с другим аспектом действительности. Болезненным фактором является только заносчивость «Я». Именно тогда оно становится непроницаемым для Божественного.

Таким образом, наше «Я» является бесценным. К нему относятся тело, материальный слой, психика, разум. Отсюда происходит все благоговение перед тем, что имеет форму; в нем проявляется конечная инстанция.

«Я» делает нас человеком. Оно творит культуру и созидает, двигает прогресс и развитие во всех областях. Никогда нельзя рассматривать его с негативной стороны. Плохо только, когда оно по-господски сидит на облучке и правит по жизни без правильного направления. В таком случае оно часто опрокидывает телегу. Следует научиться извлекать свое направление из глубины истинной сути. Это должно помочь снова найти целостность.

Человек частично отмежевывается внутри этой целостности и говорит: «Это принадлежит мне». Он словно обносит забором кусок земли. При этом он говорит «мое». Земля изначально была здесь и будет здесь после владельца. Забором землю не потревожишь. Солнце, дождь, ветер, насекомые и птицы при этом не принимаются во внимание. В действительности же забор не существует. Он есть, когда в него верят. Идея собственного куска земли зависит от того, что владелец и некоторые другие в это верят. Забор — это «Я» человека, которое существует только как идея. Своим «Я» человек себя отделяет и отмежевывает. «Я» создает полярность. Единое целое — это внутреннее и внешнее.⁸

Каждый Священный Путь обязательно влечет за собой спор со своим «Я». Человек должен преодолеть доминирующую власть «Я» и прекратить свою идентификацию с ним. Иначе он не познает целое. Этот путь называется самосознание, поиск самого себя, самореализация. Сама личность — это пространство, в котором осуществляется целостность. Это *scintilla animae*, «духовная искра», о которой говорит Экхарт, «внутренний оплот» Терезы Авильской, «основа» Иоганна Таулера.

Итак, сама личность — это своего рода центр, в котором познается действительность. Это место, на котором биполярная действительность постигается как единство. Сама личность не является Божественной. Но в ней можно познать конечную действительность. Она является точкой пересечения, в которой встречаются оба аспекта Духа и Материи и познаются как единое целое.

Наше «Я» все время стремится, как уже было показано в рассказе о первом грехе в раю, прервать эту разграниченность. Да, именно в том состоит первый грех, что мы своим отмежеванием постоянно рвем это единство. Религия должна помочь «Я» идти в ногу с самой внутренней сутью. Этические предписания должны побудить жить в унисон с этой внутренней инстанцией, чтобы дорасти до зрелой личности, которая живет в гармонии с глубинной инстанцией. Смыслом нашего земного существования является созревание, становление цельной личности и возвращение к единству.

Некоторым людям во время длительных упражнений созерцательности такие архетипичные образы, как Свет, Иисус, Мария, а также Шива и Канон, являются как потрясающие и впечатляющие символические фигуры Божественного. В мистике они узнали, что такие «видения» сами по себе являются не действительностью, а структурами, через которые сознанию нашего «Я» сообщается конечная действительность, а иногда и с такой интенсивностью, которая способна изменить жизнь.

Символы, мифы и ритуалы становятся формами переживания целостности, которая всегда имеет два аспекта: постижимое и непостижимое. Без таких форм было бы весьма затруднительно развивать представления о Боге. Они помогают нам использовать содержание религии в обычной жизни. Поэтому все эти выражения имеют глубокое значение.

Когда говорят, что Бог-Отец послал своего Сына в мир, чтобы через Его жертвенную смерть спасти оный, и что Он снова воскреснет, чтобы вернуться на небеса, то это является не только сообщением об историческом факте, а также символическим выражением остающегося обычно предполагаемым эволюционного события вообще. Этот миф, когда он распространился в год разделения церковей, обладает возрастающей жизненной интенсивностью и много способствовал моей психической и общечеловеческой зрелости.

Когда люди начали формулировать, выражения стали противоречивыми. Все выражения — это только спицы, на которых крепится ступица колеса. Однако сама ступица — это пустота, божество, сунята, нирвана. Это не значит Ничего, это значит много больше: то, что там все спицы вместе крутятся или выходят оттуда и что все получает свое значение именно оттуда, так же как и колесо имеет смысл, лишь исходя от ступицы. Если бы не было этой пустой ступицы, то и колесо не имело бы смысла. Если бы не было данной Пустоты, то и вся жизнь не имела бы смысла. Все, что есть, стекается в эту Пустоту (божество). Однако Пустота не является полой. Из нее выходят все «спицы Бытия».

V. ХРИСТИАНСКАЯ МИСТИКА И ВОСТОЧНЫЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ПУТИ

1. РАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И МИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Астрофизика в последнее время сделала невиданный скачок вперед и получила новые знания, которые сделали нас, людей, и нашу Землю весьма скромными творениями. Мы больше не абсолютный центр мироздания, как мы думали на протяжении долгого времени. Наша Земля — это крупинка пыли на краю Вселенной, живущая в относительно маленькой Галактике, подобных которой существует миллионы, а многие во сто крат больше, чем наша. Вселенная зародилась от вспышки, вероятно, еще с немыслимых времен и расширится с тех пор со световой скоростью. Мы слышим о пульсирующих квазарах и о черных дырах. Мы предполагаем, что эта Вселенная с неподдающихся представлению времен снова вступает в контрактацию. Наше Солнце тогда медленно начнет остывать, и жизнь на Земле умрет.

Мы в состоянии исследовать микрокосмос. Мы можем расщеплять атом и вызывать ужасные последствия. Мы можем уничтожить жизнь на этом нашем земном корабле. Мы нашли другие субатомарные частицы, такие как кварки, например. О них мы уже ничего не можем больше сообщить, где именно они находятся и с каким ускорением двигаются; да, мы не можем больше определить границы материи и энергии, так как эти частицы выступают попеременно то как материя, то как энергетические волны. Мы все еще экспериментируем и вычисляем, но мы уже толком не знаем, с чем мы собственно экспериментируем.

Мы оберегаем себя от тех воззрений, что мир может быть организован с рациональной точки зрения. Мир, очевидно, организован иррационально, и его внутренняя структура не имеет ничего общего с интеллектуальными выкладками. Короче говоря: он имеет измерения, которые нельзя больше постичь рационально. Я напомним о теории сверхточности, которая исходит из десяти измерений. Она определяет мир в десяти измерениях, а точнее, в девяти пространственных измерениях и во времени. Другие физики требуют до 26 измерений.¹ Мы придаем людям слишком большую значимость и слишком уж четко знаем, кто есть Бог. Тем не менее мы живем на крошечной точке данного космоса, между

кварками и черными дырами. Как микромир, так и макромир превосходят наши возможности восприятия.

Рациональное сознание — это только форма сознания, наряду с которой к нам относятся еще и другие. Оно рассматривает универсум в своих ограниченных рамках. Через такое сознание мы можем воспринять только четыре измерения. Прочие измерения можно постичь только через другие формы сознания. Действительность — это нечто совсем другое, нежели то, что нам может открыть это очень ограниченное логическое мышление.

Теология говорит о Боге только в рациональной области. Также то, что мы называем откровением, вербализируется в сфере этих четырех измерений. Естествознание уже превосходит все традиционные математические выкладки об универсуме. Не должна ли также и теология перешагнуть свои рациональные положения о Боге? Для чего эти пугливые оборонительные позиции в церковных кругах? Это что-то подобное страху перед мистикой.

Мистика всегда знала о других измерениях. «Я», говорит мистика, должно перешагнуть через себя, чтобы погрузиться в познание. На языке мистики это звучит так: «Я» должно умереть. Она так же мало может дать названий познанию других измерений, как и естествознание; ибо и она не в состоянии заключить познание в языковые рамки, которые основываются на рациональном мышлении. Естествознание признает сегодня определенное родство с восточными эзотерическими системами в области своих собственных пограничных познаний.

Восточные религии имеют оба предмета: теологию и практику, которая ведет к познанию. Теология является очень многогранной и subtilной. Практика носит общее название «тантра». Тантра происходит из санскрита и означает «ткать». О тантре не говорят, но следует это сделать. «Философию можно понять интеллектуально, тантру нет. Буддистская философия — это функция разума. Тантра превосходит рациональное мышление. Самые subtilные мыслители индийской цивилизации признали, что слово и понятие доводят ее только до определенной точки. По ту сторону этой точки лежало подлинное исполнение практики, познание которой описать невозможно. Они не удержались от того, чтобы усовершенствовать практику до внешне эффективного высокоразвитого технического ряда, однако это помешало описанию познания, которое воздействует на эту технику».² Важной функцией восточных религий является предоставление возможности духу избежать ограничений символики. Символами, согласно этому положению, являются не только слова и понятия, но и люди, и вещи. По ту сторону границ символики лежит то, что есть чистое наблюдение, познание «данного бытия» реальности.

Тем не менее также и восточные религии используют символы, но для того, чтобы избежать ограничения символов. Религия всегда должна использовать символы, то есть слова, религиозные обряды, мифы, таинства. Однако они являются только пальцем, указующим на луну. Мы, как христиане, снова должны признать, что религия так же сильно основывается на познании, как и на слове. Особенно ясно это видно в восточных религиях.

В трансличных журналах и в журналах по естествознанию сейчас находится больше статей о мистике, чем в духовных церковных журналах; ибо мистика в последние двести лет эмигрировала из христианских церквей, что имело свои основания, поскольку люди нашего времени все больше становятся недовольными своей церковью. Фактически, новые познания в области естествознания еще немного принизили наши представления и наши речи о Боге. Христианская религия еще плотно обитает в картезианской и ньютоновской картине мира. Только мистика явно придерживается современной картины мира. Она давно перешагнула понятие четырех измерений, чтобы подробнее увидеть конечную действительность.

Когда была написана Библия, человек смотрелся как венец творения. Вселенная вращалась для него вокруг Земли. Он верил в Бога, который все это создал и заботливо оберегает. Этот Бог нашел народ, с которым Он заключил союз, которому дал законы; Он особым образом всегда с ним вместе. Время от времени Он сердится на это кочевое племя (ибо больше не было этого народа), а потом снова благоволит ему. Даже тогда Бог уже был непостижим, но, по сути, Он был сверхсуществом, патриархом, который видит все и всем управляет. Такое толкование еще и сегодня играет в христианстве значительную роль, хотя и плохо укладывается в голову, ввиду наших космических познаний, а подобный патриархальный Рулевой воспринимается с трудом; вести такие речи о Нем, в масштабах неизмеримости универсума, мы считаем почти что оскорблением. Мистика на Западе, в отличие от восточных религий, развивается по нисходящей. Сегодня она — прежде всего, если она заимствована у восточных религий, — подвержена гонениям и брошена в один котел с псевдомистическими течениями нашего времени. Но однажды такое положение вещей изменится. Цукаф полагает в уже цитируемой книге: если Бомс или подобный ему физик в будущем станет главным направляющим этой науки, то познания Востока и Запада смогут в исключительной гармонии перейти друг в друга. «Не удивляйтесь, если перечень лекций по физике в XXI веке будет включать в себя лекции по медитации».³

Автор следующих сообщений отражает перелом своей религиозности:

Священник: «Глубокий конфликт во мне — это освобождение от передаваемых традиций, которые уже стали штампами, и не в

сознательном исполнении церковных обрядов, нет, в более глубоком бессознательном пласте. Станным образом, лишь сейчас дошло до моего сознания, каким чужим стало это христианство с тысячами изменений, да еще резонирует как основной мотив в нашем мышлении и в культуре. Если отныне образ, который нам дал Иисус Христос, образ Отца Бога, распадется, то будет очень трудно найти себя в совершенно новой действительности. Иисус дал людям этот образ, потому что они его уже в себе несли... Наше время больше не потерпит ограничений. Пару дней назад я прочитал кое-что у православного священника о созерцательности: "...если ты видишь Бога, то ты ничего не видишь, и это точно вопрос: если ты смотришь на то, чего нет, тогда нет ни познания, ни знания. На деле, здесь то, что есть Бог, а Бог есть ничто". И сразу после этого я увидел "Ничто". Это была неогороженная действительность, бесколесная действительность, и вся моя преданность исчезла в этом видении... Чем больше выпадает сознание нашего "Я", тем больше погружаешься в эту внутреннюю действительность, в это "Ничто". Это было так, как будто прошлое и будущее перестали существовать. Я мог бы не раз привести себя к тому, чтобы напомнить о себе. Здесь была только свобода видения, слушания и деяния».

Женщина: «Я с некоторого времени нахожусь во внутренней раздвоенности со своей церковью; гнездышко за ночь стало слишком тесным. Таким образом, я — незаметно для моего окружения — «переселилась» из дому, оставила внешнее построение форм и структур и хотела бы повести людей туда, где бы они в религиозной натурализации открыли и пережили основу своей жизни как бесценное сокровище! ... Религия — это нечто совсем другое, а не то, что «представляет» церковь. Когда я себя спрашиваю, что повлияло на мой выход из обычных структур — особенно из общей литургической области, — я не могу найти ни рационального, ни психологического объяснения моему поступку. ... Вероятно, сильное стремление к внутреннему углублению религиозного познания определяет мое уклонение от литургической сферы: бегство от церемоний, обрядов, жестов, слов, образов, декораций, знаков, которыми выражается религиозный человек.

... Бог, который вошел в мою жизнь как полновластная действительность, хотел бы полностью заполнить духовную основу. Это — как преобразование ядра, в котором происходит становление единицы; и я в настоящее время могу только позволить происходить данному процессу преобразования и слияния, не реализуя его. Я сама не понимаю моего изменения, которое, по-видимому, является лишь

промежуточной фазой. Меня огорчает, что я не могу как прежде “праздновать” с вами. Форма для этого еще не родилась».

В наше время существует намного больше мистиков, чем принято предполагать.

Мистическое познание всегда и везде превосходит догматические ограничения, даже если его вынуждали сжиматься до традиционных понятий и символов. В Западной Европе, когда гностицизм был изгнан из христианства, он распался на побочные течения, например, на алхимию, астрологию, но также и теософию, *philosophia perennis* и на некоторые разделы психологии (прежде всего психологию К. Г. Юнга, а сегодня еще особо и трансличностную психологию). Люди, нашедшие недостатки и поколебавшиеся в религиозных познаниях, часто, в конечном итоге, ищут помощь в терапевтическом лечении, так как церковными органами они не были поняты. Существует международная организация под названием «Spiritual Emergency Network», в которой, в первую очередь, объединились психологи, терапевты и социальные работники. Эта организация предоставляет списки лиц, к которым можно обратиться, если не справляешься с трансличностными переживаниями. Необходимость в таких людях можно увидеть из сообщения одной девушки:

«Во время моего первого причастия я пережила глубокое потрясение. То, во что я до сих пор верила, а именно: что Бог есть, в этот день я познала всем своим существом. Бог был не только во мне. Он был во всех людях вокруг меня, Он был везде. Он был центром всех вещей. Это переживание было таким сильным, что я просто должна была о нем рассказать. Однако мой духовник, к которому я обратилась, сказал мне: “Это только твое воображение, ты фантазируешь”. Такой ответ меня шокировал, поскольку глубина переживания делает невозможным объяснить его игрой воображения или фантазией. Так я носила его в себе, а приблизительно лет в 18 я начала искать объяснения. Так как в христианской церкви я искала напрасно, то я обратилась к теософам. От них я узнала, что это переживание, которое и сейчас определяет мою жизнь, было истинным мистическим познанием. В теософии я также узнала о путях, которые могут привести к такому познанию. Я до сих пор рада, что нашла верующих людей, которые меня понимают».

Для понимания самого себя важно то, что человек может систематизировать свои религиозные познания. Если ему это не удастся, он легко впадает в невроз.

Его познание дало ему совершенно новое и убедительное понимание действительности, которое, правда, противоречит убеждениям окружающих, а потому крайне тяжело сохранять свое «Я» в повседневной жизни.

Религиозное познание все больше ведет человека к самостоятельности. Особенно заметно это у женщин. По моему убеждению, женщины значительно чаще попадают в мистическое пространство сознания, чем мужчины, поскольку здесь, опять-таки по моим наблюдениям, большую роль играет женское качество в человеке; позволить себе, пожертвовать собой, раскрыть себя, уметь воспринимать. Восточному человеку это дается легче, поэтому там мистическое познание всегда считается важнейшим стремлением. Сегодня женщины во много раз больше обнаруживают свое женское наследие, которое раскрывается навстречу мистике. Мужчины этого боятся. Так, некоторые женщины указали мне на то, что недостаток понимания церкви, возглавляемой мужчиной, повлиял на их выход из данного института. При этом именно развитие женского качества на Западе и в западноевропейском христианстве, являющееся основополагающим для продолжения мистических традиций, было лучшим ответом на религиозные устремления западных мужчин. Сегодня, в век огромных возможностей коммуникаций, мы имеем шанс учиться у Востока и оживить наши мистические традиции. Возможно, это станет вопросом выживания церкви и общества.

2. ЭЗОТЕРИКА И ЭЗОТЕРИКА В РЕЛИГИЯХ

Различия в религии, как я считаю, происходят не между отдельными религиями, назовем самые крупные из них, то есть буддизм, христианство, ислам и индуизм, а между эзотерическим и экзотерическим спиритуализмом. Здесь я должен коротко пояснить, что я понимаю под эзотерикой и экзотерикой, чтобы не натолкнуться на непонимание. Эзотерика происходит от греческого слова *esoterós* — «внутри». Экзотерика происходит от *exoterós* — «популярный», «понятный для неспециалистов». Слово «эзотерика» я употребляю здесь не в смысле посвященных, то есть людей, которые относятся к эзотерической группе; а слово «экзотерика» не в смысле непосвященных, находящихся снаружи людей. Словом «эзотерика» я называю в большей степени спиритуализм, который имеет целью познание и смысл религии видит в достижении этой цели. Словом «экзотерика» я обозначаю тот спиритуализм, который основывается исключительно на Писаниях, догмах, ритуалах или символах. Эзотерик, таким образом, не человек с элитарным сознанием, а человек, который встал на путь познания Божественного начала в себе самом и во всем вообще.

Следовательно, фундаментальное различие в религиях обнаруживается не между учениями и обрядами отдельных религий, а между их эзотерическим или экзотерическим спиритуализмом. Сечение проходит горизонтально, а не вертикально. Покажу это наглядно на рисунке:

Конечная действительность, в разных религиях называемая по-своему: абсолютом, божеством, дао, сунната, нирвана, — избегает любых обозначений или обнаружения посредством разума и смысла. Попытка дать ей приемлемое название разделяет религии. В истории это все время приводило к религиозным войнам, преследованиям, клевете, унижениям и т. д. Сегодня мы, по меньшей мере, пусть и не всегда, приходим к диалогу. Религии — это пути, по которым человек должен вернуться к своим корням, к тому, что мы называем нашей глубочайшей сущностью, или Божественным в нас и во всем, что существует.

Познание так глубоко скрыто в человеческом существовании, что оно противостоит любой попытке сообщить о себе. В этом причина того, почему мистика часто упрекают во враждебности к разуму и в элитарном высокомерии просветления. Будь это познание артикулировано, оно бы с трудом воспринималось экзотериками, поскольку они не используют интеллект. Эзотерики же могут вполне признать формулировку веры, если она не является абсолютной. Таким образом, в истории мистика фактически является двуличной: она может деятельно поддерживать догмы или подрывать их. В трудах Экхарта четко прослеживается мысль, что мистика не должна вступать в противоречия с subtilными теологическими положениями. Тем не менее эзотерики во многих религиях страдают от суровости института. Многие были не только отлучены от церкви, но даже брошены в тюрьмы и сожжены.

Экзотерик боится, что может предать истину своего религиозного убеждения. Поскольку его вера основывается на совершенно особых положениях, он с трудом может понять, что истину можно найти также и в других религиях. Это делает его собственные верования относительными и ведет его к большой неопределенности, так как его убеждения отличаются от других религий. Толерантный человек понимает, что и в других религиях можно найти истину, но она всегда будет меньшей, чем истина в своей собственной религии.

Истина, которая вмещает все, лежит в сердце любой религии. Так как эта истина превосходит все без исключения формы, в которых она проявляется, то лишь немногим людям удастся к ней приблизиться. При этом религия имеет большое значение. Как человек не может жить без тела, так и религия не может существовать без форм выражения. Священные Писания, теология и обряды вместе являются географической картой, по которой верующий человек ищет свой путь к Богу. Он нуждается в указании направления, в воодушевлении и сопровождении, чтобы не потерять свой путь. Человек живет в мире символов, образов и форм, а чтобы передавать религию, ему нужны эти формы выражения. Сказанное направлено не против религии, а против суженного, исключительно экзотерического понимания веры.

Религию можно сравнить с окном. Оно остается темным, если свет не озарит его с обратной стороны. Этот первоначальный свет сам по себе невидим, но в окне религии он получает структуру и становится понятным каждому человеку. Хотя религия имеет тенденцию давать своим приверженцам установку о структурах окна, мы не должны забывать, что не окно является конечной инстанцией, а свет, который сияет с другой стороны. Тот, кто за всеми структурами увидит Свет Бога, воплотил в жизнь смысл и цель религии. Опасность состоит в том, что символы и Божественные образы скорее скрывают, чем освещают действительность.

3. ЗНАЧЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЭЗОТЕРИКИ ДЛЯ ЗАПАДНОЙ МИСТИКИ

Дзэн помог мне понять важную часть нашего христианского спиритуализма, которая пропала из традиционного молитвенного учения, а именно: мистический элемент. Христианство обычно учит устным и медитативным молитвам, определенному моральному поведению и социальным обязательствам. Однако это не больше чем начальная школа религии. Многие христиане переживают период младенчества. Когда они взрослеют, они сбрасывают эти детские формы, правда, так и не научившись взрослым формам молитвы. Такое происходит почти во всех религиях.

Также в буддизме и индуизме многие приверженцы не отходят от очень простой формы. По моим наблюдениям, все религии лишь находятся на пути развития от детского самопонимания к взрослой форме.

Я делаю различия между спиритуализмом и религией. Спиритуализм учит, как стать на путь познания, и занимается тем, что можно познать. Религия же — это наставление, которое развивается в догму. Эти догмы, хотя и возникли из познания, не стали безусловными; в качестве познания им следует небольшое число верующих. В эзотерике есть

наставление, но нет догмы. «Учение» здесь касается прохождения пути для достижения собственного познания.

Такие мысли ведут к неправильным выводам о том, что лишь эзотерика может его дать. Религия всегда использует оба столпа — эзотерику и экзотерику, но часто ошибается в их назначении. Эзотерики встали на путь познания через религию. Они не избегают религии, но ясно осознают односторонность, которую несет любая формулировка. Так как человек является существом, состоящим из тела и духа, он использует религию как вероисповедание, а язык — как средство выражения. Истинная религия пытается привести к познанию Божественного. Христианская религия — это моя родина, даже если я и не могу идентифицировать себя со всем, что делает из этого традиция. Мы получили огромное наследие, и только некоторые из нас встали бы на путь созерцательности, если бы не пошли по стопам христианства. Я чувствую себя ответственным за это наследие и хотел бы снова вытащить на свет некоторые вещи, которые, с моей точки зрения, утеряны.

4. ЭЗОТЕРИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В эзотерике речь в первую очередь идет не о том, чтобы поднять дух на ту ступень познания, где он забывает свою связь со всем земным. В большей степени она должна привести к той пронизательности, которая устраняет все центрирование «Я» и позволяет постичь мир таким, какой он есть. Только это ведет к той всеобъемлющей любви, которая делает возможной нашу человеческую жизнь.

Существует древняя мандала, которая известна как на Востоке, так и на Западе; она ясно и четко выражает позицию мистика: два расположенных друг над другом круга, соединенных в их центральной части. В христианстве мы называем это мандорлой. В романском искусстве в обоих этих кругах изображен Иисус Христос, в буддизме — Шакьямуни Будда. Мандала является более древней, чем обе данные религии. Она обозначает сверхъестественное и естественное, Божественное и человеческое, Дух и Материю. Там, где оба круга пересекаются, сидит «Бог-человек». Здесь находится место, где оба аспекта действительности сливаются в одно целое.

Мандорла обозначает объединение кажущихся противоположностей, *coniunctio oppositorum*, или, как сказал бы Николай Кузанский, *coincidentia oppositorum*. Это биполярное единство, о котором говорит мистика. Сознание нашего «Я» делит действительность на субъект и объект, наша истинная личность переживает единство и гармонию. В мандорле оба аспекта совпадают. Николай Кузанский пишет: «Я обнаружил место,

где можно найти Тебя раскрытым. Оно окружено совпадением противоположностей (*coincidentia oppositorum*). Это оплот рая, в котором Ты живешь. Его врата охраняет высший Дух разума (*spiritus altissimus rationis*). Если его не преодолеешь, не откроется вход. Тебя можно видеть по ту сторону стены совпадения противоположностей, с этой стороны нельзя». ⁴

Эзотерика не предполагает выход из мира. Наоборот, она видит мир и действительность такими, какие они есть, а не такими, какими нам их ложно представляют смысл и разум. Наш человеческий процесс созревания состоит в том, чтобы как можно больше перекрыть оба этих круга. Эзотерика и экзотерика соотносятся. В Евангелии от Иоанна есть места, содержащие нечто похожее, например, когда Иисус говорит ученикам: «Каждый, кто видел меня, видел Отца» (Ин. 14, 9). Еще очевиднее по поводу единства сказано в апокрифических текстах: «Если вы из двух делаете одно, если вы внутреннее представляете как внешнее, а внешнее как внутреннее, низшее как высшее; если вы мужское и женское начала приводите к единому целому, так, что мужское не является больше мужским, а женское женским, ... тогда вы вступите в Царство». ⁵

В эзотерике, в конечном итоге, речь идет о новом познании и восприятии действительности. Истинные эзотерические пути не уведут из этого мира, а, наоборот, ведут в одно мгновение, в жизнь. Речь идет не о презрении к миру, а о совершенно новой форме всемирной любви. Итак, мы идем к сути мистики Запада и Востока: религия — это жизнь, а жизнь — это религия. Если я познаю свое вставание по утрам и надевание домашних тапочек как религиозное действие, тогда я узнаю, что есть религия. Однако без глубокого познания это невозможно. В благодарственной молитве мы торжественно возвещаем, что здесь есть не только хлеб (то есть не только форма), но и то, что в этой форме проявляется суть Божественного. Мы должны признать в этом оба аспекта действительности: форму и пустоту, Бога и Материю. Мы торжественно возвещаем в благодарственной молитве, что не существует ничего, что не является Богом, и что свой завтрак мы должны познавать так же, как форму выражения Божественного. Жить своей жизнью здесь и сейчас является священным деянием. В конечном счете, таинство момента есть не что иное, как «жизнь по воле Бога». Это — дорога к счастью.

5. РАЗБОР ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Эзотерика должна наделять такой пронизательностью, которая устраняет центрированное «Я» и позволяет постичь мир таким, какой он есть, но также и соотносит его. Мир, такой, какой он есть, религии называют

по-разному. На Востоке он называется «пустотой», что в европейских языках чаще переводится как «Божественное» или «абсолют». Экхарт использовал слово «божество». Все вещи, по сути, существуют без самостоятельной и долговечной субстанции. Они являются чистыми формами явлений, которые не могут выступать вне Божественного, то есть вне пустоты. Когда на Востоке говорят: «Все вещи пустые», то это не значит, что они не существуют, а значит, что они являются лишь голыми формами явлений. У вещей нет их собственного существования. Только пустота делает форму возможной и связывает одновременно все формы.

Все здесь сказанное можно легко смешать с монизмом, пантеизмом, квиетизмом, анимизмом, гностицизмом или — назовем новейшие духовные течения — с антропософией, теософией, христианской наукой. Это соответствует истине только в случае, если я попытаюсь истолковать мистическое познание с рациональной точки зрения, с которой оно просто не может быть постигнуто. Мистический спиритуализм — это зрелая религиозность, которая может исходить из любой религии. Всё, по сути, существует с Богом. Нет ни одной сферы жизни или пережитого, которая была бы из этого исключена. Это положение любой мистики, поскольку ей позволено свободно выражаться и не подвергаться цензуре.

Мы тоже должны освободить мистику от лицемерия и ханжества, от того, что мы в христианстве называем даром пророчества или видениями. Это не значит, что нечто подобное не присуще мистике и не может иметь значения для некоторых лиц или для группы лиц. Мистическое познание может также быть чем-то весьма банальным и, тем не менее, наполнять человека полностью. Оно абсолютно не должно выражаться на религиозном языке. Его первейшим языком на Западе является любовная песня. В дзэне знают, что мистическое переживание может появляться в ванной и в туалете, в половых отношениях и при рубке дров. Божественное проявляется во всем и всегда тогда, когда нам даровано освобождение.

Дальнейшее возражение в том, что в эзотерике понимание Бога остается подчиненным субъективности отдельного лица. Для истинного познания имеются критерии, которые опять-таки основаны на собственном познании, а потому не могут быть определены рационально. Любой эзотерик становится бессильным, если ему нужно привести доказательства. Поэтому мистика будет оставаться в проигрыше до тех пор, пока большая часть человечества не овладеет подобным познанием. Число людей, вставших на путь трансличного познания, растет. К сожалению, многие из них вынуждены пребывать вне организованной церкви, поскольку внутри ее они отвержены.

Рассмотрим еще одно предубеждение: созерцательность — это самоосвобождение. Ни дзэн, ни высшие формы йоги, ни созерцательность не имеют ничего общего с самоосвобождением. Освобождение всегда рядом. Оно не может быть осуществлено человеком. Он может только подготовиться к его познанию. Он может только попытаться убрать слои, отделяющие его от освобождения. Как следует рассматривать отношения между Божественной милостью и человеческими стараниями, Экхарт объясняет в следующем тексте: «Это один момент: готовность и наполнение. Когда природа (имеется в виду человек и его старания) достигает наивысшей точки, тогда Бог дарует милость; в то же самое время, когда Дух (человека) готов, Бог входит в него без промедления и колебания».⁶

Я считаю важным, что мы по-новому рассматриваем то, что долгое историческое время считали лженаукой. Действенный диалог между религиями приведет в будущем в область познания, а не в область теологии. Число людей, вступивших на путь трансличного познания, растет. Остается надеяться, что христианские церкви увидят знаки времени и не будут противопоставлять себя новому религиозному выступлению, а наоборот, снова откроют в своих собственных традициях то, что люди сегодня так страстно ищут.

К. Г. Юнг всю проблематику привел однажды к одному простому знаменателю. Мистика для него является не делом веры, а делом познания. Он пишет: «Религиозное познание является абсолютным. Об этом не стоит и дискутировать. Можно только сказать, что никогда человек не имел подобного познания, а оппонент скажет: “Сожалею, но у меня оно было”. На этом дискуссия закончится. Все равно, что мир думает о религиозном познании; тот, кто его имеет, обладает великим сокровищем, которое стало для него источником жизни, смысла и красоты и которое придало новое сияние миру и человечеству».⁷

VI. СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА — ДРЕВНЯЯ ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Созерцательность — это слово, которое использовалось во всем средневековье для обозначения беспредметной молитвы. Она была высшей формой и целью любого молитвенного наставления.

Различают три формы молитвы:

- 1) Устная молитва — *oratio*.
- 2) Мыслительная молитва — *meditatio*.
- 3) Созерцательная молитва — *contemplatio*.

Тереза Авильская предложила еще более точное деление:

- 1) Устная молитва.
- 2) Ментальная молитва.
- 3) Медитация (наблюдение, возможно с чтением).
- 4) Молитва сосредоточенности мысли (активная и пассивная).

За этими формами начинается собственно созерцательная молитва:

- 5) Молитва покоя.
- 6) Созерцательность (также называемая *unio mystica* — «погружение», «искусство любви»).

Первые четыре формы обращены к интеллектуальным и чувственным способностям человека, то есть он молится со смыслом, с чувством и пониманием, он занимается таким содержанием сознания, как образы, слова, метафоры или природа, благодаря чему происходит подъем душевных сил.¹ Мистики называют это медитацией, а сегодня еще говорят — наблюдение.

Созерцательность возможна только в том случае, если разум, память и воля находятся в состоянии покоя. Все душевные силы в созерцательности ведут себя пассивно. Что-то происходит с молящимся. Никакие содержания не согласны оставить сами религиозные образы, видения, внутренние обращения и благочестивые мысли. Созерцательность — это чистое смотрение. С молящимся что-то происходит. Это пробуждение к нашей истинной Божественной сущности.

2. КАТАФАТИЧЕСКИЙ И АПОФАТИЧЕСКИЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Пожалуй, нет ни одной религии, которая бы не показывала двойной путь к Богу. Религиозная наука использует для их обозначения собственные понятия: апофатический и катафатический (apo — «путь»; kata — «соответствующий»; phatis — «речь, слово»). Один проходит свой путь молча, другой — с речами и словами.

Катафатический спиритуализм занимается содержанием сознания, то есть образами, представлениями и понятиями. Он ориентирован на содержание и исходит из убеждения, что образы и понятия человеку необходимы для того, чтобы прийти к Богу. Они имеют огромное значение для развития религиозной жизни.

Апофатический спиритуализм ориентирован на чистое, полное сознание, а содержание считает досадной помехой. До тех пор пока сознание держится за образы и концепции, оно не окажется там, где происходит истинное познание Бога. Образы и концепции скорее затемняют Божественное, чем освещают его.

Многие люди идут к Богу по катафатическому пути, то есть по пути образов, представлений и слов. Поэтому катафатический спиритуализм во всех религиях играет большую роль. Чем глубже религия погружается в мистическое познание, тем больше она становится апофатической; это значит, что она отказывается от образов, представлений и концепций, поскольку они определенным образом затемняют Бога.

С одной стороны, религии нужны образы и слова, так как без них невозможно донести веру до человека, а с другой стороны, велика опасность ее овеществить и, в конечном счете, даже сделать из нее культ. Образы и символы — это истинный путь, который ведет к конечной действительности, но также они могут быть и препятствием.

Апофатический спиритуализм в религиях откровений, прежде всего в христианстве, вызывал некоторые сомнения. Он всегда представлял собой более или менее широкое течение, которое временами протекало тайно, а иногда распространялось с размахом. Тем не менее институт религии испытывает к нему определенное недоверие. Иногда оно является обоснованным, особенно тогда, когда мистический путь становится антитеологическим или даже антиинтеллектуальным, и опускается до некритического, а временами до парапсихического уровня. Мистика и теология являются двумя столпами одной религии. Лишь когда оба существуют устойчиво и уравновешенно, расцветает религиозная жизнь.

3. РЕЛИГИЯ И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ

По какому пути пойдет человек — зависит от структуры его личности. Тот, кто сильно ориентирован на субъект — объект, в большинстве своем, боится освободить свое «Я», или, как говорит мистика, боится умереть. Таким людям нужен визави, за которым они могут закрепить их «Я». Чаще всего для этого служат религиозные образы и теологические понятия. Образы могут растолковать человеку Божественную мистирию, но могут и изменить ее; ибо они часто используют самосознание, чтобы защитить себя от его распада. Критика безобразного созерцательного пути, тем самым, происходит часто от страха: если освободиться от образа Бога, то исчезнет и собственное «Я». Поэтому образы чаще всего считают тем, за чем они стоят. Они становятся идолами. Удержание образов и понятий кажется одной из самых изощренных уловок самосознания, чтобы воспрепятствовать более глубокому единению с Богом.

Самосознание и познание единства являются смертельными врагами. Они не могут существовать друг с другом. За время мистического переживания человек теряет свое самосознание. Таким образом, мистерия несет с собой угрозу. Человек некоторое время пребывает в полном благоговении и страхе. Очень медленно наступает более глубокая готовность раскрыть себя навстречу мистерии. Это всегда означает освобождение от своего «Я» и его представлений. Наше «Я» — это то, что постоянно конституируется памятью, но не существует в себе самом. На протяжении созерцательного пути человек познает, что его сущность лежит намного глубже, чем то поверхностное «Я», которое формируется разумом, смыслом и волей. Многие люди оказываются жертвами заблуждений, когда свой внешний облик считают своей настоящей личностью. Чтобы познать великую Божественную действительность, нужно освободиться от этого ложного автопортрета.

На практике, правда, в каждом человеке смешались оба духовных пути. Мистик участвует в богослужениях и проповедует, в общем, свои верования. Его духовное познание, безусловно, превосходит это все.

4. УПРАЖНЕНИЯ В СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ

Постоянно возникает вопрос, должны ли мы уже путь к созерцательности называть «созерцательностью». Некоторые средневековые учителя говорят об упражнениях в созерцательности. Так, Иоанн Креста пишет, что «необходимо встать на созерцательный путь».² Он знает даже «градацию» созерцательности.³

Мадам Гийон (1648–1717) говорит о коротком и легком пути к внутренней молитве, по которому, без каких-либо трудностей, могут пойти все и при этом уйти далеко за короткое время.⁴

Итак, в созерцательности можно упражняться. Ее можно сравнить с восхождением на вершину (ср. Иоанн Креста, «Восхождение на гору Кармель»). Иоанн Креста пишет о «состоянии впереди идущего».⁵ Осуна говорит даже о том, что нужно построить здание созерцательности.⁶

Посредством упражнений душа приходит в такое состояние, когда она может погрузиться в созерцательность.⁷ Состояние созерцательности — «любящее познание» — наступает не сразу, поскольку душа вначале не может воспринять то, что она ищет, хотя это находится рядом.⁸

До Осуны, Иоанна Креста и Терезы ясный путь к созерцательности уже показал Гуго Сен Виктор. Гуго говорит о тройном глазе человека: «Глаз плоти, глаз разума, глаз созерцательности». Глазом плоти воспринимаются внешние вещи, глазом разума — духовные вещи, а глазом созерцательности воспринимаются Божественные вещи.⁹ В той или иной степени, упоминания об этих трех ступенях мы находим также у Рихарда Сен Виктора, у Бонавентуры и других. Высшая ступень называется созерцательностью. Было бы бессмысленно сохранять это слово в христианской сфере для нашего беспредметного молитвенного пути. Это соответствовало бы традиции. Созерцательность — это параллельный путь к путям дзэна, випассаны и йоги, ведущим к одной цели.

Бонавентура в своей «маршрутной карте» дает описание пути. Для него созерцательность является истинной целью христианской жизни, которой должно служить всё, а также философия и теология.¹⁰ Четкий путь указывают также те английские мистики XIV века, труды которых известны нам под названием «Облако незнания», или «Облако молчания».¹¹

Для этих авторов мистика была не тем, что они, преимущественно, хотели описать, а тем, к чему следует стремиться, ради чего следует стараться и прилагать все свои силы. Конечное познание — это милость. В этом никто не сомневается. Однако все также знают, что на этом пути необходимы человеческие усилия и помощь других людей.

5. КТО ДОЛЖЕН ВСТАТЬ НА ПУТЬ СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ?

«Все приспособлены к внутренней молитве. Но к несчастью, почти каждый вбил себе в голову, что у него нет призвания к внутренней молитве. Мы все призваны к внутренней молитве, как и все призваны к благу», — пишет мадам Гийон.¹²

Иоанн Креста в трактате «Восхождение на гору Кармель» пишет: «Речь в книге идет о том, как можно подготовить душу к скорому единению с

Богом. Имеются указания и учения как для новичков, так и для идущих впереди...».¹³

Для Людвига Блозиуса, французского мистика XIV века, статус созерцательности, по меньшей мере, для каждого монаха является само собой разумеющимся. «Если ты говоришь, что это совершенство для тебя слишком высоко..., то я тебе отвечу: тогда ты не монах». Существует похожая цитата из дзэна: «Монах без кеншо (смотреть в суть) не стоит ни гроша».

Все чаще приходят люди на курсы созерцательности, на которых дается глубокое мистическое познание. Среди них христиане, а также люди, которые не используют на практике свое христианство и стоят в стороне от церковных обязательств. Некоторые на этих курсах очень быстро пробивают себе дорогу к настоящему мистическому познанию. Это вполне возможно, что познание христиан сталкивается с нерелигиозными образами, а агностики вдруг начинают оказывать почтение христианским образам. И те и другие, быть может, приходят в ужас от подобной ситуации.

Как христиане, мы подвергаемся опасности, только если истинным мистическим познанием признаем то, что согласуется с основным механизмом догматических выкладок. Познание не связано ни с какой определенной верой или вероисповеданием. Бог всегда открывается и тем людям, которые не натурализовались ни в одной религии. Иначе говоря: познание всегда протекает в уже имеющемся сознательном пространстве человека, которое, в свою очередь, зависит от его подготовки и структуры личности.

Отсюда и из практического познания следует вывод, что также и люди, которые далеки от религии, могут встать на этот путь и прийти к истинному мистическому познанию. Одни возвращаются обратно к церковным обязательствам, другие не видят в этом необходимости.

6. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ УПРАЖНЕНИЯ

Кажется, что мистические пути Востока и Запада сводятся к двум основным формам упражнений:

- Путь сосредоточения сознания.
- Путь разгрузки сознания.

Также можно первый путь назвать концентрированным, а второй рецептивным.

Путь сосредоточения сознания состоит в соединении или концентрации психических сил на одном объекте медитации, например на слове или коане. Если долгое время продолжать упражнение концентрации на этом объекте, оно приведет к потере эго — сферы сознания. Вращаю-

щийся вокруг эго поток мыслей и само эго будет как бы поглощено объектом упражнения. В конце выступит вперед познание абсолютно ЕДИНОВОГО, ибо где только ОДНО наполняет все сознание, все остальное исчезает, также и эго. Познание единства занимает свое место.

Путь разгрузки сознания имеет свою основную структуру в нереагировании сознания. Оно просыпается, но не связано ни с какими мыслями, не сдерживается никакими представлениями, не подвержено никаким эмоциям. То, что появляется в поле сознания, воспринимается, а затем отпускается. Таким образом, уровень сознания сравним с зеркалом. Все, что перед ним появляется, от него отражается. Медитирующий чувствует, что наблюдаемая суть отличается от наблюдаемого сознательного содержания, и противостоит тенденции идентифицировать себя с этим содержанием.

Нараньо описывает медитативное упражнение следующим образом:

«Требуются продолжительные усилия, чтобы отследить все условия, все вынужденные процессы в духе и теле, все, обусловленные привычкой, эмоциональные реакции, которые отравляют совершенно простую ситуацию и от которых необходимо освободиться».¹⁴

Продвижение вперед на мистическом пути ведет к разавтоматизации сознания. Примеры реакции или поведения, как при восприятии всей действительности вокруг нас, так и при преодолении ситуаций, решаются посредством медитации, разбираются и наконец откладываются в сторону. Медитирующий снова в состоянии видеть все, что появляется в поле сознания таким, какое оно есть, а не таким, каким ему это представляли его проекции и страхи.

В последние годы исследования в области психологии значительно продвинулись вперед. Тот, кто сегодня занимается мистикой, больше не проходит мимо того, что публикует трансличностная психология. Она может осветить до определенной степени мистические процессы и размистифицировать многие аспекты, не описывая и не давая определения конечному состоянию.

Не только Христос, как сказал однажды Карл Рахнер, но и человек будущего станет мистиком. Человечество когда-нибудь в конце одной из своих эпох развития достигнет ментальной фазы.¹⁵ Кажется, что наше выживание зависит от того, удастся или не удастся нам перепрыгнуть на следующую ступень сознания, которую Жан Гебсер называет аперспективной сферой. Молодежь показывает себя готовой, более открытой и способной для мистического пути, чем старшее поколение. Мистическое течение, безусловно, распространяется больше вне организованной церкви, чем внутри нее; поскольку гуманитарные науки и различные ветви психологии и психиатрии в настоящее время проявляют больший интерес к измерениям глубин человеческой души, чем религиозные учреждения.

Упражнение с дыханием

Христианская монашеская традиция уже давно знает о возможности погружения с помощью дыхания. Следует привести некоторые примеры из «Филокалии», книги, которая сообщает о молитвенной жизни монахов восточной церкви.¹⁶

«Тебе известно, брат, как мы дышим: мы вдыхаем и выдыхаем. Без этого нет жизни. Когда ты поселишься в келье, сконцентрируй свой дух, свяжи его с дыханием, посредством которого в тебя проникает воздух, заставь его через вдыхание оказаться в центре тебя и удержи его там. Удержи его там, но не молчаливо и бесцельно, а со следующей молитвой: “Господь наш Иисус, Сын Бога, сохрани меня”. Это всегда должно его занимать, и он никогда не должен этого прекращать».

«Человек, который хочет этому научиться, должен знать, что если приучить дух посредством вдыхания проходить в самую внутреннюю середину, то следует также научиться на практике, в тот момент, когда он уже готов оказаться внутри, освободиться от всех мыслей так, чтобы он стал простым и открытым, свободным от всех воспоминаний, кроме данного призыва к Господу Иисусу Христу».

«Свои мысли об Иисусе соедини со своим дыханием, и лишь тогда ты поймешь смысл молчания. Гесихизм (“Находиться в состоянии покоя” — христианская секта) учит: “Если ты действительно хочешь, а в сущности, должен сохранить молчание; если ты хочешь сохранить бодрость духа, тогда свяжи молитву Иисусу со своим дыханием”».¹⁷

Упражнение в сидячих позах

Долгое сидение в состоянии покоя издавна считается важным. Можно сидеть на церковной скамье, или дома на стуле, или на низенькой скамеечке. Некоторые предпочитают сидеть на пятках. Если положить подушку между седалищем и пятками, то будет легче удерживать такое положение долгое время. Христианские монахи с давних пор знакомы с долгим сидением и продолжительными упражнениями. Упражнения следует продолжать также и в будни.

Кассиан, монах, который сообщил нам о молитвенной жизни отшельников и ценобитов в пустыне, описывает упражнения в мистической молитве следующим образом: он рекомендует одно простое предложение: «О Боже, приди мне на помощь, Господь, поспеши мне помочь».

«Эти молитвенные строчки следует повторять с непрерывным постоянством при неприятностях, чтобы спасти себя; при благоприятных обстоятельствах, чтобы оберечь себя и не возгордиться. Эти строки, говорю

я, должны постоянно жить в твоём сердце. Не переставай молиться на работе и на службе, а также в пути. Повторяй их во сне, и во время еды, и при естественных потребностях тела. Эти строки в сердце станут для тебя мощной благой формулой и восхитят тебя несказанным, только некоторыми людьми познанным пылом молитвы. Если ты эти строки сохранишь в глубине души, тебя может охватить сон; если ты оформишься только в конце через свои невыразимые упражнения, ты привыкнешь молиться также и во сне. Сначала они должны тебе встретиться при становлении духовной активности, при пробуждении, они сразу забирают все мысли. Когда ты встаешь с постели, они могут привести тебя к коленопреклонению, а от него ко всем делам и образам действий. Они сопровождают тебя всегда. Ты должен написать их на пороге и на дверях своего рта. Напиши их на стенах своего дома и внутри своего сердца так, чтобы, когда ты начинаешь молиться, они были бы твоим запевом; после этого ты поднимаешься и предаешься всем необходимым жизненным занятиям; они становятся для тебя прямой и постоянной молитвой».

Монахи Тибета и скифские монахи также были знакомы с долгими сидениями.

«Монах может сидеть на корточках в своей келье на циновке или на связке папирусов по десять часов в день, а то и более».¹⁸

«В “Филокалии” написано: «После захода солнца садись на низкий стул в своей тихой келье при приглушенном свете и сосредоточь свой дух на своих обычных блужданиях и странствиях вокруг и снаружи; спокойно направь его в свое сердце по пути дыхания и повторяй молитву, связанную с дыханием: “Господь Иисус Христос, Сын Бога, сохрани меня”».¹⁹

Упражнение со словами

Автор «Облака незнания», мистического труда XIV века, посоветовал использовать одно слово для концентрации сознания, и именно краткое. Познание фактически показывает, что короткое слово лучше, чем длинное, и даже то, что глухой гласный звук легче произносить, чем звонкий, и что он несет с собой лучшие эмоции. В качестве подходящих слов в христианской созерцательности оказались, например, «Иисус», «Христос», «Шалом». При внутреннем произношении и выдыхании последний гласный звук растягивается совершенно естественно. Если слово имеет два или три слога, как, например, «Иисус» или «Господь Иисус», тогда можно разделить слово последовательно: «Господь» произносится на вдохании, «Иисус» на выдыхании, или первый слог «ии» произносится на вдохании, а второй «сус» на выдыхании.

Когда в своих упражнениях уходят достаточно далеко, то внимание уже направлено не на дыхание, а на звук. Гласный звук словно напевается изнутри, он управляет дыханием. Целью является единение со словом, улучшение процесса произношения и пения. Речь идет о том, чтобы самому стать этим звуком. Тем самым успокаивается наш внутренний мир. Сознание как бы концентрируется на этом слове или на гласном звуке. Многие другие вещи опускаются. Еще одно появляется в сознании: этот процесс долгого гласного связан с дыханием. Созерцательность не отодвигает в сторону содержание сознания в смысле вытеснения, она просто концентрируется на этом одном слове, не принимая во внимание многие другие вещи, то есть на время созерцательной молитвы мысли, чувства, настроения отходят на задний план. Слово или гласный звук приковывает все внимание.

Освобождение от мыслей

Размышление о слове — это медитация о чем-то. Основное наставление мистиков гласит: нужно перестать размышлять. Также и самые благие мысли не способствуют продвижению вперед. Благочестивые чувства нужно отставить. Автор «Облака незнания» в главах 7, 36, 37, 39 дает указания по применению слова в созерцательности: «... возьми короткое односложное слово, слово с одним слогом лучше, чем с двумя, чем оно короче, тем больше оно помогает на твоём духовном пути. Таким словом может быть, например, “Бог” или “любовь”. Выбери какое-нибудь из них или любое другое, по своему желанию. Прочно закрепи это слово в своём сердце, чтобы оно всегда было с тобой при любых обстоятельствах. Оно будет твоим щитом в борьбе и в мире. Этим словом разгони над собой облака и темноту. Оберегай его от любого вида мыслей и соедини его с облаком забвения. Если тебя будет преследовать мысль и спрашивать, что ты делаешь, ответь ей только одним этим словом. Если ты все же попытаешься разложить это слово, то вспомни, что ты с ним единое целое и не хотел бы быть расчлененным. Если ты твердо на этом сосредоточишься, то стремление к разложению быстро исчезнет».

«Речь не идет о том, чтобы расчленить слово из разумного любопытства или проанализировать его, принимая во внимание его свойства, словно ты хочешь повысить свою созерцательность подобным рассмотрением. Я думаю, что не следует так поступать, если хочешь отправиться в этот путь. Сохраняй у себя все эти слова в их целостности».

«Бога нельзя постичь посредством размышлений. Его можно любить, а не размышлять о Нем. Его можно узнать и понять только через любовь, а не через мысли. Хотя это и неплохо — иногда размышлять о добре и

дружелюбии Бога, хотя это и может продвинуть тебя дальше и является не таким уж неважным в созерцательной жизни, тем не менее, я посоветую тебе отказаться от подобных мыслей, когда ты выполняешь созерцательное упражнение, и укрой их облаком забвения».

«Если тебя волнует мысль, и вклинивается между тобой и этой темной, и давит на тебя, и говорит: “Что ты ищешь? Что ты, собственно, хочешь?”, ответь, что ты ищешь Бога... Ты сам должен сделать так, чтобы эта мысль стала для тебя священной и даже помогла бы тебе в исканиях Бога».

Упражнение в самоотречении и любви

Автор «Облака незнания» советует зарядить слово самоотречением, любовью и доверием. Это только внешне противоречит утверждению, что мы не должны зависеть от чувств. Любовь, самоотречение, страсть являются основными движениями нашей души, которые вполне могут сопровождать слово. Они направляют нас и служат для концентрации. Тот, кто испытывает жажду, не должен думать о воде. Страстное желание воды скрыто в его теле. Так же происходит и с любовью. Кто действительно любит, испытывает страсть, кто способен к самоотречению, тот не будет расплываться. Такому человеку упражнения в созерцательности будут удаваться лучше. Однако не следует удивляться, если подобные чувства нередко отсутствуют. Путь ведет через обширные засушливые места, через пустыню и ночь, как говорят мистики. Поэтому большое значение имеют дальнейшие упражнения, даже тогда, когда уже больше не остается никаких чувств.

Восприятие собственного бытия

Автор «Облака незнания», наряду с путем концентрации сознания, знает рецептивный путь в мистическое познание, а именно: путь разгрузки сознания. Он часто говорит о восприятии собственного бытия. Во время упражнения можно заметить, что в глубине мыслей, чувств и намерений существует еще что-то, что не зависит от движений, происходящих в нашей психике. Мысли и чувства исходят оттуда, но они имеют другой базис. В «Облаке незнания» он называется «Бытие». Возможно, достигнешь такого состояния, когда познаешь, что существуешь. И, тем не менее, не знаешь, где ты и кто ты. Ты познаешь голое Бытие. В таком состоянии всегда имеется два объекта: «Я», которое познает, и то, что оно познает. Двигаться от этого дальше довольно трудно. Следует поставить себе цель отказаться от этого «Я» и познавать только Божественное бытие.

Однако этого нельзя достичь простым хотением. Не остается ничего другого, как только честно упражняться дальше. Продолжай молитвенные упражнения! Влейся в них полностью! Тогда тебе будет даровано познание.

Мантрическая молитва

Силой своих органов чувств, то есть посредством зрения, слуха, прикосновения, речи и т. д., мы изо дня в день вступаем в контакт с внешним миром. Но мы также можем способности наших чувств направить вовнутрь. Тогда они станут для нас проводниками в более глубокую действительность.

Все религии знают священные слова и звуки, которые они постоянно повторяют. В исламе существует 99 названий Аллаха, которые, как жемчужины, нанизанные на нитку. Сотое имя Аллаха, говорят, знает только верблюд; ибо оно непостижимо разумом, его можно только познать. У суфистов существует вацифа, у индуистов мантра, буддисты повторяют нембутсу или сутры. У нас, христиан, также есть слова и молитвы, которые мы постоянно повторяем, как, например, молитва, обращенная к Иисусу: «Господь наш, Иисус Христос, Сын Бога, сохрани меня и помилуй». Кьюри («Сохрани тебя Господь») также является таким словом, и Аллилуйя, и Мараната или Шалом, которое повторяется с определенным оттенком звучания. Звук имеет динамику сам по себе, которая выходит далеко за пределы его колебаний, и может привести нас к глубинам нашего сознания. Само собой, литания и розенкранц (перебирание четок) относятся к мантрическим формам молитвы. Для упрощения восприятия дальше я буду использовать молитвенное слово «мантра».

Мантра как бы улавливает бесконечное в конечном. Бесконечное познается в звуке. Она не является магическим заклинанием, не носит гипнотический характер и не имеет собственной власти. В большей степени она усиливает наши силы, которыми мы уже обладаем. Она связывает нас с тем, что уже есть. Она связывает наше повседневное сознание с глубинами нашего бытия. Эти глубины являются более широкомасштабными, чем язык и понятие. Таким образом, мантра служит для повторения и очень подходит для того, чтобы увести нас с пути повседневного сознания и привести к всеобъемлющему познанию. Содержание слова здесь не имеет значения. Она действует в психоспиритуальной области, которая не подчинена нашему дискурсивному мышлению. Мантра связывает нас с силами и потоками, которые проходят через наше тело и укрепляются посредством постоянного повторения молитвенных упражнений. Она что-то в нас приводит в движение, направляет нас на путь к

внутреннему миру и приводит нас к истинным источникам нашего бытия.

«В древних Писаниях тантрического буддизма говорится об Ом: “Эта мантра является самой могущественной; одна ее сила уже может способствовать просветлению”. А в Ведах (Упанишады) говорится: “Тот, кто тридцать пять миллионов раз повторит эту мантру, священное слово, освободится от своей кармы и от своих грехов. Он освободится от всех уз и достигнет абсолютного освобождения”».²⁰

В «Откровенных рассказах одного русского паломника» мы читаем о наставлениях старца, который ежедневно двенадцать тысяч раз повторял молитву, обращенную к Иисусу.²¹ Тот, кто практикует это на протяжении десяти лет, приходит к той же цифре, что и в Упанишадах, а именно: к 43.800.000. При мантрической молитве повторение играет важную роль. Через некоторое время молитва проявляет свою собственную динамику. Моление происходит в нас.

Колебания и гармония в мантре

Сегодня мы знаем, что каждая частица в универсуме имеет свою частоту. Идентичность вещи, по-видимому, находится в ее частоте. Философ Пифагор сказал, что скала — это застывшая в камне музыка. Наука доказала, что каждая частица в физическом универсуме имеет собственный образец частот и колебаний. Мир действительно является звуком, даже если мы не можем слышать все звуки. Мы, люди, намного сильнее зависим от колебаний, чем мы думаем. Клиф Бакстер, эксперт по детектору лжи, во время эксперимента с растениями сделал одно своеобразное открытие. Он хотел исследовать, как они будут реагировать, если их листья опалить свечкой. Стрелка измерительного прибора тут же сильно отклонилась в сторону, как только он подумал, что растение опалилось. Таким образом, растения понимают мысли.²² Мы знаем, что у одних людей растения растут лучше, чем у других: очевидно, они очень сильно реагируют на колебания. Не намного ли сильнее мы, люди, подвержены их влиянию, чем мы думаем?

Частоты колебаний мощно воздействуют на нашу жизнь. Если бы мы могли это в большей степени осознать, нам бы стало ясно, что, например, злые и завистливые мысли в нашей семье, в нашем обществе, между партнерами или коллегами по работе влияют намного сильнее, чем мы думаем. Все благожелательные мысли, с которыми мы относимся друг к другу, воздействуют позитивно. Гармоничное сосуществование имеет свою отправную точку в том, что исходит от нас невербально.

Подобная гармонизация измерима. Когда два человека по-доброму беседуют друг с другом, серые клеточки их головного мозга совпадают;

так же бывает, когда между проповедником и общиной устанавливается хороший контакт. Подобное происходит и у супружеских пар. Даже у животных можно наблюдать то же самое, когда, например, стая рыб или стая птиц, как по команде, меняют свое направление движения. Один исследователь пишет: «Стая больше похожа на единое существо, на единый организм».²³ Приказы исходят от коллектива. Физика называет это гармонизацией и резонансом. Сегодня мы также предполагаем, что болезни прежде всего являются сбоями ритма. Страдания и болезни, кажется, не в последнюю очередь возникают оттого, что наше тело не может гармонично резонировать во всех местах.

Мантры состоят из колебаний. Если мы звучим, то мы сами начинаем колебаться. Важно то, что мы не издаем звука, а сами становимся звуком. Звук должен вибрировать через все тело. Можно по-особому рассматривать даже отдельные части тела, такие как нога, таз, грудная клетка, шея, рука и голова. Мантрические декламации и звуки ослабляют судороги.

Мы можем наделять звук чувствами, например, самоотречением, любовью, доверием, благожелательностью. Он также способен подавить агрессию, пока мы ее не направили против кого-нибудь. Но это только промежуточные цели. На самом деле мы должны попытаться стать со звуком единым целым, так чтобы существовал только один звук. Все остальное при этом исчезает, как бы переходит в него и остается только один этот звук. Познание его в нас и во всем, что нас окружает, является целью звука. Единение со звуком ведет к раскрытию сознания. Всё колеблется в одном ритме. Границы нашего «Я» исчезают, и мы познаем себя единым целым с Божественным началом в нас и во всех вещах.

Розенкранц — это мантрическая молитва, которая больше известна среди христиан, а прежде всего, среди католиков. Ее наибольшая сила проявляется при коллективном молении, наделенном монотонным ритмом.

Мои первые молитвенные познания связаны с молитвой розенкранц. Мне было около шести лет, и я присутствовал в церкви при розенкранце, которая, по обыкновению, читалась двумя женщинами; они монотонно начинали произносить молитву, а паства продолжала ее бормотать дальше. Я вдруг пришел в такое состояние сознания, которое уже не было больше будничным, и я узнал, что за всеми словами стоит действительность, которая уходит далеко за пределы повседневного сознания. Подобное же мне, ребенку, стало ясно во время литании, которая своим повторяющимся монотонным пением привела меня к глубокому молитвенному

познанию. Ритм и монотонность являются важными составляющими частями мантрической молитвы. То, что многими христианами отвергается, истинного молящегося приводит на путь к внутреннему миру и к внутреннему контакту с Богом.

Нечто подобное происходит, как уже упоминалось, во время молитвы, обращенной к Иисусу. Она воздействует так же, как и розенкранц. Вместо того чтобы пренебрегать подобной формой молитвы, следует самому хоть раз ее прочитать.

Повторение «слова» в созерцательности также относится к мантрической молитве. Это слово сопровождает нас до самой смерти и даже после смерти. Это форма освобождения от всех образов и представлений, чтобы затем мы были полностью переданы на волю Бога. Она освобождает нас от судорожного напряжения в мире форм, так что мы больше не просим, чтобы нас взяли на небеса, а хотим, чтобы в нас исполнилась воля Бога: «Отец, в Твои руки вручаю я свой Дух».

Изучить его, безусловно, надо при жизни. Только тому поможет молитвенное слово, для кого уже при жизни оно стало постоянной молитвой.

Мы, на Западе, почти забыли мантрические формы молитвы. В восточных же религиях их ценят очень высоко. Джон Блофельд рассказывает в своей книге «Власть святого звука» об одном старом монахе, который на вопрос о происхождении ясного спокойствия, которое он излучает, ответил, что это звучание мантры, которая таинственным образом помогла Духу познать его скрытую гармонию с Дао, с первоначальным путем и первоначальным смыслом Бытия. Блофельд пишет: «Я сам наконец в состоянии познать преимущество мантрических форм перед молитвой. Так как молитва имеет понятийное значение и рассматривает спокойствие Духа через ею вызванное мышление, Дух не может прийти в спокойное, ничем не потревоженное состояние, в котором отражается первоначальное безмолвие. Он остается зависимым от дуализма — как “Я, молящийся” или “Он, на которого молятся”. Молитва, в лучшем случае, является предварительной формой мистического единения. А что касается молитвы, которая содержит просьбу, то вряд ли в ней может быть что-то духовное и спиритуальное: когда молят о победе, об определенной погоде или о счастье, ведь, в конечном счете, достичь этого можно только за счет других».²⁴

Ангелус Силезиус высказался весьма схоже в стихе: «Кто просит Бога о милости, дела того плохи. Он молится созданию, а не Создателю».

VII. МОЛИТВЕННЫЕ ПУТИ ВЕЛИКИХ МИСТИКОВ

1. ОТЦЫ ПУСТЫНЬ (III–IV ВЕКА):

PURITAS CORDIS — ЧИСТОТА СЕРДЦА

Отец пустыни, Иоганн Кассиан, происходит из римской семьи колонистов, он родился около 360 года в Констанции, на берегу Черного моря, в сегодняшней Румынии.

С Германусом, своим другом, еще в юные годы он отправился в Вифлеем. Там он не нашел того, что искал, и пошел в пустыню к монахам, о молитвенной жизни которых он нам подробно сообщает.

Позднее он продолжил странствия и в 415 году основал в Марселе два храма. Он умер в 435 году. В своем труде «Collationes» он оставил после себя советы аббата Исаака по чтению молитв.

В дальнейшем я прежде всего буду придерживаться этого предания.

Кор, сердце, у Кассиана является главным органом, способным к знанию, лучше к познанию. Сердце — это та душевная искра, с помощью которой мы не только познаем нашу Божественную жизнь, но и которая сама является этой Божественной жизнью.

Познания нельзя достичь размышлениями или словами, которые остаются в памяти, «ибо мудрость этого нельзя понять или изучить посредством праздных размышлений, или выразить голыми словами, или удержать в памяти, поскольку почти все здесь основывается только на познании. И так как эти вещи могут быть изучены только познающим, то и восприняты и поняты они будут только тем, кто с одинаковым усердием и прилежанием старается их изучить».¹

Путь к познанию ведет через изучение пути, через «практику». Она делится на три части:

- Работа над внутренним миром человека (борьба с грехами).
- Служение братьям.
- Одинаковое изображение с Христом.

Чистота сердца

Умение видеть является истинной целью монашества. Оно является даром и не подчиняется нашей воле. Поэтому ближайшей целью является чистота сердца (puritas cordis). «Таким образом, конечной целью нашего

призвания является Царство Божье, а нашей ближайшей целью — чистота сердца». ²

Мы придем к ложным выводам, если будем толковать ее как освобождение от грехов в моральном смысле. В большей степени это состояние души, которая является чистой, то есть свободной от определений, замешательства и волнений. Она представляет собой спокойствие, которое отказалось от всего, чтобы быть свободным и открытым для Бога. «Всего, что может нарушить чистоту и покой нашего сердца, следует избегать». ³

Процесс становления свободным у Иоанна Креста называется активным и пассивным очищением. Он является психоспиритуальным процессом, который, прежде всего, занимается ликвидацией психических дефектов в подсознании, таких как детские страхи, душевные травмы и другие нарушения. Кроме того, очищение означает также освобождение от любой оккупации при помощи инстинктов.

Страсти, которыми человека наделил Создатель, являются благом. Злом является только их извращенное использование. Так, например, инстинкт утоления голода сам по себе неплох, но, тем не менее, является разгулом, поскольку расслабляет человека. Кассиан благоразумно советует не есть когда попало и не быть слишком прихотливым. Собственно, речь у него идет больше о внутреннем посте: не следовать всему, что нам советует рассудок.

Безнравственность — это особая форма оккупации. Против нее помогает работа.

Алчность он называет грехом равнодушия, которое создает новых идолов.

Грусть он сравнивает с образом моли, с образом жучка-короеда и ржавчины. Она вытесняет дух из состояния чистоты.

Скука ведет к праздности и патологической сонливости. Она затуманивает голову.

Честолюбие и гордыня являются пороками идущих к совершенству, которые уже прошли один отрезок духовного пути.

Всем этим порокам свойственна суровость, непроницаемость и тугопуть. Они являются причиной беспокойства и замешательства и ставят преграды на пути к чистоте сердца.

Практика

Монах сидит на корточках в своей келье на пиновке, на связке папирусов или на скамеечке до десяти часов в день. Даже после полуночного пения псалмов он не ложится. Кассиан сообщает, как однажды аббат Теодор заклинал его не тратить это драгоценное время попусту:

Аббат Теодор «...где-то около полуночи пришел в мою келью и поинтересовался с отеческой озабоченностью, что я, еще неопытный отшельник, в данный момент делаю. Когда же он увидел, что я сразу после торжественной ночной службы дал покой своему усталому телу и прилег на покрывало, он исторг из глубины своего сердца тяжкий вздох и сказал, обращаясь ко мне по имени: “О Хуан, знаешь, как много монахов в эти часы говорит с Богом, стараются объять Его и удержать в своем сердце, а ты лишаешь себя этого великого Света, предавшись ленивому сну».⁴

Созерцательность продолжается также и во время ручной работы. «Кто-то может во время добывания себе пропитания апостольской работой (то есть ручной работой, как апостолы) ловить в глубине своего спокойного сердца стаи роящихся мыслей, как отличный рыбак внимательно в тишине ловит рыбу; между тем, как он словно с выступающего скального камня напряженно вглядывается в глубину и пытается распознать, какую рыбу он должен вытащить своей удочкой; разумно оценить, от какой рыбы, как злой и вредной, он должен отказаться и отбросить ее».⁵

Пустыня, келья, работа, посты и письменные декламации — все это является основой практики. Как далеко человек ушел, он может прочитать в своих снах. «Если дух человека начинает видеть свой собственный свет, если его не повергают в тревогу сновидения, если он перед лицом жизненных неурядиц остается невозмутимым, такой человек достигает апофеоза».⁶

Практический путь — это изменение и созревание до чисто рецептивного состояния сознания. Иисус для монахов является совершенно мистическим богомольцем. Его молитва на горе была апофеозом, видением Бога. Раз Иисус, молясь на горе, находился в глубоком познании того, что Он называл Отцом, то и монах должен проявлять упорство в этой молитве.

«Подобное состояние представляет наш Господь в той молитве, которую Он, как сообщается, в тишине и уединении произнес на горе, когда Он как неподражаемый пример самоотречения пролил во время молитвы кровавые слезы».⁷

В упражнениях пытаются преодолеть все образы и слова. Кассиан говорит о монахах, которые не могут молиться, не представив себе какой-нибудь образ:

«Эти (необразованные монахи) совершенно не могут ни о чем думать, если не представят себе какой-нибудь образ, к которому они могут в молитве постоянно обращаться, носить его в своей душе и всегда иметь его перед глазами...

Любой дух в своей молитве поднимается и формируется по степени своей чистоты; между тем, он далеко уходит от рассмотрения земных и

материальных вещей, когда его ведет состояние его чистоты, и Христос, являясь либо еще во плоти, либо в сиянии своего величия, позволяет ему видеть внутренним взором души. Ибо те не увидят Иисуса в облике царя, кто, до известной степени еще охваченный иудейским бессилием, не может сказать вместе с апостолом Павлом: «Если и знали мы Христа по плоти, то ныне таким мы его уже не знаем» (2 Кор.) И только те узрят свое Божество, кто поднялся над низшими и земными делами и мыслями и удалился с ним на высокую гору одиночества, свободную от всякого шума земных мыслей и волнений...; величие Божественного лика и сияние Его образа раскроются тому, кто достоин смотреть на Него чистым взором души».⁸

Упражнение с формулой

Кассиан сообщает о священной формуле, которая служит для концентрации духа. Исаак сказал: «Вам должна быть передана формула духовного видения, на которую вы всегда свободно можете устремить свой взгляд и научитесь постоянно и благотворно управлять ею; и благодаря ее использованию в медитации подниметесь до высшего видения».⁹

Например, мантрическая молитва — постоянное повторение молитвенного слова — пробуждает в нас силы, которые всегда здесь. Она связывает наше повседневное сознание с глубинами нашего сознания. Также звуки пробуждают в нас силы. Она объединяет тело и душу в одном колебании и вскрывает глубокие пласты.

Подобной мантрой отцов пустынь была, по-видимому, строфа: «О Боже, приди мне на помощь, Господь, поспеши мне помочь». Кассиан показывает на примере этой мантры, как мы должны ее использовать:

«Медитация этой строфы должна непрерывно происходить в твоём сердце (*volvatur*). Не прекращай молиться на работе, на службе или в пути. Медитируй ею во время сна, и во время еды, и при исполнении естественных надобностей тела. Это движение в сердце станет для тебя священной формулой, очистит тебя от всех заразных пороков земного; она приведет тебя к скрытому небесному видению (*theoria*) и увлечет тебя несказанным, только немногими познанным пылом молитвы. Если во время медитации на тебя нападет сон, у тебя войдет в привычку, созданную этими непрерывными упражнениями, молиться ею даже во сне (*decantare!*)... Запиши ее на пороге и на дверях своих уст! Запиши ее на стене своего дома и в глубине своего сердца так, чтобы, когда ты начинаешь молиться, она была твоим заповедом; и когда ты встаешь и занимаешься отправлением всех необходимых жизненных обязанностей, она станет для тебя чистой и постоянной молитвой».¹⁰

Сознание, в итоге, имеет еще только содержание мантры. Экхарт назвал бы это совершенной бедностью или обособленностью, в которой познается только Бог. «Что может быть еще совершенней и возвышенней, чем восприятие памяти Бога в столь кратком упражнении?».¹¹

2. МАЙСТЕР ЭКХАРТ (1260–1328): РОЖДЕНИЕ БОГА В ДУШЕ

Не искать Бога — это путь к Богу

В качестве объекта исследования до сих пор Экхарт был прежде всего интересен как теолог и своеобразный мыслитель, и им занимались философы и филологи. Экхарт в качестве мистика, который учит становлению на путь Божественного познания, не был востребован. На деле он не оставил после себя никаких систематических упражнений. Однако в своих трудах он достаточно рассказал о внутреннем углублении в себя, откуда легко просматривается путь.

Время, в которое жил Экхарт (1260–1328), было эпохой религиозных исканий, которая едва ли повторится еще раз в истории человечества. Доминиканцы, францисканцы, бегинианки и возрождение старых монашеских орденов повлекло за собой возникновение большого числа религиозных сообществ. Английский хронист Маттеус Парис донес до нас некоторые цифры. Тогда в Страсбурге, во времена Экхарта, было 7 доминиканских монастырей и 85 бегинианских домов. В Кельне, где он тоже работал, было 169 бегинианских домов. Маттеус Парис считает, что в то время, когда жил Экхарт, в Германии, насчитывавшей тогда от 8 до 14 миллионов жителей, был 1 миллион бегинианок, то есть слишком несоразмерное число людей, живших в монашеских сообществах. Многие монастыри практиковали экстремальный аскетизм. Умерщвление плоти всеми способами было обычным делом.

Экхарт хотел предостеречь людей от этого преувеличенного, разрушающего личность аскетизма и проникнуться Христом для духовного преобразования и внутренней преемственности. Речь у него шла об упражнении, которое изменит внутренний мир человека, сегодня мы бы сказали: его сознание. Он делает различие между «естественным человеком» и «человеком, рожденным от Бога», который один общается с Божественным. Вопрос у Экхарта заключался в следующем: как может человек найти единство с Богом, и жить дальше, и стать настоящим человеком, и твердо стоять на ногах? Его путь — это путь рождения Бога в душе? Он всегда утверждал, что познание Бога человеком нельзя создать или добиться при помощи упражнений либо насильственным аскетизмом: это

Божья милость. Нельзя заслужить Божественное. «Поскольку это является Божьей милостью, мы не можем добыть его собственными силами».¹²

Для Экхарта искания Бога являются бесцельными. Желание познать рождение Бога мешает человеку приблизиться к Богу: «Чем больше Тебя (Бога) искать, тем меньше шансов Тебя найти. Ты должен так Его искать, чтобы нигде Его не найти. Если ты не будешь Его искать, ты Его найдешь».¹³ В этом Экхарт не отличается от других мистиков. Так же писал и автор «Облака незнания» о том, что его стремление к Богу должно быть скрыто от Бога. Подобное же написано в текстах дзэна: «Йошу спросил: “Я должен отправиться в путь или нет?” Нансен ответил: “Если ты по нему отправишься, ты пойдешь против него”. Йошу спросил: “Если я не отправлюсь в путь, как я узнаю, что это за путь?” Нансен ответил: “Путь не относится ни к знаниям, ни к незнаниям”».¹⁴

Экхарт спрашивает самого себя, будет ли тогда человек находиться во власти Бога. Нет, у Экхарта, как и любого мастера дзэна, есть путь: «Не ищи Его, тогда ты Его найдешь». Искания сильно тяготеют к области эго. Человек хочет чего-то еще. «Я» пока еще является слишком сильным. Только когда он полностью освободится, он будет готов к милости. Все упражнения являются упражнениями освобождения. Когда человек будет действительно свободным и пустым, он наполнится Богом: «Все происходит в один момент: готовность и наполнение. Когда природа человека достигнет наивысшей точки, Бог дарует милость; в тот миг, когда дух готов, Бог входит в него, без промедления и колебания».¹⁵ Готовность и наполнение происходят одновременно: «Бог должен обязательно передать Себя обособленному сердцу».¹⁶

Когда человек освобождается от своего «Я», Божественное проявляется в глубине его души. Отрешение, или, как мы чаще говорим, освобождение, не имеет ничего общего с волевым действием. Мы не можем освободиться волевым усилием. Мы должны как бы углубиться в себя, пока наша воля не потонет в уединении. Наша воля должна направить нас на путь, мотивировать его, а затем раствориться в молитвенных упражнениях.

Два вида знаний

Экхарт различает два вида знаний: знания, которые превосходят все смысловые и интеллектуальные познания, и знания, ограниченные только конечностью.

Первые являются «Божественными» познаниями, последние «земными» познаниями. Чтобы добиться «Божественного» познания, необходимо полное освобождение. Экхарт в 32-й проповеди перечисляет большое

количество упражнений, которые подготавливают к милости рождения Бога: «управление страстями», «восприятие веры», «любовь, а именно: любовь к Богу и к своему ближнему», «полное удовлетворения преобразование», «постоянное увеличение хороших дел», «глубокое погружение в Божественные вещи», «постоянная выдержка в послушании».

Экхарт говорит о духовном преобразовании и выступает против экстремальных форм покаяния того времени, таких как «...посты, бдения, молитвы, стояние на коленях, умерщвление плоти, ношение власяниц, лежание на жесткой поверхности»¹⁷; в то же время он не дает рекомендаций о количестве определенных упражнений. Для него являются важными только внутренние изменения. В этом он похож на восточного мастера, который как-то полировал кирпич. Когда его ученики спросили, что это он делает, он ответил: «Я полирую кирпич, пока он не станет драгоценным камнем». Когда ученики сказали, что это нереально, он ответил: «Точно так же вы вряд ли станете Буддой посредством своих медитаций в сидячих позах». Все упражнения выполняют только одну функцию: учат освобождаться. Экхарт называет эти подготовительные упражнения «внутренними упражнениями». «Они помогают тренироваться с разумной внутренней осторожностью».¹⁸

Прежде всего, они должны практиковаться в монастырских кельях и в церкви, затем речь уже пойдет о том, чтобы жить в мире, следуя внутренней сущности. Здесь снова дается ссылка на дзэн, где восхождение на гору экстатического просветления является только началом пути. Самое главное — это спуститься с горы в повседневную жизнь. Святой с Востока заканчивает свой путь на базарной площади жизни. Только там становится видно, достиг ли он просветления.

Указания к упражнениям

Что же это за упражнения, которые рекомендует Экхарт? Что должен сделать человек, чтобы достичь рождения Бога? Основное зерно его рекомендаций можно найти в его поучительных речах: «Надо, чтобы человек перестал быть привязанным к вещам и полностью освободился от их влияния. Для этого, в первую очередь, необходимы размышления и внимательное запоминание, как у последователя в его искусстве».¹⁹ Определенные интеллектуальные познания или определенная интуиция являются предпосылками для пути. Только интуитивно можно быть уверенным, что Бога следует искать только по ту сторону интеллектуального сознания. Тем не менее интеллектуальное сознание отправляет нас в путь: «Сознание имеет ключ и отпирает, и проникает, и пробивается, и находит ничем не прикрытого Бога».²⁰

Этот тезис привел многих исследователей к предположению, что рождение Бога в человеке является интеллектуальной работой. Экхарт дает следующее объяснение: «Право, ни знания всех созданий, ни твоя собственная мудрость, ни твои общие познания не могут привести тебя к Божественному познанию Бога. Если ты хочешь Божественным образом познать Бога, то ты должен свое знание сделать чистым незнанием, забыть самого себя и все создания». ²¹ Познание у Экхарта — это «добродетель сердца», а не «умственная работа». Здесь речь идет в большей степени о том, что в мистике обозначается как познание, о «Божественном сознании».

Внутренние упражнения

Предпосылками для «внутреннего упражнения» у Экхарта являются пять состояний:

- 1) Покой.
- 2) Сосредоточенность.
- 3) Невозмутимость.
- 4) Бедность.
- 5) Обособленность.

Здесь нет никакого систематического изложения, его труд говорит об этом в общем и целом. Для его слушателей очень многое тогда было само собой разумеющимся.

Покой

Только в «истинном покое» человек может увидеть Бога. ²² Только в состоянии покоя Бог породит в душе Своего Сына. Это упражнение в обретении покоя стоит у Экхарта перед всеми другими упражнениями: «В противоположность к покою, Бог не нуждается в бдениях, постах, молитвах и в разных самобичеваниях». ²³ Экхарт признает два шага в этом направлении: «Откажись от беспокойства о внешних делах! Беги прочь и скройся от бури внутренних мыслей». ²⁴ Однако недостаточно отгородиться внешне, нельзя от этого просто убежать. Внутренний мир человека должен обрести покой: «Все голоса и звуки должны исчезнуть, должна наступить полная тишина, абсолютное безмолвие». ²⁵ Экхарт очень хорошо знает, что внутреннего покоя достичь значительно труднее, чем внешнего.

Сосредоточенность

«Кто хочет понять учение Бога, должен сосредоточиться и отключиться от всех забот, и тревог, и от суеты вокруг низших вещей». ²⁶ То, что на первый взгляд кажется сужением сознания, на самом деле ведет к

расширению сознания: «Чем больше дух концентрируется, тем уже он становится, а чем уже он становится, тем больше он расширяется».²⁷ Таким образом, концентрация сознания является предварительной ступенью к расширению сознания. Концентрация сознания — это освобождение всех других возможностей сознания.

Невозмутимость

Слово «невозмутимость» Экхарт использует не в общепринятом значении. Это ясно видно в его письменной цитате: «Никто не услышит моего слова и моего учения, пока не освободится от самого себя».²⁸ Таким образом, невозмутимость у Экхарта связана с отказом от самого себя и освобождением. Только тот, кто откажется от своего «Я», выполнит требование Майстера. И здесь Экхарт следует за мастером дзэна. Человек должен освободиться так, чтобы «никогда не оглядываться на то, что он оставил».²⁹ «Тот, кто положил руку на плуг и оглядывается, мне не интересен...» — говорит Иисус. Но также человек не должен смотреть и вперед, на то, что он хочет достичь: «Если ты всматриваешься в то, что тебе предназначено, и с завистью глядишь на это, ты ничего не получишь».³⁰

Бедность

Бедность — это другое слово Экхарта для обозначения освобождения. Он не подразумевает под этим физическую бедность, а имеет в виду отказ от интеллектуальной деятельности, как это четко показывает 32-я проповедь (Beati pauperes spiritu...). Там есть такие выражения, как: «Потому мы просим Бога, что мы отделены от Бога»; «Потому я прошу Бога, что я расплатился с Богом, ибо мое сущностное Бытие выше Бога». А затем он заявляет с непревзойденной бескомпромиссностью, что человек даже должен отказаться от своей воли и исполнять волю Бога. Человек должен быть таким бедным, чтобы он никогда не узнал и не ощутил, что в нем живет Бог, и что Бог хочет занять в человеке то место, на которое Он воздействует. Деяния, которые человек совершает, больше не его деяния, а деяния Бога.

Так же думал и Кабир, когда написал:

*Луна светит во мне,
Но мои слепые глаза не могут этого видеть.
Луна во мне и солнце тоже.
Во мне раздается барабанная дробь вечности,
Но мои глухие уши не могут этого слышать.
Пока человек еще следует
За «Я» и «Мое»,*

*Его деяния ничто.
Когда умрет вся любовь к «Я» и «Мое»,
Наступит деяние Бога.³¹*

Любая человеческая активность должна отступить на пути созерцательности. Лишь тогда в нас может воссиять Божественное.

Обособленность

Под этим Экхарт понимает не возвращение к одиночеству, а скорее внутреннюю обособленность от представлений и концепций: «Когда я проповедую, то имею обыкновение говорить об обособленности и о том, что человек должен быть свободен от самого себя и от всех вещей...».³² Обособленность превосходит любую добродетель. Обособленность влечет за собой сообщение Бога о самом себе. Человек должен сохранять эту обособленность и в своих внешних действиях. Экхарт приводит здесь сравнение с дверной петлей, которая остается без движения даже при открывании и закрывании дверей. Имеется в виду внутреннее приведение в состояние покоя душевных сил, интеллекта, памяти и воли, с тем чтобы могло вспыхнуть Божественное сознание, мистическое познание. Сердце должно находиться «в совершенной пустоте». Отказ от активности самосознания во всех эзотерических путях называется обязательным условием. Он является Альфой и Омегой любого упражнения и ведет человека к одному образу с Богом. Слова Иисуса: «Для вас будет лучше, если Я уйду» он истолковал, соответственно, так: «Потому распадется образный внешний облик и объединяет вас с бесформенным Бытием». Чтобы действительно познать Бога, нужно освободиться от образа Христа и от всех образов Бога. «Тот, кто хочет постичь благородство и пользу совершенной обособленности, должен прислушаться к словам Христа, которые Он сказал о человечестве, обращаясь к своим ученикам: “Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам” (Ин. 16, 7); одновременно Он как бы говорит: вы слишком много удовлетворения получили от моего нынешнего облика, поэтому вам не достанется совершенное упоение Святого Духа. Поэтому распадается образный внешний вид и объединяет вас с бесформенным Бытием, ибо духовное утешение Бога лежит в высших сферах».³³

Обособленность — это как бы дверная петля, которая дарит человеку покой и в бурные времена: «Дверь двигается на петлях туда и сюда. Я сравниваю наружную коробку двери с внешним миром человека, а петлю с внутренним миром. Когда дверь открывают или закрывают, то наружная коробка двигается туда и сюда, и только петля остается неподвижной на своем месте, а поэтому никогда не изменяется. То же самое происходит и у человека, если ты это правильно понимаешь».³⁴

Созерцательность и действие

Покой, сосредоточенность и невозмутимость являются для Экхарта только условиями для правильного действия. Человек должен выйти из одиночества, чтобы познать их в повседневной жизни: «Обрати внимание на то, как ты обращаешься к Богу, когда находишься в церкви или в келье: удержи тот же самый настрой и сохраняй его и в толпе, и в тревоге, и в неравенстве».³⁵ Деяния, которые тогда человек совершает, уже не его деяния, а деяния Бога. Также и здесь, в своих высказываниях он следует дзэну, где, например, коан 46 в Мумонкане объясняет: «Ты должен выступать с вершины столба высотой сто футов и провозглашать это всему миру и в десяти направлениях».

Созерцательность и действие взаимосвязаны. Человек должен быть «свободен в действиях посередине».³⁶ Как и Иоанн Креста, Экхарт указывает на истинный образ существования вещей, являющихся Божественными: «Тем не менее внешние формы проявления являются для тренированных духовных людей внутренним Божественным способом существования».³⁷ Иоанн Креста называет это «познанием вещей в Боге». Если в человеке происходит рождение Бога, он не должен больше уходить в одиночество. Он познает «конечную действительность» в происходящем.³⁸

3. ИОАНН КРЕСТА (1542–1591):

ПРЕИСПОЛНЕННОЕ ЛЮБВИ ВНИМАНИЕ

(УМЕНИЕ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ) — ТЕМНАЯ НОЧЬ

Преисполненное любви внимание

Иоанн Креста хотел встать на путь мистического познания. Нигде так ясно об этом не сказано, как во вступительной статье к его книге «Восхождение на гору Кармель». Там написано: «Восхождение на гору Кармель объясняет, как быстрее можно достичь Божественного единения».

Описание пути можно представить в сокращенном изложении, как оно дано в его книге «Живой огонь»: «Душа должна уделять Богу преисполненное любви внимание, не “обособливаясь” в действиях; она должна вести себя исключительно как реципиент, не прилагая собственных стараний, просто прислушиваясь к любви, так, как кто-то открывает глаза с дружелюбной внимательностью».³⁹

Описанный Иоанном Креста путь к созерцательности является преисполненным любви вниманием, или, как он в другом месте это называет, «пассивно любящим восприятием».⁴⁰

Как и другие мистики, он учит устранять во время созерцательных упражнений все размышления, даже все благие мысли и чувства:

«Духу необходима эта независимость и неприкосновенность по той причине, что какие-либо мысли, идеи или возбуждение, на которых душа хотела бы в эти часы остановиться, будут ей мешать и вызывать беспокойство. Такие процессы будут создавать шум в полной тишине, в которой нуждается и тело, и дух для чуткого восприятия глубинных процессов, которые в таком состоянии одиночества Бог передает сердцу».⁴¹

Такое преисполненное любви внимание является умением слышать изнутри. Бог в нас, «Бог — это центр души»⁴², — говорит Иоанн Креста. Мы не можем нормально воспринимать и познавать это, поскольку наш разум, наши органы чувств и наша воля создают много шума. Это нелегко, на столь остром краю, — слушать изнутри. Следует либо впасть в дискурсивное мышление, либо в дрему, либо даже уснуть. Именно это, в конечном счете, и является любящим вниманием, которое — без представлений о Боге и без определенных ожиданий — прислушивается и смотрит, поскольку «Бог является центром души».

Разум, память и воля должны быть полностью исключены. Тонкая связь этого любящего внимания с центральной точкой истинного бытия может быть разрушена легчайшим движением этих духовных сил. Иоанн Креста в объяснениях к третьей строфе предостерегает:

«Создание легко разрушить извне и затемнить его сияние уже малейшим волнением души в области памяти, сознания, хотения; тишайшей попыткой привлечения смысла, импульса, восприятия и желания. Это может нанести тяжелый вред, принести большую боль и несчастье».⁴³

Дальше он пишет об усыплении и отчуждении сознания⁴⁴ и о затемнении связи с Богом: «Итак, я говорю: чтобы посредством веры привести себя в такое состояние, душа должна сохранять темноту, не только в области своих отношений с созданиями и временными вещами, то есть с чувственной и низкой стороны (о чем мы уже говорили); она должна также померкнуть и стать темной в области своих отношений с Богом и духом, то есть с разумной и высшей стороны. Только об этом мы будем говорить. Ибо ясно: если душа хочет достичь сверхъестественного преобразования, она должна все, что свойственно ее природе, как чувственное, так и рациональное, затемнить и преодолеть. Поскольку сверхъестественным называется то, что выходит за рамки природы; естественное тогда остается внизу.

Так как это преобразование не относится к человеческим помыслам и желаниям, душа должна, насколько это от нее зависит, силой воли и характера сохранять себя свободной от всего, что могло бы в нее проникнуть, будь это сверху или снизу. Что касается Бога — кто хотел бы помешать Ему делать в спокойной, разрушенной, обнаженной душе то, что Он хочет? Итак, душа должна по возможности сохранять себя свободной так,

чтобы и в обладании многими сверхъестественными благами оставаться обнаженной и находиться в темноте (подобно слепому), опираясь на темную веру, которая поведет ее к просветлению; но, не основываясь на том, что она постигает, оценивает, чувствует или ощущает. Ибо все это мрак, который ведет к ложному пути, а вера лежит выше понимания, оценки, ощущений и представлений. Если душа не отгородится от всего этого, чтобы полностью остаться в темноте, то она не достигнет высшей сферы, которая учит вере». ⁴⁵

Вначале, как говорит Иоанн Креста, это полное любви сознание внутреннего света не воспринимается. Тому есть своя причина: «Оно такое хрупкое, что человек, привыкший к упражнениям созерцания, не может почувствовать неувимое новое». ⁴⁶ Он сравнивает этот процесс с восприятием внешнего света. Его лучше видно там, где он отражается. Проникающий в окно солнечный луч лучше воспринимается глазом, когда он отражается на летающих вокруг пылинках. Таким образом, душа вначале цепляется за «пылинки», которые кружатся в ее внутреннем пространстве, поскольку темноту несотворенного света она еще не может постичь. «Сам свет не является противоположностью к видению», — говорит Иоанн Креста, — а является только средством для восприятия видимого». ⁴⁷ Таким образом, внутреннее видение проходит долгий процесс развития.

Упражнения в исполненной любви внимательности

Иоанн Креста предполагает, что новички, погружающиеся в созерцательность, интенсивно используют образное созерцание. ⁴⁸ Но когда удовольствие от этого угасает, душе следует начать заниматься исполненным любви вниманием, даже если ей кажется, что она не сможет этого сделать. ⁴⁹ Душе достаточно Божественного света. Однако из-за образов и покровов, которые скрывают суть, его нельзя воспринять. Нужно научиться пребывать в полной любви внимательности к Богу. ⁵⁰ Погружение в подобное состояние должно происходить часто и регулярно, с тем чтобы, как он говорит, навести душевный порядок. «Как и многие действия, чьи упражнения всегда совершенствуют порядок в душе, так и часто повторяемые упражнения в любящем осознании, к которым причащается душа, также совершенствуют порядок». ⁵¹

Постоянные упражнения имеют большое значение. Спокойное сидение и равномерное дыхание облегчают упражнение, что можно заключить из писаний отцов-монахов. Осознанием полной любви внимательности следует заниматься не только в сидячем положении или стоя на коленях, оно должно сопровождать вас на протяжении всего дня и всегда быть с

вами, когда ваш дух не загружен умственной работой. Часы бессонных ночей должны стать бесценными часами упражнений. Это обращение внутрь себя, где «Бог находится в центре человека», устремленность к упражнениям являются, с точки зрения всех духовных наставников, важнейшими условиями для продвижения вперед на пути созерцательности. Известно, что в дзэне и йоге во время особых периодов упражнений люди проводят в глубокой концентрации до десяти часов ежедневно. Как от отцов-монахов, так и из медитативных способов можно узнать, что путь, главным образом, состоит из продолжительных разговоров с самим собой, из общения со своим центром. Вначале нужно быть активным, что-то делать, напрягаться, чтобы оставаться в состоянии живого, исполненного любви внимания, пока своим упорством не достигнешь полного развития созерцательной молитвы. Как только разум, фантазия, память и воля замолчат, наступит путь созерцательности. Этими упражнениями следует заниматься, говорит Иоанн Креста, чтобы привыкнуть совершенствовать порядок в своей душе, который приведет ее к созерцанию». ⁵²

Это не означает, что мистическое познание можно «сделать» или «добиться его силой»; оно всегда должно быть чистым даром. Речь идет о том, чтобы подготовить себя посредством освобождения и опустошения. Иоанн Креста сообщает нам, что он часами и даже ночами предавался этой молитве и чаще всего обращал ее, как и Иисус, его Учитель, в открытое пространство или в открытое окно». ⁵³

Процесс очищения — «Темная ночь»

Ни одна управляемая эго душевная сила, такая как разум, память или воля, не может проявлять активность в состоянии созерцательности. Это упражнение не является легким, поскольку разум может крепко держаться за пустоту. Все движения души должны проходить мимо. Быть в состоянии исполненной любви внимательности означает ничего не знать и ничего не хотеть. Тот, кто встает на этот путь, быстро убеждается в том, как сильно осаждают его повседневные мысли.

Но не только повседневные мысли затрудняют упражнение. Все, что на протяжении многих лет было вытеснено в подсознание, было «спрятано под коврик», теперь приободрилось, чтобы занять свое место на внутренней сцене. Обычно, в первую очередь, новички на этом пути борются со своими детскими страхами, травмами и невротическими блокировками. Некоторые испытывают такие сильные внутренние трудности, что не могут больше продолжать упражнение. Позднее становится ясно, что следует довериться наставнику. Они нуждаются на пути в постоянном ободрении и помощи.

Нарушающие покой ядрышки в подсознании могут выступать в виде страхов. Человек не знает, откуда взялся страх, но он чувствует, что тот препятствует его продвижению по пути созерцательности. Некоторым удастся воспринять страх, преодолеть его и мужественно устремить к Богу полное любви внимание. Другие считают необходимым приостановить созерцательность, чтобы сначала пройти терапевтическое лечение. Для нормального, здорового человека бывает достаточно понять свои страхи и продолжить путь. Со временем состояние страха значительно уменьшится и в конце концов совсем исчезнет.

Во время этой активной фазы очищения человек может что-то привнести для своего внутреннего преобразования. Однако с началом «пассивного очищения», которое как будто освобождает от всего коллективное подсознание, все действия прекращаются.

Весь процесс может быть весьма болезненным. Только тот, кто сам его выдержал или долго работал с людьми, которых этот процесс ощутимо коснулся, знает обо всех сложностях. В 6-й главе трактата «Темная ночь» Иоанн Креста пишет: «Третий вид страсти и страдания, которые кипят в душе, возникает из двух других противоположностей, Божественного начала и человеческого, которые здесь сталкиваются. Божественное — это очищающая созерцательность, а человеческое — это субъект души, когда ее посещает Божественное, чтобы ее улучшить, обновить и тем самым обожествить; когда оно хочет полностью очистить душу от всех укorenившихся наклонностей, от всех прилипших, вошедших в плоть и кровь характерных особенностей прежнего человека, тогда оно раскалывает и уничтожает духовную субстанцию в окружающем ее густом и глубоком мраке таким образом, что эта душа, в виду ее жалкого состояния, чувствует себя расплавляющейся и исчезающей в ужасной духовной смерти. Душа чувствует себя как в мрачном брюхе чудовища, проглотившего ее, — она находится в том же состоянии удушья, как и Иона в чреве кита (Иона 2). Ибо в этом склепе, в такой мрачной смерти она должна ожидать своего духовного возрождения».⁵⁴

Слова, которые Иоанн Креста использует в этой главе, дают представление об ужасе очистительного процесса: «Вокруг хриплое дыхание смерти и муки ада. Они бросают во мрак; погружают в болото низших глубин. В воздухе витают темные тени смерти: — смертельные тени, смертельные стоны, адские муки, сжимающие сердце страдания — и невозможно дышать. Кости сгорают в огне, пожирается мясо, растворяются конечности (Иез. 24, 10); смертельная тоска — душа видит, как перед ней разверзается ад».

У некоторых людей эта фаза созерцательности длится очень долго и приводит их в ужас. Подобное состояние можно сравнить с состоянием

глубокой депрессии. Самое главное, чтобы погруженный в созерцательное упражнение человек рассматривал этот процесс не просто как страдание, выпавшее на его долю, а как духовный процесс очищения. Только тогда он найдет в себе силы довести его до конца. Существует разное отношение к внутренним переживаниям. Поясним на примере. Представим двух оставленных в пустыне туристов, у которых на следующие четыре недели нет ничего, кроме воды. Один постоянно находится в поисках пищи, представляет себе только съедобные вещи, мечтает о еде, голодает и по истечении четырех недель фактически умирает от голода.

Второй настраивает себя на четырехнедельный пост и посвящает это время психическому и физическому очищению. Поскольку он умеет поститься, он выходит из этого трудного испытания окрепшим и очищенным; первый же остается в нужде, страхе и безысходности.

Пассивное очищение может оказаться временем беспомощности, боли, судорог, сомнения, паники и ужаса. Не без оснований мистики называют это состояние *hottog vacuï*, ужасом перед пустотой. Лишь немногие могут выдерживать эти испытания без ободряющей поддержки наставников.

Что касается темной ночи, то для многих это звучит пугающе и негативно. Иоанн Креста, тем не менее, считает такое очищение процессом устранения всех препятствий, которые стоят перед человеком на пути познания Бога. «Любящая душа» не навязет любимому хитростью того, от чего она должна ради него отказаться. Это не в счет. Это даже не доставляет боли. Таким образом, весь путь очищения может сопровождаться большой сердечностью, которая в итоге выльется в радость.

Руководство на созерцательном молитвенном пути

Иоанн Креста придает огромное значение духовному руководству. Кто-то без духовного руководства — как сад без ограды.⁵⁵ Во многих главах своих трудов он говорит о духовном руководстве, о духовных наставниках и исповедниках, которых он подвергает суровой критике. С точки зрения Фернандо Урбино, лучше всех знакомого с произведениями Иоанна Креста, тот писал свои книги только потому, что духовные отцы того времени от страха перед инквизицией отказывались сопровождать мистически одаренных людей на их созерцательном пути. Он упрекал духовных наставников в отсутствии понимания, поскольку они пытались ввергнуть людей, стоящих на этом пути, в темноту и пустоту созерцательности и вернуть их обратно к созерцанию и благочестивым упражнениям.

«Если души к этому времени ни у кого не находят понимания, они возвращаются обратно с этого пути, одинокие и истощенные; по меньшей мере, они сами препятствуют своему прогрессу, поскольку убедили

себя, что могут продвигаться вперед посредством медитаций и разъяснений; при этом они слишком жестко прессируют свои природные силы, полагая, что могут застрять на этом пути из-за своей нерадивости и своих грехов... и здесь они не правы, ибо к этому времени Бог уже направляет их по другому, совершенно отличающемуся пути, по пути созерцательности. Один путь — это путь наглядно отраженного размышления, другой же — не имеет ничего общего с наглядностью и рассуждениями». ⁵⁶

«В эту ночь размышлений души должны перескочить через несвоевременные медитации и бесплодные мечтания... даже если они убеждены, что теряют свое время в безделье и из-за общей расслабленности устраняются от умственной работы». ⁵⁷

«Иногда они (души) не хотят погружаться в темноту. Часто не понимают этого, им не хватает поддержки наставников, которые бы привели их на вершину познания... Они остаются на низшей ступени общения с Богом, поскольку не хотят ничего другого, или не знают, или нет никого, кто бы повел их по пути освобождения. В конце концов наш Господь так щедро одарит их своей милостью, что они и без того, и без другого пройдут по этому пути. Однако цели они достигнут значительно позже, с большим трудом и менее достойно». ⁵⁸

Критика духовных наставников

Это критический пункт на пути к внутреннему миру. Вместо того чтобы возвращать исповедующегося, духовные наставники должны побуждать его заниматься упражнениями в исполненной любви внимательности и мужественно продолжать свой путь, несмотря на сухость, одиночество и пустоту. В своей книге «Живой огонь» он очень подробно рассказывает об этом. ⁵⁹

Там он приводит угрозы Бога. Например: «Велик гнев Бога, направленный на таких духовников. Через пророка Иезекииля Он грозит им наказанием: «Я насытил вас молоком своих стад, Я одел вас в их шерсть. Но вы не пасете Мои стада. Я заберу от вас свои стада». ⁶⁰

В предисловии к книге «Восхождение на гору Кармель» Иоанн Креста называет потерявших свою квалификацию духовных пастырей «строителями Вавилонской башни». В книге «Живой огонь» они названы «кузнецами», которые умеют только махать молотком; ⁶¹ «лисицами», которые вытоптали виноградники Господа; ⁶² «слепцами», которые мешают восприятию Святого Духа; людьми, которые запирают перед другими «небесные врата». ⁶³

Поэтому он советует людям быть очень осторожными на своем духовном пути и доверять далеко не всем. «Душа, которая хочет достичь

на этом пути концентрации и совершенства, в первую очередь должна обращать внимание на то, в чьи руки она себя отдает; ибо каков учитель — таков и ученик; какой отец — такой и сын». ⁶⁴

Многие мистики указывают на то, что наступит время, когда надо будет оставить размышления о Боге, а затем и некоторые набожные упражнения, если хочешь продвинуться по пути созерцательности.

Все же и сегодня многие исповедники и духовники не советуют людям идти дальше, когда они достигают этого пункта. Тот, кто сам не сведущ в этой области, тому трудно обратить других к беспредметной молитве. На данную тему говорил еще Иоганн Таулер, который, очевидно, сам столкнулся с проблемой духовного руководства. В его 29-й проповеди мы читаем: «...если ты не смог достичь сущности, то и внешними действиями ты никогда до нее не доберешься. Не старайся понапрасну! Если ты победил своего внешнего двойника, обратись к своему внутреннему миру, погружайся в себя и ищи свою сущность: ты не найдешь ее во внешних вещах, в указаниях и намерениях... Тот, кто привлекает таких людей (ищущих сущность) к грубого рода внешним упражнениям, выносит себе самому страшный приговор. Своими особыми набожными упражнениями, которыми они хотят увлечь таких людей, они создают намного больше препятствий на пути их развития, чем даже язычники и иудеи. Вы, выносящие резкие суждения и гневно жестикулирующие, остерегайтесь говорить о внутренней сущности человека». ⁶⁵

Таулер глубоко огорчен, что «язычники» значительно лучше знают путь к истинной духовной сущности, чем христиане. Об этом он пишет в той же проповеди:

«Проклус, языческий ученый, говорит: “Пока человек мыслит образами, существующими среди нас, и общается с ними, он никогда не постигнет этой сущности. Мы считаем суеверием то, что она находится в нас; мы не можем поверить, что нечто подобное вообще может быть, а тем более в нас. А потому, — продолжает он дальше, — если ты хочешь только узнать, что она существует, откажись от множественности и рассматривай этот предмет только с позиций здравого смысла. Но если ты хочешь подняться к более высоким сферам, откажись от всех здравомыслящих взглядов и рассуждений, ибо разум лежит ниже тебя, и стань одним с Единым”. Единым он называет Божественное затмение, спокойное, безмолвное, спящее, трансцендентное. Ах, дорогие, нам должно быть стыдно, что мы так далеки и так мало похожи на язычника, который это понял и к этому пришел». ⁶⁶

Иоанн Креста требует от наставников в созерцательности не безусловной святости, а познания. Также необходимы определенные психологические предпосылки, чтобы руководить другими.

При этом нужно принять во внимание следующее: «На этом пути, во всяком случае на его высшем отрезке, да и на среднем тоже, едва ли можно найти руководителя, который бы соответствовал всем требованиям. Простой осмотрительности и дара распознавания здесь будет недостаточно, следует обладать эмпирическим познанием... Если отсутствует познание того, что является чистым и истинным Духом, то и не удастся испытать душу в восприятии Бога или же распознать этот Дух».⁶⁷

Пожалуй, лучше всех остальных цитат о том, чего требует Иоанн Креста от духовных наставников, говорит следующий отрывок: «Духовные наставники должны осознать, что настоящими руководителями и двигателями души являются не они, а неусыпно заботящийся о ней Святой Дух. Они же только проводники на пути к совершенству в силу своей веры и Божественного закона, к совершенству, соответствующему Духу, которого Бог особо посылает в каждую душу. Таким образом, они должны стремиться не уравнивать ее по своему усмотрению, а проверить себя на предмет знания пути, по которому ее ведет Бог. Если же они его не знают, то им следует верить душе Богу, а не смущать ее».⁶⁸

Иоанн Креста ссылается, правда, также на разум и на естественные умственные способности. Никто не должен слепо следовать по своему пути познания, необходимо советоваться с духовным наставником.

«Слова Бога в то время не имели авторитета, силы и достоверности, если они не подтверждались в речах проповедников или пророков. Так как Богу нравится, что о человеке заботится и руководит им другой, ему подобный человек, и что человека направляет и ведет естественный разум, Он непременно требует, чтобы мы не совсем доверяли сверхъестественным вещам, происходящим с нами, и укрепляли свои силы и уверенность, прежде чем они начнут направлять нас посредством человеческих речей... Поэтому Он закладывает в душу, которой что-то сообщает или раскрывает, определенную способность донести эту информацию до того, кому она предназначена. И Он находит полное удовлетворение не раньше, чем человек воспримет ее от подобного ему человека».⁶⁹ Это то, что всегда советовали духовные наставники. Августин писал, что человек будет спасен человеком и что направлять его должен человек. При этом он ссылался на святого Иоанна Креста, который в своей 1-й проповеди говорил о чем-то подобном; на апостола Павла, который в Дамаске занимался мистическим познанием, а затем был послан к Ананию для дальнейших наставлений.

Прежде всего, для прохождения фазы «темной ночи» необходим руководитель. Эта ночь является последним возложением длани Господней на человека и зачастую сопровождается тяжелым чувством одиночества и бессмысленности.

4. МАДАМ ГИЙОН (1648–1717): НОЧНОЙ ПУТЬ

Краткое описание ее жизни можно найти в книге Эгнера-Вальтера «Внутренняя молитва Мадам Гийон» (Мюнстершварцах, 1989).

С точки зрения Мадам Гийон, каждый человек имеет призвание к внутренней молитве. Она указывает на два основания этого:

- Каждый человек имеет естественную склонность к Богу. Он должен только встряхнуться.
- Каждый человек имеет призвание к благу.

Согласно Мадам Гийон, к Богу можно приблизиться тремя различными способами. Они вытекают из пути очищения. Она называет эти три пути:

- Активный путь к свету.
- Пассивный путь к свету.
- Ночной путь.

Такое разделение предложил Петер Порэ, который перерабатывал труды Мадам Гийон.

Задачей человека является возвращение к Богу уже в этой жизни, благодаря чему он придет к сущностному единению с Ним. Также оно описывается как единение со своей серединой или со своим центром.⁷⁰

После того как Мадам Гийон испытала все три пути, она пришла к убеждению, что только ночной путь ведет к единению. Она образно рисует три реки, которые с разной скоростью вытекают из моря и возвращаются к нашему собственному первоисточнику.

Активный путь к свету

Это путь людей, которые созерцают и медитируют посредством написанного слова и образа. Они пытаются постичь истину разумом и очиститься через «благие намерения». Им нравятся общества, которые занимаются благотворительностью. «Они совершают тысячи святых дел и практик, чтобы приблизиться к Богу и сохранить себя в присутствии Бога. Все это происходит благодаря их собственным усилиям, поддерживается и поощряется милостью Бога. У таких людей собственное влияние преобладает над влиянием Бога. Божественное влияние только помогает и усиливает их собственное влияние».⁷¹

Эти люди сильно зависят от непостоянства своих чувств. Они не находят внутреннего покоя, который является условием для более глубокого общения с Богом. «Они никогда не достигнут того ясного штиля, того глубокого душевного мира, того покоя народа Божьего (Евр. 4, 9), которыми наслаждаются другие люди посередине рассеяния света».⁷²

Если представить этот путь в образе реки, то можно увидеть, что в ней недостаточно воды, поскольку источник слишком мал и часто пересыхает. Она достигнет спасения, но вернуться обратно в море при этой жизни уже не сможет.

Пассивный путь к свету

Второй путь, по Мадам Гийон, это путь веры в свет и откровение. На этом пути можно иметь пронизательность, даже экзальтации и видения. Такие люди всегда окружены другими людьми, поскольку они обладают сверхфизическими способностями. На Востоке говорят: когда в город приходят факир и мудрец, все люди бегут за факиром. «Многие святые, которые на церковном небе сияют как звезды первой величины, никогда не достигали такой степени популярности».⁷³

Мадам Гийон испытывает глубокое почтение к таким людям. Они охвачены сильной любовью, которая помогает им выдержать все испытания. Они познают присутствие Бога, Бог даже наделяет их способностями творить чудеса. Их язык — это язык мистики. Они говорят об умирании, одиночестве, потерянности.

«В отношении их собственного воздействия, для Бога они фактически умерли, ибо они воспринимают свет пассивно. В отношении же своей глубочайшей сущности, они не умерли».⁷⁴

Однако способности и дарования являются скорее препятствиями на пути. Можно этим гордиться и обманывать себя. На таком перепутье духовной жизни хорошо иметь сопровождающего, который поможет выбрать один путь. Дарования — это нечто преходящее. Они должны вести к тому, кто наделяет дарованиями. К сожалению, часто бывает наоборот: они мешают.⁷⁵ При этом Мадам Гийон не спрашивает, произошли ли эти дарования от Бога или откуда-то еще. Поскольку они не являются целью, то и не представляют интереса, даже если речь идет об экзальтациях, видениях, пророчествах и прочих подобных формах явлений.

«Нет никакой необходимости распознавать, являются ли эти вещи Божественными или человеческими, поскольку так и так их следует обходить. Если они от Бога, то они исполнятся Его провидением, о котором мы размышляли. Если они не от Него, а от нас самих, то мы, по крайней мере, не будем обмануты, так как мы при этом не присутствовали».⁷⁶

Если говорить символически о трех реках, то таких людей можно сравнить с широкими, медлительными, с величественной мощью протекающими водными потоками, которые слишком поздно достигнут моря или вообще его не достигнут.⁷⁷

«Ночной путь» — общее описание

Этот путь заключается в простом смотреии внутрь себя, которое Мадам Гийон также называет «простым взглядом».

«Самым лучшим средством его достижения является ориентирование разума на внутреннем мире; и именно: с помощью любящей Божьей воли, которая как бы концентрирует все силы души и объединяет их с собой. Это полный любви взгляд, который смотрит не на что-то четко определенное в Боге, а любит Его тем больше, чем больше разум подчиняется темной вере; не по принуждению, не умственными усилиями, а из любви. В то время как душа все больше и больше погружается в любовь, она не заставляет разум удалиться, а приучает его удалять все мысли. Это происходит, как уже было сказано, не посредством умственной работы и рассудительности, а просто, когда мысли уже ничто не удерживает, они уходят сами по себе. Тогда душа идет по правильному пути, наступает внутренняя концентрация, в которой душа ощущает присутствие Бога и чудесный приток Его доброты, которая незаметно удаляет все многообразие, все действия и все разговоры; душа погружается в сладостную тишину».⁷⁸

Такое упражнение ведет к образу и подобию Бога и освобождает от рассеянного мышления. Этот путь, выраженный в символе трех рек, является крайне стремительным. Поток больше не встречает никаких препятствий.

«Что мы можем сказать о людях, избравших третий путь? Они — как лавины, несущиеся с гребня горы. Они сами вырываются от Бога и не могут успокоиться до тех пор, пока снова не погрузятся в Него. Их ничто не сдерживает. Они ничем не отягощены. Абсолютно голые и непокрытые, они двигаются вперед с кипением и ускорением, которое даже самым смелым внушает страх... Не связанные своим собственным речным руслом, они везде стараются прорваться. Да, у них нет своего речного русла, и их воды не следуют определенным правилам. Можно видеть, как они, не останавливаясь, прокладывают себе путь. Они разбиваются о скалы. Они с ревом срываются с обрыва... пока, в конце концов, после долгого пребывания на ложном пути, где они много раз разбивались, терялись и снова находили себя, они не достигнут моря, в котором растворятся, чтобы никогда себя не найти».⁷⁹

«Ночной путь» — это единственный путь, который еще в этой жизни ведет к единению с Богом, поскольку только на нем можно действительно пройти процесс очищения.

Процесс очищения

Большой помехой на этом пути является эгоцентризм, который Мадам Гийон называет самоуправством. «...Ничто не противостоит Богу больше, чем самоуправство, и все злые деяния человека происходят от этого самоуправства как источника всех злых деяний». ⁸⁰ Препятствие активности нашего «Я» выражается следующими словами: «Необходимо еще знать, что под понятием “характерное свойство” имеются в виду все личные действия, поиски самого себя; все, что связано с нами, так же как и все промежуточные пространства между Богом и душой; сопротивления, даже нежелания — все, что связано с самим собой, духовное и бренное: во всем этом есть эгоизм и характерное свойство». ⁸¹

Все мистические пути, как и путь, рекомендуемый Мадам Гийон, ведут через отказ от эго. Со схоластической точки зрения, выражениями активности эго являются разум, память и воля. Возможно, Мадам Гийон читала Иоанна Креста, который очень много говорил об этих силах. Негативные речи христианских мистиков не должны нас пугать. На Востоке также говорят о смерти на подушке. Речь идет о прекращении деятельности эго, с тем чтобы в нас могли открыться более глубокие возможности познания. Речь идет о процессе очищения, который является условием для любого познания Бога.

Этот процесс имеет четыре ступени:

- Прикосновение, которое побуждает человека обратиться к внутреннему миру, в то время как внешние чувства иссыхают.
- Пассивный процесс очищения, при котором Бог принимает руководство на себя, в котором «внутренние чувства» — разум, память и воля — умирают.
- Освобождение, в том числе и от религиозной поддержки. Бога больше нельзя познать. Человек чувствует себя всеми покинутым. Это ступень мистической смерти.
- Здесь происходит возвращение к жизни, воскрешение и интеграция познания в повседневную жизнь.

Через Ничто путь ведет ко Всему. «Существуют только эти две истины, Все и Ничто. Все остальное — это ложь. Мы можем доказать свое уважение к Божественному Всему только через свое уничтожение. И едва мы будем уничтожены, как в нас войдет Бог, который не допускает никакой пустоты, не заполнив ее самим собой». ⁸²

Первая ступень очистительного процесса

Мадам Гийон учит двум разным формам внутренней молитвы:

- Созерцание и созерцательное чтение. При созерцательном чтении (*lectio divina*) останавливаются на понравившейся истине, чтобы ее опробовать.

Лишь когда она перестает доставлять удовольствие, продолжают читать дальше. Однако не следует за один раз слишком много читать, достаточно прочесть половину страницы.

Созерцание нацелено на восприятие присутствия Бога в собственном внутреннем мире. Концентрируем сознание, затем читаем одно предложение из духовной литературы. Но не разбираем это предложение, а воспринимаем его внутри себя. После этого душа обретает покой в Божественной тишине и мире. Если этого не произошло и вы это заметили, то следует просто вернуться назад к упражнению.

• Познание присутствия Бога ведет ко второй ступени, к простой молитве. Эта молитва также называется молитвой покоя или созерцательности. Человек наслаждается присутствием Бога. Если это так, то следует остановиться на данной форме молитвы и ни о чем больше не беспокоиться. Отпадает необходимость в словах. Взгляда в свой внутренний мир вполне достаточно. Приходит ощущение безопасности. Она оказывает очищающее воздействие. В любом случае было бы неправильно стараться вернуть присутствие Бога усилиями разума и сознания. Следует искать Бога ради Него самого, а не ради приятного познания. Основным понятием является «передача», по-английски abandon. На пути к Богу это упражнение является самым важным.

Мадам Гийон советует изменить свои религиозные отношения, когда ощущаешь такую необходимость. Следует отказаться от упражнений, если они становятся препятствием.

«Позвольте Богу действовать независимо от вас. Даже если это вам и кажется хорошим явлением, вам будет не очень хорошо, если вы отвернетесь от того, что от вас хочет Бог. Воля Бога превыше всего остального».⁸³

«Если кто-то читает все предписанные молитвы, то он должен это делать. Однако он скоро заметит, что это ведет его к молитвенному упражнению; и наступает момент, когда уже нет возможности произносить молитвы. Если он будет себя принуждать, он потеряет внутренний покой».⁸⁴

Далее Мадам Гийон говорит, что «до сих пор все было только игрой, к которой человек мог легко себя приучить, если Божественный друг не изменит его поведения. Вы, любящие Бога люди, сетующие о мимолетности Его присутствия, вы не знаете, что все, что было до сих пор, было только игрой и забавой, проверкой и испытанием. Скоро часы вашего отсутствия станут днями, неделями, месяцами и годами...».⁸⁵

Вторая ступень очистительного процесса

Следующий текст написан языком, который нам сегодня уже не свойствен. Тем не менее он четко показывает следование по созерцательному пути туда и обратно.

«Страдать так, чтобы об этом не знал Божественный возлюбленный; страдать, в то время как Он нами пренебрегает и, кажется, с отвращением отворачивается от того, что мы выносим, чтобы Ему понравиться; страдать, когда Он выражает брезгливость ко всему, чем мы восхищаемся, и смотрит с холодностью и отчуждением на все, что мы делаем и продолжаем делать, чтобы доставить Ему радость. Видеть, что чем быстрее мы за Ним идем, тем стремительнее Он от нас ускользает; принимать без стенаний все, что Он прежде нам дал, как доказательство своей любви, что, как нам казалось, мы оплатили любовью, преданностью и страданием; и не только без жалоб наблюдать за лишением всего этого, но и видеть, как другие обогащаются через наше лишение. И несмотря ни на что продолжать постоянно совершать то, что может доставить радость нашему Божественному другу; не прекращать бежать за Ним. А если в самозабвении остановишься на миг, продолжишь свой бег с удвоенной скоростью, не страшись пропасти, в которую можешь свалиться, не обращая внимания на пыль и грязь, в которых можешь испачкаться и извляться. Не замечая, что падаешь, и еще раз падаешь, и тысячу раз падаешь, и бесчисленное количество раз снова вскакиваешь, пока, в конце концов, не остаешься лежать совершенно измученный, обессиленный и изможденный. А “Сверхсуровый” так ни разу и не обернется, не взглянет с любовью: все это относится не к этому уровню, а к тому, который последует». ⁸⁶

Теперь Бог сам выступает, чтобы повести человека вперед. На этой ступени речь идет об уничтожении разума, памяти и воли. Человек ничего не может привнести в это очищение. Он может только терпеть.

Любовь больше не ощущается. Радость и согласие теряются. Больше нет возможности работать на себя. «Чем могущественнее становится Бог в нас, тем слабее становимся мы».

Третья ступень очистительного процесса

Остановки нет. После времени покоя разверзается новая пропасть. Я не могу в мистике обойти эту пропасть. Можно только пройти сквозь нее.

«Он тихо и невозмутимо идет своим путем, как вдруг перед ним разверзается новая пропасть, более крутая и угрожающая, чем прежняя. Он отступает назад. Напрасно: нужно падать, и падать все глубже и глубже! От скалы к скале, от бездны к пропасти!» ⁸⁷

Ошибки, мнимая уверенность в безопасности бывают у того, кто действительно находится в пути, в постоянных лишениях. Концом этого развития является мистическая смерть. Больше нет ничего, в чем человек мог бы найти удовольствие, даже исчезают религиозные интересы.

«Такой страдающий человек тогда понимает, что все идет к смерти. Он нигде не находит жизни. Для него все становится мукой. Только смерть: молитва, чтение, беседа, все мертвое. Больше нет ничего, чем бы человек мог насладиться».

Четвертая ступень очистительного процесса

Усиливается способность восприимчивости, которую Экхарт назвал мистической. Изобразим это символически на примере реки: река впадает в море и становится частью этого неизмеримого водного пространства. Но еще долгое время она отличается от него по цвету воды. Со временем она становится такого же цвета, как и море. Это очень длительный процесс.

«...как постепенно, мало-помалу обнажается душа человека, так же она очень медленно обогащается и снова оживает». ⁸⁸

Человек пребывает в мире с самим собой, что, впрочем, не означает, что он не может больше страдать. Сознание и дух еще вполне могут страдать.

«Это правда, что они (эти люди) страдают от всего внешнего. В то же время правда и то, что они не страдают везде, а находятся в совершенном покое и ничем не омраченной удовлетворенности. Даже если они должны будут попасть в ад и претерпевать муки ада, эта удовлетворенность останется с ними». ⁸⁹

«По этим людям ничего не заметно. Самое большее — это свобода, с которой они идут по жизни. Многие не одобряют этого. Еще остаются эмоции и страсти. Правда, больше невозможно согрешить». ⁹⁰ Подобные высказывания, конечно, раздражали теологов и повлекли за собой гонения на Мадам Гийон. Хотя она не имела в виду ничего другого, что и Августин, когда он написал: «Люби и делай что ты хочешь».

Человек остается человеком со всеми своими чертами характера. «Он будет говорить, писать, торговать, заниматься бизнесом еще успешнее и лучше, чем когда-либо, и действовать пока еще он будет по своему разумению, а не по воле Бога». ⁹¹

«Теперь для него не существует определенного места и времени, где и когда он должен молиться или искать Бога. Бог есть во всех вещах. Человек может провести вечность в аду или на небесах, ибо он может видеть Бога как в архангеле, так и в дьяволе». ⁹²

«Здесь все является Богом. Бог везде и во всем. Так и обожествленный человек, везде и во всех, является тем же самым. Его надежды — это Бог. Его радость — это Бог. Его молитва — это Бог. Всегда то же самое, постоянно и непрерывно. Молитва его бессодержательная, беспрерывная и бесформенная. Это состояние человека. Он молится все

время, беспрестанно! Человеку абсолютно без разницы, находится ли он в глуши или среди людей, избавился ли он от бремени своего тела или должен нести его дальше». ⁹³

5. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ЗАКАТ МИСТИКИ

Созерцательная молитва до XVI века

Смысл христианского молитвенного учения до высокого средневековья был в познании Божественного. Целью любого молитвенного наставления являлась беспредметная молитва, названная созерцательностью. Сегодня об этом уже не говорят. Мы как раз снова открыли медитацию. В буддизме же и индуизме, напротив, вперед выступает форма, которая соответствует христианской созерцательности, как до, так и после встречи с конечной действительностью. Также и поэтому многие христиане обратились сегодня к дзэну и йоге. Там они находят то, чего им не хватает в современном христианстве.

Еще двести лет тому назад созерцательность в молитвенном воспитании была как бы само собой разумеющейся.

Мадам Гийон (XVII век) в своих указаниях к созерцательной молитве подчеркивает: «Все способны на внутреннюю молитву. Это большое несчастье, что почти каждый человек вбил себе в голову, что он не призван к внутренней молитве. Мы все призваны к внутренней молитве, так же, как и призваны к благу». ⁹⁴ Она отмечает, что эта молитва очень легкая, и жалеет, что проповедники не учат этой молитве.

Иоанн Креста в предисловии к книге «Восхождение на гору Кармель» дает наставления каждому: «Этот труд объясняет, как можно быстрее достичь союза с Богом. Он содержит инструкции и указания для начинающих...».

В его книге «Облако незнания» мы узнаем из наставлений неизвестного английского мистика XVI века, что созерцательность — это путь для каждого серьезного христианина. Он отстаивает эту молитвенную форму в своем предисловии, а в главе 74-й он указывает на то, что призыв к созерцательной молитве направлен ко всем членам ордена и дилетантам.

Закат созерцательной молитвы

Таким образом, до эпохи Просвещения созерцательность оставалась основной целью христианской молитвенной жизни. Это был эзотерический путь христиан, как дзэн и випассана — путь буддизма, йога — путь индуизма, а суфи-формы — путь ислама. Томас Кэтинг, аббат монашеского ордена из

США, в обзоре к истории созерцательности привел разные причины, которые способствовали исчезновению этой молитвенной формы:

- «Неудачная тенденция сокращать “Духовные упражнения” (Игнатия) по методу дискурсивной медитации».⁹⁵
- Спор институциональной церкви с квиетизмом и резкое осуждение ею данного течения. Квиетизм учит пассивному непротивлению и покорному преданию себя под руководство милости Божьей. Это привело к скрытому страху церковного института перед мистикой вообще. Таким образом, мистика приобрела дурную славу.
- Янсенизм и его последствия. Янсенизм очень близко подходит к детерминизму. Судьба человека предопределена, и он мало что может в этом изменить. Бог выбирает человека и дарит ему милость совершать добрые деяния и через них обрести благодать.
- Чрезмерный акцент на явлениях и личных откровениях, который приводит к снижению значения литургии.
- Смешение истинной сути созерцательности с такими феноменами, как левитация, языковая речь, стигма и видения.
- Смешение мистики с набожным ханжеством.
- Искажение образа мистиков и отождествление мистики с оторванным от мира аскетизмом.
- Возрастающая легализация римской церкви.

Аббат Куртберт Батлер обобщенно высказался о спиритуализме XIX и начала XX веков: «Помимо некоторых небольших необычных исключений, нормальная молитва была систематической медитацией по четко установленному методу для всех, включая монахов и монахинь, епископов, священников и послушников. Предлагалось на выбор четыре вида медитации: созерцание в соответствии с тремя силами, которые были изложены в “Духовных упражнениях”, либо по методу святого Альфонса (слегка переработанные упражнения Игнатия), либо по методу, который описывает Франц Салес в своем «Введении в благочестие» и, наконец, по методу святых отцов».⁹⁶

«Последним гвоздем, вбитым в крышку гроба традиционного учения (созерцательности), было утверждение, что надо иметь наглость, чтобы стремиться к созерцательной молитве. Послушники и семинаристы получали такие искаженные взгляды на духовную жизнь, которые не покрывались ни письменными трудами, ни традициями, ни нормальным познанием развития. Если попытаемся остаться в дискурсивной медитации (созерцающая молитва) и после того, как Святой Дух позвал наружу, как это обычно происходит, то окажемся, в конце концов, в состоянии крайнего расстройств... Поскольку набожные люди в своих молитвах невольно продвигались вперед к такому развитию, они страдали от

негативного отношения к созерцательности... В итоге они отказывались также и от ментальной (созерцающей) молитвы как от чего-то, к чему они, очевидно, абсолютно не были приспособлены. Или они искали через сострадание Бога путь, по которому они могли бы идти, несмотря на почти непреодолимые препятствия (к созерцательности)».⁹⁷

Преследование мистиков

Лишь немногие мистики не преследовались из-за своего учения.

Жан Авильский (1499–1569) в 1531–1533 годах несколько месяцев просидел в тюрьме. В течение этого времени исследовалось его учение.⁹⁸

Рамон Лллуль (1232–1316) не был признан достойным высшего блаженства, так как его враги ложно приписали ему труды по алхимии и магии, из-за которых сорвался процесс.⁹⁹

Луис де Гранада (родился в 1504 году) вынужден был бежать из Испании в Португалию. «Предполагалось, что страстный проповедник своими мистическими наклонностями вызвал подозрения инквизиции».¹⁰⁰ Тереза рекомендовала своим сестрам читать его труды.

Франциска Осунского (1492 – ок. 1542), по книгам которого училась Тереза Авильская (по ее собственным словам), при жизни не трогали, но его произведения вошли в список запрещенных книг. Он был истинным учителем Терезы, однако ей больше не разрешали его читать.

Тереза Авильская (1515–1582) часто шла на конфликт с церковной властью, как в собственной стране, так и в Риме. Она подозревалась в ереси и все время была вынуждена отстаивать перед инквизицией правоту своих трудов. В возрасте пятидесяти одного года она сочинила молитву, которая вскоре попала в руки церковных цензоров:

«Мой Создатель... когда Ты был на земле, Ты был далек от того, чтобы презирать женщин, Ты встречал их с большой доброжелательностью. Ты нашел у них больше любви и больше веры, чем у мужчин; ибо среди них находилась Твоя Святая Мать... Когда я смотрю на наш нынешний мир, я нахожу несправедливым то, что людей с добродетельным и сильным характером презирают только за то, что они женщины».¹⁰¹

Папский нунций с подозрительностью следил за Терезой. В 1578 году он выдал ей плохое «свидетельство о благонадежности», а в послании в Рим он написал о ней: «Беспокойная женщина, непокорная и ожесточенная, бездельница. Под кажущейся набожностью измышляет ложные учения. Она читает лекции как профессор теологии, хотя святой Павел говорит, что женщины не должны произносить речи». Папа Григорий XIII прислушался к клевете. В своем письме он назвал Терезу «скверной и безнравственной монахиней, которая является в высшей степени

развратной, а свои действующие по первоначальным правилам монастырские структуры использует только как предлог, чтобы предаваться своим распутным страстям».¹⁰²

Иоанн Креста (1542–1591) был посажен в тюрьму на девять месяцев своими собратьями. Неоднократно ему предъявляла обвинение инквизиция. За это время он ни разу не получил сменную рубашку.

1 июня 1591 года прошло заседание Генерального капитула под председательством Дориа. На нем Иоанн был освобожден от всех должностей. Патеру Диего было поручено патером Дориа собрать материал против Грациана, в то же время он собирал материал против патера Иоанна. Метод был очень простой. Он пошел в монастырь кармелиток и опрашивал запуганных монахинь так долго, пока они не сказали того, что от них хотели услышать. К примеру, будто бы Иоанн поцеловал одну монахиню через решетку в исповедальне. Эти показания были приобщены к делу Иоанна как официальный документ. Лишь после его смерти этот документ признали нелепым и сожгли как бесполезный мусор. Иоанн под сильным давлением объявил себя готовым отправиться с миссионерской группой в Мексику — испанскую Сибирь того времени. Однако он умер еще до изгнания.

Луис Лионский (1527–1591) провел пять страшных лет в тюрьме.

Маргарета Порет была сожжена на костре 1 июня 1310 года. Свои мистические концепции она изложила в книге «Зеркало простых душ».

Мадам Гийон (1648–1717) пять лет просидела в Бастилии.

Мигель де Молинос, испанский священник, был схвачен в 1685 году и предстал перед судом инквизиции, который осудил его на пожизненное заключение. Он умер в заточении в 1696 году. День его смерти неизвестен.

Пьер Ла Комбе был брошен в тюрьму из-за своих мнимых связей с Молиносом и умер в заточении в 1715 году в полном помрачении рас-судка.

Против Якоба Бёме (1575–1624), как только он открыто выступил со своими познаниями, резко выступили теологи, прежде всего пастор Грегор Рихтер из Герлитца. С лозунгом: «Сапожник, занимайся кожей, а не пером!» они старались высмеять Бёме. Он страдал от невероятной, нехристианской ненависти. Против воли духовного магистрата, магистрат города Герлитца все же настоял на достойном погребении Бёме. Главный пастор, который должен был произносить посмертную речь, не смог удержаться от высказывания, что он лучше бы где-то в другом месте прошагал двадцать миль, чем здесь последовал бы воле своего почтенного городского совета.

Ангелус Силезиус (он же Иоганн Шеффлер) жил с 1624 по 1677 год, то есть во время Тридцатилетней войны. В 1653 году — доктор медицины и

философии — в качестве лейб-медика герцога Сильвиуса Нимрода перешел в католическую церковь. При конфирмации он получил имя Ангелус Силезиус. Он ушел со службы у своего протестантского патрона. Со свободой религии в стране дело обстояло плохо. С основным положением *cuius regio, eius religio* суверен исполнял свои обязанности в качестве *summus episcopus*, как высший епископ, и устанавливал веру своих подданных. Ангелус Силезиус вернулся обратно в Бреслау и умер в 1677 году в пригороде города.

Скептицизм церкви по отношению к созерцательной форме молитвы остался еще и сегодня. В журналах по спиритуализму больше предостерегают и критикуют, чем объясняют, сопровождают и рекомендуют. В публикациях по психологии можно более подробно ознакомиться с мистикой, чем в христианских. Даже естествознание больше интересуется данной тематикой, чем церковь. Так, Г. Цукаф пишет: «Не удивляйтесь, если в списке лекций по физике в XXI веке будут стоять и лекции по медитации».¹⁰³

Позволю себе усомниться в том, что и теология также особо далеко ушла. Поэтому не стоит удивляться, что люди, ищущие путь в трансличностное познание, селятся вне церкви, и мистика, таким образом, уходит из христианства.

Это не секрет, что не последней причиной отдаления людей от церкви является то, что они не могут больше признавать абсолютно неправильные теологические выкладки. На вопрос о смысле жизни нет никакого удовлетворительного теоретического ответа. Нет его и в религии. Только в глубине нашего бытия, когда перед нами засияет предчувствие Божественного, наша жизнь обретет смысл. Как и все мистики, Экхарт понимал это, когда писал: «Человек не должен довольствоваться одним упомянутым Богом. Ибо если исчезает мысль, исчезает и Бог».

Человек является *homo religiosus*. Божественное — это его глубочайшая сущность. Однако его религиозность не должна проявляться, исходя из прежнего церковного аспекта, как нам это покажут в конце книги сообщения о процессе познания.

VIII. ИИСУС ХРИСТОС В СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ

1. УГЛУБЛЕНИЕ ВЕРЫ

Созерцательность укрепляет веру в Иисуса Христа и тем самым изменяет ее. Она ведет от Иисуса к Христу.

У Иоанна Иисус говорит в прощальной речи: «Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам» (Ин. 16, 7). Мистиками и, прежде всего, Иоанном Креста, это место трактуется таким образом, что образ Иисуса должен как бы уйти на задний план, с тем чтобы можно было познать истинного Иисуса Христа. Нужно отказаться от всех представлений об Иисусе, чтобы мог явиться настоящий Иисус.¹

Иоанн Креста говорит, что человек должен избегать всего, что исходит от физического сознания. Он считает, что именно по этой причине Иисус Христос сказал Марии Магдалине: «Не прикасайся ко Мне». «Не презирайте их (разумом постигаемые вещи), если они препятствуют Духу; ибо душа остается, и Дух не летит к невидимому. Это одна из причин, по которой Господь сказал ученикам, что будет лучше для них, если Он уйдет, ибо тогда на них снизойдет Святой Дух (Ин. 16, 7). Точно так же, когда Он воскрес, Он не позволил Марии Магдалине припасть к своим ногам (Ин. 20, 17)»²

В «Восхождении на гору Кармель», в главе 12-й, то же самое он пишет о силе воображения и фантазии, а в главах 13-й и 14-й он объясняет, почему и когда человек должен обратиться к созерцательной молитве. И с этого момента он должен отказаться от всех образов и представлений Иисуса на все время созерцательной молитвы.

Изменение, не подражание

В созерцательности речь идет о процессе изменения, а не о процессе подражания. В человеке должно состояться то, что состоялось в Иисусе Христе. Иисус Христос — это всецело Бог и всецело человек. Он является образцом для каждого человека. Каждый в делах сопоставляется с Ним: каждый должен беспрепятственно найти в себе выражение Божественного начала. Человек должен в течение своей жизни стать подобным

Иисусу. «В христианском мире это вечная проповедь о том, что происходило после смерти Христа, как Он победил и как Его учение победоносно завоевало весь мир. Короче, слушают громкие проповеди, которым больше подошло бы заканчиваться словом “ура”, а не “аминь”. Нет, жизнь Христа здесь, на земле, вот парадигма. Я должен стараться построить свою жизнь по его примеру».³

Мы сделали из Иисуса Христа предмет культа. Мы объявили его предметом веры и определили ему четкие функции, согласно нашим догмам. Он стал «объектом преемственности», примером, которому мы должны подражать. Он стал слишком устойчивым объектом религии и едва ли стал истинным субъектом внутреннего процесса, процесса наполнения Божественной полнотой (Ефес. 3, 19). К этому, односторонне переданному религией, образу Христа многие люди не имеют больше доступа. Поэтому в своем поиске истинного, Божественного познания они часто проходят мимо нашей церкви.

Чего не хватает в нашем возвещении Христа?

«Как путь, дверь или свет, открывает нам Христос внутренний доступ к Божественной сущности, с которой мы должны стать едины, как Он сам стал единым с ней. Как хлеб, вода и виноградный сок, Он должен войти в нас, чтобы мы могли ощутить в себе раскрываемую Им Божественную жизнь. Символы Христа, исходящие от Иоанна, измышлены не только для наглядного представления, но и для углубления во внутренний мир. Они открывают Божественную середину нашей жизни и четко показывают, что Иисус Христос воплощает образ нашего настоящего освобожденного Бытия. То, что мы в Нем познаем, является тем, чем мы хотели бы стать. Он не встречает нас снаружи, Он пробуждается в нас изнутри».⁴ Христос — это символ пробуждающегося Божественного образа в нас.

При этом играет большую роль не столько имитация, сколько соответствие. Речь идет о раскрытии в нас Божественного начала так, как оно было раскрыто в Иисусе Христе. Процесс освобождения в нас стремится к процессу становления Христа, что, в конечном счете, является полным процессом становления человека, даже «процессом становления Бога».

Путь очищения

Этот процесс проходит через пассивное очищение. По словам Иоанна Креста, Иисус Христос спас мир в кенозисе, в последнем отречении на кресте.

«...В момент смерти Он (Иисус) был разрушен также и духовно, без утешения и без помощи, так как Отец иссушил Его душу. Поэтому Он

воскликнул: «Мой Бог, мой Бог, почему Ты Меня покинул?!» В этом было глубочайшее, осязаемое одиночество Его жизни. И в нем Он создал величайшее творение». «...Из него может узнать ищущий духовный путь, тайну двери и пути Христа к единению с Богом». ⁵

Стать равным Иисусу Христу в этом духовном разрушении — значит достичь высшего состояния, в котором может оказаться душа. Это высшее состояние заключается в пережитой смерти на кресте, физической и духовной, внутренней и внешней. Для Иоанна Креста равенство с Иисусом Христом в Его глубочайшем отречении является условием для мистического познания. Однако отречение и пустота не являются целью восхождения, а только проходом и условием для него.

Отказ от всех религиозных представлений

Слова «отключение», «умерщвление», «умирание» вызывают у нас негативные ассоциации. Нам сразу представляются аскетические упражнения в форме постов, умерщвления плоти, отречения от мира и тому подобное. Иоанн Креста прежде всего имеет в виду освобождение от представлений и образов Бога. Он учит не концентрироваться на содержании, даже если оно облачено в набожные одеяния. «Кто представляет себе Бога в определенном образе, подобно большому пламени или яркому сиянию, или как обычно, и полагает, что все это Он, тот очень ошибается. Для начинающих подобные рассуждения, образы и способы созерцания необходимы, чтобы через осмысление увеличить любовь и напитать душу». ⁶

Истинным знанием Иисуса Христа является для Иоанна Креста уподобление Иисусу Христу. Он очень сожалеет, что ученые люди, которые много говорят об Иисусе Христе, не могут также объявить: «Я вижу, что те, которые считают себя друзьями Христа, очень мало Его знают... — большие ученые, и власть имущие, и им подобные, живущие в мире, — они не знают Христа. Таким людям, в первую очередь, было бы положено возвещать Слово Божье, поскольку Бог дал им ученость, высокое положение и почет и тем самым возвысил их над другими». ⁷

Иисус Христос — архетип единства

Иисус Христос как бы является архетипом единства человека и Бога, которого мы в себе носим. Это одна из причин, по которой так много людей на протяжении столетий тянутся к Нему. Он ясно показывает, что весь человек в целом является «Божественным и человеческим». Официальная церковная молитва заканчивается словами «благодаря Иисусу

Христу Господу нашему». Этими словами каждый раз снова подтверждается это единство.

Исходя из познания единства, Ангелус Силезиус написал: «Самой лучшей молитва является тогда, когда молящийся внутренне превращается в того, перед кем он преклоняет колени» и «Хочешь узнать нового человека и его имя, то прежде спроси Бога, как он имеет обыкновение называться».

Божественное покоится в каждом человеке как зерно. Как оно проявилось в Христе, так же оно должно пробудиться и проявиться в каждом человеке. Иисус Христос был абсолютно прозрачным. Бог просвечивал сквозь Него и воссиял в Нем. Подобное должно произойти и с нами. Бог хочет проявиться в нас, показаться, отразиться и представить Себя, как сказал апостол Павел: «Я сораспялся Христу и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19–20).

Иисус пришел, чтобы избавить нас от ложной мысли, будто мы живем разделенными с Богом. Его смерть на кресте разрушила эту ошибочную точку зрения. Если нам будет даровано умереть вместе с Ним, мы так же вместе с Ним и воскреснем (Рим. 6, 4). Путь созерцательности — это путь через страдания и смерть к познанию единства с Богом.

Итак, речь идет о том, чтобы впустить в нас Бога, освободить Ему пространство. Нравственные усилия служат развитию того, что живет в нас, чтобы «деяние человека» стало «деянием Бога». Все негативные выражения (умерщвление, умирание и т. д.) есть не что иное, как обозначение свободы, которой мы должны достичь. Смерть, с позиций созерцательности, — это на самом деле победа, победа целой и полной жизни. Правда, это возможно только тогда, когда человек так далеко отодвинет активность своего «Я», что станет возможным проявление его истинной сущности, Божественной жизни.

Иисус Христос — проводник к Божественному

Хотя мы и имеем в Новом Завете широкий выбор для нашего понимания Христа, тем не менее, он содержит не все общинные теологии. Вплоть до IV века был в обращении целый ряд других Евангелий. Они могли дополнить наше новозаветное понимание Иисуса. Прежде всего, большую роль играют Евангелия-Апокрифы, которые собраны в библиотеке Наг-Хаммади. Они были найдены в 1945 году в Верхнем Египте. Наиболее значительные из них: Евангелие от Фомы, Евангелие по Филиппу, Апокриф Якова, Апокалипсис Павла, письма Петра к Филиппу и Апокалипсис Петра.⁸

Хотя они и были написаны на коптском языке, они восходят к текстам, которые частично являются такими же древними, как и наши четыре

Евангелия, а частично еще древнее. В них Иисус трактуется как проводник, который должен возвестить эзотерическое послание.

Я не верю, что Иисус хотел создания учредительной религии. Он называл себя человеческим сыном. Он считал себя воплощением нового человека — творения Божьего, человека, который «наследует Царство». Он говорил о новом «бронзовом веке» Божьего Царства, в которое может войти только тот, кто переживет метанойю. Человек должен возродиться к высшему состоянию сознания. Он должен зародиться в царстве Отца, в той новой основе Бытия, которая называется отношением Иисуса-Сына к Богу-Отцу, или вечной жизнью. Мы призваны стать другим Христом, то есть проникнуть в ту трансличностную структуру Бытия, в которой доминирует наша Божественная сущность. Иисус требовал этой Божественной структуры Бытия не только для себя:

*Он, будучи образом Божиим,
Не почитал хищением быть равным Богу;
Но уничижил Себя Самого, приняв образ раба,
Сделавшись подобным людям и
По виду став как человек.
Смирил Себя, был послушным даже до смерти,
И смерти крестной.
Поэтому и Бог превознес Его, и дал Ему имя
Выше всякого имени,
Дабы пред именем Иисуса
Преклонилось всякое колено
Небесных, земных и преисподних,
И всякий язык исповедал,
Что Господь Иисус Христос во славу Бога-Отца.*
(Фил. 2, 5–11)

Иисус был исторической личностью, а Христос — символом вечного трансличностного образа Бытия, который заключен во всех людях и должен быть раскрыт. Мы все помазаны на этот образ Бытия. Мы, как и Он, должны жить в этой форме Бытия, мы должны стать в определенном смысле Христом, то есть Христами. Христос не требовал от нас почитания. Речь идет о значительно большем. Мы должны последовать за Ним и стать Ему подобными. Его форма Бытия — это наша форма Бытия. Он — перворожденный в этом творении. Мы — его братья и сестры.

Иисус хотел быть нашим проводником в Царство Божье, мы же, напротив, чрезмерно подчеркивали Его Божественность. Пока мы будем возводить непреодолимую пропасть между Иисусом и нами, христианство не выполнит свою истинную миссию. Он является перворожденным среди братьев и сестер, Он сказал нам, кто мы есть на самом деле,

мы — Божьи дети. Следует познать это отношение детей к Отцу. Божественное должно проявиться в нас.

Мы забыли свое происхождение; мне это кажется грехом против Святого Духа. Его нельзя простить, поскольку он направлен по ложному пути, то есть человек идет в ложном направлении и не сможет достичь цели и найти смысл жизни. Это не имеет ничего общего с грехом, за которым следует наказание. В большей степени человек наказывает самого себя, поскольку он удаляется от жизни. Истинный грех — это отрицание в себе Божественного начала. Спасение — это путь освобождения от незнания к познанию нашей истинной, Божественной сущности.

Иисус хотел повести к познанию Бога, к полноте жизни. Он называл эту полноту жизни «Божьим Царством», или «вечной жизнью». Он призывал вернуться к этой жизни. Чтобы это познать, мы должны «родиться вновь», как сказал Иисус Никодиму. Мы должны познать нашу истинную жизнь. Физическое рождение не принесло нам этого познания.

Мы должны находиться в постоянном общении с Богом, то есть с нашей глубочайшей сущностью, Божественной сущностью. Жизнь — это религия, она является не только религиозной. Нельзя в действительности встать на религиозный путь, если не признать, что жизненный путь — это религиозный путь. Религиозная жизнь — это постоянное общение с Богом в повседневной жизни, не только во время молитв, обрядов и таинств, но и в течение всего дня. Место контакта с Богом здесь и сейчас, ибо нет ничего, что не было бы Божественным. Здесь и сейчас находится и ад. Небеса и преисподняя разделены только нашим «Я». Кто сможет от него освободиться, войдет в Царство Божье. Нет никаких магических ритуалов, которые могут привести нас туда, а только смерть нашего ложного «Я». Только любовь дает нам силы освободиться от всего, чтобы достичь этого нового устройства Бытия.

IX. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕГО ПУТИ

1. ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Упражнения на внимательность

Как-то раз один человек из народа спросил у мастера дзэна Икки: «Мастер, не могли бы Вы записать для меня некоторые основные правила высшей мудрости?».

Икки тут же взял перо и написал: «Внимательность».

«И это все? — удивился человек. — Вы не можете еще что-нибудь добавить?»

Икки там же написал еще два раза: «Внимательность. Внимательность».

«Ну, — сказал человек немного раздраженно, — на самом деле я не вижу в том, что Вы написали, особой глубины или богатства духа».

Тогда Икки написал это же слово еще три раза: «Внимательность, внимательность, внимательность».

Почти разозлившись, человек пожелал узнать: «Что вообще означает это слово “внимательность”?»

И Икки мягко ответил: «Внимательность означает внимательность».¹

У одного раввина однажды спросили, как он может всегда оставаться таким невозмутимым, несмотря на все свои многочисленные дела и заботы? Он сказал:

«Если я стою, то я стою;
Если я иду, то я иду;
Если я сижу, то я сижу;
Если я ем, то я ем;
Если я говорю, то я говорю...»

Тогда ему возразили: «Мы тоже это все делаем, но что ты еще делаешь сверх того?».

Он снова ответил:

«Если я стою, то я стою;
 Если я иду, то я иду;
 Если я сижу, то я сижу;
 Если я ем, то я ем;
 Если я говорю, то я говорю...»

Люди опять сказали: «Все это делаем и мы». Однако он возразил им:

«Нет,
 Если вы сидите, то вы уже стоите;
 Если вы стоите, то вы уже бежите;
 Если вы бежите, то вы уже у цели».

Упражнение на внимательность, хотя и является самым сложным, но также оно является и самым важным аскетическим упражнением. Оно постоянно нарушает самодовольство, ибо внимательный человек не плывет больше по привычному течению и не отдает свое сознание на волю волн, что помешало бы проникновению в глубины души. Упражнения на внимательность ведут нас к нашей глубокой, настоящей личности — удаляют от «Я», — и, таким образом, мы больше не подвластны эгоистическому образу мышления. Также другие аскетические упражнения и лишения могут быть иногда нужны, например такие, как отказ от сна, комфорта, пищи и сексуальных удовольствий. Они должны облегчить доступ к нашим более глубоким пластам. Для вступления в контакт с истинной жизнью самыми важными из всех являются данные упражнения на внимательность.

«Наше самосознание — как обезьяна», — говорит дзэн-сутра. Обезьяна прыгает с ветки на ветку, с дерева на дерево, по всему лесу. Порой мы должны внимательно посмотреть на нее и признать, что это всего лишь обезьяна, а не наше сознание. Но мы не должны ее прогонять. Будет лучше просто вернуться к нашему упражнению.

Формы внимательности

• Внимательность в теле

Это значит внимательность к дыханию, к восприятию чувств, к движениям различных частей тела, ко всему, что происходит в теле с физической стороны.

• *Разные формы ощущения*

Например: приятное, неприятное, нейтральное. Со всем тем, что мы испытываем, возникает и качество ощущений. Если это ощущение сильное, то оно становится объектом в упражнении. Вследствие ощущений, мы либо желаем вещи, либо отказываемся от них. Мы должны наблюдать за этими чувствами, но не отождествлять себя с ними.

• *Настроения в нашем сознании*

Если мы сердимся, мы должны знать и осознавать, что мы сердимся. Если мы испытываем страх, мы должны признавать, что мы испытываем страх. Если мы радуемся, мы должны радоваться без всяких рассуждений. Эти психические процессы такие же реальные, как и материальные вещи. Как мало мы отождествляем себя с материей, так же мало мы должны отождествлять себя и с этими процессами; ибо я не являюсь ни «гневом», ни «радостью», это только настроения в моей психике. Наше сознание постоянно окрашивается подобными настроениями. Если мы поймем, что это состояние царит только во внешнем пространстве, мы не будем подавлены; мы будем как бы смотреть представление, которое разыгрывается в нашем «Я». Но если мы отождествляем себя с представлением, мы страдаем. Если нам удастся соблюдать дистанцию, даже в том случае, когда это настроение или это чувство не проходит, мы не будем увлечены ими. Страх не превратится в панику, а радость в эйфорию. Мы будем зрителями, которые смотрят на внезапно возникающие и исчезающие процессы в нашей психике.

• *Интеллектуальные процессы*

И мысли возникают и проходят. Мы должны научиться наблюдать, а не отождествлять себя. Тогда мы постепенно заметим, как между приходом и уходом возникают паузы. Если мы внимательно посмотрим внутрь себя, процессы замедлятся и мы станем спокойными и умиротворенными. Это первое познание покоя.

«Я» — точка пересечения наших мыслей, чувств и желаний

То, что мы называем нашим «Я», есть не что иное, как точка пересечения наших мыслей, чувств, желаний и эмоций. Путь созерцательности учит нас избегать отождествления с этими проявлениями нашей психики. Например, мы еще оскорблены, нас еще мучает агрессия, но мы держимся от проявления этих чувств. Путь упражнений помогает нам достичь той сферы, в которой прекращается фиксация на мыслях и чувствах. Страх в области «Я» вполне может оставаться и дальше: меня может и дальше обуревать ярость, но я познаю, что моя истинная сущность лежит намного глубже и не может быть задета всем этим. Я учусь

допускать чувства и иметь их, не будучи ими охваченным или заблокированным. Наконец, мы попытаемся не вытеснять эти движения нашей психики, а не обращать на них внимания. Не обращать внимания — это не значит, что мы хотим от них избавиться.

Тем самым, у нас возникает настоящая проблема. Если мы хотим от чего-то избавиться, мы вытесняем это. Кто хочет избавиться от чувства печали, безнадежности, ярости или страха, тот снова будет ими охвачен. В лучшем случае, они спрячутся глубоко в подсознании, где до них будет очень трудно добраться, и будут беспокоить оттуда. Тогда человек перед ними станет беспомощным.

Мы ничего не должны вытеснять. Что здесь есть, то есть. Наблюдай, признавай, пусть это придет. Подружись со страхом и яростью. Они принадлежат тебе. Ты же не отрежешь себе палец, если он у тебя болит. Проведи опыт с печалью: прими ее, но не погружайся в нее. Не делай из этого ничего особенного. Наблюдай за ней. Она принадлежит тебе. Снова займись своим упражнением. Печаль может быть хорошей отправной точкой для упражнения.

Немало людей страдают от страха. И они не знают почему. Они не знают, откуда он появляется, и не знают, где он скрывается. Скажи «да» страху. Скажи: «Да, я боюсь». Используй его в упражнении. Пусть он в него войдет. Если мы вытесним страх или печаль, они изменят облик и укроются в каком-нибудь уголке психики. Если они потом вдруг всплывут, то уже в совершенно другом виде, возможно, в виде агрессии, гордыни или даже благонаравия, которое долгое время будет вводить нас в заблуждение.

Если мы не хотим пасть жертвами этого коварства, мы должны признать, что печаль, ревность, агрессия и т. д. относятся к психической энергии структуры нашей личности, а значит — к жизни, и что, в конце концов, они являются проявлением Божественного, так же как и радость, умиротворенность и уравновешенность. Все, что мы можем оставить при себе, имеет тенденцию становиться приятным. А чему изо всех сил сопротивляемся, то нас и захватывает.

Мы упражняемся в чистой наблюдательности и чистой внимательности, без стремления к определениям. Эмоции следует переживать стойко и непоколебимо. Никаких объяснений, никаких попыток избавления, никакого искажения. Чувство — как облако, которое плывет по голубому небу, — возможно, затемняется, но не пропадает.

Кен Вильбер делает следующие выводы: «...Здесь мы заинтересованы только в том, чтобы наблюдать за нашими нынешними бедами, обнаруживать их просто и без злобы; не следует их осуждать или оправдывать, избегать, драматизировать или подвергать обработке. Если появляется

чувство или тенденция, мы принимаем это к сведению. Если возникает ненависть к этому чувству, мы отдаем себе в этом отчет. Если появляется ненависть к ненависти, мы это ощущаем. Тут ничего не поделаешь, но, если возникает образ действия, мы замечаем это и остаемся в качестве “ничему не дающего преимущества сознания” в центре всех бед. Такое возможно, только если мы поймем, что ни одна из них не представляет саму нашу реальную личность. Чем дольше мы будем к ним привязаны, тем больше потребуется приложить усилий, пусть даже субтильных, чтобы манипулировать бедами. Когда мы поймем, что они не являются центральным пунктом или самой личностью, мы не будем ругать наши беды, кричать на них или выказывать своего недовольствия; мы не будем пытаться избавиться от них и не предадимся им. Любые меры, которые мы принимаем для устранения мучений, только усиливают иллюзию, будто мы устранили нынешние мучения. В конечном счете, попытка избежать беды лишь увеличивает ее продолжительность. Сильную тревогу вызывает не само мучение, а наша связь с ним. Мы отождествляем себя с ним, и уже одно это создает настоящие трудности. Вместо того чтобы выступать против мучений, мы просто противопоставим им незлобивость отстраненной беспристрастности. Мистики и мудрецы любят сравнивать такое состояние с зеркалом. Мы просто отражаем все ощущения и мысли, как зеркало полностью и беспристрастно отражает все, что перед ним происходит».²

Освобождение от отождествления

Психотерапия старается отождествлять человека с его чувствами и настроениями. Созерцательность и все другие эзотерические пути, наоборот, учат освобождаться от отождествления. Такое освобождение помогает нейтрализовать движения нашей психики: желания, ожидания, страхи, агрессии. В этом случае мы не так сильно погружаемся в наши проблемы. Мы не надуваем их как воздушный шар. То есть не растрачиваем все наши силы на устранение этого кипения нашей психики. Какое дело горе до того, что вокруг нее кружатся облака? Наша глубочайшая сущность остается нетронутой.

Когда находишься в центре, точно знаешь, когда можно сердиться, а когда нельзя. Здесь может быть что-то, что бушует в моем центре, что хотело бы стать самостоятельным, вырваться, действовать. Но центр сильнее. Мы не вытесняем бурлящие агрессии, мы знаем совершенно точно, что это лишь процесс, происходящий в нашей психике, что-то такое, что проплывает над нами, как облака по голубому небу. Тут внезапно возникают желания, проекции. Мы можем последовать за ними, хотя

и знаем наперед, что они не принесут нам удовлетворения. На нас нападает лень, мы хотели бы лучше лечь спать, мы не хотели бы сейчас больше напрягаться, но мы можем и дальше быть внимательными. Мы обращаем внимание на то, что мы сонные.

Все это психические состояния, а не наша глубинная сущность. Это — побочные явления, которые исчезают, когда иссякает их сила. Наши душевные силы принадлежат нам и имеют большое значение для нашего человеческого бытия. Мы должны сами научиться владеть ими и управлять, а не допускать, чтобы они владели и управляли нами. Если мы себя не отождествляем, не даем увлечь себя, их интенсивность ослабевает. Если же мы будем отождествлять себя с ними, они принесут страдания.

Освобождение от отождествления даст нам возможность проникнуть в трансличностное пространство и постичь нашу истинную сущность. Там полный покой. Безусловно, велика опасность, что мы снова начнем отождествлять себя с каким-нибудь психическим состоянием (например покоем). Покой — это еще не последняя инстанция, которую можно познать. Потому остается в силе основное указание: освободись!

Тогда однажды мы сможем сказать: «У меня есть тело, но сам я не являюсь телом. Я могу видеть и чувствовать свое тело, но то, что я увижу или почувствую, не является истинным видением. Мое тело может быть усталым или полным энергии, больным или здоровым, тяжелым или легким, но это не имеет ничего общего с моим внутренним “Я”. У меня есть тело, но сам я не являюсь телом.

У меня есть желания, но сам я не являюсь желанием. Я могу знать свои желания, но то, что я узнаю, не является истинным знанием. Желания приходят и уходят, они протекают через мое сознание, но они не затрагивают мое внутреннее “Я”. У меня есть желания, но сам я не являюсь желанием.

У меня есть чувства, но сам я не являюсь чувством. Я могу осязать и ощущать свои чувства, но то, что я почувствую или ощущу, не является истинным чувствованием. Чувства проходят сквозь меня, но они не задевают мое внутреннее “Я”. У меня есть чувства, но сам я не являюсь чувством.

У меня есть мысли, но сам я не являюсь мыслью. Я могу знать и интуитивно понимать свои мысли, но то, что я узнаю, не является истинным осознанием. Мысли появляются у меня и снова исчезают, но они не тревожат мое внутреннее “Я”. У меня есть мысли, но сам я не являюсь мыслью».³

События, мысли, образы, чувства, настроения есть не что иное, как буря в мировом океане. Какое дело мировому океану до того, что в Бискайском заливе бушует шторм? Надо пережить этот шторм, пока он не закончится. Чем меньше мы будем отождествлять себя с ним, тем меньше он разовьет

энергии. Это не значит, что мы не можем больше чувствовать, что мы не можем больше приходить в ярость, что мы не можем больше испытывать антипатии. Они больше из нас не вырвутся.

Со временем жажда новых впечатлений ослабевает, а желание заниматься внутренним миром становится меньше. Когда исчезает желание, становится возможным видение. Когда достигнешь этой стадии, тогда узнаешь, что ничего не осталось. Все находится в движении, все приходит и уходит. Нет ничего, что мы могли бы удержать. Неизменным остается только течение. Непрерывность — это свойство течения, а не статики. Внимательность дает нам возможность познать это течение и одновременно покой во всех движениях.

2. ТАИНСТВО МОМЕНТА

Стремление человека к Богу

Человек — это *homo religiosus*. Божественное — это его глубинная сущность, и он имеет тенденцию туда возвращаться, знает он об этом или нет. Иоанн Креста сказал: «Наше пробуждение — это пробуждение Бога, а наше воскресение — это воскресение Бога».⁴ Пробуждение человека — это пробуждение Бога. Пробуждение общества — это пробуждение Бога в обществе. Пробуждение космоса — это пробуждение Бога в процессе эволюции космоса. Человек будущего (не только Христос будущего) будет пробужденным. Он будет мистиком. Это наш единственный шанс выжить.

В человеке живет страстное желание, которое само является Божественным. Бог проникает в нас для дальнейшего развития. В людях пробуждение Бога представляет собой страстное желание. Это желание — вернуться домой, найти такое место, где все хорошо, где тебя любят и понимают. Но очень скоро человек осознает, что ни один человек не может дать другому человеку эту конечную уверенность, даже самый любимый. И такое непреодолимое разделение будет до тех пор, пока мы не найдем саму нашу истинную личность или, точнее, пока наша истинная личность не прорвется сквозь все преграды и ложные проявления. Итак, люди становятся на путь к Богу, поскольку несут в себе это страстное желание, которое является страстным желанием самого Бога. Существует одна древняя история, в которой это представлено достаточно ясно. Ее рассказывают как на Востоке, так и на Западе. Это история о блудном сыне. Приведем среднеазиатскую версию.

В Индии жил очень богатый вельможа, у которого был только один сын. Однажды он был похищен или не захотел больше возвращаться домой. Отец делал все возможное, чтобы найти своего сына. Но все

было напрасно. Шли годы, а он ничего не мог узнать. Однажды богатый человек выглянул в окно и увидел перед своим домом юного нищего. Он получил подаяние и уже собирался уйти. Богач посмотрел на лицо нищего и подпрыгнул от удивления, ибо он узнал своего потерянного сына. Он крикнул слуг и приказал им вернуть молодого нищего. Они побежали за ним следом и попытались его остановить, но молодой человек стал сопротивляться и сказал: «Хоть я и нищий, но я не сделал ничего плохого». Слуги уверяли, что ни в чем его не упрекают: «Наш господин хочет тебя видеть». Однако они не смогли уговорить его вернуться. Наоборот, он еще больше испугался и начал дрожать: «У меня не может быть ничего общего с таким благородным вельможей». В конце концов слуги были вынуждены вернуться обратно и сообщить своему господину, что ничего не смогли сделать. Полный любви к своему сыну, богач приказал молодому слуге переодеться нищим, как и его сын, и подружиться с ним. Когда слуга-нищий посчитал, что уже прошло достаточно времени, он сказал нищенствующему сыну богача: «Я нашел одно хорошее место. Работа не очень трудная, и платят хорошо. Также нам дадут небольшую комнату. Давай попытаемся». Так оба стали садовниками у вельможи. Когда они там освоились, богач взял своего сына в дом в качестве слуги. Так как он и здесь хорошо исполнял свою работу, вельможа поручил ему контроль над своим имуществом. Наконец он сделал сына своим секретарем, чтобы тот был поближе к нему и смог бы взять на себя его обязанности. Шли годы. Вельможа сильно постарел и почувствовал, что ему недолго осталось жить. Тогда он собрал всех родственников и представил им молодого человека: «Этот юноша на самом деле мой сын, который пропал, когда был еще ребенком». Он передал сыну все свое состояние и свое положение в обществе.⁵

Таким образом, путь человека — это обратный путь к Богу. Как таковой, он описан во всех религиях. Мы ищем корни своего существования. Мы забыли, кто мы есть на самом деле. Поэтому мы отправляемся на поиски, пока не познаем: я же уже давно найден, ибо мы вовсе не ищущие. Мы те, кого ищут.

Добавим, что это страстное желание может иметь нарциссические черты, также оно может быть бегством от действительности, оно может стараться компенсировать то, чего не хватало в детстве. Но, прежде всего, оно возникает из осознания того, что в человеке есть такие пространства сознания, которые дают жизни больше смысла и помощи и позволяют глубже познать Бога.

Умереть, чтобы снова родиться

Психология подчеркивает, что у человека, для того чтобы жить, должно быть чувство собственного достоинства и соответствующая уверенность в себе. Эзотерические же пути требуют смерти своего «Я». И все упражнения в конечном счете направлены на отказ от активности эго. Иисус говорит: «Кто хочет получить свою жизнь, должен ее потерять». Томас фон Кемптен пишет в своей «Преемственности Христа»: «Будь уверен, что ты должен жить жизнью смертных». Иоанн Креста считает: «Кто сумеет умереть во всех вещах, получит жизнь во всех вещах». В «Дао дэ цзин» уже тысячи лет назад сказано, что: «Умереть, не погибнув, означает вечное присутствие». Все пути говорят одно: дорога к познанию единства и любви является дорогой самоотречения (surrender — «отказ от самого себя»); умереть, чтобы действительно жить.

Смерть нашего «Я»

Смерть «Я» — это больше, чем упомянутый выше отказ от активности эго. Это выход из любимых, дающих уверенность в безопасности структур и примеров. Это событие затрагивает всего человека и потрясает его до последних глубин. Смерть «Я» происходит в том, что мистики называют «темной ночью сознания, души и духа». Это путь очищения, которое на всех эзотерических путях ставит собственную задачу — освобождение от уверенности в безопасности. Смерть, о которой говорят мистики, намного мучительнее, чем физическая смерть. Не должно возникать никакого желания укрыться под дланью Господа. Должно быть только абсолютное освобождение: «Отец, в Твои руки я вручаю свою душу». Иное в такой ситуации может выглядеть патологически и даже, как таковое, может быть заключено в рамки психологии. Тем не менее это смерть, чтобы жить. Целью является возвращение к жизни, пока это тело дает нам такую возможность. Мы должны обнаружить и познать Божественное здесь и сейчас. Но и отдельные мистические познания — это еще не все. Интеграция познания в повседневную жизнь является основной задачей, которую нужно выполнить на эзотерическом пути.

Преображающая сила момента

Мистика говорит об исцеляющей и преобразующей силе момента или, как ее назвал Жан. П. Кассад, — «таинстве момента». Именно у него я впервые встретил это слово.

В своей книге «Подчинение Божественному провидению» он пишет следующее: «Бог находится на самом деле здесь, а я об этом не знал, говорил когда-то Якоб. Так и ты ищешь Бога, когда Он везде. Все возвещает тебе о Нем. Все дарит Его тебе. Он идет рядом с тобой, Он тебя обволакивает, проникает в тебя и находится в тебе..., а ты Его ищешь! Ты стараешься представить себе Бога, и, в основном, у тебя это получается. Ты гонишься за совершенством, в то время как оно находится во всем, что тебе встречается. Сам Бог выступает против тебя, посылая тебе страдания и испытания в твоих деяниях. Ты напрасно стараешься создавать возвышенные образы: Он не хочет их принимать».

«Не так же ли верно открывают нам разум и вера истинное присутствие Божественной любви во всех созданиях и событиях, как слова Христа и церкви гарантируют нам присутствие святой жизни среди образов Тайной вечери? Знаем ли мы, что Божественная любовь через все создания и события хочет соединиться с нами? Что только поэтому она определяет, упорядочивает или разрешает все то, что с нами случается и нас окружает, и чтобы тем самым мы достигли того единения, к которому она стремится?».⁶ «Но если так обстоят дела, то что тогда еще есть на пути, что является в любой момент нашей жизни своего рода единением с Божественной любовью и что это единение беспрестанно порождает в нашей душе, как и то, которое вверило нам тело и кровь Сына-Бога? Хотя одному подобает сакраментальное действие, другой от него уклоняется. Но насколько чаще оно будет повторяться и каким достойным оно может стать, если воспринимать его с полным духовным пониманием?».⁷

Кассад заговорил о Тайной вечере, чтобы выразить следующее: «Мы действительно на ложном пути, если не видим Тебя во всем, что хорошо, во всех творениях. Почему Тебя (Бога) ищут в других вещах, а не в тех, через которые Ты хочешь о себе возвестить? Почему Тебя ищут среди образов Тайной вечери, а не среди тех, которых Ты сам избрал для Своего сакраментального присутствия?».⁸

Во время Тайной вечери торжественно возвещается о том, что есть всегда и везде. Таким образом, присутствие Божественного должно, например, ощущаться и во время завтрака, так же как во время вечери.

Бог — это симфония, которая звучит во всем. Это не значит, что Он ее когда-то сочинил и она теперь звучит. Симфония — это Бог. И здесь ничего нельзя исключить: ни страдание, ни наш психический дефицит. Познанием этого является сатори. И иной человек также может познать, что страдание и боль — это такие же формы выражения Божественного, как и радость. К сожалению, мы легко снова забываем об этом.

«Только благодаря полноте настоящего момента душа может действительно насытиться, окрепнуть, очиститься и исцелиться» (там же, с. 42).

Родник с «живой водой» находится для Кассада в настоящем моменте. Родник течет постоянно. Почему высматривают русло?

«Бог перестал быть предметом и образом, Он — первоисточник и родник». ⁹

«Благословенная милость настоящего момента! Ты представляешь нам Бога в таких незначительных формах, какими являются ясли, сено и солома». ¹⁰

Итак, «таинство момента» есть не что иное, как принятие Божественной воли. «Намного легче исполнять пассивную часть святости. Она исчерпывается тем, что мы просто переносим то, чего в большинстве случаев не можем избежать и что лучше вытерпеть с веселой уверенностью и невозмутимостью, то, что мы довольно часто еще выносим с отвращением». ¹¹ Это не трансцендентность, которая выделяется из того, что есть здесь и сейчас. «Бог в святости делает то, что делает святой. Он ходит, лежит, стоит, спит, умывается, ест, пьет, имеет хорошее расположение духа», — говорил Ангелус Силезиус.

Момент ведет нас к познанию жизни

Жизнь происходит в данный момент. Бога можно познать только в этот момент. «Ты думаешь, ты увидишь Бога и Его сияние. О глупец, ты Его не увидишь, ты Его сегодня не увидишь» (Ангелус Силезиус).

Но как на практике выглядит этот путь? Он не имеет ничего общего с элитарным поведением.

Андреас Грифиус написал:

*Дни не мои, которые прошли.
Дни не мои, которые еще настанут.
Момент есть мой, его я приму во внимание,
Он мой, созданный временем и вечностью...
Хорошо запомни этот день,
ибо он есть жизнь,
жизнь всей жизни!
Вчера ничто, лишь сон,
а Завтра только видение.
Сегодня же — правильно прожитое —
Каждое Вчера делает сном,
наполненным счастьем,
А каждое Завтра видением,
полным надежды.
Поэтому хорошо запомни этот день!¹²*

Бог есть всегда: когда мы ходим, сидим, убираемся, готовим, читаем, слушаем музыку и т. д. Когда мы так говорим, это звучит очень набожно

и даже приторно. Но когда мы говорим: жизнь есть во всем и всегда — когда мы ходим, сидим, убираемся, готовим, читаем, слушаем музыку и т. д., — тогда это уже воспринимается. В чем же тогда разница между Богом и жизнью?

Майстер Экхарт и момент

Экхарт все время говорит, что Бога надо познавать в вещах. Хочу процитировать некоторые места:

«Мы должны сознательно высматривать Господа во всех вещах. Для этого необходимо старание, нужно делать все, что только можно сделать с помощью силы и разума. Тогда они постигнут Бога равно во всех вещах, и они найдут Божественное в равном количестве во всех вещах».¹³

«У кого действительно все хорошо, тому хорошо везде и со всеми людьми. У кого все плохо, тому плохо везде и со всеми людьми. У кого все хорошо, с тем на самом деле Бог; а с кем Бог — с тем Бог везде: как в церкви, в глуши или в келье, так и на улице и среди других людей. Если у него есть Бог и только Бог, то такой человек никому не может помешать. Почему? Потому что он единственный имеет Бога, перенимает все от Бога, и все вещи для него становятся Богом. Такой человек несет в себе Бога во всех делах и во всех местах, и все дела этого человека обусловлены исключительно Богом».¹⁴

«Человек может идти по полю, читать молитву и познавать Бога или быть в церкви и познавать Бога: он потому больше познает Бога, что находится в тихом месте, и это происходит от его недостаточности, а не из-за Бога. Ибо Бог равным образом есть во всех вещах и во всех местах и готов проявить себя настолько, насколько это Ему кажется важным. И только тот познает Бога правильно, кто познает Его как равного».¹⁵

«Кто так (то есть) в Бытие имеет Бога, тот принимает Бога Божественно и для того Он воссияет во всех вещах, ибо все вещи для него имеют вкус Бога и образ Бога он видит во всех вещах. Бог в нем сияет всегда, и в нем происходит освобождающий поворот и запоминание Его любимого, настоящего Бога. В качестве сравнения: кто-то испытывает сильную жажду, он может вполне делать что-то другое, а не пить, а также он может думать о других вещах. Но что бы он ни делал, где бы он ни был, в каких бы устремлениях или размышлениях ни пребывал, пока его мучает жажда, образ воды не исчезает. И чем больше жажда, тем сильнее, и настойчивее, и упорнее в данный момент проявляется образ напитка. Или: кто-то сильно и пылко любит что-то, и ничто другое ему не нравится и не затрагивает его сердце, и он жаждет только этого и больше ничего — то, где бы и у кого бы он ни был, что бы он ни делал, —

никогда в нем не угаснет то, что он так любит. И он будет находить во всех вещах образ этой вещи. И в данный момент это будет у него тем сильнее, чем сильнее будет становиться любовь. Такой человек не ищет покоя, ибо никакие волнения ему не мешают». ¹⁶

«Этому человек не может научиться посредством бегства, когда он бежит от вещей и внешне погружается в одиночество; в большей степени он должен научиться внутреннему одиночеству, где бы и с кем бы он ни был. Он должен научиться вскрывать вещи, и находить там своего Бога, и создавать Его в себе». ¹⁷

Это целительная сила Бога, или целительная сила жизни, которая действует в данный момент.

Бог в моменте будней

Многие женщины знают о целительной силе вязания, шитья и плетения. Многие совершают длительные прогулки за городом. По сути, на нашем духовном пути мы не делаем ничего особенного, мы стараемся подойти к моменту и стать единым целым с тем, что мы как раз выполняем. Там нам ближе всего Бог.

Каждое, даже самое маленькое, действие, которое мы совершаем, например, когда поднимаемся по лестнице, открываем двери, моем руки, стоим на светофоре, должно сопровождаться внутренним бодрствованием.

Когда мы идем на работу, на вокзал, за покупками, у нас уже совсем другой шаг. Мы больше не сами с собой. Мы больше не в данном моменте. Мы больше не в жизни. Следовательно, жизнь есть только в моменте. Существует много возможностей потренироваться в настоящей жизни, то есть быть полностью с самим собой и с тем, что мы делаем. Довольно трудно читать и одновременно слушать музыку. Вместе это не согласуется. Можно еще проще сказать: не следует ходить в туалет с газетой. Мы должны снова научиться, как есть, как делать салат, как собираться на работу и как готовить праздничный ужин. Иной, встающий на путь дзэна или путь созерцательности, пребывает в неверных ожиданиях. Сатори существует в моменте. Это не оторванное от мира состояние, а познание мира в данный момент.

3. ГЛУБИННЫЕ СТРУКТУРЫ И СТАДИИ НА ВНУТРЕННЕМ ПУТИ

Каждый духовный путь должен опираться также на результаты научных исследований, поскольку без них легко сбиться с пути. Истинная эзотерика не отрицает научных знаний, а возвышается над ними. Вопрос

об универсальных глубинных структурах человеческой личности является, тем самым, вопросом психологии и, одновременно, критическим запросом к эзотерике, которая дает повод для размышлений.

- Можно ли познать различные стадии эзотерического пути?
- Могут ли они быть систематизированы и расставлены иерархически?
- Или они только моментальные снимки развития, которые нельзя смоделировать?
- Что это, собственно, такое — полностью развившийся человек?
- Не является ли то, что психология понимает под словом «нормальность» (полностью дифференцированная и интегрированная структура «Я»), на самом деле моментальной остановкой развития?
- Не должен ли человек обратиться к трансличностному? Не является ли, по сути, и эта область нашим человеческим бытием?

Ступени развития

Многие эзотерические пути прокладывают «дорогу», или «тропу», по которой ученики могут быть проведены через различные ступени к внутренней сущности. Эти ступени не следуют строго друг за другом, они могут и пересекаться. Последовательность может также быть различной.

Первая ступень: ориентирование

Она часто начинается с вопроса о смысле. Люди ищут новый путь, так как сомневаются в смысле существования. Они страдают — как его называет Виктор Франкль — ноогенным неврозом, то есть неврозом, который имеет не психические, а экзистенциальные причины. Нередко возникает вопрос: для чего я вообще живу? Кто я на самом деле? Почему это касается именно меня? Такие размышления ведут к новому ориентированию. Человек начинает заглядывать в себя.

Так возникает интерес к духовной стороне жизни. Люди обращаются к литературе. Уже одно это новое ориентирование оказывает значительное влияние на жизнь и ведет к состоянию ожидания, которое укрепляет веру в метаструктуру этого мира. Поток сознания теперь течет в другом направлении. Он открывает «мета», то, что лежит за пределами, или вертикаль, которая, по необходимости, относится к горизонтали. Возрастает осознание того, что горизонталь — это еще не все, из чего состоит жизнь. Это бесценное сокровище, ибо наша жизнь остается тюремной камерой до тех пор, пока мы не заглянем за то, что лежит на переднем плане.

Человек в это время становится очень тонкокожим. Вещи, к которым он раньше был равнодушен, теперь волнуют и мучают его. Это говорит о пробуждении самосознания. Растет готовность к восприятию и осмыслению, а также чувствительность к боли, как к своей, так и чужой. Это приводит к переустройству и к изменениям в жизни. Мы читаем другие книги, осмысленней едим. Возможно, меняется также и содержимое платяных шкафов. Мы понимаем, что противоречит новому жизненному направлению, и изменяем свое поведение, что опять-таки влияет на внутренние психические процессы. У одних происходят сознательные перемены в жизни, у других — переоценка ценностей. Ограничиваются внешние отклонения.

Вторая ступень: больше сознательности

Вторая ступень в большей степени обусловлена сознательностью. Сначала обучаются телесной сознательности. Активно познаются процессы, происходящие в теле и психике. Бессознательная, беспечная жизнь уступает место определенному существованию.

Мы придаем больше значения внешней манере поведения. Здесь имеются в виду не какие-то эксцентричные жесты, а та манера поведения, которая соответствует внутреннему процессу. Христианские пути дают к тому мало указаний, а вот восточные рекомендуют определенные действия тела. Ноги, спина, грудь, руки, язык и глаза должны находиться в состоянии внимательности. Любая необдуманная, бесполезная активность тела осознается, и действия тела снова приводятся в состояние внимательности.

Ровное дыхание успокаивает мысли. Снижается нескончаемое бурление повседневного сознания, и исчезают так называемые сны наяву. Мы предаемся равномерным вдохам и выдохам. Сознание успокаивается, уменьшается ассоциативный ход мыслей. Мысленное содержание становится сознательней, и общий поток сознания упорядочивается.

Третья ступень: унификация сознания

Начинаем с совершенно определенной практики упражнений, целью которой является ограничение потока сознания. В нее входит: поиск спокойного места, фиксация сознания на длительный промежуток времени на одном (по возможности, внешнем) «объекте» и контроль над взглядом. Далее ничего не исследуется, не анализируется, а только сохраняется.

Устанавливается связь духа с объектом, а также происходят изменения в познании объекта. Он перестает быть абстрактным и познается уже не в качестве концепта, а таким, какой он есть на самом деле. Книга

тогда уже больше не книга, а квадратный предмет, имеющий цвет и форму. Как правило, мы видим вещи не такими, какие они есть. Мы фильтруем объекты и разделяем их по категориям. При свободном от умственных рассуждений созерцании объект снова становится тем, что он есть.

Безусловно, более важной является концентрация на внутреннем процессе. Мечущееся в разные стороны сознание должно научиться концентрироваться на внутреннем объекте.

Тибетские монахи используют для этого визуализацию, в йоге — физические энергетические потоки, или ОМ, в дзэне — МУ, в христианской созерцательности — смотрение в неприкрытое бытие. Такие упражнения ведут к унификации сознания.

Это может привести к неадекватному возбуждению, например, возникают шорохи, запахи, касания, световые явления, которые можно познать только изнутри. Способность к восприятию постепенно превосходит просто умственное восприятие, так что появляются такие впечатления, которые не могут возникнуть в нормальном состоянии разума. Данное восприятие постоянно меняется. Появляются колебания, вибрации, цвета, световые узоры, фигуры. Дзэн называет все это такуо. Любая серьезная эзотерика советует не придавать этим впечатлениям какого-либо значения. Ни в коем случае нельзя на них застрять. Определенная разрядка во время упражнения может помочь от них уйти. Позволим буре пройти мимо, пока она не утихнет.

Хотя наш дух очень быстро начинает размышлять об этих явлениях и анализировать их, мы должны этому противостоять. Наш разум постоянно ищет объекты, поскольку безобъектное смотрение для него еще недоступно. Иоанн Креста сказал, что «дух цепляется за пылинки, витающие в воздухе, потому что чистый свет он пока не может увидеть. Грубая сторона сознания уже вряд ли проявится. Грубый материальный мир исчезает. Наступает покой и умиротворение».

Четвертая ступень: разгрузка сознания

Следующий шаг — это концентрация сознания без опоры на «Я». Коан, слово или внешний предмет в упражнении становятся все тоньше. И теперь они легко исчезают из сознания, но не потому, что мы их забыли, а потому, что они стали совсем прозрачными.

Можно прийти к световым восприятиям. Но этот свет не имеет ничего общего с внешним светом. Он течет и способствует определенному самадхи. Временами возникают и более грубые восприятия, ибо наш интеллект имеет невероятную выносливость для производства форм. Задачей упражнения является удаление этих конструкций в пользу непрерывно текущей энергии света. Мы теперь просто концентрируемся

на потоке света. Течение может становиться сильнее. Интенсивность света возрастает.

Помешать этому процессу еще может оставшаяся часть «Я», которую используют, чтобы удержаться в этой области. И здесь есть внимательность, старания, освобождение от представлений. Все, имеющее структуру, теперь мешает. Трудно обрести покой.

Усилия, прилагаемые к правильному проведению упражнения, должны быть еще раз снижены. Снова становится важным освобождение. Наше «Я» может сопровождать нас до порога познания, не создавая нам помех. Наши усилия должны становиться более уравновешенными. Мы двигаемся туда-сюда с позиции созерцателя на позицию созерцаемого.

Пятая ступень: стадия покоя

Пространство здесь занимает познание, так что отдельное течение не имеет никакой опоры. Познается только то, что является моментальным. Познаются только узоры на поле, которые беспрерывно меняются, в то время как собственная середина, сама настоящая личность не меняется. Исчезают только впечатления, а не содержание. Мы больше не замечаем отдельных событий и застываем в неподвижности.

Мы познаем, как вещи появляются и исчезают. Рождение и смерть следуют друг за другом, они взаимосвязаны, как движения в хороводе. Отдельные части существуют только в общей связи с другими частями. Самое главное — это как можно дольше оставаться в этой стадии покоя.

Шестая ступень: снижение любой активности

Такие парадоксы, как: возникновение — исчезновение, один — несколько, последовательность — одновременность, — разрешаются в беспричинном познании.

От тонкой внимательности в конце также нужно отказаться, поскольку она является остаточной частью активности «Я» и мешает просветлению. Дзэн называет просветление «черным как смоль», потому что в нем нет никакой активности «Я» и никакого познания «Я».

Рассказывают, что один ученик Шакьямуни имел блестящую память и все речи знал наизусть. После смерти Шакьямуни все просветленные собрались вместе. Этот человек тоже очень хотел быть с ними. Но он не мог этого сделать, поскольку не был просветленным. Тогда он стал непрерывно делать упражнения, чтобы достичь просветления. В конце концов он отчаялся и лег спать. И в момент погружения в сон, когда активность его «Я» исчезла, на него снизошло глубокое просветление.

Даже внимательность может служить препятствием. Просветление нельзя приобрести. Мы можем только создавать благоприятные условия

для того, чтобы пришло просветление. Это форма индифферентности, которая больше не зависит от воли.

Отступают на задний план и так называемые *vasanas*. *Vasanas* — это «лежащие на дне, скрытые желания, склонности и амбиции, которые могут всплыть на поверхность в любой момент».¹⁸

В буддизме к ним относят также склонности, впечатления, действия и мысли, которые возникли уже при рождении.¹⁹ Они формируют характер человека. Сюда же относятся и психические силы, формы и деятельные намерения, то есть первые импульсы, которые вызывают действие. Это очень трудная задача — преобразовать эти основные структуры или основные тенденции, которые покоятся глубоко в нашей психике и хотели бы перейти вместе с нами в следующую жизнь.

Седьмая ступень: просветление

Состояние просветления не терпит никакой активности «Я». Это познание самой жизни. Если мы размышляем о жизни, то, значит, проявляется активность нашего «Я». Если же мы познаем саму жизнь, наше «Я» молчит. Мы можем познать жизнь в любой момент в том, что существует. Только когда мы поймем, что познать Бога можно только в исполнении Божественного, то есть в структурах, мы поймем, что все размышления об этом являются только следствием; как и наша теология, обряды, церемонии и догмы. Религия неотделима от повседневности, от данного момента. Религия — это познание того, что существует. Увидеть это невероятно сложно. Это требует глубокого познания и длится очень долго, до тех пор пока человек не будет готов понять религию с этих позиций. Это никак не повредит нашим церемониям и ритуалам. Наоборот, это должно стать целью всех богослужений и ритуалов, чтобы привести нас к данному познанию.

Экхарт классически просто сказал об этом: «Ибо воистину, если кто-то предполагает, что во внутреннем мире, в молитвах, в сладостной восторженности, в особенной милости Бога сможет приобрести больше, чем в хлеву или от огня в печи, — то получается, будто ты берешь Бога, одеваешь Ему на голову плащ и прячешь под лавку. Ибо, кто ищет Бога в одном (определенном) образе, тот воспринимает образ и не постигает Бога, который за ним скрыт. Кто же ищет Бога без образа, то постигает Его таким, какой Он есть. И такой человек живет с Сыном, и Он есть сама жизнь. Когда спрашивают жизнь в течение тысячи лет: “Почему ты живешь?”, она отвечает: “Я живу, потому что я живу”. Это происходит потому, что жизнь живет и бьет ключом по своей собственной причине и сама по себе. Жизнь живет без “почему”, она живет для себя самой. Когда спрашиваешь честного человека, который трудится по своим собственным

причинам: “Почему ты работаешь?”, он честно отвечает: “Я работаю, потому что я работаю”». ²⁰

Остается открытое смотрение. Перед просветлением смотрение связано с ментальной активностью. В познании просветления наш разум молчит. Но это состояние, которое можно было бы назвать экстазом, еще не конец. Следует вернуться к событиям. Снова возникает обычное познание времени и пространства с его грубым содержанием. Снова пробуждается нормальное сознание. Несмотря на это, произошло что-то значительное. Перспективы сместились. Не исключено неправильное восприятие и искаженное представление. Просветление, в первую очередь, должно стабилизироваться. В дзэне считается самой трудной задачей — интеграция просветления в повседневную жизнь. Целью является «базарная площадь».

Обобщение

На каждом эзотерическом пути должно происходить прогрессивное разрушение того видения мира, какое нам навязывает сознание нашего «Я». Физические познания, умственная деятельность, грубое материальное восприятие, познание времени и пространства отступают. Новая структура сознания больше не функционирует по обычным психофизическим законам. Разрушение или преобразование этих глубоких структур ведет к просветлению.

Добавить к этому мы можем только собственную внимательность. Наблюдение за дыханием, за коаном, за тем, как мы ходим, как стоим и т. д. Наше состояние бодрствования является относительно стабильным состоянием. Так как оно с легкостью не появляется, нужно заняться определенными упражнениями. Вершиной упражнения является внимательность. Она имеет целью чистое смотрение, без какой-либо устойчивой структуры сознания.

Различаются три ступени наблюдения:

1. Приложение усилий (упражнение).
2. Освобождение от усилий.
3. Чистое смотрение.

Выразимся иначе:

Упражнение «взрывает» моментальное состояние сознания.

Далее, через какое-то время, прекращаем упражняться и только создаем, пока не начнется чистое смотрение.

После этого следует задание на интеграцию в повседневность.

Наш путь — это путь интенсивного обучения внимательности, которое может быть долгим и трудным. Только в непрерывном освобождении

от всех физических, психических и духовных структур мы можем продолжать свой путь. Перед конечной действительностью остается только самоотречение. Божественное наполняет нас, как только с его пути уходит наше «Я». «Бог так сильно к этому стремится, что ты по своему образу бытия, свойственному живому существу, исходишь из самого себя, как будто в этом заключается все твое высшее блаженство. Итак, дорогой человек, что плохого в том, что ты позволишь Богу быть Богом в тебе?»²¹

4. ИЗМЕНЕНИЕ СОЗНАНИЯ (ОРТОНОЙЯ — ПАРАНОЙЯ — МЕТАНОЙЯ)²²

В нашем мире больше речь не идет только о решении политических, социальных или культурных проблем. Мы, человечество, достигли критической точки, а может, даже критической точки истории человечества в целом. Речь идет о выживании. Мы как раса находимся перед угрозой уничтожения, и такое положение вещей мы создали сами. Ядерные, биологические, химические войны, загрязнение рек, морей, воздуха, истощение ресурсов, разрушение экологической системы наносят вред жизни человеческого вида на этой планете. Мы знаем это, но уже не можем перестроить себя в нашей системе. Мы как бы запрограммировали себя на уничтожение. И если только нам удастся достичь другого уровня сознания, появится шанс на спасение.

Этот новый уровень сознания является следующим шагом на пути эволюции человечества. Наряду с угрожающими обстоятельствами, уже появляются признаки того, что эволюция мобилизует свои силы, чтобы противостоять уничтожению. Некоторые говорят так: силы эволюции накапливают ресурсы для скачка в новое сознание (квантовый скачок). Другим эти назревающие тенденции кажутся очень запутанными, даже чем-то вроде лабиринта. Они предсказывают прорыв, который начнется одновременно во многих областях: в естествознании с его теорией относительности и квантовой теорией, в трансличностной психологии; произойдет эзотерический прорыв в религиях, возникнет жажда всеобъемлющего познания действительности, предчувствие, что разум и чувства для человека не единственные ворота познания. Люди все больше начинают проявлять беспокойство и все настойчивее, чем прежде, задаются вопросом о смысле существования. Они все чаще ищут пути для психического и духовного развития. За этим стоит Божественная энергия (для меня — эволюционирующая энергия), которая как бы мобилизует человека изнутри, отвлекает от иррациональных и направленных на самоуничтожение тенденций и указывает новое направление. Это новое сознание, как

мне кажется, в молодых людях проявляется намного сильнее, чем у людей старшего поколения. А потому они чаще, чем взрослые, бывают сбиты с толку этим преломлением сознания.

Прорыв, прежде всего, возникает у тех, кто уже встал на путь к новому сознанию, и у тех, кто зашел в тупик с традиционными формами. Бывает страшно покинуть родные берега и отправиться на поиски нового. Не каждый отважится на это. Таким образом, этот путь становится похожим на процесс сортировки людей — страшные слова, если вспомнить о нацистских временах, но, в конце концов, из этого напрашивается такой вывод. Это не имеет ничего общего с элитарным сознанием, скорее это подготовка к длительному, полному страданий процессу, который, по-видимому, не может протекать без «мученичества». Ибо как духовные, так и светские учреждения будут применять психологическое и политическое давление, а также давление на свободу совести, как и во времена Иисуса. У них есть власть, и они будут ее использовать. Никогда еще реформы в обществе и в церкви не шли от верхов к низам, всегда только снизу вверх.

Эта обязательная трансформация нашего сознания на пути созерцательности происходит в следующих трех фазах:

Ортонойя (orthos — «прямой», «честный») — паранойя (помешательство, безумие) — метанойя (изменение сознания).

Первая фаза обусловлена идентификацией с нашим «Я». Здесь жизнь может долгое время протекать в мнимом порядке и довольстве. Однако видимость обманчива. Каждый человек, если он не хочет остановиться в своем развитии, должен взять на себя бремя внутреннего перелома. Кто не переживет паранойю, не сможет вступить в фазу метанойи.

Паранойя — это состояние, при котором происходит распад сознания и перестройка его по-новому. Только когда отпадут старые заскоружности, возникнут новые конstellации. К сожалению, на Западе, это состояние считают психическим заболеванием, а не промежуточной фазой и процессом очищения, как это считает эзотерика. Паранойя — это обязательная промежуточная фаза, иногда даже истинная, на пути к нашему высшему человеческому существованию.

Лучше всего было бы иметь в этой фазе сопровождающего. Иначе легко потеряться в лабиринте своей психики. Довольно часто такое состояние рассматривается как тупик. Находящиеся в стадии паранойи не встречают понимания ни у своих духовников, ни у других духовных лиц. Из-за этого непонимания Иоанн Креста критиковал их и называл кузнецами, которые только и умеют, что махать молотом.

Эзотерические пути понимают психику человека в такой ситуации значительно лучше и помогают ему познать состояние паранойи как путь

исцеления. Они говорят о смерти «Я» как об освобождении от ложных образов и иллюзий, которыми наполнено наше «Я». Страдания, которые человек при этом испытывает, являются разрушением иллюзий. Чем больше он от них освобождается, тем меньше страдает и становится готовым к восприятию. Речь идет о восприятии того, что есть на самом деле, о соединении с Божьей волей, или — как говорят на Востоке — о приближении к космическим законам.

Кто читал «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «В четвертом измерении» Шифрина или «Записки» Соловьева, должен был заметить, что люди в концентрационных лагерях переживают более глубокое, изменяющее их сущность познание. Все авторы отмечают одно парадоксальное явление: «...что арест, тюрьма, лагерь, одним словом, неволя, являются самым важным и значительным познанием в их жизни; и не только это, они уверяют также, что хотя они и были вынуждены терпеть жестокие психические и физические муки, в то же время они пережили мгновения такого полного счастья, какое люди за лагерными стенами не могут себе представить... Тем самым, неволя определяется как предельно сконцентрированная, интенсивная жизнь».²³

Когда человек не предается больше своим бесплодным фантазиям, он побеждает источники страха, зависти и ненависти, или — как говорит дзэн — причины глупости, гнева и жадности. Тогда он познает гармонию, которая кроется в Божьей воле; равновесие космоса, в котором нет ни добра, ни зла, ни верха, ни низа, а есть только познание момента. Космос всегда находится в равновесии. Когда мы сможем верить себя космосу, а значит, воле Бога, тогда мы придем к гармонии. Послание Иисуса — это призыв положиться на волю Отца и жить, как птицы на небесах и лилии в садах, то есть войти в Царство Божье, в котором мы снова станем детьми.

Царство Божье — это не то, что появляется в конце всех времен. Оно здесь и всегда, оно в нас. Это Божественное, которое выражается в нас и через нас. Когда мы сделаем шаг от паранойи к метаноии, пробудимся от иллюзий нашего «Я», выйдем из этого состояния грез, как его называет эзотерика, и войдем в Божественную реальность, перешагнув через пространство и время, мы обретем внутреннюю гармонию и согласие. Возвращение не следует воспринимать как нечто временное, как преходящее событие. Оно произойдет, когда мы сможем перешагнуть через время и пространство, разум и логику. В глубине нашей сущности лежит действительность, которая находится вне времени и пространства.

Раз человечество сегодня стоит на краю пропасти, мы должны признать, что решить проблемы можно только через новое сознание. Мы, христиане,

можем назвать его сознанием Христа, но также оно и сознание Будды, сознание Кришны или просто сознание *philosophia perennis*. Решение проблемы, в первую очередь, находится в нас и лишь потом в нашем окружении. Все деструктивное в мире происходит от нашего упрямства. Если мы выступаем против Божьего Царства в нас, мы выступаем против эволюции человечества и оказываем сопротивление Божественному действию. В своем упрямстве мы противостояем своему истинному счастью. Однако посредством метаноии — посредством пробуждения сознания Христа — мы можем изменить и себя, и человечество.²⁴

5. СВЯЗЬ С ЧУВСТВАМИ

Кто-то думает, что эзотерические пути ведут к потере чувствительности. С течением времени все эмоциональное превращается в ледяную глыбу. Прежде всего такими недоступными выглядят «дзэнисты». В них отсутствует теплота и человечность. Ангелус Силезиус в своих следующих строчках почти подтверждает это: «Человек, если ты что-то еще представляешь, что-то знаешь, что-то любишь и ненавидишь, то, поверь мне, ты не освободился от своих забот и тревог». Здесь не имеется в виду стоическое пренебрежение к чувствам. Скорее это значит отрешиться и быть задержанным в области «Я».

Каждый путь упражнений сам по себе суров. Если человек сконцентрируется на смотреии внутри себя, то может показаться, что он стал отсутствующим и равнодушным. Однако один старый мастер дзэна сказал прямо противоположное: «Чем глубже просветление, тем сильнее сострадание».

Эмоции и чувства

В упражнениях чувства не вытесняются и не подавляются, а сортируются и очищаются. Кто очень внимательно смотрит в себя, приходит к выводу, что существуют различия между чувствами и эмоциями. Эмоции — это вызванные аффектом, глубоко задевающие порывы, имеющие тенденцию к резкому проявлению. Чувства — это более утонченные движения души, не подверженные сильным реакциям и бурным действиям. Когда эмоции выходят наружу, они намного сильнее опутывают тело, чем чувства. Они захватывают нас и толкают на неконтролируемые поступки. Они являются причиной кармы, как говорит дзэн. Они приходят из области «Я».

Эмоции относятся к основной структуре нашей психики. Иногда они содержат важное послание подсознания, и поэтому ими нельзя прене-

брегать. Безусловно, они могут и сильно мучить человека. В некоторых терапиях их провоцируют, и взрыв эмоций используют как путь исцеления. На внутреннем пути упражнений важным является преобразование этих эмоций; но так, чтобы не вытеснить находящихся там чувств.

Преобразование эмоций

Роберто Ассаджиоли и Виктор Франкль, пионеры в этой области, говорят в своих трудах о возможности преобразования эмоций. Если человек действительно хочет расти и созреть, он должен изменить прежние, привычные реакции на возникающие эмоции. Иначе он навсегда останется в имманентной сфере и не сможет попасть в трансличностное пространство.

Однако преобразование эмоций не поможет избежать тех психических нарушений, которые требуют терапевтического лечения. В психике человека имеются комплексы, справиться с которыми можно только посредством терапии. Поэтому в первую очередь нужно освободиться от эмоций и дать им выход. Это может принести облегчение, понимание и перемены. Тем не менее для каждого человека наступает такой момент, когда он должен будет научиться иметь эмоции и не быть ими охваченным и когда терапевтические усилия уже будут не только не нужны, а даже будут мешать развитию личности.

Если мы чувствуем ярость, мы должны прийти в ярость, но только в состоянии абсолютного бодрствования. Ярость не должна подавлять наше сознание. Мы должны осознать свою ярость. Тогда она утихнет и пропадет. Через некоторое время мы поймем, что это глупо — постоянно предаваться ярости и продолжать злиться по инерции.

Таким образом, мы не подавили ярость, она исчезла сама. То же самое происходит с ненавистью и алчностью. Мы должны научиться рассматривать их в состоянии бодрствования, но не подавлять. Тогда мы освободимся и поймем, что эти эмоции лишь что-то второстепенное, летающее над нашей психикой, как облака.

Энергия, потраченная человеком на столкновение с эмоциями, остается теперь его собственной проблемой. Мы привыкли анализировать свои чувства. Но мы должны их и пережить, чтобы подчинить их себе. Другими словами, пробным камнем наших упражнений является наша жизнь. Меня часто спрашивают, где найти пробный камень для того, что инвестировано в созерцательный путь. Важным критерием является, по моему мнению, способность преобразовывать эмоции в положительную энергию.

Руководящие линии

Без сомнения, глубина чувств обладает решающей, изменяющей энергией. Если человек содрогается до глубины души, то старые структуры рушатся и зарождаются новые. Чувства несут в себе преобразовательную энергию.

При медитации многие эмоции получают разрядку. *Emovere* с латинского языка означает «дать волю эмоциям». Это скорее даже взрыв, который освобождает и подрывает старые, стесняющие нас установки. Таким образом, медитация обуславливает процесс очищения. Возникают чувства. Они не маскируются повседневными занятиями. Но мы не должны отождествлять себя с ними. Печаль, страх, радость, агрессия являются важными источниками энергии в жизни человека. Сила чувств не увеличится, если выставлять их напоказ: этого часто не замечают. Мы должны скрывать чувства, но не должны идентифицировать себя с ними. Выставить чувства напоказ означает растратить энергию. Мы боимся потрясений и поэтому хотим от них избавиться и вытолкнуть их наружу. Мы должны проявлять чувства. Однако проявлять чувства и выставлять их напоказ не одно и то же.

«Когда монах испытывает приятное чувство, он знает: я испытываю приятное чувство. Когда он испытывает болезненное чувство, он знает: я испытываю болезненное чувство. Когда он испытывает приятное земное чувство, он знает: я испытываю приятное земное чувство. Когда он испытывает приятное неземное чувство, он знает: я испытываю приятное неземное чувство. Таким образом, он пребывает в созерцательности чувств, внутренней или внешней. Он находится в созерцании условий происхождения чувств. Тогда он осознает, что есть чувства, которые необходимы для сознания и познания. И он больше ничем не связан. Он не зависит ни от чего в мире».²⁵

Как эмоции преобразуются в чувства?

1) В первую очередь эмоции нужно осознать, не вытеснять их и не оправдывать.

2) Следующее основное правило — не оценивать их.

3) Принять эмоции к сведению. Далее следует констатировать их, например, сказать себе: да, я в ярости.

4) Затем следует решить, нужно ли на них реагировать и предпринимать какие-либо действия, то есть выражать свои чувства или нет. Помочь в этом может глубокое дыхание, а также ослабление напряжения и возвращение к своему упражнению.

Если взрослый человек постоянно драматизирует возникающие эмоции, он остается на детской стадии развития. По сути, они не что иное,

как реакция на: «быть понятым», «быть любимым», «завидовать», «ревновать», «ощущать свое превосходство» и т. д. Мы реагируем на то, как нас оценивают, критикуют или отвергают и т. п. другие люди. Это сущий ад.

Единственный путь уйти от этого — развить чувство собственного достоинства, сделать его независимым от поведения других. Но оно не появляется просто так, оно должно развиваться. Чем больше мы постигаем глубины нашего существования, тем независимее мы становимся от поверхностных всплесков эмоций.

Расту в любви

Что может нам помочь разрушить эти внутренние образы, в которых мы постоянно плутаем? — Расту в любви. Имеется в виду не чувственная любовь, а та свободная, все определяющая доброжелательность ко всему и каждому, которая не задает вопросов о симпатиях и антипатиях, о друзьях и врагах. Это то, что мы в христианстве называем любовью к ближнему. Ее нельзя приобрести, она должна развиваться.

С углублением познания растет любовь ко всему, что существует, и не уменьшается даже тогда, когда нас встречают враждебно. Если нам удастся остаться в этом единении с нашей глубочайшей внутренней сущностью, мы ни в чем не разуверимся и сохраним спокойствие. Даже если мы разозлимся, то это будет не слепая ярость, а ярость любви, поскольку что-то выступает против жизни.

В человеке может вырасти любовь, которая будет подобна всепоглощающему пламени. Любовь преобразует негативные чувства. Тогда и гнев, и суровость приобретут положительные черты. Эта любовь растет вместе с познанием, и, как говорится в дзэне: «Чем глубже мое познание, тем сильнее мое сострадание».

Такая любовь имеет двойное действие: возрастать от всеобъемлющего присутствия (Бога) и изливать внутри полыхающую любовь на все, что существует. Хинайана (буддизм) редко говорит о любви, но знает ее так же хорошо, как и любой другой эзотерический путь. Она больше говорит о милосердии и сострадании ко всему живому, как показывает следующая сутра, «Сутра о любящей доброте»:

*Так должен действовать тот, кто стремится к спасению,
После того, как он познал тишину:
Он будет энергичным, честным, уверенным,
А также кротким, отзывчивым и без гордыни.*

*Нетребовательным и скромным будет он,
Не усердным, а умным,
Будет легко управлять своими чувствами.*

*Счастья и согласия всему живому,
Они все могут быть счастливыми!*

*Всем существам оно дано:
Бродячим и оседлым,
Маленьким, средним или большим,
Слабым, крепким или сильным,
Живущим здесь или в глуши,
Вдали или вблизи от дома,
Уже рожденным или в зародыше —
Все существа могут быть счастливыми!*

*Он никогда не должен оскорблять другого,
И никого не должен презирать;
И никому не пожелать беды
Со злости или от враждебных чувств.*

*Как мать защищает своего единственного сына,
Жертвуя собой,
Так и он должен освободить от всех преград
Свою душу навстречу всему живому.*

*По всему миру он должен распространять свою доброту
И освободить свою душу от всех преград,
И вниз, и вверх, и в стороны,
Не поддаваться ненависти и враждебности,
А оставаться чистым.*

*Будет ли он стоять, идти, сидеть или лежать,
Он должен сохранять это состояние души
И никогда не поддаваться слабости.
Это называется «Божественным пребыванием» в мире.*

5. ПЕЩЕРА СЕРДЦА

Пещера — символ неосознанности

Пещера с древних времен считается символом неосознанности, а также местом для встречи с Богом. В Ведах она называется *Guha*. Это — внутреннее святилище, место, недоступное мышлению, обитель Божественного. Тереза назвала это место «внутренней крепостью», Таулер — «основанием», Экхарт — «душевной искрой». Это — местопребывание или символ местопребывания жизни, из которого берут начало все формы проявления.

Сердце часто сравнивали с пещерой. В йоге существует сердечная чакра. Сначала ее нужно вскрыть, поскольку именно через этот центр

могут быть преодолены все пугающие явления. П. Лассаль назвал свое место практики дзэна в Японии Shinmeikutsu, «пещера Божественной темноты». Пещера — это символ нашего внутреннего мира. Кто пытается отказаться от своего эго, то есть уйти от своих концепций, образов и представлений, тот как бы идет в пещеру своего сердца.

Первые монахи не только уходили в пустыню, часто они жили в вырытых пещерах, как, например, святой Антоний. Они уходили в пещеры, чтобы вырвать у дьявола его последнее убежище. Нелегко понять того, кто стремится к одиночеству. Вопреки всем разумным основаниям человека тянет в тишину и безмолвие что-то невыразимое и невысказанное. Хотя порой могут возникнуть вопросы: почему я вместо занятий на курсах молчания не поехал в отпуск? Почему я провожу время здесь в одиночестве и медитирую, глядя на стену? Несмотря на все сомнения, человек следует своему внутреннему зову. Здесь воздействует неясная вера, интуитивное познание. Внутренний голос говорит, что именно так будет правильно.

Кто уходит в одиночество, кто уходит в пещеру, встречается с демонами. Например, святой Антоний сообщает²⁶, что когда он жил в пещере, его посетили демоны. Они пришли к нему в большом количестве, чтобы мучить его. Удары, которые они ему наносили, были такими болезненными, что он пришел к убеждению: они не могут быть человеческими существами. Когда на следующий день пришел его друг, который всегда приносил ему хлеб и воду, он застал Антония лежащим на полу и не подающим признаков жизни. Друг отнес его в деревенскую церковь. Все родственники и другие люди, которым он помогал, пришли туда, чтобы его оплакать. Однако когда в полночь Антоний очнулся и увидел, что все вокруг спят, он попросил своего друга, который единственный бодрствовал, отвести его обратно в пещеру. Когда он оказался в пещере, он прокричал демонам: «Здесь снова я, Антоний. Я не уклоняюсь от ваших ударов. Даже если вы еще сильнее будете меня мучить, я все равно не откажусь от своей любви к Христу. — И он начал петь: — Даже если вы двинете против меня всю армию, сердце мое не испугается вас».

Мы не должны бояться демонов. Макарий, другой монах, отправился однажды в Теренутин, местность в Скифии. Поскольку путь был долгим, он заночевал в одной пещере, похожей на пирамиду с мумиями. Он просто вынул одну мумию и использовал ее вместо подушки. Демоны, увидев, что он ничего не боится, пришли в ярость. Они достали еще одну мумию и стали чревоуещать от ее имени, обращаясь к мумии, которая лежала под головой Макария: «Эй ты, вставай, пошли поплаваем!». Макарий сказал, не поднимая своей головы от мумии: «Давай, вставай, если ты

хочешь поплавать!». Монах даже и не подумал о том, чтобы испугаться. Когда демоны увидели его бесстрашие, они оставили его в покое.

Также и Иисус был направлен в пустыню, чтобы там подвергнуться искушению демонов. Он провел там довольно много времени. Сорок дней — это чисто символическое число. Вероятно, он прожил там много лет. Мы ничего не знаем о том, где и как он жил с 12 до 30 лет. Иисус и в восточной церкви часто изображается в преддверии ада; «Нисхождение в ад» — гласит тезис веры. Путь к воскресению проходит через могилу и через смерть.

И из мифологии мы узнаем, что человек должен идти к одиночеству, спускаться в царство мертвых. Так, Одиссей встречает в царстве теней прорицателя Тиресия, который показывает ему путь на родину. Народ Израиля долго странствовал по пустыне, пока не достиг земли Обетованной. Схождение в ад часто символически изображается и прославляется в мифах, например, в мифе об Иннанае (III век до Р. Х.) или в мифе об Исиде и Осирисе. Это прославление жизни словами «умри и будь». Смерть в этих религиозных обрядах рассматривается не как конец жизни, а как преобразующая сила. Таким образом, всё, через что мы проходим, является источником энергии для нашей жизни. Мы слишком быстро делаем вывод, что впали в депрессию, в психическое расстройство. На самом деле это процесс преобразования, процесс трансформации: нам только нужно его выдержать до конца.

Существует апокрифическое высказывание об Иисусе, которое гласит: «Иисус Христос, который с триумфом проходит над темнотой, — это Антихрист; Иисус Христос, который проходит сквозь темноту, вот есть истинный Христос». Мы должны пройти всю пещеру насквозь на пути к воскресению, к земле Обетованной. Пещера и одиночество находятся не снаружи, их следует искать в глубине нашей души. Чаще всего это то, что мы подавили, чему не позволили раскрыться, что не смогло интегрироваться, то, что мы называем теньвым материалом. Это наши детские обиды и тяжелые жизненные переживания; в прежние времена их называли демонами, сегодня депрессией.

Кто идет по внутреннему пути, тот попадает в пещеру своего сердца. Он приходит в пустыню, в темную ночь, в изоляцию; он отгораживается от своих мыслей, чувств, решений и представлений. Иногда тревога, охватывающая там некоторых людей, не имеет конкретных черт. Это может быть страх. Человек не знает, откуда он приходит, он просто есть. Таким образом, совершается процесс очищения. Он часто сопровождается смятением и болью. Боль может даже ощущаться физически.

Известный мифолог, Джозеф Кэмпбелл, так описывает различие между шизофренией и испытаниями медитирующего человека: «Созерцатель-

ность — это намеренно вызываемая шизофрения. Люди отрываются от повседневного мира и погружаются в себя. Внешне это похоже на состояние шизофрении. В чем же тогда различие? А различие, собственно, такое же, как и между ныряльщиком, который умеет плавать, и ныряльщиком, который не умеет плавать. Мистик ныряет в воду под руководством мастера и твердо знает, что он умеет плавать, в то время как шизофреник тонет». ²⁷

Мы должны пройти сквозь наш душевный ад. Там многое нужно убирать и очистить. Это путь, который ведет к целостности. То, что вызывает замешательство, является в действительности процессом очищения. Кто выдержит его до конца с твердой верой в то, что он совершает прорыв, тот выйдет из него преображенным человеком. Весь теневой материал станет источником энергии и приведет в итоге к воскрешению, к целостности.

Очень важно, чтобы мы заняли это свое место в жизни. А именно то место, где должен совершиться процесс преобразования. Наш путь не является просто терапией в психотерапевтическом смысле, даже если это и процесс очищения и становления единым целым. Если обратиться к нашим предшественникам в области мистики, то они ответят, что речь, в конечном счете, идет об освобождении от «Я», с тем чтобы найти нашу глубинную сущность. Следует оставить все, а также все пугающее. А в конце нужно даже перестать контролировать «Я». Но сделать все это может только тот, кто действительно имеет «Я». Людям со слабовыраженным «Я» приходится здесь намного труднее. Это освобождение «Я» страшнее, чем физическая смерть. Относительно просто умереть с надеждой, что на том свете тебя примет Бог. Мистическая смерть — это смерть в неведении того, что будет дальше на той стороне. Смерть, не оставляющая никакой надежды на потусторонний мир. Смерть, пример которой показал нам Иисус. Он сказал: «Отец, в Твои руки вверяю Я свою душу». Это не желание попасть на небеса, не надежда на покровительство Бога; это только освобождение.

Это освобождение похоже на смирение. Нужно просто плыть по воле жизненных волн, даже если этот поток угрожает увлечь в бездну. На латинском языке *humilitas* означает «смирение». Как и слово *humanitas*, оно происходит от корня *humus*, то есть «земля», «грязь», «удобрение». Впрочем, и юмор (*humor*) имеет тот же корень. А это значит, что мы должны встречать наших демонов с внутренним весельем и с улыбкой. Мы не должны слишком серьезно воспринимать себя и демонов. Мы должны сохранить свой юмор, как Макарий, и в смирении продолжать свой путь. Нам нужно мужество, чтобы попасть в пещеру нашего сердца, чтобы прийти в эту неизвестную страну. Это путешествие, которое

ведет к другим берегам, к берегам, которых мы не знаем. Ведь именно неизвестное мы ищем и незнакомое, где находится вся полнота жизни, где мы познаем Бога. Мы не найдем этой полноты на проторенных дорогах.

Отцы-монахи всегда особо подчеркивали смирение. Когда аббат Макарий возвращался домой, держа в руках охапку пальмовых листьев, на улице ему встретился демон. В руке демон держал серп и собирался напасть на Макария, но не смог. Тогда он закричал: «Я ужасно страдаю от твоих оскорблений, Макарий. Я делаю все, что делаешь ты. Когда ты постишься, я тоже почти не ем, когда ты совершаешь ночные бдения, я вообще не сплю. Но есть одна вещь, в которой ты меня превосходишь». — «И что это?» — спросил Макарий демона. А тот ответил: «Это твоё смирение. Когда ты смиряешься, я обессилеваю».

Притча о пещере Платона²⁸

Платон поведал Сократу следующую историю, которую тот рассказал своему ученику Глаукону.

Люди содержатся под землей, в жилище, похожем на пещеру. Наверх, к дневному свету, есть длинный, но невидимый проход. Люди с детства так скованы по всему телу, что не могут повернуться. Так как они постоянно пребывают в одном положении, они могут смотреть только на находящуюся перед ними каменную стену.

На эту стену падают отблески света от костра, горящего за их спинами. Между ними и костром тянется дорога вдоль низкой стены. Следовательно, из того, что происходит, можно видеть только тени, и то только в верхней половине.

Вдоль этой стеночки бегут люди, которые несут на своей голове все, что только можно: скульптурные изображения, предметы обихода, всевозможные вещи для повседневного использования.

Платон полагает, что эти заключенные похожи на нас, людей. Они заключены в себе самих, они не видят ничего, кроме теней, которые отбрасывает на стену пещеры огонь.

То, что они видят, вызывает их на разговор. Они говорят об этих тенях, как о чем-то существующем на самом деле. Когда кто-то из проходящих за ними начнет говорить, им кажется, что тени могут разговаривать. А все предметы, которые те несут на голове, они могут постигать только в их теневом измерении. Так и сознание нашего «Я».

Платон спрашивает: а что было бы, если бы кто-то из заключенных мог освободиться? Он бы обернулся и посмотрел на огонь, но это его скорее бы ввергло в замешательство, нежели способствовало бы глубокому

познанию. У него бы заболели глаза, и он бы отвернулся. Возможно, он бы даже подумал, что тени намного ярче того, что он увидел обернувшись.

Даже если кому-то и удастся выйти из пещеры по этому неровному и крутому проходу и увидеть сияние солнца, он опять-таки придет в негодование, ослепнув от яркого света. Он не будет в состоянии увидеть даже самые мелочи, во всяком случае, не сразу.

Платон считает, что все дело в привычке. Нужно привыкнуть к сиянию солнца. Выбравшийся из пещеры человек будет гулять сначала только по ночам, поскольку свет луны не такой яркий. Позже он уже сможет увидеть все, он сможет смотреть на само солнце, а не только на его отражение в воде или на других предметах.

Платон спрашивает, что было бы, если бы кто-то из покинувших пещеру людей вернулся обратно, чтобы сообщить остальным о том, как выглядит действительность. Над ним бы там посмеялись. Они бы его там просто не поняли. Они бы ему сказали: «Что ты знаешь об этом, ты испортил себе зрение. Воистину, не стоит выходить наружу». И если бы они не были закованы, они бы его скорее убили, чем поверили ему.

В своей притче Платон четко указывает на то, что человек не сразу постигает действительность и истину. Когда он с ними встречается, он приходит в замешательство.

Привыкание происходит только в длительном процессе трансформации. Мистики называют его дорогой активного и пассивного очищения. Путь пассивного очищения может быть гораздо тяжелее и болезненнее, чем смотрение на яркий свет или на яркий огонь, который режет глаза. На этом пути совершается превращение внутри самой личности. Платон называет это словом *paideia*. Наш общепринятый перевод этого слова как «формирование» имеет сегодня слишком интеллектуальную оценку. Первоначально *paideia* означает обращение всего человека к своей глубинной сущности. Отсюда возрастает осознание, которое происходит от познания, а не от интеллектуальных размышлений. Истинное формирование изменяет внутреннюю сущность человека, ведет человека к его центру, к его собственному бытию.

Путь предполагает процесс трансформации. Недостаточно просто стать свободным. Недостаточно просто избавиться от своих оков, ибо это вполне может привести к необузданности. Необузданность и распущенность не имеют ничего общего со свободой. Формирование, которое до сих пор было лишь внешним, зажатым в тиски, становится, при правильно понятой свободе, образованием, которое сохраняет нормы глубинной сущности. Мне кажется, что человечество медленно

освобождается от этих тисков, и, возможно, однажды религия снова станет вполне приемлемой.

Вплоть до недавнего прошлого вера должна была основываться на знаниях, если она не хотела быть признанной суеверием. Теология гордилась тем, что ее считают наукой. Хотя она и писала во всех тезисах веры, что Бог — это нечто совсем другое, на практике она, в большей или меньшей степени, не позволяла людям верить ни во что другое.

Из-за развития атомной физики и формулировок квантовой механики произошла глубокая преобразовательная революция в нашем естественно-научном мышлении. Физика и трансцендентность сблизилась друг с другом. Едва ли это уже проникло в общественное сознание, а тем более, в сознание большинства теологов: у них по-прежнему доминирует старая картезианская, ньютоновская картина мира, основанная на механистических позитивистских принципах. Но ученые, возвещающие новую картину мира, такие как Макс Планк, Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Паскуаль Жордан, Фридрих фон Вайцекер и Вернер Гейзенберг, не сомневаются в том, что религия — прежде всего мистическое познание — и естествознание идут рука об руку.

Они больше не находятся в состоянии противостояния, а дополняют друг друга. Они оба необходимы и нам, людям, и церкви, и теологам.

Трансцендентность нельзя постичь объективно. Язык — это только символ и иносказание непостижимого. Наши чувства и разум постоянно набрасывают на действительность сеть, которая ее сужает и искажает. Артур Эддингтон высказался образно: «Физический мир подобен волнам, которые символизируют находящееся под ними море трансцендентности».²⁹

Наше мышление разбивает мир на части. Но тогда это уже не весь мир. Зритель всегда еще и актер. Он не может катапультироваться, чтобы судить и оценивать с какой-либо точки вне этого мира. Бом как-то сказал, что действительность похожа на реку, которую нельзя постичь непосредственно; только определенные волны и водовороты, которые являют относительную независимость и стабильность, постижимы нашим мышлением.

Также и естествознание достигло границ необъективности. Математическими формулами уже не объяснить природу. Они сталкиваются с действительностью, для которой они больше не существуют. Теология, как и естествознание со своими интеллектуальными представлениями, находится перед непостижимым.

Сегодня мы все больше осознаем, что сидим в пещере Платона и наблюдаем за тенью на стене, которую мы принимаем за действительность. Возможно, наши тела и наши головы будут наконец освобождены от оков.

Но вполне вероятно, что от действительности, которую мы увидим, мы придем в такое же замешательство, как и люди из пещеры Платона, когда они оглянулись и посмотрели на огонь или когда поднялись к солнечному свету.

7. ТЕНЬ

Значение тени

«Тень», «дьявол», «чудовище» — существует много названий для того психического комплекса, который можно найти у каждого человека, даже у Иисуса. Нам стоит только прочитать историю об искушении. Иисус должен был интегрировать свою тень.

Тень — это вопрос не только психологии, но и религии. Кто встанет на путь созерцательности, будет постоянно бороться со своей тенью. Это ясно показывает история жизни святого Антония в пустыне. Если мы посмотрим на картину Маттиаса Грюнвальда «Искушение святого Антония», то увидим, что за многочисленными мифами о демонах и злых духах находится действительность познания человечества. Они приводили в ужас людей во все времена. И кажется, что наша тень посетит нас в час смерти в образе черта или демона, если мы не примиримся с ней еще при жизни.

Тень — это обратная сторона нашего сознания. Поэтому, когда она внезапно появляется, нам так трудно видеть, воспринимать и осознавать ее как нечто, относящееся к нам. Примирение с этим нашим партнером и противником в игре является одной из важнейших задач в нашей жизни, условием осуществления процесса развития и становления в целостности. В этом вопросе единодушны и доктрины мудрости Востока и Запада, и современная психология. Тень является одним из полюсов нашей личности.

В образе внезапно возникающих отвратительных уродов, зверей, демонов и чудиц нам является наше внутреннее чудовище. Нам является то, что мы не можем признать своим. Но недостаточно только воспринимать свою тень, мы должны подтверждать ее существование. Очень трудно сделать шаг от отрицания к подтверждению.

Проекция наружу

Часто мы склонны проецировать тень наружу: на другой пол, другую расу, другую культуру, другую религию; на евреев, язычников, нацистов, иностранцев. Тем самым мы «проклинаем» в других то, что должны признавать как часть себя.

К сожалению, такое «проклятие» возможно и в религиозной сфере. Тогда разница между материей и духом, телом и душой, между человеком и Богом становится непреодолимым препятствием. Телесные радости, сексуальность, наслаждение жизнью и природой признаются малоценными. С этого начинается религиозный фанатизм. Он возникает в религии тогда, когда отсутствует любовь. Вера без любви, вера, которая не видит своей собственной тени, становится фанатизмом. Не надо далеко ходить, чтобы это увидеть. Вспомним только о нашем собственном общении с разведенными или женатыми священниками, а также о ложных примерах совершенства, которые навязывали нам в религиозном воспитании в качестве идеала. Многие христиане страдают от этого немолимого разделения добра и зла. Кажется, сейчас намного больше людей, чем прежде, носится с экклезиогенным комплексом. Конечно, фанатизм существует и в других направлениях. Некоторые отрицают духовное, спиритуальное и Божественное. Если мы не подружимся с нашей тенью, не будет развития.

К. Г. Юнг говорит, что проекция наружу превращает окружающий мир в странное незнакомое лицо.³⁰ Тогда все другие являются плохими и злыми. Итак, первая задача состоит в том, чтобы отказаться от проекций и увидеть плохое и злое в самом себе, иначе оно не утратит своего деструктивного влияния. Отказ от проекций, по К. Г. Юнгу, — это не что иное, как начало понимания того, что многие наши суждения и мнения о других относятся не к ним, а к нам самим. Таким образом, мы совершаем невозможное: как бы заглядываем за угол, чтобы зло, которое мы видим снаружи и в других, осознать и в себе. Ибо если в нас ничто не будет соответствовать наружной тени, мы не попадем под ее деструктивное влияние. Пока мы тщательно не разберемся в самих себе, мы не признаем манеру поведения, которую критикуем в других, в своей собственной душе.

Это относится и к религиозной сфере. Мнимая уверенность института церкви в том, что он стоит на стороне правды и имеет право осуждать поступки и мысли других, является сегодня источником страдания. Хотя сейчас никого не сжигают на кострах, но психические мучения, которые причиняются людям других убеждений, не менее ужасны. Институтам намного сложнее признать свои тени, чем отдельному человеку.

Мы охотнее обращаемся к нашим снам с вопросом, что символизирует тень. Из тибетской «Книги мертвых» мы узнаем, что тени могут являться в виде уродов, отвратительных зверей и демонов. Типичный признак — это то, что они внушают нам страх. Мы чувствуем большую угрозу. Мы бежим от этого в сон. Только поступить нужно совсем наоборот: мы должны обернуться, посмотреть назад и вступить в разговор с тенью.

Заглянуть под маску

Тень имеет также такие стороны, которые мы в повседневной жизни оцениваем позитивно. Никто из нас не может исчерпать все свои способности и желания. Они оседают в подсознании, похожие на тень. Для кого-то, например, трудно увидеть и признать свои положительные черты. По-видимому, он считает невозможным показывать свое дружелюбие и расположение и не хотел бы допускать подобных «приступов». Есть еще и положительные свойства, которые мы считаем неприемлемыми. Это нам также следует признать и интегрировать.

Тень не сама по себе бесчинствует в нашем подсознании. Влияние оказывает тот факт, что мы ее не признаем, а потому она в потемках нашей души может вести свою собственную жизнь. Психология называет это расщеплением определенных элементов. И тогда они возникают как отдельные, не принадлежащие нам части, в виде демонов, уродов, черных собак или просто как угрожающая бесформенная масса, которая хочет нас поглотить. Мы должны разгадать, что скрывается за этими маскарадными масками. Это нелегкая работа, поскольку мы еще с детства должны были отречься от подобных угрожающих элементов нашей души.

«Да» тени

Чем больше мы выступаем против этих «демонов», тем хуже для нас. Чем больше мы вытесняем в подсознание эти теневые образы, тем больше даем им власти над собой. Хотя мы и хотим скрыть свои теневые стороны, прежде всего от других, нам это редко удается. Лучшим помощником может стать хороший друг. У него более ясный взгляд на наши вытеснения, и он может помочь вскрыть их механизмы.

Мы сами можем прекрасно раскрыть происки нашей тени, если зададим себе вопрос: что я хотел бы скрыть от других? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется та добродетель, о которой сегодня уже не говорят, а именно: смирение. Тогда созданный нами образ растает сам по себе, как снеговик на солнце.

По сути, в работе с тенью речь идет о признании и восприятии. Важно знать, что нам не обязательно изживать теневые стороны. Достаточно их осознавать и признавать, что не значит — им поддаваться. Хотя часто мы должны ограничивать эти тенденции, говоря четкое «нет». Конечно, нелегко найти середину между допущением и изживанием, с одной стороны, и ограничением или четким «нет», с другой стороны. Ибо абсолютным «нет» мы блокируем течение жизненной энергии. Вильгельм

Райх очень ясно высказался на эту тему. Этим «нет» мы строим своего рода тюрьму, стены которой потом постоянно атакуем. Он говорит о характерном панцире, который ограничивает нас и мешает развитию нашей личности. Найти середину между «да» и «нет» — трудная, но обязательная задача для развития нашей личности.

Сосуществование тени и сознания

Если мы обратимся к тибетской «Книге мертвых», мы узнаем о борьбе между злыми и добрыми божеествами. Задачей мертвых является согласие с обеими сторонами, то есть сохранение нейтралитета, так как пребывание в их сфере влияния обуславливает возрождение.

Многие люди познают в своих снах эти столкновения. Некоторые переживают бесконечный конфликт между действующими лицами, даже часто это одно и то же лицо, которое мы встречаем во сне с любовью или осуждением. Эти противоположные силы и тенденции должны прийти к мирному сосуществованию, когда в нас самих установится согласие.

Некоторые психологи полагают, что надо подружиться или, по крайней мере, прийти к гармонии с этими теньевыми фигурами. Другие склонны думать, что следует оставить это сосуществование без изменений.³¹ Тень — это просто другая сторона, которая стабилизирует наши положительные стороны, поскольку мы должны всегда быть бдительны перед равным противником. Его нужно хорошо изучить, если не хочешь ему проиграть. Нужно разгадать все его хитрости и уловки, если не хочешь быть побежденным.

Как получают тени

Метцнер описывает в своей статье три области, в которых возникли тени: психология развития, эволюция, мифологическая теология.

Основания, возникающие из психологии развития

Познание конфликтов частично восходит к нашему детству, к соперничеству между братьями и сестрами за внимание со стороны родителей или взрослых. Часто оно остается и у уже взрослого человека и снова проявляется как соперничество и ревность в партнерстве и в профессии. Конфликты между братьями и сестрами нам известны и по литературе (Каин — Авель, Иаков — Исая, Золушка и ее сестры). Мы должны принять во внимание, что как добрый, так и злой брат, как добрая, так и злая сестра являются символами процесса, который происходит в нашей внутренней сущности.

Английский последователь Якоба Бёме сказал: «Есть один-единственный враг, который держит тебя в своих руках; одно-единственное место заключения, из которого ты хочешь сбежать, — это власть твоего собственного земного «Я». Это «Я» является убийцей Божественной жизни в тебе. Это твой собственный Каин, который убьет твоего собственного Авеля».³²

Основания, возникающие в результате эволюции

Метцнер подразумевает под этим длительную борьбу между племенами и обществами, между имущими классами и неимущими. Эта борьба продолжается и сейчас. И неизвестно, сможет ли человечество в последующие столетия преобразовать ее в мирное сосуществование.

Теологически-мифологическая область

В происхождении космоса, в возникновении мира важную роль играют споры и ссоры. В центре религии Зороастра в Древней Персии стояла борьба между светом и тьмой. Это миф о продолжительной борьбе между Ахурой Мазда, творцом света, и Ахриманом, князем тьмы. Борьба между ними закончилась тем, что они поделили свое господство над Землей на день и ночь. За этим стоят представления дуализма, который очевидно имеется во всех формах проявления.

Мы, например, имеем два начала: мужское и женское. В любом westernе двойственность показана в виде шерифа и гангстера. Они оба являются также образами нашей души; ибо наша бодрствующая часть личности постоянно разыгрывает из себя судью над провинившейся жертвой. На Востоке двойственность проявляется в Инь и Ян. Но, как мы уже знаем о знаках Инь и Ян, они оба сливаются в единое целое.

В теистических религиях мы резче разделяем добро и зло, ангела и черта, небеса и ад. Оба полюса находятся в непримиримом противоречии. Небеса и ад несовместимы. Мы исключаем зло из добра. На Востоке, наоборот, конечная действительность является и доброй, и злой.

Нам постоянно ставится в пример недостижимая, совершенная жизнь святых. Это сильно помешало формированию личности. Человек не должен быть совершенным. Речь больше идет о его становлении в целом.

Если нам не удастся гармонизировать в себе эту двойственность, которая относится к структуре создания, мы будем продолжать подвергаться воздействию разрушительных сил борьбы. Чтобы произошла трансформация, мы должны стать мудрыми судьями над самими собой. Инквизитор и обвиняемый, судья и палач живут в нас.

Внутренние демоны

В тибетской «Книге мертвых» демоны являются персонификацией злых и добрых сил. Прежде всего, мы проецируем их наружу. В процессе умирания не может быть по-другому. Часто внутренняя турбулентность кажется больше неуправляемой, так что мы ощущаем себя площадкой для борющихся в нас сил. В «Книге мертвых» они называются Азурас и Девас. Согласно этой книге, мы должны узнать в час смерти, что именно наши чувства, мысли, страхи и представления обусловили возникновение подобных структур. Мы должны здесь и сейчас вступить в спор с нашим мощно проявляющимся «сверх-Я» и тогда, возможно, в наш смертный час они оставят нас в покое.³³

7. ДЕПРЕССИЯ ИЛИ ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ?

Предназначение человека

Человек по своему развитию еще ребенок. Он еще мало знает о своих истинных возможностях. Причиной этого является его глубокая связь с сознанием своего «Я». Его настоящая идентичность остается лежать в глубине. А если она хочет развиваться, то встречает сильное сопротивление нашего самосознания.

Мы несем в себе Божественное семя, которое хочет прорасти и раскрыться, несмотря на все преграды материального мира. Человек находится в непрерывном процессе освобождения от своего ограниченного «Я». Его лихорадочные поиски смысла есть не что иное, как скрытая сила эволюции Божественного. Человек долгое время не допускает возможности того, что смысл следует искать в наиболее глубоких слоях сознания и что истинное согласие зиждется только на скрытом духовном порядке бытия.

Наш разум является прибором нашего сознания, не больше и не меньше; прибором, подобным нашим чувствам. Он должен показать нам путь назад к нашему происхождению, к нашей Божественности. Это не значит, что мы не всегда были от Бога и в Боге. Но наша беда в том, что мы не знаем, кто мы есть на самом деле. Разум должен нам помочь на пути к этому познанию, он должен провести нас через различные ступени сознания, пока мы не осознаем нашу Божественность. Она всегда здесь. Нам не нужно ее искать. Достаточно только убрать мусор, под которым она скрывается. Все уже заложено в нас. Нам не нужно ничего искать снаружи.

Об этом восхитительно сказал Кабир:

*Я смеюсь, когда слышу,
Что рыба испытывает жажду в воде:
Ты не видишь,
Что действительность находится дома,
И ты бродишь от леса к лесу
— безрадостно!
Здесь истина!
Иди туда, куда хочешь,
В Бенарес или Масуру —
Если ты не найдешь своей собственной души,
Мир для тебя останется нереальным.³⁴*

Используем другой образ: совершенный род человеческий, до которого мы должны созреть, лежит, как зерно, в нашей внутренней сущности. Допустим, что это желудь, тогда уже он приобретает характеристику дуба. Динамику роста он разовьет лишь тогда, когда преодолеет темноту, сырость и тяжесть земли. После этого он устремится к свету.

Развитие всегда связано с сопротивлением. Сопротивления, на которые наталкивается наша истинная сущность при своем развитии, часто рассматриваются как депрессии. В процессе развития человека они выполняют важную функцию. То, что мы с легкостью устраняем как препятствие или даже как болезнь, дает нам большой шанс к созреванию.

Сопротивление нашего «Я»

Наша жизнь похожа на систему координат. Горизонтальные линии ведут нас к материальным целям, вертикальные — к духовным целям. Горизонтальная координата имеет фатальное свойство: она постоянно увеличивает свое давление. Чем больше человек имеет, тем больше ему надо. Он пленник своих привычек, страхов, амбиций и желаний. Он начинает любой ценой защищать свое имущество. Он творит, составляет планы и стремится к тому, чтобы в этих узких рамках достичь счастья и благополучия; но забывает при этом, что окружающий мир должен лишь помогать ему встать на путь духовности, а не быть для него смыслом жизни. Плохо то, что стены его собственной тюрьмы закрывают ему видимость и делают его неспособным задуматься о выходе оттуда.

Итак, мы в нашей жизни просто пробегаем процесс, который должен освободить нас от физических, психических и материальных тисков. Хорошо тому, кто это понимает! Все страдания только способствуют более быстрому познанию. Они должны освободить нас из плена нашего «Я». Жизнь похожа на бег с препятствиями, при котором барьеры установлены для каждого отдельного человека, даже если он не хочет этого

признавать. Человек должен созреть на сопротивлениях, на том, что христианство называет «Божьей волей», а восточные религии «космическим законом».

Человек гордится тем, что обладает свободой воли, и возмущается, если кто-то хочет отнять у него эту «свободу». На самом деле, он — раб своих мыслей, страхов, эмоций и желаний. Это маленькое «Я» начинает быстро реагировать и протестовать, если его хотят лишить его доминирующей роли. Оно хочет остаться в этом грубом материальном мире форм и лишений, хотя он несет ему страдание за страданием. И так бредет человек в поисках долговечного счастья от одного мимолетного удовольствия к другому. Он глубоко заблуждается в том, что может на долгое время обеспечить удовлетворение какой-либо своей потребности. Другими словами: нами владеют эмоции, страхи и желания. Вину за то, что мы не достигли счастья, мы легко списываем на обстоятельства, на судьбу или на других людей.

Эзотерика считает это просто глупостью. Человек постоянно водит себя за нос. Некоторые это осознают и ищут выход. Они собираются с силами и выбираются из ада и из своих теневых образов к солнечному свету, как это изобразил Платон в своей притче о пещере. Но этого не происходит без сопротивления. Конфликт является непременным условием для этого развития, как заскорузлая земля для прорастания зернышка. На этом мы должны созреть и расти.

Также обязательно нужно здесь сказать, что и материальная, и физическая сферы принадлежат нашему человеческому бытию и являются частью целого. Мы не должны пренебрегать ими, мы должны признать, что они принадлежат нам, но при этом не должны позволять им сбить себя с толку.

Смысл страдания

В процессе развития человека страдание выполняет важную функцию. Через страдание Божественное заставляет нас скорее освободиться из своего плена. Страдание, говорит Экхарт, самая быстрая лошадь на пути к Богу. Очевидно, нам нужны постоянные разочарования и препятствия, чтобы встать на этот путь.

Наше «Я» не откажется быстро от борьбы за самосохранение или, точнее, за сохранение «Я». Для некоторых это столкновение является драматичным и мучительным. Мы так увязли в тройной области физики, психики и разума, что нам трудно осознать жизнь как святой путь паломников, на который нас поставили, чтобы мы могли созреть для нашего последнего предназначения. Смыслом нашего теперешнего существования

является рост и созревание. Нам следует научиться отличать иллюзию от действительности. Эзотерика называет это «пробуждением». Мы должны пробудиться для познания нашей глубинной сущности.

Боль, замешательство, страх перед безумием, безнадежность — вот цена, которую придется заплатить за духовное развитие. Хорошо тому, кто найдет провожатого, который не отправит его напрямик к психиатру, а поможет отличить духовную депрессию от обычного разочарования его «Я»! Данная фаза духовного развития может сопровождаться психосоматическими недугами: головной болью, резами в желудке, слабостью, болью в суставах, ну и другими симптомами.

Почти все мистики на определенной ступени своего развития пережили подобные состояния. Очень подробно этот феномен описывает Иоанн Креста в своей книге «Темная ночь». Вся сложность заключается в том, что этот процесс протекает очень медленно и никто не может сказать заранее, когда он начинается и когда заканчивается. Духовные депрессии принадлежат к структуре развития зрелой личности, в отличие от других депрессий, которые возникают из-за разочарования эго, на почве эгоистических стремлений, корыстолюбия, материальной алчности. Чем глубже мы проникаем в нашу внутреннюю сущность, тем быстрее нас покидает страх. Наше «незнание» постепенно превращается в мудрость.

Конечно, мы можем спросить: почему мы вообще оказываемся в этом противоречивом и многострадальном положении, если мы «Божьи создания»? Почему мы должны вести это грубое материальное существование? На эти вопросы у меня нет окончательного ответа. Но я полагаю, что это имеет свой смысл. Самосознание является необходимым проходом. То, что Библия называет первородным грехом, является переходом сознания от архаичной формы в ментальную. Первородный грех — это не отречение от Бога, не вина, а вступление человека на рациональную ступень сознания, а значит, новый важный шаг на пути к нашему первоисточнику. Все эзотерические пути показывают, что наше человеческое существование имеет особое значение в свете нашего конечного предназначения.

Два вида депрессии

Одна возникает из-за разочарования нашего «Я», которое не получает того, чего страстно хочет; а именно того, что мы обычно считаем счастьем: счастье в любви, удача в лотерее, материальные блага, здоровье, «вечная молодость» и т. п. Если человек этого не достигает, он становится несчастливым и впадает в депрессию. Отсюда возникают такие

обороты речи, как: «За что мне все это?», «Почему Бог так несправедлив?», «Почему Бог отвернулся от меня?», «Почему я везде как Золушка?».

Есть еще и другой вид депрессии, которому подвергаются многие из тех, кто выбрал духовный путь. Она наступает тогда, когда наше «Я» замечает, что кто-то покушается на его доминирующую власть. Тогда его охватывает страх, а порой и паника. Здесь речь пойдет именно об этой депрессии, которая является не чем иным, как процессом очищения.

Когда я в беседе спрашиваю: «Откуда возник твой страх?», то часто слышу в ответ: «Я не знаю!». Нет никаких сексуальных проблем, никаких финансовых забот, никаких жалоб на здоровье. Это чистый страх. Он возникает от угрозы нашему «Я». С ним приходит безнадежность, чувство неуверенности и бессмысленности. Иоанн Креста потрясающе описывает это состояние:

«Вокруг в воздухе витают запахи смерти — муки ада — погружение во мрак, в болото низменных глубин — темные тени смерти — смертельные тени, смертельные стоны, адские муки — давящее страдание, и нет возможности вздохнуть. Кости должны сгореть в огне — мясо выварится — все члены растворятся (Иез. 24, 10) — смертельная тоска — душа видит, как перед ней разверзается ад!». ³⁵

В некоторых случаях даже возникает мысль о самоубийстве. С одной стороны, «Я» перестало играть главную роль, а с другой стороны, новая духовная сфера еще не окрепла в достаточной мере. Тем не менее эта духовная сфера воздействует угрожающе на «Я», что является причиной страха. *Numinosum* теперь не только *fascinosum*, но также и *tremendum*.

На этой стадии силы нашего «Я» могут еще раз мощно проявиться. «Я» собирается с силами и оказывает мощное сопротивление. Это приводит к разрыву обеих сфер. Стихийные силы «Я» пытаются удержать свое господство, но более глубокие пласты сознания все больше подвергают сомнению его роль.

Что еще сложно в этой ситуации, так это то, что не происходит очищения со стороны религиозной сферы и, таким образом, теряется уверенность. Как сказал Иоанн Креста, уже и в Боге нет опоры. Религия не вызывает больше чувства безопасности. Если прежде можно было укрыться под «дланью Господа», то теперь вдруг и «Божественная рука» перестала быть защитой. Возрастает чувство вины. Оно переходит в страх; мы сами виноваты, что оказались в такой ситуации.

И вот теперь начинается настоящий процесс духовной эволюции. То, что мы считали психическим заболеванием, или так считали терапевты, на самом деле является процессом трансформации. Только осознать это

необычайно трудно. Тем не менее человек теперь находится не в вызывающем сожаление состоянии, а в исходном пункте на пути к новой сфере сознания. Он постепенно избавляется от давящей силы ненасытного сознания своего «Я» и начинает разрывать связи с физическим, психическим и рациональным миром. Он замечает непостоянство вещей и осознает, что привязанность к ним ведет к разочарованию.

По сути, это то, о чем нам сообщают все Святые Книги. Однако сообщается нам это с религиозным приукрашиванием, которое вызывает недоверие, поскольку оно зачастую связано с презрением и отрицанием, и даже с «умерщвлением» мира. А именно этого нам следует остерегаться. Весь аскетизм обусловлен только одним: освободить нас от нашего «Я». Вещи не являются ни плохими, ни хорошими. Понятия «истинный» и «ложный», «добрый» и «злой» становятся беспредметными. Самое главное — это осознать духовное назначение всех вещей и нашего самосознания.

Самосознание имеет огромное значение. Его существование является предпосылкой для более глубокого познания. Животное не может познать того, что познает человек. Речь не идет об умерщвлении сознания нашего «Я», а о снижении его доминирующей роли, чтобы оно могло обрести духовность. Прохождение через материальную и физическую сферы является частью процесса очищения. Полное просветление пронизывает все сферы сознания, физическую и психическую в том числе. Если посмотреть с точки зрения сущности, то нет никакого разделения между высшим и низшим, материальным и духовным. Это единое целое, которое мы должны познать. Наше тело также играет значительную роль. Без него мы ничего не можем познать. Об этом же говорит Кабир в своем стихотворении:

*О друг! Это тело Его (Бога) лира:
Оно натягивает ее струны и извлекает мелодию Брахмы.
Если струны порвались и ключ ослабел,
Снова прахом станет этот инструмент из праха:
Кабир говорит: никто, кроме Брахмы, не может
Породить эту мелодию.³⁶*

Или:

*О Садху!
Очисти свое тело простым способом!
Как семя есть в смоковнице,
А в семени есть цветы, плоды и тени,
Так и в теле есть зародыш, а в зародыше снова тело.
Огонь, воздух, воду, землю и эфир ты не сможешь получить без него.
О Кази, о Пандит! Задумайтесь над этим!*

*Что есть, что не находится в душе?
 Наполненный водой кувшин в воде:
 вода и снаружи и внутри.
 Не надо давать этому названия,
 чтобы не впасть в заблуждение двойственности.
 Кабир говорит: слушай слово, истину,
 которая является твоим Бытием.
 ОНО говорит слово Себе самому,
 и ОН сам есть Создатель.³⁷*

Возможности исцеления

Эмоциональные страдания от депрессии могут стать такими сильными, что подобное состояние уже не отличить от так называемой внутренней депрессии. Состояние отчаяния и безнадежности кажется бесконечным, и нельзя заранее сказать, как долго человек будет пребывать в этой фазе. Больше нет возврата к прежнему пониманию жизни, но и нет надежды на будущее. Симптомами этой депрессии являются бессонница, отсутствие интереса к социальной и политической жизни, к работе, к планам на будущее. Прежде всего ослабевает чувство собственного достоинства, что зачастую связано с детскими обидами. При этом могут по-новому проявиться негативные черты общей структуры, например внезапная агрессивность или гневные высказывания. Также могут возникнуть и физические симптомы. Очищающая психофизическая энергия кундалини проходит через все тело.

Плохо то, что впавший в депрессию человек не может понять свое состояние, и даже доброжелательное отношение и утешение не помогают надолго. Приходит страх перед безумием, который может быть сильнее, чем страх смерти, а иногда и вызывает мысли о самоубийстве. Некоторые начинают анализировать свое состояние и не находят веских психических причин тому; тогда еще больше возрастает страх перед безумием. Обычные терапевтические методы и лекарства почти не помогают, и нет перспектив на окончательное излечение.

Какие возможности исцеления имеются у человека в такой ситуации?

1) Сначала нужно объяснить человеку его состояние. Нужно сказать ему, что он страдает не от обычной депрессии и следует осознать закономерность этой «квазидепрессии». Речь идет о процессе очищения, который является условием перехода на новую ступень сознания. Он должен понять, что это духовное развитие, процесс трансформации, а значит, позитивный процесс.

2) Далее важно, чтобы человек мог говорить о своем состоянии и чтобы его обязательно слушали. Происходить такие беседы должны как можно чаще. Депрессивные фазы проявляются в приступах.

3) Человек не должен просто предаваться депрессивному настроению. Он должен бороться с этим. Приступ дает огромные шансы на исцеление, хотя и кажется, что тиски сжимаются все сильнее и становится все хуже и хуже. Больной должен осознать, что это прорыв через туннель, шаг вперед, а не путь назад. Основное значение при этом имеет не помощь сопровождающего, а выдержка самого больного. Необходима большая доля мужества и самодисциплины, чтобы получить пользу от этого процесса.

4) Следующее средство излечения — это внутреннее присутствие при всем, что мы делаем, «тайнство момента»: быть полностью в каждом движении, в каждом шаге, в каждом жесте. Физические занятия, спорт, работа, прогулки, хобби — все это также может способствовать дальнейшему излечению.

5) Истинно драматичным и единственным, что в этом процессе приносит исцеление, является столкновение с тем, что мистики называют Ничто. Это Ничто является непрерывным и бесконечным. Оно отказывается от всякой формы ограничения: пространственной, временной или какой-либо другой. Вначале это трудно выдержать. Затем становится видно, что оно не просто ничто. От него скорее исходит сильное вынужденное давление, которое нельзя считать позитивным. Но человек полагает, что в нем скрыто что-то важное и решающее.

Прежде всего, оно определяется как бессмысленность, безысходность, как *hogho vacui*. Ницше остановился на этом пункте. С этого места мудрецы у него провозглашают на базарной площади: «Бог мертв, я Его убил». Ницше был непродвинутым мистиком. В Ничто ведут следы нигилизма и следы к познанию конечной действительности.

Кто хочет на самом деле воспринять Ничто, должен осознать, что оно обладает свойством простираться до бесконечности. Это ворота к религиозному познанию. Это светлая Божественная темнота.

В христианстве существовала «негативная теология», которая обозначала Бога в отрицании. Грегор Нисский писал, например: «В этом заключается истинное познание искомого, в этом видение в невидении, которое закрыто со всех сторон темнотой и своей непостижимостью».

Майстер Экхарт в своих латинских трудах развил мысль о высокой метафизической абстрактности, где и Ничто играет важную роль. Например, он говорит о силе в душе, которая «не принимает Бога, поскольку Он добрый, и также не принимает Бога, поскольку Он является истиной. Она

продвигается дальше к сути и ищет, и воспринимает Бога в своем уединении и в своей глуши. Она принимает Бога в своей пустыне и в своей сущности». ³⁸ Таким образом, в глубочайшей безысходности, когда человеку кажется, что больше уже ничего не осталось, происходит преобразование: в этом Ничто на него глянуло вечное око Божественного.

Х. ПРАВСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. БОЖЬЯ ВОЛЯ

«Все взаимосвязано. Каждая часть трехмерного пространства связана с другой частью единой узелковой сетью. Через постоянно появляющиеся и вновь исчезающие узелки передаются сигналы, которые обеспечивают мгновенную связь между всеми частями пространства. Эти сигналы можно сравнить с пульсацией нервных клеток в гигантском космическом головном мозге, которая пронзает каждую часть пространства».¹

«То, что происходит в одной части, обуславливает происходящее в другой части. “Единое целое — это больше, чем его части” — данный тезис не является теперь, как это было в начале нашего столетия, биологическим аргументом против физических объяснений. В большей степени это закон математической системной теории, которая стала прочным составным элементом науки, физико-химического процесса».

Приведенные выше высказывания взяты из доклада, прочитанного в 1989 году в Альпбахе на Европейском форуме. Они являются признанием холистической картины мира, взаимозависимости всего живого. Я полагаю, что то, что мы понимаем под «Божьей волей», имеет отношение к этому миропониманию и к взаимосвязанности всего Бытия. Все Бытие является взаимозависимостью.

Паскаль показал это на примере ветки и дерева: ветка не может постичь сознание дерева, но, наоборот, может быть понята деревом.

Мы пытаемся понять этот мир исходя из единого целого, и это целое носит у нас имя Бога. Однако сегодня мы должны переосмыслить прежние догмы веры и понятия Бога. Наша жизнь управляется многими обстоятельствами, которые мы не можем изменить. Поэтому познание жизни и ее активное формирование, несмотря ни на что, является проявлением мудрости.

Это сама Божественная жизнь, которая развивается в создании. Кто выступает против нее, создает дисгармонию, проходящую через весь универсум. Возможно, это противостояние является единственным настоящим грехом человека. Соответственно, было бы лучше называть в положительном смысле «Божью волю» — «карма» и говорить теперь,

что универсум не «взаимосвязанный», а «взаимовлияющий», то есть он существует в большей степени, как влияние всего на всё, а не как двухсторонняя зависимость. Вся наша энергия должна быть направлена на то, чтобы развиваться в соответствии с Божественным развитием.

Слово «карма» происходит из санскрита и означает «деяние». Это закон причины и следствия. Намеренные действия влекут за собой определенные события. Смотри чем обусловлены наши поступки — жадностью, ненавистью и ослеплением или великодушием, доброжелательностью и любовью, — так и будут развиваться семена, которые мы посеяли. Мы создаем предпосылки для спасения или для несчастий. Так же происходит и в природе. От вишни не родится слива. Что посеешь — то и пожнешь, и ничего уже не изменишь. Зерно будет зерном, а пшеница пшеницей. «Кто сеет ветер, пожнет бурю» — говорится в Писании. «Божья воля — карма» не имеет ничего общего с пандетерминизмом. Наша свободная воля — неотъемлемая составная часть в процессе развития Божественного.

Решающим является волеизъявление, которое стоит за нашими поступками. «Божья воля — карма» не имеет ничего общего с фатализмом. Если мы хоть раз признаем, как сильно «Божественная воля» связана с нашей волей, мы постигнем огромную ответственность, которая должна определять наши действия.

Мы должны осознать мотивы, которые стоят за нашими деяниями. Если мы испытываем радость и любовь, это результат наших предшествующих поступков; и наоборот, если мы испытываем алчность или полны агрессии, то это результат наших предстоящих поступков. Это упрощенное изображение кармы, на самом деле взаимосвязи намного сложнее. Однако следует осознать, как важно то, как мы живем: положительными или негативными чувствами, доброжелательностью или завистью. Наша жизнь сравнима с игрой в шахматы. Каждый ход является следствием другого хода и имеет значение для всей игры. Игра идет по своим имманентным законам, но мы можем направлять эти законы при каждом ходе нашей жизни; и таким образом придать настоящий смысл неповторимости и исключительности нашего существования, в котором именно так, а не иначе выражается Божественное.

Когда мы это поймем, мы узнаем также, почему люди развиваются по-разному. Правда, не существует ничего, что мы можем назвать «Я». «Я» — это только пункт пересечения наших активностей, таких как воля, ожидание и чувство. Они связаны между собой нашей памятью, которая вводит нас в заблуждение относительно своей перманентности. Наша истинная идентичность лежит намного глубже. Однако есть еще что-то

такое, как «субтильный носитель». Он переходит с нами в следующее существование.

Его можно сравнить с бильярдным шаром, который толкает другой шар. Первый шар после удара остается лежать, но переносит что-то невидимое на задетый шар, который, повинаясь силе удара, продолжает катиться дальше. Ему передается энергия предыдущего шара. Так же переносятся образы и элементы из одного существования в другое. Итак, имеется энергетическая трансформация. Таким образом, если мы наполнены доброжелательностью, намечается основная тенденция совершать положительные деяния здесь и сейчас и в дальнейшем.

Приведем еще один пример из физической области: этот процесс подобен физической тренировке. Кто тренирует свое тело, приобретает определенные навыки, которые остаются с ним и впредь. Как в теле возникает совершенно определенный пример, так формируется и укрепляется и духовный пример. Как мы тренируем наше тело, так мы можем тренировать и наш дух, постоянно повторяя такие душевные состояния, как доброжелательность, любовь и т. п.

Любой наш поступок не проходит мимо даже при его завершении. Он имеет продолжение. Когда мы бросаем в воду камень, образуются круги из волн, которые не останавливаются. То же самое происходит и с нашими «позитивными действиями». Поэтому «Божья воля — карма» не является слепым фатализмом. Поэтому стойкость человека в этой форме существования (по отношению к любым проявлениям эфтаназии) имеет свой глубокий смысл. Поскольку человек часто именно во время болезни или перед лицом смерти готов к изменению и может воспринять положительное влияние на свое следующее существование.

Любое, самое незначительное действие оставляет следы на наших субтильных телах. Кто поддается ненависти — усиливает ненависть; кто подвержен алчности — усиливает алчность. Мы ежеминутно формируем свой основной образец жизни. Наша жизнь — это динамический процесс, то есть мы можем ежеминутно воздействовать на течение энергетического потока. Чем сознательнее и деятельнее мы живем, тем больше правильных решений мы принимаем в каждой ситуации. При этом внимательность на всех эзотерических путях играет значительную роль.

В конце нашей жизни будет стоять не судья, который будет нас судить; напротив того, мы будем познавать в свете конечной действительности те взаимосвязи, которые определяют нашу жизнь. В момент встречи с Божественным на нас, несомненно, снизойдет важное для нашего будущего познание. Мы можем назвать его милостью и прощением.

Мы сами должны принимать на себя ответственность за нашу жизнь. Мы — наследники своих деяний. В христианстве мы верим, что хотя наши

грехи будут прощены, но не без последствий, без так называемого наказания за грехи.

Очень важно то, что и буддизм, и христианство советуют не зависеть от чувства вины. Чувство вины легко может привести к развитию антипатии к самому себе. Поэтому вера в прощение и участие в религиозных обрядах прощения, которые присутствуют во всех религиях, могут оказать глубокое влияние. Они освобождают от чувства вины и ведут к новым позитивным действиям, которые выводят человека из негативного образа поведения. Заикливание на вине и невосприятии самого себя являются негативными душевными состояниями и оказывают соответствующее воздействие.

Милость прощения заключается в том, что мы должны осознать, к каким результатам привели наши действия. Искупление означает осознание последствий «дурных поступков» в прошлом и шанс для свершения лучших деяний. С этим осознанием люди будут жить с большей ответственностью, ибо они поймут: что посеешь — то и пожнешь и что от них зависит создание хороших или плохих условий для своего будущего и для будущего других людей. Таким образом, то, что мы называем несчастьем, является огромным шансом пройти процесс очищения. Это милость, заключающаяся в том, что то, что мы натворили, может выражаться не в наказании, а использоваться для нашего блага.

Все, что мы можем сделать, — это принять на себя ответственность за все наши плохие и хорошие деяния и жить мудрее. Тому может быть прощение, кто осознает, что все зло, которое он причинил другим людям, может обернуться против него самого. Это как в спектакле: одно действие вытекает из другого.

Как мы можем позитивно воспринять Божью волю?

Шакьямуни Будда ссылается на великодушие. Мы, христиане, называем его «любовью». Любовь таит в себе важную позитивную энергию для нашего нынешнего и будущего существования и для существования всего живого. Доброе сердце, как ее часто называют в буддизме, пробуждает познание единения всех существ. Оно оберегает от негативных поступков и целительно воздействует на все живое.

Еще важнее в буддизме является познание непостоянства всех явлений. Когда Иоанн Креста в своем «Nada, Nada» все оставляет, он сообщает о подобном познании. Это познание несет с собой освобождение. Человек осознает, что сознание его «Я» находится в состоянии, похожем на сон. Он будет все делать для того, чтобы проснуться. Тогда возникает мощная сила, готовая помочь ему самому и всем другим и повести к освобождению и согласию. Освобождение является важным для того

образа жизни, который согласуется с ядром нашей сущности. Если рассматривать с этих позиций христианский аскетизм, то иное приобретает глубокий смысл. Он приучает к непривязанности, поскольку привязанность создает тенденцию удержания, то есть негативную структуру. Христианское выражение «воспринять Божью волю» подразумевает то же самое.

Мы участвуем в спектакле, на продолжение которого мы сами постоянно влияем. Игру Бога нельзя предопределить заранее. Она следует определенным основным правилам, как и положено игре. Но как мы в рамках основных правил игры в шахматы можем передвигать фигуры по своему усмотрению, так и Бог ведет игру через нашу свободную волю. Каким бы незначительным ни был каждый в отдельности, он воздействует и имеет влияние, как все «партнеры по игре».

2. ЧТО МЫ ИЩЕМ?

Раввин Иехуди рассказывал о себе следующее: «Когда мне было тринадцать лет, я моментально осваивал самые трудные места (Торы), а когда мне было восемнадцать лет, я уже считался “великим в Торе”. Но мне открылось, что человек через одно только учение не может достичь совершенства. Я понял то, что рассказывается в Мидрашине о нашем Отце Аврааме: как он исследовал солнце, луну и звезды и нигде не нашел Бога и как ему открылось присутствие Бога, когда он ничего не искал. С этим познанием я носился три месяца. Затем я так долго проводил исследования, пока не постиг истину неискания».²

Один ученик попросил мастера показать путь. Мастер ответил: «Когда ты ищешь, ты его не найдешь». Ученик возразил: «Как я смогу его найти, если я его не ищу?». Мастер сказал: «Путь не относится ни к знаниям, ни к незнаниям».³

Что мы ищем? — Бог сам ищет дорогу к нам. Он хотел бы развиться в нас и через нас. Поиск Бога — это процесс эволюции, который проявляется в нас в качестве поиска.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕДИНОМУ ЦЕЛОМУ

Сущность Бога — это Единство. В том, что мы называем творением, Единое делится на неограниченное количество форм проявления, которые все взаимосвязаны, но, тем не менее, являются абсолютно индивидуальным выражением единого целого.

В начале стоит Единое. Это — святое, цельное, неделимое. Со становлением человека началась первичная трагедия разобщения. Это первичная

боль, боль разделения, которая не прекратится, пока человек не найдет себя снова в Едином. Мы сохранили представление о едином целом, и оно пробуждает в нас стремление к нему. Возвращение на родину может состояться только тогда, когда знаешь, что есть родина. Вся боль происходит от боли разделения. Все грехи, в сущности, не что иное, как обособление от нашей глубинной сущности. Оно является своеобразным двигателем нашего «Я» к автономии и отграничению. Человек ощущает дефицит несогласованности сильнее, чем любое другое существо. Таким образом, со становлением человека начался поиск недостающей части. Ибо каждая половинка нуждается в другой, чтобы познать себя как единое целое.

4. ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЛЮБВИ

Распад Единого, хотя и повлек за собой разделение, но также принес и абсолютно Новое, энергию любви. Вместе с ней в создании возникает новое, сильное энергетическое поле, метафизическое стремление к Единому. Оно является первичной силой эволюции. Целью является не регрессия назад к Единому, а эволюция, которая ведет вперед к Единому; причем речь идет не о том, что впереди, а о познании того, что Единство всегда здесь. Цель — не глаз тайфуна, вечный покой. Цель — это познание тайфуна-Бога, который является и глазом, и бурей, покоем и динамикой. Цель — это познание «не-два», познание обеих сторон монеты как единого целого.

Просветление — это сияние нашей истинной личности. Оно проходит через все наше существо. Это момент прикосновения к конечной действительности, которая полностью проникает в нас. И каждый, кто упорно идет по внутреннему пути, по крайней мере, получит представление о своей истинной сущности.

Если любовь однажды завладела человеком, то стремления к единению уже больше не удержать. Стремление дарить самого себя, вплоть до самопожертвования, именно это и есть любовь. Зачастую она склонна к действиям, которые кажутся бессмысленными. Только с таких позиций можно понять аскетические крайности некоторых святых. Они не говорили об умерщвлении, просто по сравнению с любовью все остальное для них обесценилось. Подобное насилие призвано разбить стеклянную стену разделения и освободить от бремени индивидуальности. Любовь взрывает одиночество и освобождает от оков централизованного «Я». Она, поистине, является освобождающей силой в универсуме.

Наше «Я» имеет тенденцию противиться силе объединения. К единому целому можно вернуться только через отречение, через отказ, а не

через удержание, и уж тем более не через захват. Трагедия человека в том, что он думает, что может освободиться сам. Мистический путь — это не путь самоосвобождения.

5. ВНУТРЕННЯЯ ЭТИКА

Любовь — преобразующая сила. Любящий думает, что изменился мир, а на самом деле это он внутренне изменился.

Почти все религиозные системы апеллируют к морали. Благие намерения все еще играют важную роль в религиозном воспитании, но часто не обладают ведущей силой. Этическое поведение не должно быть тем, что предписано извне, или тем, к чему я сам себя обязываю из страха перед наказанием. Ибо страх и наказание — неподходящие средства для пробуждения нравственного поведения. Страх перед адом — плохой помощник в воспитании; а инфантильная вера в вознаграждение и наказание в другой жизни ведет к неврозам. Все, что вызывает у человека страх, что его сковывает или приводит в ужас, противоречит Божественному принципу сострадания и любви. Поэтому страх перед карающим Богом может привести к сильнейшей религиозной травме, что подтверждает следующий текст:

«Ребенком я глубоко познал Бога. Позднее мне показали угрожающего монстра».

«Ребенком я любил Бога и знал, что я любим. У меня отняли этого Бога. И что самое ужасное: я был убежден, что мой отец попадет в ад, потому что не пошел в воскресенье в церковь. Так мне было это преподнесено. При этом отец мой был сама любовь и намного честнее, чем моя мать. Как же можно пугать ребенка тем, что его отец попадет в ад из-за того, что он не пошел в воскресенье в церковь?!»

Этика мистики проистекает не из намерений или волевых призывов, а изнутри, из глубокого познания собственной сущности. При прохождении по духовному пути человек изменяется до самого ядра своей личности. Это приводит к трансформации сознания и изменяет картину мира, которая превосходит тесные рамки сознания нашего «Я». У измененной личности возникают иные намерения, оценки и суждения, иной образ поведения. Человек начинает жить по принципам самоотверженности, мудрости и сострадания. Устанавливается внутренний моральный кодекс, который иногда может не совпадать с нормами общества и религиозных общин. Это кодекс любви. «*Ama et quod vis fac!* (люби и делай тогда, что хочешь)», — говорит Августин. Тот, кто любит, просто не может делать иные вещи. Чем глубже мы проникаем в нашу сущность, тем больше познаем, что начинаем жить Им, или, как сказала одна женщина: «До

сих пор я думала, что я живу. А на самом деле мною живет кто-то». Тут же приходят на ум слова апостола Павла: «Не я живу, а Христос живет во мне».

Глубинная сущность человека таит в себе силу, которая смягчает эгоистические тенденции и противостоит им, если человек научится их преодолевать. Если человек действительно изменился, появляются разные негативные силы, которые могут помешать ему на его пути, но уже не в нем самом. Напряжение между субъектом и объектом, между Я и Ты уменьшается. Когда это переживание проникает в самый корень Бытия, все активности становятся свободными от господства «Я». Человек тогда уходит от индивидуальных и индивидуалистических интересов сознания и вступает в более крупное сообщество и, наконец, в космос. Во время этого процесса созревания он развивается до индивидуума, чье нравственное поведение является выражением его внутренней сущности.

Нравственность, таким образом, является не причиной, а следствием духовной устойчивости. Между убеждением и действием тогда возникает соответствие. В эзотерике это называется мудростью, гармонией между Божьей волей и нашей волей.

Итак, речь в этике (правильно понятой) идет не о борьбе с дурными свойствами, а об устранении нарушения равновесия. Говинда проводит аналогию с весами. Когда пустые чаши находятся в неравновесии, то в более легкую чашу кладут гирию или сдвигают весовую балку. Так же должна быть устранена дисгармония в человеческой душе: нужно переложить центр тяжести из сферы «Я» в сферу, лежащую вне «Я».⁴

В религиях Востока другая причина для этического поведения играет важную роль: быть человеком у них считается привилегированной формой существования. Человеческое существование ценится выше, чем небесное, так как в человеческом существовании возможен процесс очищения, а в других формах он не может осуществляться. Просветление несет глубокую благодарность за телесную оболочку, в которой может проявиться конечная действительность. Кто действительно стремится к глубокому просветлению, то есть к осмыслению своей жизни, избавляется от многих факторов, которые мешают ему на пути, замедляют прорыв или даже делают его невозможным. Кто ощущает в себе эту насущную любовь, являющуюся, в сущности, призывом Божественного, имеет сильную мотивацию для своего образа поведения.

Самым сильным этическим мотивом для свершения действия в мистике является, безусловно, познание единства: человек един со всеми существами, и то, что он совершает по отношению к другим, в конечном итоге может произойти и с ним самим.

Раввин Иехил спросил однажды у своего тестя: «Как здесь понимают слова “Ты не должен воровать”? — “Ну, — сказал тот, — нельзя обкрадывать своих ближних”. — “Нам это уже не требуется, — сказал Иехил, — у нас в Коцке их объясняют так: не следует обкрадывать самого себя”». ⁵

Мистика также признает заповеди, как и все религии, например: стараться ни в мыслях, ни в словах, ни в деяниях не навредить жизни, не мириться с несправедливостью, вести святой образ жизни, не врать и не употреблять бранных слов, не опьянять себя и не затуманивать свое сознание и т. д. ⁶ Любая из этих заповедей имеет свое собственное основание в процессе познания единства со всеми существами. Любящий сам познает, что если он не будет соблюдать эти заповеди, то причинит страдание другому.

В буддизме любовь стоит на первом месте, хотя некоторые критики на Западе это и отрицают. Доген Дзенджи пишет в своем «Шобогензо»: «Как бы вы, монахи, ни воздействовали благотворно в этой жизни, ни способствовали бы возрождению, а через него и достижению духовности, не стойте и одной шестнадцатой любви, освобождения сердца и духа. Любовь, освобождение сердца и духа вместит вас всех в себе, и засияет, и засверкает, и заблестит». А Шакаямуни Будда отмечает: «И об этом говорил Великий: кто сознательно пробудит в себе безграничную любовь... у того истончатся оковы». ⁷

Лао-цзы приписывают следующие слова, наполненные мудростью:

*Обязанность без любви вызывает недовольство.
 Ответственность без любви делает грубым.
 Справедливость без любви делает жестоким.
 Правда без любви делает критичным.
 Воспитание без любви вызывает противоречия.
 Ум без любви делает хитрым.
 Дружелюбие без любви делает лицемерным.
 Порядок без любви делает мелочным.
 Знание без любви делает своенравным.
 Власть без любви приводит к насилию.
 Уважение без любви делает высокомерным.
 Владение без любви делает жадным.
 Вера без любви ведет к фанатизму.*

«Если любовь к Богу и любовь к миру взаимно исключаются, тогда Бог в системе теологии является конечной вещью среди вещей — ибо только конечные вещи взаимно исключаются. Бог развенчан и лишен Божественного ранга тем, что Он поставлен в оппозицию к миру и природе и, тем самым, стал объектом вместо непрерывности, в которой мы “живем, движемся и существуем”». ⁸

6. БОГ — ЭТО ЛЮБОВЬ: ЭТИКА ХРИСТИАНСТВА

В христианстве любовь играет все еще решающую роль. Апостол Павел говорит:

*Если я говорю языками человеческими и ангельскими,
а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий.*

*Если имею дар пророчества, и знаю все тайны,
И имею всякое познание и всю веру,
Так что могу и горы переставлять,
А не имею любви, — то я ничто.*

*И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение,
А любви не имею, —
Нет мне в том никакой пользы.*

*Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует,
Любовь не превозносится, не гордится,
Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
Не радуется неправде, а сорадуется истине.
Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.
Любовь никогда не перестает (1 Кор. 13, 1–8).*

«Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Ин. 4, 7).

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8).

«И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16).

Не «Бог любит», а «Бог есть любовь», — так говорит Писание!

Я хотел бы здесь выразить пару своих собственных мыслей, в полном убеждении, что они не превысят лекционные тексты.

Любовь — это закон мироздания

Чарон сказал в своей книге «Дух материи», что даже в субатомарной области господствует что-то похожее на любовь. Электрон может принимать и отдавать. В процессе приема и отдачи, то есть при коммуникации, возникают более высокие формы жизни. Кто не может любить, тот не может раскрыться, он не может вступить в процесс обмена с другими. Тогда он не может и расти. Любовь — это условие для роста и созревания.

Психотерапия говорит нам, что недостаток любви и внимания является основной болезнью нашего времени. Мы знаем об этом, что

подтверждают и психосоматические клиники: кого не любят, тот не может стать человеком: любовь делает из нас людей.

Мы ответственны за то, что от нас исходит. А мы все время что-то излучаем: доброжелательность, антипатию, ненависть, сострадание... Любовь начинается не со слов и объятий, она начинается в наших мыслях и чувствах, а также в мыслях, которые мы имеем о себе самих. Само разрушающие мысли разрушают. Любовь должна быть отличительным знаком христиан. «Смотрите, как они друг друга любят», — так говорили первым христианам стоящие вокруг люди.

Любовь исцеляет

Любовь исцеляет быстрее, чем все остальные средства, и фактически является лучшим лекарством. Она исцеляет не только в переносном смысле; ибо симптомом болезни очень часто является недостаток внимания.

Неживая любовь делает больным

Любовь нужно расходовать. Иначе она покроется пылью и в конце концов превратится в ненависть к своей персоне. Она вырождается в нарциссизм. Нарцисс, юноша из греческих мифов, был так влюблен в себя, что все время смотрел на свое отражение в воде. Он был не в состоянии общаться с другими людьми. Он погиб от своей избыточной любви.

Считается только любовь

То, что мы имеем в конце нашей жизни, это не наши достижения или наши труды. Мы не задаемся вопросом, кем мы были: католиками, евангелистами или еще кем-то. Предсмертные сообщения говорят нам: в первую очередь и прежде всего мы должны задать себе вопрос, как много мы любили.

XI. СМЕРТЬ ИЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Наше существование похоже на невероятную суету и беготню. С течением времени это приобретает свою закономерность, и мы не можем уже это остановить; как ученик волшебника, который не может больше усмирить вызванных им самим духов. Эта суета и беготня мешает нам жить.

На эзотерическом пути многие оставляют эту пустую суетность. Для одних все становится скучным, для других смешным. Это важные моменты — моменты, которые приближают нас к жизни. Они заставляют нас задать себе вопрос: почему мы, собственно, на этой земле?

1. «БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ В УНИВЕРСУМЕ, КАК ПУЗЫРИ В МОРЕ» (ШОДОКА)

Ничто не постоянно, ничто не длится вечно. Именно с этим мы, люди, не можем примириться. Все исчезает рано или поздно. Когда мы встаем на эзотерический путь, мы вдруг понимаем всю бренность явлений и осознаем, как сильно мы зависим от вещей, преследуем идеи, поддаемся страхам. Мы осознаем, что живем с шорами на глазах.

Жить — значит пользоваться вещами, радоваться им, но и уметь от них отказываться. Непостоянство — это только другое слово для обозначения эволюции и совершенства создания. Совершенными созданиями мы станем лишь тогда, когда то, что мы называем бренностью (непостоянством), познаем как жизненное счастье. Для непосвященных это является мазохизмом, но это истина. Я убежден, что мы, люди, разовьемся до такой степени, что больше не будем бояться смерти, а будем радоваться следующей жизни. Мы будем приветствовать и признавать смерть как великого преобразователя.

Хотя мы постоянно видим перед собой примеры преобразования, мы не обращаем на них внимания. Деревья цветут, листья опадают, времена года сменяют друг друга, после осыпания жизнь снова расцветает. Без смерти и разрушения не может быть новой жизни. Постоянное преобразование — это истинное чудо жизни. Рождение, жизнь и смерть — это

совершенство жизни. Небеса — это не статическое существование когда-то в будущем. Небеса — это признание и познание этого Божественного танца от рождения до смерти как самой жизни.

Наше «Я» всеми средствами противится этому. Потрясение от появления первых седых волос компенсируется окрашиванием. После сорока лет дни рождения становятся все менее приятными. Эту борьбу так долго будет выигрывать смерть, пока мы не сможем сказать: наша сестра — смерть. Тогда она станет символом новой жизни. Это звучит странно, но если мы исключаем смерть из нашего сознания, то мы выступаем против жизни, мы выступаем против совершенства жизни. Смерть относится к совершенству жизни. Мы, европейские жители, называем конечный принцип Богом. Этот конечный принцип раскрывается как жизнь — смерть — возрождение. Это послание, которое нам принес Иисус. Это послание любой религии. Тот, кто выступает против смерти, выступает против возрождения и, в конечном итоге, против Бога. Он оказывается следовать космическому закону. Он отказывается воспринимать истину, которая находится перед его глазами. Истина — значит преобразование.

Мы, люди, втянули себя в нескончаемую борьбу против всего, что не является постоянным. А поскольку это безнадежная борьба, мы наполнены страхом. Мы ищем уверенности в других людях и инвестициях. Мы ищем уверенности в работе, развиваем бурную деятельность и полагаем, что должны оставить после своей смерти нечто великое. Это вселяет в нас чувство постоянства. Пожалуй, так же мы ищем уверенности в ложной религиозности. Мы верим, что есть Бог, который гарантирует в конце жизни этому маленькому «Я» перманентность и вечность на небесах. Это «Я» — как бы смешно это иногда ни звучало — хочет жить вечно.

Нельзя ожидать от «Я», что оно с радостью откажется от своего господства. Тем не менее будет именно то, чего требует от нас порядок создания и к чему мы стремимся на любом эзотерическом пути: умри и будь! умри на своей подушке! По мере того как умирает наше маленькое «Я» — это пугливое, сомневающееся, оппортунистическое, манипулирующее, а иногда и четкий конгломерат всех отклонений, — возникает доверие, истинная радость и уверенность. Но, очевидно, нас не интересует эволюция «Божественного принципа», развитие универсума, многообразие возможностей. Нас интересует только «Я» и «мое».

Наши упражнения должны привести нас к осознанию, что все, за что мы цепляемся, каких излюбленных религиозных представлений придерживаемся, даже наше стремление к определенной форме просветления противоречит готовности к преобразованию. Наше «Я» постоянно сталкивается с тем, что является истинным.

2. СИСТЕМА КООРДИНАТ

Мы живем словно в системе координат: горизонтальная — вертикальная. Мы не можем безнаказанно пренебрегать ни одной из них. Они как бы притягиваются друг к другу. В нас находится образец для испытания на растяжение. Как проявление Божественного, мы должны выражать этот Божественный принцип в нашем физическом, психическом и духовном бытии и, следовательно, не потерять ни в материальном, ни в чисто духовном бытии. Духовность должна все больше и больше проникать в материальный мир, с тем чтобы обе крайности могли прийти к гармонии. Ни презрение к миру, ни отрицание мира не являются спасением.

3. О СМЫСЛЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Сопротивление необходимо для роста. Бесспорным фактом сопротивления на нашем эзотерическом пути является наше «Я». Наше «Я» так устроено, что должно оказывать сопротивление. Оно тянет нас к материальной координате. Если бы не было этой тенденции к творениям и свершениям, не возникло бы культуры. Тогда бы остановилась эволюция. Наше «Я» является необходимой формой, в которой раскрывается Божественная эволюция. Когда Божественное единство переходит во множество, наступает полярность. Итак, она не подпадает под категорию хорошего и плохого, правильного и ложного. Она есть то, что она есть, необходимая последовательность проявления Божественного в сотворенном.

Мы изменяемся благодаря этим сопротивлениям. Если бы не было этого стремления к созданию культуры, к творению, к радости, к земле, мы не были бы людьми. Наше «Я» делает нас людьми. Оно — совершенная форма выражения Божественной действительности. Мы являемся геоморфными и теоморфными, то есть мы — Единое. Познание этого Единства в нас является важной задачей нашей жизни. Поэтому не следует легкомысленно относиться к этому человеческому существованию. Ибо здесь и сейчас происходит наша жизнь как Божественная жизнь, в радости и страдании.

Только истинно просветленный человек не встречает больше сопротивления. Он живет, потому что он живет, как цветок цветет, потому что он цветет. Он появляется и исчезает, как цветок. Но я сомневаюсь, что есть хоть один человек, который достиг этой цели полностью. В этой жизни мы никогда не пройдем свой путь до конца. Тем не менее он указывает нам цель.

4. «СЛЕДУЙ ТЕЧЕНИЮ ВОДЫ!»

Один монах заблудился в лесу. Он пришел к хижине отшельника и попросил указать дорогу к своему монастырю. Отшельник ему посоветовал: «Следуй течению воды!». Его монастырь был расположен на берегу реки. Следуя по течению горного ручья, монах действительно достиг цели. Когда он рассказал настоятелю своего монастыря эту историю, тот сразу же узнал мудрого горного монаха. «Следуй течению воды!» — эта фраза означает намного больше, чем указание обратной дороги к монастырю. Это совет по жизни. «Следуй течению воды!» Принимай! Летом жару, осенью полную луну, зимой снег, а весной цветение!

Некоторые знают карты Таро. Кто вытаскивает карту 13 — «смерть», тот приходит в ужас. Однако эта карта вовсе не означает, что я скоро умру или умрет кто-то из моих родных. Смерть таит первичные знания порядка мироздания. Карта стоит не в конце, а в середине таинства (Арканы). Это карта трансформации. Ни одно созревание не проходит мимо смерти. Смерть всегда означает новое начало. В христианстве смерть считают концом, хотя Иисус Христос своим воскрешением подтверждает новое начало. Когда мы вытягиваем карту Таро 13, то получаем указание учиться умирать здесь и сейчас, чтобы жить здесь и сейчас. Умереть — значит распрощаться с излюбленными представлениями, убеждениями, мировоззрениями. Кто сможет воспринять смерть, тот сможет измениться. Кто не готов к этому, не готов и к эзотерическому пути. На тяжелые переходы, которые встречаются у кого-то на пути его упражнений, я смотрю позитивно. Если он выдержит испытание, то именно тогда произойдет изменение.

Это все легко говорить. А вот когда врач заявляет, что нам осталось жить только три месяца, когда мы попадаем в аварию и получаем необратимые увечья, когда мы до конца жизни остаемся инвалидами, когда родители теряют ребенка, когда наша семья распадается и т. д., это намного тяжелее. Никто из нас, если быть честными, не сможет от всего сердца сказать во всех ситуациях «да». Это от нас и не требуется. От нас требуется только принять. На принятии того, что мы не можем изменить, основывается процесс очищения и преобразования. Человек может кричать, и плакать, и спорить. Но все остается правдой: песни и танцы — это голос дхармы. Крики и стонания — это голос дхармы. Нельзя радоваться страданиям. А когда больше нет разделения между мной и этой моментальной ситуацией, я просветляюсь.

Я выбрал самые тяжелые ситуации. Я мог бы, правда, сказать: ты выиграл миллион немецких марок. Жить с миллионом марок намного легче,

чем с тяжелым заболеванием. Речь идет о том, что человек должен жить в тех обстоятельствах, которые ему уготовила жизнь. Конечно, можно попытаться улучшить ситуацию. Когда болеешь, то делаешь все, чтобы поправиться. Но однажды мы наталкиваемся на вещи, которые не можем изменить. Сможем ли мы тогда их принять?

Часто восприятие сопровождается тяжелой борьбой. Достижение идеала, состояния просветления — это когда не нужно больше бороться, когда осознаешь: вот оно, развитие Божественного во мне; Бог — тот, кто перенесет во мне эту ситуацию.

В конечном счете, это то, что мы постоянно повторяем в молитве «Отче наш»: «Все в Твоей воле». Это последний пробный камень нашего упражнения, это измеримая степень нашего прогресса на эзотерическом пути.

ХИ. МИСТИКА — БЕГСТВО ОТ МИРА ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МИР?

1. ЧЕЛОВЕК НА ПУТИ К ЧЕЛОВЕКУ

Эволюция наделила нас такими возможностями восприятия, которые позволяют справляться с биосферой нашей Земли и до некоторой степени самоутвердиться. Однако непосредственный доступ к сути сущего для нас заказан. Мы не нуждались в нем и в годы нашего человеческого детства. Сначала было достаточно, что мы в соответствующий момент боялись, испытывали боль, бегали, смотрели и могли объясняться. Все остальное для нашего существования было не важно, так мы его и не развивали.

Время, когда человек мог довольствоваться этими способностями, прошло. Он больше не может позволить себе исключать из своего человеческого бытия сферу Божественного. Поскольку человек больше не в состоянии безоговорочно принимать религиозные установки своих предшественников, то мне кажется, что только эзотерический путь в религиях действительно имеет будущее.

Мы стали людьми, чтобы созреть и развиваться. Все наши нужды и проблемы, трудности и радости должны помочь нам соединиться с нашей истинной сущностью. Это домашнее задание нашей жизни. Это цель нашей жизни. Когда это является целью нашей жизни, то, естественно, мы ведем себя совершенно иначе, чем так называемый «нормальный человек». При этом я, правда, задаю себе вопрос, а не является ли мистик более нормальным человеком, чем его современник, который отгораживается от Божественного и тем самым препятствует полному развитию своего человеческого Бытия?

Речь идет о том, чтобы познать то измерение, из которого все исходит. Уже несколько тысяч лет мы называем его Богом. Мы как будто связаны с Ним пуповиной. Оттуда получаем мы нашу жизнь и туда мы можем продвигаться через пуповину, чтобы познать нашу первооснову.

Конрад Лоренц сказал как-то, что человек — это *missing link*, то есть недостающее звено между животным и истинным человеком. Мы лишь на полпути туда, где живет настоящий *homo sapiens*. До сих пор наш биологический вид был больше похож на беспомощную, управляемую марионетку, которая еще только должна будет трансформироваться в

цельного человека. Без этой трансформации все рациональные познания, все наши изыскания служат не на благо, а во вред.

Почему человек осознает эту свою истинную цель так поздно или вообще не осознает?

Путь, который ведет к истинной трансформации личности, проходит через пустыню, одиночество, разочарование, сомнения и через смерть «Я». Для многих это очень драматичный процесс. Человек избегает этого мучительного изменения так долго, сколько сможет. В большинстве случаев понимание приходит — если вообще приходит — лишь после шока, после глубокого страдания, после того, что мы, люди, называем несчастьем; но для многих оно является спасением.

Некоторые полагают, что обречены на этой земле на короткий мучительный отрезок жизни. Они не сознают, что им здесь дается шанс расти и созревать, даже если этот процесс становления связан со страданиями. Путь не ведет назад в рай, к уроборосу. Путь ведет сквозь становление «Я», через освобождение от «Я» к полноценному человеческому бытию.

2. НАЗАД К УРОБОРОСУ... ИЛИ ВПЕРЕД К ПЛЕРОМЕ?

То, что человек не хочет идти по «геройскому пути» индивидуализации (Э. Нойманн), то, что он хочет убежать из этого мира и из этого тела, всегда представляло в эзотерике опасность. Состояние освобождения от «Я» — это искушение, которому не каждый может противостоять.

Плерома, полнота человеческого бытия, находится перед нами. Человечество должно пойти по пути взросления как единое целое. В сказках половая зрелость часто символизируется битвой героя с драконом. В битве с драконом «Я» удастся разрубить связанные в узлы стороны бессознательного, побороть уроборическую мать. Перед этим детским раем симбиоза, из которого нас изгнало наше повзрослевшее «Я», стоит херувим с огненным мечом. Никто из стоящих на пути взросления не может вернуться назад в этот рай. Возвращение означало бы «уроборический инцест» (Э. Нойманн). То, что каждый отдельный человек преодолел на пути от детства во взрослую жизнь, сегодня должно совершить все человечество в целом на своем пути к совершенному человечеству.

3. ПСЕВДОМИСТИКА — МИСТИКА ОТКАЗА

Существует уроборическая псевдомистика. Она антикосмическая, отрицает и даже презирает мир. В истинной мистике подтверждается существование не только мира и человека, но и «Я», и исторический про-

цесс. Мистик не стремится к потустороннему миру, к небесам. Совершенство находится здесь и сейчас. Оно только спрятано. *Visio beatifica* (духовное смотрение) — это познание рождения и смерти как исполнение жизни Бога.

Поскольку созидательное творит и порождает, оно по своей глубокой сущности является жизнеутверждающим. Познание этой действительности приводит мистика к созиданию и утверждению жизни. В мистике освобождается созидательная сила самого Бога. Бог «воистину раскрывается, свершается и становится таким, какой Он есть, и наполняет человека до краев так, что он льется ручьем, переливается через край, переполненный изобилием Бога».¹

По этим причинам человек несет ответственность за мир.

4. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭЗОТЕРИКИ ЗА НАШУ ЗЕМЛЮ

Харада Дайун Согаку-роси, отец дзэна, которым я занимаюсь, описывает одну встречу со своим дхарма — братом Като Шодо:

Как-то утром среди мусора он обнаружил палочку для еды и спросил меня: «Что это такое?». — Я ответил: «Палочка для еды». — «Она что, уже не годится к употреблению?» — «Нет! — сказал я, — ее еще можно использовать». — «Да, но я нашел ее в мусоре среди всякого ненужного хлама, — ответил он. — Ты отнял у этой палочки жизнь. Наверное, ты знаешь пословицу: кто убивает другого, роет две могилы. Ты сгубил эту палочку — она погубит тебя». Харада Согаку тогда было семь лет. «С этого времени я стал очень аккуратно обращаться со всеми вещами», — сказал он.

«Ты сгубил эту палочку — она погубит тебя». Сегодня мы постигли истину этих слов намного глубже, чем монах дзэна сто лет назад.

Студенты Университета Софии в Токио собрали однажды в кучу выброшенные за один день палочки для еды. Каждому стало ясно, что по всей Японии за один только день вырастает огромная гора таких палочек. Япония вырубает для этого леса Борнео и Юго-Восточной Азии. Мы вырубам леса Амазонки и увеличиваем озоновую дыру, хотя знаем, что этим радикально изменяем климат, что Африка неумолимо превращается в степь и мы сами семимильными шагами приближаем изменение климата.

Мы, в эзотерике, верим, что все является формой выражения Божественного. То, что мы ни от чего не зависим, — это иллюзия, но иллюзия, которая нас погубит. Все взаимосвязано в нашем собственном существовании. То, что мы причиняем другим, обернется против нас самих (как аукнется, так и откликнется). «Кто убивает другого, роет две могилы».

Мистический путь приводит назад в мир. Мы поднимаемся на гору не для того, чтобы там остаться, а чтобы оттуда спуститься. Существует неискоренимое предубеждение против мистики; ей приписывают бегство от мира, отрицание и презрение к миру. Подобная форма мистики может, конечно, существовать. Страх перед созданием негативной кармы гонит людей в «пещеры Гималаев», толкает на отречение от мира. Мне это кажется заблуждением, которое идет вразрез с полноценным человеческим развитием.

5. ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ ИЛИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ?

То, что мы обычно называет первородным грехом, не является грехом. Скорее, он необходимый шаг в развитии человечества. Человек должен был выйти из райского состояния симбиоза. «Основной факт, что «Я» отделилось от истинной личности и стало самостоятельным, теологически проецируется на миф об отречении человека от Бога и отречении мира от первичного состояния».²

В действительности, злое человеческое «Я» не отделилось от Божественной личности, а наоборот, Бог как бы отступил, чтобы человек мог стать взрослым. Взросление — это мучительный процесс, с которым и мистика хорошо знакома. Путь преобразования включает в себя этот процесс испытания на кресте.

В вопросе развития личности мистика, как уже было сказано, речь не идет о регрессивном освобождении от «Я». Мистический путь всегда готовится посредством усиления «Я». «Я» на этом пути развивается. В конце происходит не избавление от «Я», а изменение сознания. Центром теперь является не «Я», а сама личность, вокруг которой вращается «Я».³

Ложная мистика не воспринимает глубинной сущности Божественного, а потому считает мир падшим, греховным, развратным, обманчивым и губительным. Она не хочет понять, что жизнь и создание должны происходить в полярности и напряжении, к которым также относятся дьявол, зло, вина, грех и смерть. Ложная мистика считает создание ошибкой Бога или изделием двухтрангового демиурга.

На чем базируется истинная мистика, показывают следующие высказывания:

Существует объяснение предложения «С Богом пошел Ноа», данное Баал-Шем-То (Baal-Schem-To), основателем хасидского течения. В конце там написано: «Потому, когда отец от него удалился, Ноа знал: это для того, чтобы я научился ходить».⁴ Бог должен как бы оставить человека одного, как мать должна оставлять своего ребенка одного, чтобы он стал самостоятельным.

В одном из текстов суфистов Бог говорит: «Я был спрятанным кладом и хотел, чтобы Меня обнаружили; поэтому Я создал мир». Мы узнали Бога в этом мире. Наше человеческое развитие — это дорога.

Слова из иудейской религии гласят: «Бог и мир — близнецы».⁵

Экхарт считает, что мир является таким же древним, как и Бог: «Сразу и одновременно с тем, как Бог создал похожего на него вечного Сына в качестве полностью ему подобного Бога, Он создал и мир».⁶ «Равным образом можно добавить, что мир произошел из вечности».⁷ Бог и мир связаны друг с другом. Они — два аспекта одной действительности.

Мир — это откровение Божественного принципа. Бог может познать и быть познанным только в форме. Поэтому истинные мистики всегда возвращаются назад в мир. У них есть задачи перед миром.

Крайние христианские, буддистские и другие догмы придают некоторым мистическим познаниям враждебную миру окраску. Однако истинная мистика является гуманной. Приведем по этому поводу хасидское изречение: «Один покупает себе зимой шубу, другой дрова. И какое различие между ними? Один хочет согреть только себя, а другой и своих ближних». Истинная мистика — это путь освобождения человека. «Мистической смерти, которая не ведет к воскрешению, не существует!»⁸

6. ИЗМЕНЕНИЕ МИРА НАЧИНАЕТСЯ С НАС

Коренное преобразование мира никогда не происходит посредством изменения общественной системы, а только через изменение отдельной личности. Мы постоянно кричим о великом хирурге, который должен произвести решающую операцию. Но кто на самом деле хочет изменить мир, не обращается ни к каким специалистам. Только когда он сам выйдет из схемы общества и преодолит алчность, властолюбие, страсть к наживе, может что-то измениться.

Мы ожидаем великого спасителя извне также и в религии. Истинные религиозные наставники не должны спасать. Скорее, они должны призывать к возвращению назад, к метанойе; побуждать человека обратиться к своему внутреннему миру, к своей сущности, к своей Божественной природе. Но человек охотнее будет воздвигать алтари во славу основателей религии и молиться им, чем испытывать на себе самом эту метанойю, пример которой те показали своей жизнью. Ибо путь преобразования долгий и тяжелый. Он проходит через столкновение с нашей тенью и дьяволом.

7. ДЬЯВОЛ — НАШ БРАТ-БЛИЗНЕЦ

В начале христианской религии стоит двойственность Бога и создания, света и тьмы, Михаила и Люцифера, искусителя и искушаемого. С верой в Бога возникла и вера в дьявола. Из-за этой веры многие трагедии в мировой истории мы свалили на других, вместо того чтобы искать причины в самих себе и взять на себя ответственность за происшедшее.

Верой в существование дьявола мы пытаемся объяснить всё зло в этом мире. Зло персонифицируется и рассматривается отдельно от Бога, как антипод Божественному. Дьявол, таким образом, является фигурой проекции, на которую мы списываем всё мировое зло. Он стоит на стороне наших личных и коллективных теней. Если нам не удастся привести к гармонии эту двойственность, которая явно относится к структуре создания, мы подвергаемся воздействию негативных сил. Инквизитор и обвиняемый, судья и палач, друг и враг, начальник и подчиненный найдутся в нас. Мы должны привести их к согласию в себе.

Гипотезу о существовании дьявола нельзя поддерживать. Она является в высшей степени сомнительной. Но от этого не исчезает то, что поддерживает дьявол. Нам нужно что-то, что оживляло бы нашу чувствительность к злу. Нам нужны соответствующие времени метафоры для обозначения той силы зла, которая присутствует в каждом из нас. Мы не должны персонифицировать те силы, которые в христианстве называют демонами. Истинное зло в нашем мире называется по-другому: религиозное и политическое злоупотребление властью, подавление слабых, разрушение окружающей среды, манипуляция генами, расовое угнетение миллионов; изгнание и бегство, ненависть к соседям и жажда обогащения.

Не дьявол сбросил первую атомную бомбу, не дьявол при Гитлере уничтожал евреев, а при сталинском коммунизме врагов народа. Не дьявол при японцах в последнюю войну тиранил народы Юго-Восточной Азии. Не дьявол организовал крестовые походы. Не дьявол зажег костры инквизиции и преследовал ведьм. Не дьявол разрушает наше жизненное пространство. Не дьявол виноват в том, что мы враждуем с соседями. Зло находится в нас. Следует осознать это зло в нас самих. И когда мы это осознаем, мы также поймем, что причастны к преступлениям, которые совершаются даже далеко от нас. Мы, каждый в отдельности, познаем, что связаны со всеми в добре и зле. Дьявол является символом зла и, таким образом, нашим братом-близнецом. Он заложен в структуру нашей личности и относится к структурному принципу создания. Если нам удастся направить нашу теньевую энергию на добро, он становится нашим помощником и создает добро, даже если и хотел сделать зло.

С дьяволом тесно связан страх перед адом. Этот страх происходит от архаичного образа Бога. Бог, который может наложить вечное проклятие, по-прежнему теснится в головах. Дуалистическая модель мышления не может объяснить конечную действительность. Мистическое познание — это всегда познание единства, оно является *unio mystika*, целостностью, недвойственностью. К этому же относится и то, что мы, люди, называем злом.

8. МИСТИКА — ГАРМОНИЗИРУЮЩАЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ?

Мистический человек не должен относить себя к какой-либо конфессии. Хотя связанная с конфессией мистика широко известна, она не является самой значительной. Мистики, которые не относят себя ни к какой религии, имеют большую свободу для выражения. Связанный с конфессией мистик вступал (и сегодня вступает) в конфликт с догматическими установками действующей религии и морали. «Истинное познание Божественной сущности должно быть неконвенциональным, неколлективным и недогматичным, ибо оно является новым познанием Божественного».⁹

Поэтому мистика всегда революционная и воспринимается институтом религии как что-то мешающее или даже еретическое. Это часто приводит мистика к конфронтации с институтом религии. Многие из них, прежде всего в теистической религии, подвергались преследованиям, осуждению и даже уничтожению.

Любая мистика, которая вынуждена находить свое выражение в конвенциональном вероисповедании, является расплывчатой и завуалированной. Она использует нерелигиозную терминологию или затемняет смысл слов. Христианские мистики приспособлялись выражать свои мысли, соразмеряясь с догматикой, или вуалировали их так, что понятны они были только посвященным. Например, Иоанн Креста, неоднократно осужденный инквизицией, говорил о своем познании в стихах, прежде всего в любовных стихах. Когда же он толковал эти стихи, он вступал в конфликт с институтом религии. В то же время это столкновение мистика с религиями приводило к тенденции обновления в них.

9. ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ БУДУЩЕЕ

Человек все больше и больше познает себя как единое целое, то есть как коллективную личность. Я имею в виду не интеллектуальное понимание, а познание. Эта коллективная личность базируется на еще не осознанной энергии. Как человечество, мы еще находимся в стадии созревания.

На данном этапе мы точно не знаем, кто мы есть. Однако развитие этой человеческой личности все быстрее идет вперед. По крайней мере, мы уже знаем, что всем нам угрожает национализм, разделение на друзей и врагов, религиозный фанатизм, насилие, и не только в каком-то одном определенном месте.

Мы едва ли можем представить, как будет выглядеть это человеческое будущее. Но оно уже возвещает о себе появлением нового восприятия духовных ценностей. Мы постигаем, что универсум — это дух, а все физическое только концентрация этого духа.

Человек находится на пути к человеку. Что бы вестники несчастий ни предрекали, Божественный принцип не может помешать виду *homo sapiens* в его развитии. Мир не является неудачным опытом двухтрангового демиурга. Он — Божественное творение, и Бог свидетельствует нам, что все есть добро. Человек имеет будущее, потому что это Божественное будущее.

Часть 2

ВЫСТУПЛЕНИЯ

КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Религиозные Священные Писания созданы для всех людей, независимо от того, на какой ступени познания они находятся. Люди могут толковать их совершенно по-разному. Далее речь пойдет прежде всего об эзотерическом толковании. Многие цитаты взяты из Евангелия от Марка в изложении Е. Древермана, Ольтен, 1979.

«Я БУДУ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ИМЯ ПИСАТЬ НА НЕМ»

«Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2, 17).

«Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего... и имя Мое новое» (Откр. 3, 12).

Имя означает индивидуальность. Мы — единственное в своем роде воплощение Божественного. Мы — проявление самого Бога в этой абсолютно индивидуальной форме — и задуманы Богом именно такими, какие мы есть. Нас нужно воспринимать такими, какие мы есть.

«И имя Мое новое напишу на нем» (Откр. 3, 12). Мы должны выполнить в этом мире совершенно индивидуальную задачу. Никто не может решить ее за нас. Мы — «новое имя» нашего Бога. Он живет в нас.

Мы должны иметь мужество осуществить это и не желать себе другого места под солнцем, лучшего положения, более благоприятных жизненных условий и т. п.

Наше пребывание здесь, на земле, является лишь одним действием нашей жизни. В чем заключается его особое значение, мы не можем полностью постичь в этом состоянии нашего сознания. Объяснение этому не найти в области «Я». Нам следует стремиться к нашей истинной сущности, туда, где можно познать единение с Богом. Там и только там наша жизнь приобретает смысл.

МОИСЕЙ И ВЕЛИЧИЕ ГОСПОДА (ИСХ. 33, 18)

«Моисей сказал: покажи мне славу Твою. И сказал Господь: Яведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою... Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. Вот место у Меня: стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо» (Исх. 33, 18–23).

Бог хотел показать Моисею свою славу и величие. Но чтобы их увидеть, Моисей должен был укрыться в расселине скалы, а Бог к тому же возложил на него свою руку и как бы вжал его туда. Мы не можем постичь близость Бога сознанием и рассудком. Только когда безмолвствует воображение Бог может проявиться таким, какой Он есть.

Там, где Моисей ощутил мрак, тесноту, подавленность, пустоту, там Бог ближе всего. Лишь когда Бог прошел мимо и Моисей вышел из расселины, он осознал, что Бог был ему ближе всего тогда, когда все казалось мрачным и безысходным.

Так же происходит и в нашей жизни. Божественное всегда ближе всего к нам тогда, когда мы чувствуем себя потерянными и всеми покинутыми. Кажется, что процесс трансформации имеет свою собственную закономерность, а то, что мы называем депрессией, является на самом деле присутствием Бога.

Процесс трансформации — мучительный процесс. Понять его и перенести можно только в том случае, если воспринимать его не как болезнь и страдание, а как процесс преобразования. Не зря страдание в эзотерике оценивается очень высоко. Это лекарство, которое преобразует человека и ведет его к совершенству. Всех благ тому, кто воспринимает низшую точку своего кризиса с этих позиций.

Всех благ тому, кто может принять свою смерть как последнее прикосновение Бога, позволяющее нам увидеть Его величие, когда Он проходит мимо. Мы страшимся могилы, из которой нет никакого выхода и освободиться из которой можно только покинув тело. А иначе, как мы можем восстать из могилы?

ПРИЗВАНИЕ (МК. 1, 14)

Существуют цели и устремления, ради которых стоит всё бросить и всё забыть. С одной стороны, наша жизнь — это призвание и положение в обществе, а с другой стороны, ради чего на самом деле можно жить?

Как мне найти смысл своей жизни? Как я найду свое собственное предназначение?

Как правило, человек слишком труслив для того, чтобы последовать своему внутреннему призванию. Он постоянно находит отговорки. И другие советуют лучше оставаться там, где ты есть. Независимых людей намного меньше, чем мы думаем. Жить в стаде намного удобней.

Мы не можем достаточно четко представить себе призвание апостолов. При той общественной ситуации нельзя было анонимно раствориться в большом городе, когда хочешь начать все сначала.

От Иисуса должно было исходить невероятное обаяние. Но оно бы не действовало, если бы не находило сильного резонанса в учениках, который выражался в виде «отказа» (выхода). Призвание зачастую связано с выходом.

Призвание также может повлечь выход из семьи. «И они оставили отца своего Зеведея в лодке со всеми работниками» (Мк. 1, 20). Когда сегодня так поступает молодой человек, ему говорят, что это безответственно. Признание необходимости ухода от родителей для многих еще труднее, чем отказ от внешней уверенности в призвании.

Сегодня играет важную роль и внутренний выход из семьи, когда кто-то из супругов встает на эзотерический путь, а другой не хочет предоставить свободного пространства для этого пути. Отчуждение возникает не только в мирской области.

Освободиться от установок, заложенных в детстве, еще сложнее. Вспомним о традициях, правилах и нормах, пренебрегать которыми было не только опасно, но и безответственно.

Кто хочет вступить в Царство Божье, говорит Иисус, должен отказаться от этих норм, должен покинуть отца и мать. Мы, христиане, должны еще долго этому учиться, поскольку мы всегда испытываем чувство вины, когда оставляем этот «священный порядок», даже если он становится враждебным жизни.

Мы, как христиане, призваны к свободе, и сегодняшнее Евангелие должно придать нам мужество, когда настанет время «отказаться» и последовать совершенно новому призванию.

Я думаю о женщинах, чьи дети покинули родной дом и которые после 45 лет задают себе вопрос: что теперь? Я думаю о мужчинах, которые в возрасте от 50 до 60 лет могут уйти на пенсию, чтобы наконец делать то, к чему имеют призвание и за что чувствуют ответственность. Я думаю о молодых людях, которые после получения первого профессионального образования понимают, что не имеют к этому призванию и вынуждены еще раз начать сначала. Я думаю обо всех, кто встал на духовный путь, несмотря на то, что окружающие люди осуждающе качали головами. «И они оставили все и последовали за Ним».

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ (МК. 12, 10)

«Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла».

Глубины религии проявляются в мифе, в символе и в параболе. Эти образы по своей сути связаны с тем, что мы называем архетипом. Камень, скала — это мощный архетип. Он означает устойчивость перед жизненными бурями. В Писании много примеров, указывающих на это.

Я хотел бы одухотворить образ. Камень — это символ Христа, символ Божественной сущности в каждом из нас. Он — единственный камень, на котором мы можем воздвигать. Все остальное тает.

Если мы эту Божественную жизнь не считаем нашей серединой, мы препятствуем нашему человеческому процессу созревания. Бог не тот, кто карает. Мы получаем шанс воздвигнуть наше человеческое здание. Тот, кто не строит на этом краеугольном камне «Божественной жизни», тот строит на песке. Его жизненный фундамент не выстоит. Бог с ним ничего не делает, Бог его не карает. Скорее всего, человек просто что-то упускает. Он выбрал плохое место для своего жизненного здания.

Нам нужны такие символы и архетипы. Кэмпбелл, известный исследователь мифов, спросил однажды своего младшего сына: «Почему ты 12 раз ходил на фильм “Звездные войны?”». Тот ответил: “По той же причине, по которой ты постоянно читаешь Ветхий Завет”».

Зачастую глубокие познания являются соединением распавшихся частей нашего сознания. Это не умаляет подобного познания, а показывает нам, что Божественное не удаляется от нас, а проявляется в образах и значениях, которые заложены глубоко в нас.

Таким образом, картины и познания, которые внезапно у нас возникают, могут являться сильной мотивацией для нашей жизни. Но мы не должны за них держаться. Мы должны пройти сквозь них, не жалея об их отсутствии.

У нас могут также внезапно возникать образы из других религий. Этого не следует пугаться. Однажды в образе танцующей Кали я пережил гибель и возникновение космоса, то есть я пережил конечную действительность Бога как возникновение и исчезновение.

Бог не камень и не скала, не пастух и не король, не Отец и не Сын. Если мы остаемся в зависимости от образов, мы впадаем в архаичную форму религиозности. Бог — это то, что стоит за этими образами. Бог — это действительность, которая наглядно представляется в этих образах сознанию нашего «Я». Мне во время моего созерцательного пути многие подобные образы являлись с невероятной силой. Они изменили мою жизнь. Но я всегда знал: это образы; сущность находится за этими образами, и именно это они хотят мне передать.

6. НЕПОРОЧНОСТЬ

Сегодня, в праздник непорочного зачатия Марии, мы прославляем таинство вечного женского начала — самоотречение. Мне кажется, что человеку полагается молиться только самоотречению на конечную действительность Бога. Этим праздником мы прославляем основное положение Бога. Мы чувствуем человека в его создании.

В нас есть место, куда не проникает грех, в котором живет только Бог. Там нет греха, там мы все делаем правильно. Там «неоскверненный лик человека», как говорит Гертруда фон Лефорт. Там «лик нашего рождения», говорит дзэн. Туда не проникает ни мировое зло, ни чувство собственной вины.

Достичь этого места можно только через наше согласие, допущение, принятие и восприятие.

В дзэне и созерцательности мы называем это «освобождением». Мы ищем наши женские способности и возможности. Богу же мы ничего не должны отдавать, кроме безусловного самоотречения и готовности к восприятию. Это, собственно, и есть элементы женского начала в нас. И только через них, не важно, кто мы, мужчина или женщина, можно познать Божественное.

То, что мы прославляем в образе женщины, а в нашем сознании — образе Марии, — это космическая сила самоотречения. Само создание женского рода. Оно существует только благодаря Божественной силе. Люди не существуют по-другому. Наша сущность — это самоотречение, независимо от пола.

Мы должны быть молодой девой, которая может родить, то есть должны быть способны к деторождению, только тогда мы можем родить и Бога. Не имеет значения, была ли Мария девой с биологической точки зрения. Миф о непорочности несет духовную истину. Мария пожертвовала свое «Я» в «согласии». Она отказалась от всякого деяния со своей стороны. «Со мной произойдет все по слову Твоему». На своем пути мы должны стараться освободиться от нашего «Я». Мария представляется нам как чистое восприятие. Она может принять и родить Бога. В ней может осуществиться «зарождение Бога». В этом суть ее и нашего освобождения, и не в мужском деянии, а в зачатии и рождении, в рождении Божественного создания, как говорит Экхарт.

Этот праздник провозглашает оптимистический образ человека. Это светлый праздник по сравнению с предсказаниями всяческих бед, о которых мы узнаем из литературы и новостей. Божественная жизнь сильнее, чем все разрушительные силы человека. И она осуществится, если только мы научимся быть открытыми и восприимчивыми.

В заключение еще несколько высказываний Гертруды фон Лефорт.

«Мужчина стоит на переднем плане космической силы, женщина располагается в глубине. Там, где женщина угнеталась, это никогда не происходило от ее слабости. Просто она была сильнее и опаснее. И действительно: ибо в тот момент, когда более сильный пол перестанет отдавать, а захочет самовластия, произойдет настоящая катастрофа. В мрачных сообщениях о борьбе за поверженный матриархат все еще вибрирует страх перед властью женщины».¹

Мы склонны подавлять в нас женское начало. Оно кажется темным, не совсем понятным. Мы не знаем, что мы тогда вынашиваем. Выдерживать эту неопределенность, ждать, пока созревший плод сам себя родит, для нас очень трудно. Всем великим является не то, что мы делаем, а то, что созревает в нас.

РОЖДЕСТВО (1) (ИН. 1, 1)

Действительность имеет два аспекта: Божественная сущность и создание. Бог проявляется в создании. Мы есть не что иное, как это, сказанное Богом, Слово. Это то, о чем нам хочет поведать рождественское Евангелие. Мы — отблеск Его величия и отражение Его сущности, говорится в Послании к евреям (1, 1).

Все произошло от Слова. Иисус Христос назван Словом, в котором все произошло. Без Него не было бы ничего, что есть. Мы называем этого Христа Космическим Христом. Здесь нет ничего, что не имело бы Его образа. Мы все — образ Бога. В Нем все было сотворено. И мы — Его форма. Мы есть сын, мы есть дочь.

Сын — это видимый образ Отца. И мы — видимые образы Бога. Отец и Сын взаимосвязаны. Нельзя говорить об Отце, не упоминая Сына. Нельзя говорить о Сыне, не упоминая Отца (Евр. 1, 6). Нельзя говорить о человеке, не говоря о Боге. Где человек, там Бог. Нельзя говорить о нас, не думая о Боге.

Также и к нам относится то, что говорится об Иисусе Христе: «Мой Сын, моя Дочь это ты, сегодня Я тебя создал», и дальше: «Я стану для Него Отцом, а Он будет для Меня сыном и дочерью».

Это праздник нашего детства. В Божественных формах этого хлеба мы узнавали наши собственные Божественные формы.

Это рождественское послание. В нем речь о нашем рождении из Бога. Мы задуманы так же, как задуман Иисус. «Если бы Христос родился тысячу раз в Вифлееме, а не в тебе, ты был бы потерян навечно» (Ангелус Силезиус).

Экхарт не видит никакой разницы между Иисусом Христом и нами. Он пишет: «В принципе, нам дано понять, что мы есть один-единственный Сын, которого вечно порождает Отец из скрытой темноты».²

РОЖДЕСТВО (2)

Мы празднуем день рождения человека, который позднее узнал, что Он — Христос, помазанный, Божественный. «Я и Отец — одно целое», — скажет он позже, и: «Царство Божье в вас», и: «Я Свет мира».

Позднее, при крещении, Иисус узнал, кто Он есть на самом деле. И услышал Он голос: «Ты Мой любимый Сын». В этот момент Он познал себя как Христа. Иисус прошел полный процесс становления человека, чтобы узнать, что он — Христос, Бог-человек.

Этой ночью не празднуют день рождения. Тот, кто прочно остается в истории, убивает живое послание этой ночи. Религиозное послание не основывается на исторических фактах.

Сегодня родился Спаситель. Не тогда, много лет назад. «Если бы Христос тысячу раз родился в Вифлееме, а не в тебе, ты был бы потерян навеки» (Ангелус Силезиус). В Рождество исполняется — как и во все христианские праздники — миф о проявлении Вечного во времени. Этот миф исполняется сегодня у нас. Экхарт пишет: «Все, что Священное Писание говорит о Христе, оказывается правильным для каждого хорошего и Божьего человека».³

В рождении этого ребенка мы прославляем наше Божественное рождение. Рождество показывает нам наше трансцендентное происхождение и помогает нам познать наше истинное значение. Оно приближает нас к идентичности с Иисусом Христом, чтобы Иисус Христос воплотился в нас, как говорит Павел (Гал. 4, 19), и мы станем другим Христом. Познать это — вот важнейшая задача нашей жизни.

Мы празднуем этот праздник, чтобы и мы поняли, что мы Божьи сыны и Божьи дочери, что мы «Божьи люди» и что при крещении также и о нас было сказано: «Это мой любимый Сын, это моя любимая Дочь». Мы празднуем этот праздник, чтобы мы, при всей нашей неуклюжести, приземленности и глупости, все-таки заметили, что имеем Божественное происхождение.

Как только мы это признаем, и вести себя будем соответственно. Мораль исходит от признания нашего значения. Но мы не станем более достойными, если будем вести себя морально. Мы достойны, и когда мы познаем, кто мы есть, тогда мы и будем вести себя соответственно.

Мы празднуем Рождество, чтобы однажды и нам открылось: «Я и Отец — одно целое», и «Царство Божье в нас», и «Я Свет мира». Этот праздник показывает нам светлую сторону нашего существования.

Наше человеческое существование — это форма, в которой Божественное звучит как инструмент. Но мы не должны зависеть от звучания

этого инструмента, от нашей человеческой формы. Мы не должны праздновать наш земной день рождения. Раньше в католической церкви праздновали день крещения. Крещение — наш настоящий день рождения. Именно тогда нам было сказано, кто мы есть — Божьи дети. Как и Иисусу, нам должен открыться этот завет в течение нашей жизни.

Самая важная задача будущего — открыть людям их трансцендентное происхождение и привести их к осознанию своего истинного значения. Это задача и всех религий, и единственная важная задача нашей жизни, и глубокий смысл этой ночи.

ЭПИФАНИЯ

В Рождество мы празднуем превращение в человека Бога, Его воплощение в «телесной оболочке». Утренний праздник мы называем эпифанией Бога, то есть проявлением Божественного, воссиянием Божественного. В Евангелии это проявление волшебства в этом ребенке. Это мифическое выражение одного постоянно повторяющегося в человеке события. Эпифания должна происходить и в нас.

Что говорит нам миф здесь и сейчас?

Мы — волшебники. Мы идем издалека, как поется, из темноты концентрации на «Я». В этой темноте мир выглядит совсем по-другому, «непроглядным» и «мрачным», поется в песне. Мы искали у Ирода и во многих дворцах, пока не познали: там ничего нельзя найти. Это проявляется в простых вещах и событиях жизни, в Здесь и Сейчас повседневности, как проявляется волшебство в этом ребенке.

Пройдет много времени, пока мы осознаем, что это в каждом цветке, в каждом камне, в каждом человеке. Чтобы это узнать, мы славим (евхаристия) алтарное таинство при вечернем богослужении. Как это проявляется в хлебе и вине, так и во всем, что увидят наши глаза.

Божественный ребенок — это символ всего что создано. «В Нем воплощается все», — говорит апостол Иоанн. «Он — Вершина творения», — говорит апостол Павел. От вершины зависит все тело творения. «Он — перворожденный», мы — Его братья и сестры.

Не существует ничего, что не существует в Боге.

Нет ничего, что не имеет Божественной формы.

Нет ничего, что не является Его эпифанией.

Пройдет много времени, пока мы это осознаем. Однако когда мы это познаем, наше мировоззрение изменится в истинном смысле Слова. Поэтому важно во что бы то ни стало познать Его эпифанию во всем.

КУЛЬТ И РИТУАЛ (К ПРАЗДНИКУ ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДА)

К Иисусу был применен древний ритуал. Над Ним произвели обрезание и отнесли в храм. Это свидетельствовало о том, что Он, как и любой другой человек, родился от Бога и принадлежит Богу.

Также и мы здесь совершаем древний ритуал. И мы возвещаем наше единство с Божественным принципом. Культ и ритуал являются ответом на тот факт, что мы имеем Божественное происхождение. Это выражение, выходящее за пределы языка. Культурное действие — это символическое действие, которое намного шире, чем рациональное вероисповедание. Символ происходит от *symballein* (смешивать). Символ преодолевает пропасть между миром форм и Божественным. Культурное действие соединяет оба полюса. Ритуальные обряды в истинном смысле слова *re-ligio*, связь человека с Богом.

Для этого мы, люди, используем ритуальные обряды и культурные действия. Культ и культура зависят друг от друга. Культ — это исходный пункт любой культуры. Культура всегда, как и культ, относилась к Божественному. Древние культурные памятники — это храмы, соборы, скульптуры богов. Современные памятники — это заводы, телевизионные башни, небоскребы, сверхреактивные самолеты. Наша культура соответствует нашему культу. Мы танцуем вокруг Золотого Тельца, а не вокруг Бога.

Раньше каждому отрезку жизни соответствовал совершенно определенный ритуал, посвящение. Биологическое существование еще не делает человека человеком. Он пока только высокоразвитое животное. Суть посвящения была в том, что ему сообщалось, что его существование исходит от Бога. Лишь когда человек это познает, он станет настоящим человеком.

Крещение, например, означает, что человек по своему биологическому рождению произошел от Бога.

Посвящение в половую зрелость означало, что человек от детства должен перейти во взрослую жизнь. Он начинает новую жизнь. Но этому предшествует смерть прежней жизни. Кто должен родиться для нового образа бытия, должен выдержать этот мучительный процесс умирания. Это — смерть, для того чтобы жить. Умирание связано с болью, страданием, болезнью, депрессией и сомнением. Поэтому ритуальные посвящения были связаны с символической смертью, со страданием, со страхом и опасностью. Чтобы возродиться для духовной жизни, человек должен был столкнуться со всеми этими явлениями. Совершенно очевидно, что современный человек с удовольствием бы исключил все эти явления из жизни: болезнь, боль, страх, смерть. Только тот, кто их пройдет,

способен увидеть за хрупкостью человеческого бытия то абсолютное и святое бытие.

То, что мы совершаем во время таинства, является ритуальным обрядом. Это — ритуальный обряд страданий, смерти и воскрешения Иисуса. Но это не только Его страдания, смерть и воскрешение. Мы чувствуем наши собственные страдания, смерть и воскрешение. Мы чувствуем структурный принцип создания — превращение.

Наш мир больше сравним с игровым полем, чем с серьезными поисками смысла существования. То, что мы делаем, мы как бы играем. Нашу жизнь должно определять что-то от легкости евангельских лилий на лугу и птиц на небе. Именно этой легкости нам все больше и больше не хватает. Мы забыли, что этот луг означает время и вечность. Во время культовых действий и ритуальных обрядов мы снова об этом вспоминаем.

КЕМ ВЫ МЕНЯ СЧИТАЕТЕ? (МФ. 16, 13)

«Кто я?» — спросил Иисус апостола Петра. — «Ты Сын Бога», — ответил тот. Меня часто спрашивают: что для тебя означает Иисус? Ты веришь, что он был Сыном Бога? На это я могу с радостью ответить «да». Тогда я скажу словами Экхарта: «Что бы мне помогло, если бы у меня был брат, который был бы богатым человеком, а я при этом бедным...?».⁴

Помогло бы мне, если бы я мог сказать: «Я Сын, я Дочь Бога как Иисус»? Экхарт по этому поводу продолжает: «Если вы хотите познать Бога, вы должны быть не только подобны Сыну, а вы должны быть самим Сыном».⁵

Прочитайте проповедь 35: «Посмотрите, как велика любовь, которую нам подарил Отец». Экхарт постоянно повторяет то же самое в этой проповеди: «Бог не может сделать так, чтобы я был Сыном Бога, не имея бытия Сына Бога; так же мало может сделать Бог, чтобы я был мудрым, не имея бытия в мудрости. Каким образом мы — Божьи дети? Мы еще не знаем; “нам еще это не открылось” (1 Ин. 3,2); только так ли много мы знаем о том, как он говорит: “мы будем подобны Ему”».⁶

Ангелус Силезиус пишет: «Бог живет в Свете, к которому проложен путь; кто Его не увидит сам, тот не увидит Его никогда».

Конрад Лоренц был убежден, что человек это missing link между обезьяной и настоящим человеком. Мы — эта недостающая часть на пути к превращению в человека. Мы — на пути к познанию того, кто мы есть на самом деле.

Существует только жизнь Бога. Та же жизнь, что пульсирует в Иисусе, пульсирует в нас. Божественность — это наше наследственное право. Иисус говорит: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божье.

Обернитесь вокруг и веруйте в Святое Благовествование» (Мк. 1, 15). «Обернитесь вокруг» здесь значит выйдите из обычного состояния духа. Мы должны преодолеть вращающееся вокруг самого себя «Я», чтобы познать Божественную середину. Нельзя разделить и то и другое. Кто говорит «человек», говорит также «Бог». Кто говорит «Бог», говорит также «человек». «Однажды вы узнаете, что Я и Отец — единое целое», — говорит Иисус.

Когда Иисус говорил о себе самом, Он называл себя человеческим сыном. Иисус считал себя человеком. Он считал себя новым человеком Царства Божьего. Он — совершенное воплощение нового человечества, которое грядет. Он учит более высокому состоянию сознания, сознанию Царства Божьего, детей Божьих, той Божественной основе Бытия, которая является нашей истинной сущностью.

Он проповедует новый биологический вид человека. Он не считает себя единственным, кто может этого достичь. Если завершить процесс метаноии, мы сможем сказать вместе с Иисусом: «Я и Отец — единое целое». Это — исцеление от изоляции и отчуждения.

Он — Христос, помазанный. Христос соответствует арамейскому слову *M'shekhā*. Его основное значение «совершенный», «просветленный». Иисус был историческим лицом. А как Христос он является формой выражения для нашего вечного трансличностного Бытия. Мы все — Христосы и все помазаны с Бытием Бога. Нигде не говорит Иисус, что Он единственный, кто обладает подобной жизнью. Нам следует жить этой формой Бытия, которую Он называет «Царством Божьим», или «вечной жизнью». Мы не должны быть христианами, мы должны осознать, что мы — Христос. Христос — это имя для нового человека.

Наша вина в том, что мы не осознаем, кто мы есть на самом деле. Мы должны воплотить в себе сознание Христа. Спасительная функция Иисуса на кресте и его воскресение заключаются в том, чтобы повести нас к нашей истинной сущности, к Божьему Царству в нас. Мы не должны добиваться магического действия Иисуса в этом Царстве, а должны обратиться внутрь себя, чтобы это познать. Мы не только называемся «Дети Божьи», мы они и есть. Настанет время, когда мы перестанем искать Спасителя вокруг. Спасение — в нас самих.

Пока мы верим в непреодолимую пропасть между Иисусом и нами, мы Его не поймем. Христианство с подобным толкованием образа Иисуса Христа несправедливо по отношению к религиозному статусу человечества. И религия должна изменяться вместе с человеком и его развитием. Пока мы считаем, что можем «попасть на небеса» только держась за полу Его плаща, наша жизнь проходит мимо Его желаний и стремлений. Лишь когда христиане научатся видеть свою религию по-другому, у них увеличатся шансы помочь человечеству.

Самое главное — куда идет развитие. Мы устанавливаем стрелки. Слава Богу, люди все больше осознают, что следует двигаться в своем развитии к духовному. Мы еще не знаем, кто мы есть, это нам еще не открылось.

«Духовность, которую Он нам принес, была наша». ⁷ Наша фамилия — «Бог».

ИИСУС ХРИСТОС (1)

Кто был Иисус Христос? Иисус называл себя сыном человеческим, Сыном Бога Его сделали Его последователи. Он считал себя воплощением нового человека, созданного Богом, человеком, который «наследует Царство». Он говорил о новом веке Божьего Царства. В это Царство может вступить только тот, кто преодолел метанойю. Он должен возродиться к более высокому состоянию сознания. Он должен возродиться к Царству Отца, к той новой основе бытия, которую Иисус называл «Царство Детей Божьих», или «вечная жизнь». Мы должны стремиться стать другим Христом, то есть двигаться вперед к той трансличностной структуре Бытия, в которой главенствует Божественная сущность. Иисус требует этой Божественной структуры бытия не только для себя. Он не похищает ее только для самого себя.

*Он, будучи образом Божиим,
Не почитал хищением быть равным Богу;
Но уничижил Себя Самого,
Приняв образ раба, сделавшись подобным человекам
И по виду став как человек.
Смирил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.
Посему и Бог превознес Его
И дал имя Ему выше всякого имени,
Дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено
Небесных, земных и преисподних,
И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос
Во славу Бога Отца.*

(Фил. 2, 6–11)

Иисус был реальным человеком. Христос же — это образ Бытия, который заложен во всех людях и должен развиваться. Мы должны стать Христами, то есть Христосами. Все люди к этому призваны. Иисус не требовал от нас превозносить Его. Речь идет о более важном: мы должны следовать за Ним в Его познании Сына-Бога. Его форма бытия — это наша форма бытия. Он — перворожденный в этом новом творении. Мы — Его братья и сестры. Он — второй Адам, в человеческом смысле, основатель

новой расы. Он — КОСМИЧЕСКИЙ Христос, супраментальная форма Бытия, которой следует развиваться в каждом из нас.

Божье Царство в нас. Мы — дети и наследники. «Приближается Царство Божье. Наступает время, обернитесь!» (Мк. 1, 14; Мф. 4, 17). Обернуться — это значит соединиться с нашей Божественной сущностью. Мы забыли наше происхождение. Первый грех — это то, что мы забыли, кто мы есть на самом деле, Божьи дети. Когда мы это осознаем, мы сможем сказать, как и Иисус: «Я и Отец — единое целое». Освобождение — это освобождение для познания нашей истинной сущности. Спасен — это освобождение из нашего незнания. Мы, как и Иисус, призваны выйти из отчуждения. В нас должно пробудиться сознание Христа. Истинный Сын Бога, Брат Иисус Христос, стремится не к самовосхвалению или утешительному вознаграждению в этом или следующем мире, а к признанию его достоинства.

Чтобы найти более объемлющее, уходящее в глубину понимание Христа, мы должны постоянно обращаться к традиции. Я убежден, что в Новом Завете представлена только выборка из «толкований Христа», которая в III и IV веках при установлении Канона была включена в Библию. Было много других общинных теологий и толкований образа Христа, которые не соответствовали пониманию Христа отцов церкви, которые вряд ли знали больше об историческом Иисусе, чем мы сегодня. Христианство продолжает существовать в базисных группах, которые распространяют современное им понимание образа Христа. И при этом они знают о Святом Духе столько же, сколько традиционалисты и фундаменталисты.

ИИСУС ХРИСТОС (2)

Мы, люди, живем в очень критическое время нашей истории. Мы осознаем, что речь идет о выживании нашей расы, и не только в экономических, материальных, социологических, политических и культурных вопросах. Дело даже не в угрозе химической и атомной войны, загрязнении воздуха, высыхании наших морей, истощении ресурсов, необратимых вмешательствах в нашу экосистему. Ибо все эти угрозы вызваны людьми, имеющими совершенно определенное состояние сознания, которые даже признают ошибочность нашего поведения, но уже ничего не могут изменить. Мы отмечаем наше угрожающе иррациональное поведение и не можем найти никого, кто нас спасет. Налицо окончательный кризис сознания. Мы больны. Где же спаситель?

Кто освободит нас от наших неврозоз? Как достичь нам новой, более высокой ступени сознания? Где ресурсы, которые мы можем выкачать?

У эволюции всегда были такие ресурсы, когда человечество вступало в кризис существования. И где же они сегодня? Произойдет ли квантовый скачок в нашем сознании, который сможет изменить направление и удержать нашу планету на краю пропасти? То, что так много людей встали на путь «расширения сознания», вселяет в нас надежду. Нашим самосознанием мы можем только очень ограниченно манипулировать эволюцией, которая следует полностью иррациональным законам. Природа всегда помогала сама себе и восстанавливала свои силы, которые человек пытался исчерпать. Сегодня мы также надеемся на это.

Новый биологический вид человека еще в пути. Он еще не организован, а только собирается из отдельных частей, которые пока не чувствуют себя ни состоявшейся, ни религиозной группой, ибо это *philosophia perennis*, которая была и есть вершина всех религий. Ее носителями всегда были индивидуумы, которые в точке кристаллизации объединились в группы. Эти базисные группы и сегодня превосходят все расистские, национальные, этнические, религиозные и половые признаки. Они проявляют интерес к психологическим, духовным и религиозным дисциплинам, но не концентрируются на них. Они — носители надежды на будущее. Они возникли из умирающей культуры нашего времени, подверженного тяжелейшим потрясениям: раздутые учреждения, лоббированные правительства, ненасытные гиганты индустрии, агрессивные соревнования, находящаяся в состоянии застоя религиозная система, поверхностные потребительские беседы, продажная пресса, умирающие пустые оболочки, которые с трудом удерживаются на плаву.

Число людей, этих неизвестных «заговорщиков» в базисных группах любого рода, пока еще очень маленькое. Их трудно узнать по внешнему виду. Отличить их можно только по внутреннему миру. Одной ногой они стоят еще в прежней эпохе, а другой уже нащупывают новые пути. Их можно найти в небольших группах. Они ничего не пропагандируют. Влияние их скрытое. Их признаком является сильная и бескомпромиссная любовь к коллективу и структурам, которые базируются на более высоких измерениях сознания.

Мое познание, основанное на многих курсах, указывает на то, что прорыв к космическому сознанию сейчас происходит чаще, чем в прежние времена. Такое явление позволяет заключить, что физико-духовный процесс эволюции движется быстрее, чем можно было предположить. В центре нас происходит рождение нового человека. Ему принадлежит будущее. Остается надеяться, что наступит час, когда христиане встанут в ряды прорывающихся.

Мы преувеличивали Божественность Иисуса. Он хотел повести нас в «Божье Царство», как Он называл эту новую эпоху. Пока мы будем

создавать непреодолимую пропасть между нами и Иисусом, христианство не выполнит своей истинной миссии. Пока мы будем молиться Ему как Богу, мы не сможем последовать за Ним. Он — перворожденный среди братьев и сестер, сказавший нам, кто мы есть на самом деле: Божьи дети. И это нам следует познать. Божественное хочет прорваться в нас.

ИИСУС ХРИСТОС (3) (ЕФ. 1, 3 И КОЛ. 1, 15)

Какое значение имеет Иисус Христос для того, кто встал на эзотерический путь? Существуют слова дзэна, которые гласят: «Встретишь Будду, убей его». Может христианин сказать так же об Иисусе: «Если ты встретишь Иисуса, убей Его»?

У нас есть два представления об Иисусе:

- Исторический Иисус.
- Космический Христос.

1) *Исторический Иисус* — это исходный пункт нашей веры. Нам нравится медитировать о Нем и Его словах. Он указывает путь в нашей жизни. Он показывает нам дорогу к «Отцу».

Рассуждать об историческом Иисусе я здесь больше не буду. Если мы рассматриваем Иисуса только как образ, мы застреваем на отстающем религиозном понимании. Подобного Иисуса нам следует оставить. Дзэн говорит: «Если ты встретишь по дороге Будду, убей его». Если ты в созерцательной практике встретишь такого Иисуса, убей Его. Это значит: не предавайся подобному образу Иисуса; ибо ты должен познать Христа.

2) *Космический Христос* (Еф. 1,3 и Кол. 1, 15).

Откровение Христа — это не статичное событие, не конечный пункт, который не требует продолжения, скорее, это завершающееся событие. Откровение Христа — это путь исцеления среди многих. Все учения о мистерии говорят о существовании великого Духа, который выражается во всем. Этого «великого Духа» в разных культурах называют по-разному: любовь, истина, Амида, Кришна, Майтрейя; или дают ему природные названия, такие как Солнце, Свет, Светлая темнота; или обозначают философскими понятиями, например: абсолют, истина, сознание.

В христианстве мы используем выражение «Космический Христос». Так мы назовем Божественную действительность, которая выражается во всем космосе.

Мы, христиане, четко определяем в действительности понятия «Бог» и «создание». Тем самым мы внесли в религию непреодолимый дуализм. Подобное развитие мы находим во всех религиях. Индуизм и буддизм раньше всех преодолели этот дуализм. Они знают два аспекта Действительности: сущность и форму, или Атман и Майя. Но эти аспекты не

расходятся друг с другом, как в христианстве. Это только два полюса одной Действительности.

В Евангелии от Иоанна это звучит так: «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1, 3). Если мы Отца возьмем как первый принцип, от которого все исходит, тогда Сын (Слово) — это то, что от Него произошло и приняло форму. Восточные религии называют этот принцип «Пустота». Пустота не означает «Ничто», а служит только выражением для первого принципа. Из пустоты происходит форма. Выражаясь по-христиански: от Отца происходит Сын. Оба принадлежат друг другу, говорим мы в вероисповедании. Они имеют равное бытие и все-таки отличаются друг от друга. Они — Одно по своей сущности и, тем не менее, Двое. Они не могут проявляться поодиночке. «Кто видит Меня, видит Отца», — говорит Иисус. Первый принцип не выступает отдельно. Он является в Слове и в том, что стало. Отец и Сын только два аспекта Действительности. Поэтому в индуизме и буддизме говорят о «не-два»).

И Экхарт пишет: «За один раз и сразу, когда был Бог, когда Он произвел Ему подобного своего вечного Сына, полностью Ему подобного Бога, Он создал мир», или «Равным образом, можно допустить, что Мир произошел из Вечности».⁸

Космический Христос в нашей вере — это аспект созданного, аспект формы. Он символизирует бытие Божественного, которое выражается во всем созданном. Космический Христос — это то, что мы называем созданием. Христос — это другое имя для всего, что было создано. Как Отец выразился в человеке Иисусе, так Он выразился во всем, что Он создал. «Без Него (Слово) ничто не начало быть, что начало быть». Мы были созданы в лице Иисуса Христа, как и Он, мы — выражение Божественного первичного принципа.

Христианство ставит различия между Божественной жизнью Иисуса и нашей человеческой жизнью. То, что Иисус имеет от природы, считает оно, мы имеем из милости. У Него — врожденное изобилие, у нас — дарованное. Подобные теологические формулировки создают в христианстве едва ли преодолимый дуализм.

Почему мы не используем такие образы, как источник и ручей? Источник — это не ручей, ручей — это не источник. Источник создает ручей. Я вижу в них отличия, но выступать они могут только вместе. Где источник, там и ручей. Абсурдно говорить об источнике, из которого не течет ручей, и наоборот. Ручей — это не первоисточник, но в нем та же самая вода.

Сын — это не Отец, но у Него та же сущность. Создание — это не Бог, но у него та же сущность.

Экхарт пропускает, как и все мистики, то, что теология называет онтологическим отличием человека от Бога, а именно: сущность Бога — это нечто другое, чем сущность человека.

Экхарт пишет: «Ибо вечный Отец порождает своего вечного Сына в этой силе непрерывно...⁹ Где Отец своего Сына во Мне порождает, там Я тот же самый Сын и никто другой...¹⁰ Отец порождает меня как своего Сына и как того же самого Сына...¹¹ Хочешь быть Сыном Бога, ты не можешь им быть, ибо ты имеешь то же самое бытие Бога, что и Сын Бога».¹²

«Так говорит мастер: Бог стал человеком и тем самым возвеличил и облагородил весь род человеческий. Мы можем радоваться тому, что Христос, наш Брат, собственными силами вознесся над всем хором ангелов и сидит по правую руку Отца. Этот мастер правильно сказал; но воистину, я не дорого бы дал за это. Помогло ли бы мне, если бы у меня был брат, который был бы богатым человеком, а я бы при этом бедным человеком? Помогло ли бы мне, если бы у меня был брат, который был бы мудрым человеком, а я бы при этом был дурак? Я скажу нечто другое и впечатляющее: Бог не только стал человеком, а намного больше — Он перенял человеческую природу... Все хорошее, чем обладали все святые, и Мария, Божья мать, и Христос после своего очеловечивания, — это моя собственность в этой природе. Вы можете меня спросить: поскольку я в этой природе имею все, что только имел Христос как человек, откуда же тогда возникло то, что мы возвеличиваем Христа и почитаем его как Господа нашего и нашего Бога? А оттуда, что Он был посланником Бога и принес нам нашу духовность. Духовность, которую Он нам принес, была наша духовность».¹³

Что может нам помочь, если мы также не сможем сказать: «Я Сын Бога, я Дочь Бога»? Существует только Божья жизнь. Та же жизнь, что пульсирует в Иисусе-человеке, пульсирует и в нас.

Экхарт, конечно, знает теологическое различие между *imago dei* и *ad imaginem dei* или *filius per naturam* и *filius per gratiam adoptionis*. Однако когда он проповедует, он это различие опускает.

К этим его высказываниям добавлю еще одно, которое ясно показывает, как у Экхарта постоянно уменьшается разделение между человеком и Богом: «Так он (человек) имеет то же из милости, что Бог от природы, но Бог, со своей стороны, не ставит никаких различий между собой и этим человеком».¹⁴ Милость у Экхарта — это переполнение и перекипание Бога. Эти понятия у него не только неясные, но он снова перешагивает через все различия. Об этом можно спорить часами. Все зависит от того, считать ли Экхарта, вообще, мистиком или только философом.

ИИСУС — ПАСТЫРЬ (ИН. 10, 11)

Сегодня нам показывают Бога в образе любящего пастыря, который несет на руках ягненка и ведет свое стадо на луг. Тексты возникли из кочевого периода израильтян. Они вещают о непроходимой степи, в которой появилась дорога, и о горном крае, пройти который можно только с большим трудом. Волшебные представления кочевника, которые стали для него символом явления Бога. Он видит город Иерусалим — символ величия Бога. Когда Он пришел из степи в город, Он почувствовал себя в безопасности. Так и мы должны надеяться и утешаться, что это Бог, который раскрывается во всем и который в черном черный, а в белом белый.

В современных текстах нам говорят, что мы не должны ничего бояться. Бог победит. Но это слишком человеческие мысли. Нет ничего, кроме Бога. Бог развивается во всем, что существует. Бог — внутренний принцип этого космоса. Космос — Его оболочка. Космос — это эхо Бога. Из Бога родиться может только Божественное. Все наши страхи перед гибелью напрасны; ибо Бог также и гибель. «Зачем мне беспокоиться, что я попаду в кораблекрушение, если Бог — это мировой океан?» Где мы упадем? Бог падает в нас туда, куда падаем мы. Или, как говорит Гита: «Только Господь может возродиться». Когда мы умираем и переходим в новое существование, то и Бог, который находится в нас, умирает и переходит в новое существование. Наш разум этого не может постичь. Но вера дает нам надежду и уверенность, ибо жизнь, которой мы живем, это не наша жизнь, а жизнь Бога.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ИИСУСА (МК. 9, 2)

На горе Табор увидели апостолы впервые кем был Иисус на самом деле. Он всегда был прозрачным для Божественного. Только они этого не видели. Теперь узнали они Его. Он — Сын Бога. Его истинная сущность проявилась и даже просвечивала через одежду. Божественное беспрепятственно проходит сквозь всё. Но мы не будем останавливаться на Иисусе.

Мы должны осознать наш истинный образ в Иисусе. И мы наполнены Богом. И мы являемся эпифанией Божественного. К сожалению, наши глаза закрыты, как были все время закрыты глаза апостолов. Жизнь была бы проще, если бы мы могли осознать, кто мы есть; если бы мы в другом могли увидеть, кто Он есть; если бы могли познать Его сияние, струящееся сквозь Его одежды.

Наши глаза закрыты. Мы не видим, что весь мир — это Табор, что даже все страдание проникает оттуда. Мы живем рядом с сияющими и святящимися людьми. Мы уже недалеко от того, чтобы это осознать.

Однажды мы, люди, так далеко шагнем в своем развитии, что осознаем себя сыновьями и дочерьми Бога. Экхарт считает нашей первой задачей — осознание того, кто мы есть на самом деле. «Так говорит мастер: Бог стал человеком и тем самым возвеличил и облагородил весь род людской... Этот мастер правильно сказал; но воистину, я не дорого бы дал за это. Помогло ли бы мне, если бы у меня был брат, который был бы богатым человеком, а я при этом бедным человеком? Помогло ли бы мне, если бы у меня был брат, который был бы мудрым человеком, а я при этом был бы дурак?». ¹⁵

Экхарт хочет сказать, что все это относится и к нам. Помогло ли бы мне, если бы Иисус так преобразился, а я нет, подразумевает Экхарт. Святость и Божественность Иисуса являются также и нашими.

Святые, которых мы сегодня чтим, святые не потому, что совершали подвиги, даже если им это приписывается в процессе святых бесед. Они святые, потому что сквозь их облик просвечивает Божественное.

Божественное в нас всегда. Экхарт пишет дальше: «Духовность, которую нам принес Христос, была наша духовность». По сути, Он только хотел, чтобы мы осознали, что мы — дети Бога, что Царство Божье — в нас самих и что мы несем в себе вечную жизнь.

Иной на пути созерцательности доходит до такого состояния, где ему все другое кажется более вероятным, чем сказанное. Необходимо, чтобы мы признали бессилие нашего «Я» и продолжали искать нашу истинную сущность. Наша истинная сущность скрыта в наших глазах, но, тем не менее, она сияет. Иисус — это обет и обещание.

Мы — танец Божественного. Бог танцует в нас. Если мы говорим «в нас», мы легко можем ошибиться, полагая, что Бог в нас, как в каком-то сосуде. Скорее, Божественное само по себе танцует, как этот образ человека.

Мы, христиане, с трудом воспринимаем это. Мы боимся, что слишком близко подошли к Божественному. Мы боимся, что падут различия и мы будем обвинены в пантеизме. Но это только интеллектуальные трудности, которые исчезнут в процессе познания. На Востоке существует образ, который пытается истолковать эту проблему. Там говорят о «золотом льве». Золото может проявляться только в форме, оно не может существовать без формы. Золото проявляется в форме льва. Нельзя отделить золото ото льва. Но золото — это не лев, а лев — это не золото. Тем самым, Божественная действительность отделяется от человеческой формы и, несмотря на это, ею является.

Божественное может проявляться только в форме, как и золото существует только в форме, а не само по себе. Бог сам по себе непостижим, познать Его можно только в форме. Так же сосуществуют Бог и человек.

По этому поводу приведем слова Ангелуса Силезиуса:

*Человек, если ты еще жаждешь и требуешь Бога,
То ты Им еще абсолютно не объят.
Я такой же великий, как Бог,
А Он так же ничтожен, как я;
Он не может быть надо мной,
Я не могу быть под Ним.
То, что Бог так счастлив
И живет без желаний,
То воспринял Он это от меня, как и я от Него.*

Главная задача религии — привести человека к осознанию его сущности. Об этом она все еще говорит во многих других образах: «Возвращение с чужбины», «Возвращение к Отцу», «в отеческий дом», «в Царство Божье», «в священный город Иерусалим». Но на самом деле мы никуда не должны идти: мы должны только дать шанс нашей собственной Божественной глубине найти нас самих.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Что было бы, если бы гипотеза, которая выдвигается сейчас в некоторых книгах, оказалась правдой: «Иисус на самом деле не умер на кресте, а отправился в Индию. Там даже нашли Его могилу». Что было бы, если бы мы исторически могли доказать, что были найдены останки Иисуса? Тогда наше христианство было бы плохой шуткой?

На Пасху произошло событие, которое отражено апостолами. Воскресение не описывает переживание, которое можно классифицировать в категориях времени и пространства. Тот, кто изымает воскресение из символической области и помещает его в исторические рамки, неправильно понимает послание. Пасхальное послание убеждает людей познать Иисуса продолжающим жить, бессмертным. Пустая могила, ангел, ход в пещеру — это только формы выражения для внутреннего познания. Слово *ophte* (открывать) (1 Кор. 15, 5) означает, что апостолы не просто увидели Иисуса. Он им явился и открылся.

Итак, это не была встреча с живым визави, даже если в Евангелии это так и описывается: Фома простер руку в сторону Иисуса, Иисус вкушал вместе с ними... Скорее, это было внутреннее познание. «И раскрылись тогда глаза у них». Таким образом, речь идет не о магическом, парапсихическом, чудесном познании, а о внутренней уверенности. Воскресение — это познание апостолов, что эта жизнь еще не все, что они, как и Иисус, перейдут в новое существование. Жизнь не может умереть. Она продолжается.

В Ведах написано: «Возродиться может только Господь». Это значит, что в новое существование не перейдет наше фронтальное «Я». В новом существовании эта Божественная жизнь возникает снова в форме. Но это не будет та форма, которую мы имеем сейчас. Мы настолько сконцентрированы на своем «Я», что думаем сохранить свое «Я» навечно.

Однако в этом «Я» нет нашей идентичности. Наша истинная идентичность лежит намного глубже. Мы не можем понять, что это сама Божественная жизнь и не важно, в какой форме мы воскреснем. По сути, мы не даем никакого шанса Богу и этой Божественной жизни. Мы постоянно пытаемся ограничить ее нашим «Я» и держать под угрозой.

Эти внутренние познания должны выражать послания явления. Павел встретился с воскресшим в качестве преследователя и через познание стал другим, а одновременно воскресший идентифицировал себя с человеком: «Савл, Савл, почему ты меня преследуешь?».

В воскресении Иисуса апостолы в познании перешагнули границу между жизнью и смертью. Нужно познать Вечную Жизнь, все равно, в какой форме мы после смерти воскреснем. Если человек преодолет ограниченность сознания своего «Я», он попадет в то пространство познания, которое называет по-разному. Эти названия обозначают одно, а именно: смерти нет; смерть — это только великое преобразование для нового существования.

Трудно понять, почему человек после смерти хочет воскреснуть именно в этой нынешней форме. При этом я не знаю никого, кто действительно хотел бы в этом «Я» жить вечно.

Если бы сегодня нашлись останки Иисуса и было бы научно подтверждено, что это Он тлеет в могиле, моя вера в Иисуса Христа от этого бы не поколебалась. Познание воскресения не имеет ничего общего с останками Иисуса. Это познание, которое может сделать каждый человек: его глубочайшая сущность является Божественной, а потому бессмертна.

Высказывание ясное. Наша жизнь не кончается со смертью. Мы переходим в новое существование. И то существование, как мы надеемся, может принести более всеобъемлющее познание Бога, чем наше нынешнее существование.

И сегодня мы празднуем именно это. Мы чествуем смерть и воскресение Иисуса, и мы чествуем нашу собственную смерть и наше собственное воскресение в этой праздничной мистерии. Мы чествуем то, что мы есть: воскресшие, даже если это еще не раскрылось.

ВОСКРЕСЕНИЕ — СМЕРТЬ ЛАЗАРЯ (ИН. 11, 17)

Когда мы читаем народные мифы, то видим, что тогда человек вначале еще не знал смерти. Он понимал язык животных, не работал и жил в мире и согласии. При этом нигде не называется место, где человек жил. Возможно, это было урборическое единство еще не пробудившегося человека или состояние, в котором человек находится, когда живет в единении с Богом, своим первоисточником.

Из этого детского единства нас выгнало то, что мы, христиане, называем первородным грехом. Первородный грех, в прямом смысле слова, не имеет ничего общего с грехом. Речь не идет о вине. В большей степени здесь описывается переход человеческого сознания из архаичного предсознания в личное сознание.

Это наше личное сознание развивает доминирующую собственную активность, которая нас часто по-настоящему тиранит и которую нельзя просто так подавить.

Однако мы думаем, что есть спокойное место, где мы можем без помех познавать священное, Божественное. Достичь его можно, по-видимому, только через страдание и смерть. Под словом «смерть» здесь не имеется в виду физическая смерть, а смерть главенствующего «Я», которое мешает нашему единению с Богом.

У некоторых путь проходит через сумбур, через тесноту, которую символизирует могила. Это своего рода болезнь посвящения, возвращение к первоначальному хаосу, из которого происходит превращение и преобразование. Речь идет о превращении прежнего человека в нового человека, как мы, христиане, говорим, о созревании совершенного человеческого образа. В большинстве случаев путь проходит через безграничное одиночество, сомнения и духовную нищету. Он ведет через восприятие смерти.

Кажется, что только страдание может подвинуть человека к внутреннему пониманию. Герман Гессе однажды сказал: «Сомнение — это результат попытки постичь и оправдать человеческую жизнь... С одной стороны сомнения живут дети, с другой живут взрослые».

Старый человек должен умереть. Это познание любой религии, и все религии распространяют ритуальные обряды, в которых чувствуется этот процесс. Это переход, возвращение. Ибо речь идет не о смерти, а о жизни. Христиане это отмечают в страстную пятницу и на Пасху.

Именно это мы празднуем сейчас и, по сути, во время каждой литургии. Мы чувствуем наше воскресение, возвращение в потерянный рай. Это не тот рай, который находится за нами. На его вратах стоит херувим с огненным мечом и никого больше не пускает внутрь, ибо это рай детей,

рай доличностного состояния. Наш путь в рай ведет через личное пробуждение к единению с происхождением, к плероме, к наполнению.

Мы, христиане, называем его воскресением, небесами или вечной жизнью. Буддисты называют его сатори, индусы самадхи, и другие религии имеют свои названия для описания этого состояния. Если сравнить теологическую лексику, то она, конечно, не совпадет. Если же исходить из человеческого познания, то все религии, в конечном счете, говорят одно: Небо находится в нас, и Божье Царство находится в нас, сатори находится здесь и сейчас, если нам удастся преодолеть границы рационального сознания.

В этом смысле я понимаю и пасхальные рассказы. Сообщения о воскресении — это не исторические сообщения, это познания, которые человек сделал вместе с Иисусом Христом и об Иисусе Христе. Они облекли эти познания в истории, об одной такой мы только что слышали.

Сообщение о смерти и воскресении Лазаря символизирует также и нашу смерть и воскресение. Это мифическое событие, мифическое исполнение. Трапеза — это, собственно, завершение. Когда миф символически через смерть и воскресение завершился, мы празднуем пасхальную трапезу. И это мы делаем сейчас. Мы чествуем смерть и воскресение Иисуса, и мы чествуем свою смерть и свое воскресение.

ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТА

С чего мы начинаем в этот праздник? Должны ли мы верить, как это изображено на многочисленных иконах, что Иисус и телом, и душой возносится на небо? Должны ли мы верить, что там Он воссядет на троне по правую руку Отца? На небе, в стране с молочными реками и кисельными берегами, где каждый получает то, что он хочет. Или мы должны просто отвернуться от подобной инфантильной веры и оставить это для наивных душ, которые позволяют священникам утешать себя этим?

Прежде всего, важно то, что небо не что-то, находящееся очень далеко. Не что-то там, наверху, куда нужно возноситься. Оно здесь и сейчас. Вознесение на небо не значит: Иисус поднялся с этой земли, а небо всегда и везде. Вознесение возвещает нам, что мы все и душой, и телом призваны к небесам, то есть призваны познать Бога, а значит, познать, кто мы есть на самом деле. Мы несем в себе Божественное семя, которое дзэн называет «природной сущностью», йога — «Атман», а христиане — «вечной жизнью», «Божьим Царством», или «Небесами».

Вознесение Христа — это выражение мифологической языковой формы. Не следует понимать религиозные высказывания буквально. Религия выражается в образах и мифах. Я уже упоминал, что миф — это как

окно. Окно рассказывает нам что-то о свете, который сияет за ним. Окно — это не свет. Мы не должны останавливаться на линиях и красках. Они указывают на свет, который сияет за ними.

Вознесение является таким окном, которое должно нам сегодня объяснить, что в нас есть такое измерение, которое мы не можем постичь интеллектуально и осмысленно. Измерение, которое мы можем только познать, для которого мы должны пробудиться.

Мы размышляем об этом вознесении. Мы хотим познать то, что познал Иисус Христос. Небеса всегда здесь. То, что нас от них отделяет, — это наша заикленность на сознании нашего «Я». Если мы сможем перешагнуть границу времени и пространства, мы вознесемся, мы окажемся на небесах. Небеса — это осознание того, что мы Божественного происхождения, что мы несем в себе Божественную жизнь.

И это мы чувствуем сегодня в образах хлеба и вина, образах, которые мы можем видеть. За ними скрывается другое измерение, которое мы называем Божественной жизнью, небесами, вечностью, детьми Бога и т. д. Это измерение мы не можем видеть, но оно здесь.

Небеса здесь и сейчас. Вознесение подразумевает познание Здесь и Сейчас. Для этого мы встаем на путь познания. Путь, который не является путем; ибо он не там, ни наверху, ни внизу, ни вчера, ни завтра, а здесь и сейчас. В Вознесении Иисуса мы чувствуем наше собственное вознесение. Этот праздник предостерегает нас от бегства в ложную духовность, от отказа от мира.

КОСМИЧЕСКИЙ ХРИСТОС

В Западной Европе Иисус Христос, как и основатели других религий, считается личным Спасителем. Поэтому христианство стало абсолютно антропоцентрической религией. Пройдет много времени, пока мы пересмотрим это одностороннее толкование образа Христа. Наша картина мира так радикально изменилась, что чисто антропологический взгляд на космос больше уже невозможен. Прежние рукава антропоцентрического, рационалистического, антимистического и антиженского понимания мира и человека уже больше не носят.

Исторический Иисус слишком переоценен. Это ведет к нарциссическому учению о спасении. Мы, христиане, больше интересуемся самими собой, чем Богом. Мы все еще верим, что все вращается вокруг Земли. Мы все еще верим, что человек — это непревзойденный венец творения. Мы все еще верим, что существует райская, статичная форма конца.

Из текстов Старого и Нового Заветов также хорошо может развиваться космическая, даже мистическая теология. То, что Иисус сказал о Боге,

это Его личное познание. Это было мистическое познание. Слова «отец» и «ребенок», которые он позаимствовал из еврейского понимания о семье, свидетельствуют о познании единства, каким его знают все мистики. «Я и Отец — единое целое». Вместо того чтобы подчеркивать единство в мыслях о семье, мы исходим из постулата, что создание отличается онтологически, и тем самым вбиваем клин между Богом и человеком, или созданием.

Иисус возвещает Божье Царство здесь и сейчас. «Оно в вас». Мы предполагаем его в далеком будущем и обнадеживаем людей Небесами обетованными. Эвагрий Понтикус, мистик IV века, пишет: «Кто достиг состояния Духа... милости, тот увидит в молитве свою собственную природу в виде сапфира или в красках неба. То в Писании называется Царством Божьим, что увидели отцы на горе Синай». ¹⁶

Вместо того чтобы чувствовать себя братьями и сестрами «Первороденного» и говорить вместе с Ним: «Я и Отец — единое целое», мы сделали Иисуса объектом почитания и поклонения.

Вместо того чтобы считать себя «древним Христом», мы низвели себя до грешников и кающихся.

Вместо того чтобы ощутить в его учении единство нашего бытия с Ним и с Отцом, как в образах виноградной лозы и ветвей, мы навесили на Него ярлык моралиста.

Вместо того чтобы признать в Нем наш собственный прообраз и отражение Отца, мы Его, как «совершенно другого», отодвинули от себя в невероятные дали.

Вместо того чтобы воспринимать его как «Эммануила», как «Бог с нами», как Он об этом возвестил, мы низвели Его до мелкого, жаждущего вознаграждения мирового судьи.

Иисус Христос, как Космический Христос, имеет влияние архетипа, который в создании выступает как Божественный. Это архетип Божественного в нас. В нас, как и в Нем, протекает Божественное, которое Он назвал Отцом. Что происходит с Ним, происходит и с нами, только для нас это еще не открыто.

Как Космический Христос вступает Иисус в Иерусалим и говорит нам, что и страдания, и смерть являются проявлением Божественного. Как и Иисус Христос, мы входим вместе с Ним в Иерусалим. Вместе с Ним мы идем через смерть и воскресение.

Исходя из этого события, мы должны понять, что жизнь проходит через множество смертей и воскресений. Мы должны научиться объединять себя с жизнью, которая не знает ни смерти, ни воскресения. Мы должны понять, что смерть является лишь процессом преобразования в новую форму жизни. И когда мы будем готовы все снова и снова переходить

через смерть и воскресение в новую форму, мы будем соответствовать динамичному Божественному принципу.

Если же мы будем держаться одной формы, как, например, этой телесной оболочки, мы будем выступать против структурного принципа создания, против рождения, жизни, смерти и воскресения. Если мы будем за нее держаться, мы будем выступать против Бога, который является не статичным, а динамичным. То, что человек цепляется за это, является его истинным грехом. Он не предается жизни, он цепляется за представление о жизни.

Жить — значит идти в ногу со все новыми деяниями эволюции Бога. Жить — значит танцевать и чувствовать в одном ритме: рождение, жизнь, смерть, воскресение. И если я буду способен на это, я смогу предаться жизни, я воскресну, и все равно, в какой форме. Ибо Бог является Богом жизни, а не смерти.

«СВЯТОЙ ДУХ В ОБРАЗЕ ЖЕНЩИНЫ»

Мы знаем, что Бог имеет не только мужское, но и женское начало. И все-таки образы Божьи оказали на нас очень сильное влияние. Что бы случилось в нашем представлении Святого Духа, если бы мы все время слышали о Святом Духе в женском роде? Это вовсе не измышления, что это проявилось в нашем христианском самопонимании. Что бы это означало, если бы мы женское начало в Боге, вне Бога, проецировали бы на Марию; если бы наши художники на своих многочисленных иконах (на месте Марии Магдалины) могли изображать женское начало Бога в Нем самом как Святой Дух в образе женщины.

Мы могли бы молиться женскому архетипичному образу. Бог являлся бы в нашем образном представлении в совершенно другом виде. Дети не рисовали бы Бога в виде старого человека с бородой.

При этом было бы абсолютно законно изображать Бога в женском образе. В отображении Божественного Духа присутствуют женские элементы: добросердечие, материнское чувство, теплота, близость, чувство, красота, телесность и эрос.

В маленькой деревне на Химзее, в Уршаллинге, стоит готическая церквушка. На потолочной фреске изображена картина, на которой Святой Дух в образе женщины выходит из складок одежды Отца и Сына. Что было бы, если бы художник сегодня отважился изобразить подобное в церкви?

То, что мы изображаем Духа в виде мужчины, искажает и ограничивает наше восприятие Божественного Духа и Бога.

Дух, дыхание и чувство, как основные женские черты, находятся в тесной взаимосвязи. Мы сделали из Духа мужское, интеллектуальное,

сдержанное существо. Мы Его, как и все наши Божьи образы, омуже- ствили. Тем самым мы упускаем возможность познать в Боге и женское начало. Речь идет не только о том, чтобы познать Его в Боге, но и в самом себе.

Сейчас мы послушаем, как звучит Троицын гимн, когда Дух выступает как женская сила Божественного. Мы должны раскрыться навстречу этому Божественному Духу и то, что говорится о Нем, познать в нас самих.

Троицын гимн:

*Спустись, о Святой Дух, разрывающая темную ночь,
Излей Свет в этот мир.
Приди, любящая всех бедных, приносящая добрые дары,
Приди, освещающая каждое сердце.
Величайшая утешительница в страдании,
сердце и разум наш возрадуй,
Восхитительная услада в нужде.
В беспокойстве Ты даришь покой, в жару Ты изливаешь прохладу,
Утешаешь в страдании и смерти.
Приди, о Ты, благословенный Свет, наполни сердца и лица.
Проникни до самой глубины души.
Без твоего живительного дыхания
в человеке ничего не может осуществиться.
Ничто не может исцелиться и быть здоровым.
Что осквернено, очисти, влей жизнь в истощенного,
Исцели там, где мучает болезнь.
Согрей мрачное и холодное, освободи то, что в себе застыло,
Укажи правильный путь сошедшему с пути.
Прояви свою милость к народу, тебе преданному,
уповающему на Твою помощь.
Позволь увидеть свершение Твоего блага и радость вечности.
Аминь Аллилуйя.*

ЭЗОТЕРИКА И ХРИСТИАНСТВО

Целью эзотерики является единство с конечной действительностью, которую христиане называют Богом, а другие религии дают свое название. Она является нашей внутренней сущностью. Мы можем все пробудиться к этому глубокому познанию. Это истинная цель и истинная задача человека. Эту глубочайшую сущность нельзя описать, ее нельзя достигнуть посредством каких-либо упражнений; мы можем только подготовить себя так, чтобы она нам открылась.

Лучший путь туда — это медитация во внимательности, которая, исходя оттуда, проходит через нашу повседневность. Внимательность позволяет нам опустошить сердце с тем, чтобы мы в этой пустоте познали нашу глубочайшую сущность.

Таким образом, нет поиска трансцендентного Бога, внешнего Бога. Эзотерические пути учат нас смотреть внутрь себя, чтобы там познать, кто мы есть на самом деле. Наша истинная сущность является Божественной. Мы готовимся к проявлению этой нашей глубочайшей сущности.

От Иисуса мы знаем, что Божье Царство находится в нас самих и что мы должны обратиться к своему внутреннему миру (метаноия). Иисус вел к тому познанию, которым владел сам: «Я и Отец — единое целое».

Это познание единства протекает через познание нашей глубинной сущности, которая имеет Божественное происхождение. Августин говорит по этому поводу: «Noverim me, noverim te (Если я знаю себя, я знаю тебя)». А конфуцианская философия гласит: «Когда я исчерпаю все возможности своего сердца, я узнаю свою человеческую природу». Узнать свою человеческую природу — значит узнать Небо.

Все, что от нас требуется, это внимательность к внутреннему миру для того, чтобы познать присутствие Божественного. Это не происходит через мышление или следование заповедям, образам и церемониалам (что не значит, что я не могу использовать их на своем духовном пути).

Последним шагом преемственности является не следование за Иисусом, а осознание, подобно Ему, того, кто мы есть на самом деле; и жить, руководствуясь этим осознанием. Для этого Он должен уйти от нас. «Для вас будет лучше, если Я уйду». Далее можно привести слова Иисуса, обращенные к Марии Магдалине: «Не прикасайся ко Мне» (Ин. 20, 17). «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 12-13). «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в Духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4, 23).

Иисус Христос не является объектом созерцательности, это наша внутренняя сущность. Ее только нужно познать. Молитва Иисуса в одиночестве, которой Он постоянно предавался, была молитвой познания единения с Тем, кого Он называл Отцом. Он всегда был в единении с Божественной действительностью. Он всегда осознавал, что в глубине своего бытия разделяет Божественную природу с Отцом. Именно это должны осознать и мы. Всем эзотерическим школам присуще освобождение от внешних символов и образов на практике созерцательности. В даоизме говорят о «постах сердца», в дзэне об «опустошении сердца». Иоанн Креста называет это «ночью души», а Иисус Христос «утратой жизни».

Иоанн Креста полагает, что освобождение мира основано на этой смерти «Я», когда кто-то вступает на путь созерцательности. В этой связи было бы хорошо заглянуть в его книгу «Восхождение на гору Кармель», книга 2, глава 7, № 11 и 12. Там написано, что Иисус совершил свое освобождение в глубочайшем уничтожении (кенозис):

«...В момент смерти Иисус был уничтожен и духовно, без утешения и помощи, ибо Отец Его предал низшей области внутренней иссушенности. Это побудило Его к восклицанию: “Боже мой, Боже мой, почему Ты Меня покинул? Это было глубочайшим, осязаемым одиночеством Его жизни. И в нем Он сотворил великое создание». «...Из него, в Духе стремящийся, мог позаимствовать тайну врат и пути Христа к единению с Богом».¹⁷

Стать подобным Иисусу в этом уничтожении является высшим состоянием, которого может достичь душа. Это высшее состояние заключается в испытании смертью на кресте, чувственно и духовно, внутренне и внешне. У Иоанна Креста это уподобление Иисусу Христу в его глубочайшем отчуждении является предпосылкой для мистического познания. Это отчуждение относится и к религиозному переживанию, утешению, видениям, возвышениям, экстагическим познаниям и т. д. Отчуждение и опустошение не являются целью. В большей степени они являются только переходом и условием для воскресения.

ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ ЕДИНЕНИЯ

Мы должны жить, как Иисус Христос, в Его Божественности и человечности. Мы — другой Иисус Христос. Как Он проявлял Божественную жизнь в своей человечности, так и мы должны проявлять Божественную жизнь в нашем человеческом образе. Так как мы посвящены во все тайны Христа, мы их все должны пережить: рождение, взросление, учение, труд, члены общества, страдание, смерть и, как у Него, воскресение.

Речь идет не о подражании, а уподоблении Ему в качестве сынов и дочерей Бога. Мы должны любить нашу человечность, так как в ней выражается наша Божественность. Мы должны найти себя через познание себя человеком и Богом.

Но в этом познании тогда уже не будет человеческого эго, а будет та мистическая идентичность, которую теологи постоянно осуждают и считают предосудительной; и, тем не менее, она находит выражение у всех настоящих мистиков. В качестве примера процитирую слова Хадевича из Антверпена:

*Я не принадлежу больше себе,
у меня не осталось ничего от меня самого...*

Он поглотил субстанцию моего Духа...

Душа становится подобной Богу...

*Огонь (любовь) не делает различий,
он поедает все, что захватит:
я уверяю вас...
о проклятии или благословении больше не идет речь.
В исполнении любви становишься Богом.*

«Тот, кто познал чудо, что Бог есть в своей Божественности, часто кажется людям, которые не имеют этого познания, безбожным из-за своего переполнения Богом и невежественным из-за своего переполнения знаниями». ¹⁸

МИФЫ

Также и в мифическом толковании существуют различные сферы понимания образа Иисуса Христа. Вплоть до V века существовало намного больше Евангелий, чем имеется сейчас в Библии. Отдельные общины по-разному понимали образ Иисуса. Лишь в V веке, когда христианство постепенно становилось государственной религией, эти Евангелия были сожжены по императорскому повелению. Однако некоторые были спасены, например Писание Наг Хамади.

Во многих этих Писаниях эзотерический и мифический элемент жизни Иисуса выражен намного сильнее, чем в Евангелиях, которые вошли в Новый Завет. В Рождество совершается миф о непорочном зачатии и рождении. На Пасху мы переживаем миф о смерти и воскресении.

Египетский путь посвящения показывает нам свершение одного из таких мифических событий.

Из всех стран Средиземноморья стекались люди в Египет, чтобы увидеть мистерию Исиды. Даже Платон был там. Каждый, кто был на это способен, мог проверить, отважится ли он на великое посвящение в мистирию. Это был путь к жизни или смерти, то есть адепту была известна опасность пути: «Если ты вступишь в эти врата, то дороги назад нет. Если ты не достигнешь цели, ты умрешь». Это было ясно каждому. Было только неизвестно, что принесет проверка.

Ему давали маленькую масляную лампу. Первым проходом была маленькая дорожка, которая становилась все уже и уже, пока тело не становилось зажатым в крошечном отверстии. И адепт осознавал, что он должен пройти через стихию земли, через материю, как через утробу матери, к новому рождению.

Второе испытание приводило его в глубокую яму с ледяной водой. Пути назад не было. Лампой он мог осветить только небольшое пространство вокруг себя. Легкие ступени были едва заметны. Он должен был пройти через воду так, чтобы не погасла лампа. В его распоряжении

имелся только один брод, а на другой стороне только одно место, на которое он может выбраться. Если ему это не удавалось, он тонул. Он должен был пройти через стихию воды.

Далее путь приводил к пылающему огню. Его удерживало знание, что пути назад нет. Что происходит в этот момент в человеке?

Путь заканчивался в великолепном помещении. Стол накрыт, играет музыка. Входит прекрасная рабыня, чтобы его обслужить. Она ему говорит: «После того как ты прошел все тяжелейшие испытания, я твоя награда. Я полностью в твоём распоряжении». Он предался всем утехам, а когда утром проснулся, ложе было пусто. Из тени выступил иерофант и объяснил ему: «Ты не выдержал испытания. Ты спас свою жизнь, но ты на всю свою жизнь клеймен, ибо тебе было под страхом смерти запрещено рассказывать что-либо о таинстве». Того же, кто выдержал испытание и не поддался соблазнам, а показал, что его стремление к Божественному настолько велико, что он не испытывает никаких других потребностей, иерофант поздравляет: «Теперь я отведу тебя в зал таинства и объясню тебе мистерию Исиды. И ты станешь на всю жизнь ее жрецом».

Как много людей могут выдержать подобные испытания? Только если человек придет к мысли, что он лучше умрет, чем проиграет борьбу за Божественное, он преодолеет эти пороги эзотерического пути.¹⁹

ИИСУС ХРИСТОС КАК МИФ

Раньше миф об Иисусе Христе в некоторых местах был похожим. В южном Тессине есть маленькая деревня, в капелле которой еще с VIII века находится купель в форме гроба. Крестник опускался в эту купель с западной стороны, трижды в нее окунался, чтобы символизировать смерть Христа, затем с восточной стороны вынимался как воскресший из могилы. Он был помазан знаком Его царства и облачался в белую рубашку, снять которую мог только в «Белое воскресенье».

Важно осознать метафорическую структуру религии. Если мы будем воспринимать метафоры, символы, параболы и образы как факты, мы столкнемся с большими трудностями. Если кому-то говорят: «Ты пустой орех», то не имеют в виду, что он на самом деле пустой орех. Орех — это только метафора. Метафоры в религии должны объяснять нам трансцендентный смысл.

Если мы, например, читаем: Иисус вознесся на небо, то мы не должны понимать это буквально, что какая-то личность вознеслась на какое-то определенное место во Вселенной. Не существует физического неба. Иисус ушел во внутреннее пространство, в познание, которое не имеет

ничего общего со временем и пространством. Мы должны вознестись вместе с Ним, когда обратимся к своему внутреннему миру, к своему истинному источнику жизни.

Все религии развиваются. В Ветхом Завете Бог был не больше, чем богом племени кочевников. Затем Он стал самым могущественным Богом среди других богов. И как таковой Он одержал верх в еврейском обществе. Во время пленения евреев Вавилоном в VI веке в иудейскую религию пришла идея Спасителя...

Когда изменяется мир, изменяется и религия. Однако это очень трудный процесс. Теологи начинают рассматривать метафорические выкладки как исторические факты и тем самым делают их абсолютными выкладками. Метафорическая сфера — это только маска, посредством которой говорит конечная действительность, persona — посредством которой озвучивается действительность.

Современные религии базируются на проблематике добра и зла. Они запутались в моральных и социальных проблемах. Вместо того чтобы проповедовать мистическое познание действительности, они ищут решение проблемы извне. Религии очень трудно освободить своих приверженцев от детских верований и привести их к взрослению. Это причина, по которой многие сейчас от нее бегут.

ПАСТУХИ ИЛИ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ?

В Священных Писаниях мы постоянно сталкиваемся с мифическими образами. Сегодня это образ пастуха, который пасет своих овец, кормит и поит их, оберегает от всех опасностей, проводит их сквозь темноту и ночь.

Беда нашего мира в том, что у нас больше нет мифов. Едва ли мы знаем хоть одного пастуха. Тяжело то, что этот миф созвучен нашей душе. При этом он способствует возрастанию в нас доверия к Божественному. Если только мы освободим для него место, если только мы сможем положить на Божью волю, тогда мы проживем наше человеческое существование правильно.

Истинная цель любого мифа — показать нам, что, в сущности, с Божественным мы представляем единое целое. Миф указывает нам путь к Божественной мистерии. Таким, например, является миф о непорочном зачатии. Он символизирует то, что мы имеем не только человеческое рождение, но что мы родились и от Бога; что нам следует искать нашу Божественную природу во втором рождении. Недостаточно просто жить. Мы должны жить глубиной нашей сущности. Быть рожденным человеком — это только половина нашего бытия. Важно пройти через роды и

родовой канал физического рождения. Но еще важнее претерпеть второе, духовное рождение, возродиться, как гласит Писание.

У нас нет больше ведущих мифов. Вопрос в том, может ли в наше время возникнуть новый миф. Кэмпбелл считает, что у вещей более короткая жизнь, чем это возможно. Но также он указывает на такую возможность: может возникнуть миф о межпланетном обществе.

Миф о племени, об отечестве, о нации, об языковой группе, о каком-то совершенно определенном религиозном сообществе разрушен или находится на грани разрушения. Слишком много людей потеряло свои корни, и границы нам кажутся все более бессмысленными. Кэмпбелл рассказывает, что, когда он спросил у своего младшего сына, почему тот двенадцать раз смотрел «Звездные войны», мальчик ответил: «По той же причине, по которой ты все время читаешь Ветхий Завет».

Возможно, мы действительно на пути к межпланетному обществу, как это нам преподносит фильм «Звездные войны». Мы должны больше чувствовать себя космополитами, а именно: по религиозным причинам. Научно-фантастические романы и фильмы показывают нам это в общих чертах. Но и наша ответственность за природу идет в этом же направлении. Холистическую картину мира и миропонимание следует постигать в процессе роста.

Что общего это имеет с нашим духовным путем? Что общего это имеет с мифом о пастухе? Если мы осознаем, что есть только одно стадо и только один пастух, мы по-другому будем вести себя в этом мире. Божественное существует в каждом из нас. Когда мы осознаем, кто мы есть на самом деле, мы больше не причиним зла друг другу. Ибо зло, которое мы причиняем другому, обернется против нас самих.

И, во-вторых, мы можем довериться Божественному в нас. Оно знает путь, оно проведет нас сквозь все опасности и заблуждения.

ПРИТЧА О ДВУХ СЫНОВЬЯХ (ЛК. 15, 11–32)

Писание можно читать и толковать совершенно по-разному. Можно спорить об его исторической достоверности, так ли все происходило в действительности, как там написано. Можно попытаться понять символы, которые постоянно в нем используются, например символы воды, пищи, снопов. Его можно понимать с чисто моральной точки зрения: оно говорит, что следует изменить жизнь. Но также его можно понимать мистически: что отвлеченно говорит Писание? что находится по ту сторону слов? что есть конечная действительность, на которую ссылаются все слова?

Слова Писания не что иное, как перст, указующий на луну, но не сама луна. Оно что-то вроде географической карты, но не сам ландшафт, по которому можно бродить. Географическая карта показывает сверх того, что на ней есть. Тот, кто следует по пути созерцательности, должен остерегаться того, чтобы не принять палец за луну, а географическую карту за ландшафт.

Мистическое значение Писания скрыто в словах, но не является тайной. Мы должны сами познать содержание. Таким образом, мистические выкладки являются сердцем Священного Писания. Писания являются мистическими, потому что они произошли из мистического познания. Мы также можем иметь это познание, поскольку и в нас скрыты к тому способности. Все мистическое в нас — это Божественная Жизнь.

В этом же смысле трактуется притча об отце и двух сыновьях.

Перед нами представлены три характера. Отец — это наша истинная личность, Божественное в нас — природная сущность. Младший сын символизирует сознание нашего «Я». Проще всего идентифицировать себя с ним. Он ведет себя так же, как обычно ведем себя мы, пока не узнаем, кто мы есть на самом деле. Мы думаем и действуем дуалистически, эгоцентрично, нарциссически. Старший сын также является сознанием нашего «Я». Он уже познал свою истинную сущность или, по крайней мере, имеет все предпосылки к тому. Но познание еще не является совершенным. Также и он еще находится в плену дуалистического мышления.

Данная притча — это история нашей собственной трансформации. Она показывает путь, по которому нам следует идти, и одновременно является зеркалом, в котором мы можем увидеть наш процесс преобразования.

Три фигуры показывают нам различные уровни нашего преобразовательного процесса.

- Отец является индифферентным, свободным, полным сострадания и доброжелательности. Индифферентный здесь значит нейтральный. Нет никаких ссылок на то, что отец хочет удержать своего сына от авантюры. Он не читает ему морали. Также он не упрекает старшего сына за его зависть. Притча просто говорит, что он разделил имение.

Он свободен: отец не выказывает никакой зависимости от своих сыновей или привязанности к ним. Он не использует их для себя. Младший сын хотел получить свою часть наследства, и он ее получил и смог уйти. Отец не спрашивает, для чего тот хочет ее использовать, и не дает никаких полезных наставлений. Разорившийся младший сын возвращается обратно. Отец ни в чем его не упрекает и не спрашивает, где тот был, а с радостью принимает его. Старший сын обижается: отец не осуждает его и не обвиняет в зависти.

Он наполнен состраданием. Индифферентность и свобода отца не означают, что он не испытывает сострадания. Больше всего им движет сострадание. Он не обращает внимания на себя. Его бытие принадлежит сыновьям. Он не раздумывает долго о том, что ему делать. Он действует от полноты познанной жизни.

У него ясный взгляд: он обладает *puritas cordis*, чистым взором, о котором нам рассказывают благовествования. Этот чистый взор ничем не затуманен, не имеет предубеждений; он видит действительность такой, какая она есть на самом деле. В притче это означает, что он увидел возвращающегося сына еще тогда, когда тот был далеко.

• У младшего сына ярко выраженное сознание своего «Я». Это сознание нашего «Я», которое течет, как волна в океане. Волна может радоваться, будучи отделенной от океана. Она, вероятно, даже думает, что может жить вне океана. Она даже, смотря по обстоятельствам, считает океан огромным препятствием для свободы и для ее собственной жизни. Младший сын хотел быть «Я», он хотел быть независимым. Он хотел иметь что-то исключительно для себя. Сознание его «Я» — это то, что он надеется познать отдельно от всего остального. «Я» хочет иметь что-то свое собственное. Оно противится целостности, но от этого возникает неуверенность. «Я» полагает, что ему чего-то не хватает, поэтому оно все снова и снова отправляется на поиски, ибо всего, чего оно достигло, в конце оказывается недостаточным.

Такой путь поневоле ведет к беде. Страдание — это естественное следствие отделения, желания владеть только для одного себя. Такое страдание имеет большое значение. Только гнет страдания может вывести нас на правильный путь. Страдание — это отличительный признак эго. Можно скрыть эгоизм, но не последствие эгоизма — страдание. Существует народная мудрость, которая гласит: «Ты можешь даже скрыть огонь, но что ты будешь делать с дымом?».

• Также и старший сын представляет «Я». Но его «Я» намного subtilнее, оно скрыто в тени. Он живет рядом с отцом, рядом с природной сущностью. Он остался дома и делает все, что скажет отец. Его «Я» нуждается в поощрении отца. Оно является для него источником безопасности, оберегает его от затухания и придает ему значимость. Старший сын еще не осознал, что носит отца в себе и что то, что он видит снаружи, он должен искать в себе. Сознание его «Я» и сама истинная личность еще разделены.

Старший сын считает себя лучше младшего. Он не наделал глупостей, которые совершил младший брат. Он не считает, что нужно искать свое счастье во внешнем мире, но он также искал счастье снаружи, а именно: у своего отца. Он недоволен отцом. Он недоволен всей ситуацией.

Его поведение при возвращении младшего брата показывает, что он чувствует себя в опасности. Он полагал, что его благонравие гарантирует ему благосклонность отца, утверждение его «Я».

Пока человек получает внимание, он чувствует себя хорошо. Благонравие из страха потерять любовь не является добродетелью. Это такая же ситуация, с которой Иисус все время сталкивался в общении с фарисеями. Они считают себя теми, кто остался дома, кто ближе всех находится к Богу; теми, которые делают все, что им предписано, и поэтому уверены в Его благосклонности. В таком случае религия может быть огромным препятствием для последнего шага к полному освобождению от эго. Эго может быть еще таким уравновешенным под крылом Отца, что оно остается эго. Именно потому, что оно такое уравновешенное, часто не удается сделать последний шаг к освобождению. И Иисус говорит фарисеям: «Вы плывете через море, чтобы найти своих приверженцев, но вы мешаете другим войти в Царство Божье».

Таким образом, эта притча является историей нашей собственной трансформации. Мы приходим от Бога, который «является всем и во всем» (Павел). Путешествие начинается с поиска нашей идентичности. Кто мы такие? Младший брат ищет решения в погоне за счастьем извне. Старший брат ищет счастья в признании. В пути оба познают нужду своей мнимой независимости и осознают крах своего «Я». Наконец начинается поиск Божьего Царства.

Всех благ тому человеку, который вовремя покончил со своими поисками и осознал, что должен повернуть обратно. Всех благ тому человеку, гнет страдания которого настолько сильный, что он ничего больше не может сделать, как только повернуть назад. Наш путь — как путь бумеранга, который возвращается к исходному пункту. Но просто возвращения недостаточно: мы должны быть без остатка поглощены нашей истинной личностью, Богом. Следует познать наше подобие Богу. Отец — источник жизни для обоих сыновей. Они все имеют от него. Они должны осознать, что независимость является иллюзией и ведет к отчуждению.

Возвращение ознаменовывается парадным одеянием, кольцом, новой обувью и праздником. Также и старший сын совершает трансформацию. Он осознает, что ему принадлежит все, что имеет отец, что нет никакого разделения. Что он составляет единое целое со своим отцом. Пока же он жаждет награды, поощрения и признания, он живет отдельно. Праздник в конце притчи — это исполнение трансформации. Теперь они единое целое: отец, старший сын и младший сын.

Притча — это наша собственная история, рукопись нашей жизни. Она должна помочь нам раскрыть себя и через все размышления найти себя в

единении. Тогда начнется наша истинная жизнь, тогда мы сможем или уйти, или остаться здесь. Тогда есть не только снаружи, но и внутри. Тогда мы познаем всё, как выражение нашей сущности, как форму Бога. Тогда не будет больше доброго и злого, высшего и низшего, богатого и бедного. Тогда у нас будет закон, который мы, люди, называем Любовью. «Люби и делай тогда то, что ты хочешь!» Любовь должна стать нормой нашего поведения.

ХЛЕБ (ИН. 6, 25)

Почему мы все время исполняем этот ритуальный обряд? Наряду с крещением, он является древнейшим упоминающимся ритуалом христиан. По разламыванию хлеба узнавали их. Почему мы во многих направлениях христианской веры не устаем каждый раз его исполнять?

Ритуалы объясняют действительность. Их следует постоянно повторять, используя те же слова, жесты и знаки, чтобы нам могла открыться стоящая за ними действительность. В процессе проведения ритуала мы будим спящий потенциал. Мы будим силы уже тем, что повторяем слова, шаги, жесты и звуки. Все время один и тот же знак, одно и то же слово, один и тот же звук, одно и то же движение. Посредством этого освобождается глубинная сила.

Ритуалы являются священными, целительными, благостными жестами, звуками, образами, которые дают определенное направление нашему беспорядочному внутреннему миру. Они преобразуют нас для нового порядка. При этом речь не идет о рациональном восприятии. В большей степени мы открываемся для той силы, которая находится в нашей середине. Она есть не только в нас, она является основой бытия всего, что существует.

Вернемся к этому празднику.

Непосредственно после урожая зерна люди пришли к Иисусу. Они хотели хлеба. Он им ответил: «Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились». Но Иисус не хотел давать им пищи, которой можно насытиться. Когда Иисус говорит о хлебе, Он не имеет в виду пищу для тела. Хлеб — это символ более глубокой действительности, которую в другом месте Он называет «вечной жизнью». «Кто ест этот хлеб, никогда не умрет». Кто познает в себе эту вечную жизнь, не будет бояться смерти. Жизнь не умирает. «Этот хлеб не тот хлеб, что ели ваши отцы и все равно умерли».

Мы с легкостью относим слова «Кто ест этот хлеб...» к определенной протифоре, как будто речь шла только об этом кусочке хлеба. Этот хлеб является знаком для действительности жизни, которая скрыта от нашего физического глаза. Она должна для нас проявиться в хлебе. И как она

засияет для нас в хлебе, так же она засияет для нас во всем, что существует. Нет ничего, в чем бы ни проявлялось Божественное. Осознаем мы это или нет, не имеет значения. Хлеб выделен для того, чтобы мы познали, что Бог сияет во всем. Все это только сияние вечности. Кто это познает, пойдет по жизни с большим благоговением и ко всей жизни будет относиться с глубоким почтением.

Если мы сможем освободить в себе эту жизнь, мы преобразуем себя и мир. Тогда мы не будем препятствовать Богу проявляться в нас и через нас. Тогда мы познаем Его в себе и во всех вещах.

«Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную» (Ин. 6, 27). То есть познайте собственную глубинную сущность, познайте Божественную первооснову! По сути, это очень просто. Сначала мы должны познать жизнь в нас самих, в упражнении с дыханием, в каждом шаге, в каждом движении руки, в простых вещах...

Мы постоянно прославляем алтарное таинство, чтобы понять: как Бог присутствует в этом хлебе, так же Он присутствует в каждом из нас, в каждом движении, в каждом дыхании. Он присутствует во всем. Он не сочиняет симфонию, которой потом откуда-то дирижирует. Он является симфонией, которая звучит. И мы должны звучать ей в унисон, избегая, по возможности, фальшивых звуков.

Чтобы понять это, мы отмечаем этот праздник.

ЖИВАЯ ВОДА (ИН. 7, 37)

Здесь речь идет о потоках живой воды. Вода, которая истекает из нашего внутреннего мира. Вода — это символ Божественного бытия.

Стоя у колодца Иакова, Иисус тоже говорил о живой воде: «Кто выпьет воду из этого колодца, снова будет испытывать жажду», — сказал Он женщине. «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4, 14).

Мы, люди, испытываем экзистенциальную жажду. Мы пытаемся утолить эту жажду во многих источниках и находимся в погоне за многими вещами. Здесь высказывание Иисуса совпадает с высказыванием Будды и высказываниями, приведенными в других Священных Книгах. Пока человек жаждет только пищи, удовольствий и поверхностных вещей, страдание неизбежно. Хотя человек и предается своим страстям, ему периодически поступают сигналы, что он может износить свою жизнь в погоне за все новыми источниками; пока он не заметит, что хочет утолить вовсе не жажду тела, а что он испытывает более глубокую страсть к живой воде, страсть к вечной жизни.

Достоевский считает, что тайна круговорота заключается в том, что человек, выпивший земной воды, вновь ощущает жажду и спрашивает: «И что теперь?». В одной из своих книг он так пишет о хлебе: «“Камни превращаются в хлеб, — говорят они, — это действительно, величайшее дело?” — “Не величайшее, — ответил собеседник, — великое, но двухтранговое; если человек наелся, он больше не думает о пище. Наоборот, он говорит: “Ну вот, я сыт, и что мне делать дальше?” Вопрос остается всегда открытым».²⁰

Вся наша жажда счастья — это скрытое сомнение. Покой и безопасность мы найдем только в нашем Божественном ядре. Истинную жажду нельзя утолить земной водой.

Велика опасность, что и религия дает человеку только земную воду, ибо даже в религии можно остаться зависимым от формальностей и забыть, что только духовные пути ведут к истине. Ни один истинный гуру или мастер дзэна не возьмет себе ученика, который ищет у него только фитнеса или снятия напряжения.

Живая вода — это Божественная жизнь, которую мы все несем в себе. Это Божественный принцип, который является нашей настоящей природой. Он находится недалеко от нас. Если мы найдем эту живую воду, все приобретет совсем другой смысл: радости и открытия этого мира.

Все взаимосвязано, Бог и вещи. И если Бог откроется нам в вещах, мы будем счастливы.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ (МК. 3, 31)

Мы, люди, из породы стадных животных. Свыше тысячи лет мы живем группами, кланами, партиями, союзами, отечествами, нациями, кастами. Среди нас не так много индивидуалистов, как мы думаем. Даже так называемые drop outs еще сильно привязаны к обществу.

Кто идет по эзотерическому пути, вступает в число последователей. Стать последователем Иисуса (или последователем Бога, что одно и то же) — значит расстаться с коллективом, с любой групповой идентификацией и, смотря по обстоятельствам, также и с организованной религией.

Это не является требованием выхода из церковного института. Речь идет совсем о другом. А именно: об освобождении от привязанности, которая сидит глубоко в нашем подсознании и мешает нам стать индивидуумами и жить бескомпромиссно, по законам нашего христианства. Последователем Христа (последователь Бога) может быть только индивидуум.

Единственная возможность освободиться от групповой лояльности, которая относится к самым крепким земным привязанностям, — это проявление

воли, чтобы посвятить себя более высокой лояльности последователей Бога. «И враги человеку — домашние его», — говорит Иисус (Мф. 10, 36). «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Это не имеет ничего общего с внешним разделением. Речь идет о становлении своей личности и радикальном восприятии одного только Бога.

Чтобы стать индивидуумом, нужно отделиться от любой групповой идентификации, а также и от религиозной. Иисус призывает к «внутренней ненависти», а не к внешней. Речь не идет о разрыве с нашей семьей, с нашими религиозными или политическими начальниками. Наоборот, тот, кто становится внутренне свободным, сможет наладить творческие и позитивные отношения со своими ближними. Это то, что требует Иисус: «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10, 35).

Если мы в своих снах боремся с другими, если молодой человек выступает против всех авторитетов, если мы во сне с кем-то спорим, кого, собственно, любим, — выявляется это столкновение с неосознанной идентификацией.

Однажды мы окажемся без поддержки и должны будем сами заботиться о своем спасении и последовать своему внутреннему голосу. Человеку следует освободиться как от затягивающей лояльности к матери, так и от принадлежности к группе. Пока не возрастет индивидуальность, не придет освобождение. Неосознанные привязанности должны быть разрушены, чтобы могла проявиться богоугодная исключительность индивидуума.

Это относится к тем связям, которые коренятся глубоко в подсознании, а также к связям с религиозными институтами, теологическими системами и т. д. Я еще раз хочу подчеркнуть, что подобное освобождение не имеет ничего общего с выходом из церковного института. Скорее оно должно вести к свободе последователей Христа в церкви. Быть последователем Христа — значит разрушить все другие лояльности ради лояльности к Христу или Богу.

Желающий стать последователем пришел к Иисусу и сказал: «Позволь мне сначала похоронить своего отца», то есть оказать семейное почтение. В этом предложении не имеется в виду, что он не должен хоронить своего отца; в нем говорится о том, что он еще не может освободиться от находящейся глубоко в подсознании привязанности к своей семье. Он еще сильно от нее зависит.

Много людей в нашей церкви еще не могут освободиться от этой неосознанной привязанности к матери. Они еще не последователи Христа,

даже если некоторые из них занимают высокие должности. Они еще находятся в плену материнской привязанности и, таким образом, носят маску другого. «Один человек подошел к Иисусу и сказал Ему: Учитель, я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. — И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мф. 8, 19–20).

И не подумайте, что это связано с внешней бедностью. Это связано с внутренним риском жить с моей богоугодной идентичностью в сообществе.

Стать последователем Бога — это значит прийти к равновесию. Речь идет о равновесии между индивидуумом и сообществом. Найти такое равновесие очень трудно. Прежде всего должна возрасти та внутренняя свобода, которая ведет нас к полному человеческому созреванию. И это освобождение должно сопровождаться любовью. Это единственный этический момент, который имеет значение. Только это любовь, которая готова «ненавидеть» отца и мать, братьев и сестер, то есть отделиться от всех неосознанных условностей.

В нас должно развиваться сверхъестественное. Оно не может помешать развитию нашей личности, хотя зачастую на протяжении всей истории и являлось бременем. То, что религия деградировала до морали, связано с роковым стечением обстоятельств.

Мне абсолютно ясно, что теоретически очень легко говорить на эту тему, но в отдельных случаях это может быть весьма затруднительно; если я, например, должен воспитывать и искать баланс между формированием совести и свободой; или, когда я должен принять жизненно важное решение, оставаться ли мне в сообществе, в партнерстве или стремиться к освобождению. Несколько лет назад я отважился сказать: «Бог может привести человека в монастырь, но Он же может и вывести его оттуда». На меня за это обиделись. Бесспорной является также добродетель верности, которая взвешивает, должен ли я остаться при первоначальном решении или нет. Но я здесь, прежде всего, говорю о внутренней свободе в религии. Связь религии и морали была, конечно, самым роковым событием в истории религии. Религия не является в первую очередь этикой. Религия возвещает нам о той трансличностной стороне бытия, которую мы должны раскрыть. Это послание пасхального времени. Не покаяние и прощение, а осознание того, что мы воскреснем. От этого осознания происходит поворот к лучшему и правильное поведение.

Мораль — это последствие познания трансцендентности. Если я найду свою истинную сущность, то и поведение мое станет правильным. В жизни, конечно, они «идут рука об руку». Я не могу сказать: сначала

это, а потом это. Поэтому этика и в нашей жизни занимает законное место в воспитании.

Учение о карме в восточных религиях часто имеет для этики более сильную мотивацию, как страх перед наказанием. Это учение гласит, что я могу нанести вред себе и своему процессу созревания, если не буду вести себя соответствующим образом. Так как я хочу добиться религиозного познания, то я делаю это и не делаю то. Ад и карающий Господь — это плохие средства воспитания.

Это нелегкий путь, по которому мы идем. На нем часто не бывает поддержки и не всегда кто-то находится рядом с нами и говорит: ты на правильном пути. Он остается рискованным предприятием. Враги человека — домашние его. В Царство Божье мы можем вступить только одни.

Многие пребывают в неуверенности, поскольку и сегодня официальными кругами осуждаются пути созерцательности дзэна и йоги. Прислушайтесь к своему внутреннему голосу! Оставайтесь в своем решении независимыми от мнения других, которые едва ли много понимают в подобном духовном пути!

ПОДОБИЕ — НЕ ПОДРАЖАНИЕ

В области эзотерических путей речь идет о процессе превращения, а не о процессе подражания. То, что касается конкретно христианства, это означает: в человеке должно состояться то, что состоялось в Иисусе Христе. Иисус Христос, который является абсолютным Богом и абсолютным человеком, является образцом для каждого из нас. На каждого человека возложена та же задача, что и на Него. Каждый призван беспрепятственно проявить в себе Божественное. Мы должны стать подобными Иисусу в исполнении нашей собственной жизни.

Мы часто делаем из Иисуса Христа предмет культа. Он же считал нас преемниками. Иисус Христос не является главным образом объектом почитания, в большей степени Он есть субъект внутреннего процесса, процесса наполнения Божественной полнотой (Еф. 3, 19).

В Писании это выражено образно.

Через путь, врата и свет открывает нам Христос внутренний доступ к Божественной сути, с которой мы должны стать единым целым, как и Он стал с ней единым целым. Как хлеб, как вода, как сок винограда, Он должен войти в нас, чтобы мы могли ощутить в себе открытую Им Божественную жизнь. Иоанновские символы Христа — Я — хлеб жизни, живая вода, настоящий виноград — используются не для наглядности, а для усиления духовности. Они раскрывают Божественную середину нашей жизни и более четко показывают, что Иисус Христос воплощает наше

истинное освобожденное Бытие. То, что мы в Нем познаем, является тем, чем мы должны стать. Мы не встречаем Его снаружи, Он пробуждается в нас изнутри: Христос является символом пробуждающегося в нас Божественного образа.

При этом большое значение имеет не столько *imitatio* (подражание), сколько *conformatio* (подобие). Речь идет о раскрытии Божественного в нас так, как оно раскрылось в Иисусе Христе. Процесс освобождения в нас имеет целью процесс превращения в Христа, что, в конечном счете, является процессом превращения в человека, и даже «процессом превращения в Бога».

Божественное дремлет в каждом человеке, как зерно. Так же, как в человеке развился Иисус Христос, должно и оно пробудиться в каждом человеке и развиться. Иисус Христос был совершенно прозрачным. Бог просвечивал Его насквозь и сиял в Нем. Подобное должно произойти и с нами, Бог хочет развиться в нас, проявиться, отразиться, исполниться так, как сказал Павел: «Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19–20). Иисус пришел, чтобы исцелить нас от ложного убеждения, будто мы живем отдельно от Бога. Его смерть на кресте разрушила это ложное убеждение. Если нам будет даровано умереть вместе с Ним, то мы вместе с Ним и воскреснем (Рим. 6, 4). Наш путь — это путь через страдания и смерть к познанию единения с Богом, то есть к воскресению.

Итак, речь идет о том, чтобы впустить Божественное в нас, освободить для него пространство. Этические усилия направлены на развитие того, что живет в нас, с тем чтобы деяние человека стало «деянием Бога».

АД ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Место соединения с Богом находится здесь и сейчас. Здесь и сейчас находится также и ад. Небо и ад разделены только нашим «Я». Кто сможет от него освободиться, вступит в Царство Божье. Нет никаких магических ритуалов, которые могут привести нас туда, только смерть нашего главенствующего «Я». Силу для этого нам дает одна Любовь. Лишь она помогает нам освободиться от всего, чтобы вступить в новый порядок бытия, в Божественный порядок бытия.

Трансформация проходит через многие сферы. В общем и целом мы находимся в сфере нашего «Я». Постоянная идентификация с областью «Я» должна стать прозрачной. Мы должны осознать, что это «Я» является только инструментом нашей истинной глубинной сущности. Следующей сферы мы достигаем только через то, что Иисус называет

метанойей, поворотом, возрождением. Это вступление в ряды последователей, которые живут в новой сфере, в Божьем Царстве.

У многих людей оно проходит через фазу замешательства²¹. Для иных это полная катастрофа. Приемные кабинеты психотерапевтов переполнены такими людьми. Это депрессивная фаза, которая может провести через неуверенность и замешательство к новому ориентированию, если только найдется настоящий провожатый. Она имеет большое значение для духовного пути. Ее можно сравнить с лабиринтом, который ведет по многочисленным запутанным каналам к центру сущности. Здесь происходит процесс очищения, о котором говорят мистики. Если мы сможем пройти этот процесс, он приведет к прорыву, а это значит — к новой сфере познания. Ошибочное представление о своей личности и ошибочные жизненные надежды исправляются в процессе преодоления «Я». Исчезают основные предпосылки для страха, ненависти, стяжательства и жадности. Восстанавливается внутреннее равновесие, мир и гармония.

Я верю в возможности и потенциал человека, которые помогут ему выйти из этого мучительного кризиса, в котором он сегодня пребывает. Если ему удастся освободить целительные силы (для меня это только другое название Божественных сил), он получит шанс для дальнейшего существования. Я могу с помощью новой сферы сознания представить мир более гармоничный и согласованный, чем нынешний. В этой сфере возможно развитие глобальной духовности, которая не подчиняется никаким институтам, а способствует раскрытию основных человеческих способностей. Эта духовность ориентирована не на количество, а на качество жизни.

Она помогает взглянуть на мир другими глазами, постичь его в других масштабах, а не в масштабе нашего маленького «Я». Именно это Иисус подразумевал под метанойей, если я Его правильно понял.

О МОЛИТВЕ

Все религии направлены на конечную действительность. В Западной Европе уже не одну тысячу лет ее называют Богом, другие называют ее дао, нирвана, Брахман. Молитва является средством общения с этой конечной действительностью. Это попытка соединения с той конечной действительностью, которая протекает через нас.

Молитва обусловлена определенной полярностью. Это полярность между человеком и Богом, между конечным и бесконечным, между индивидуальным и универсальным, несовершенным и совершенным. Молитва возникает из состояния внутреннего напряжения. Молитва старается собрать воедино то, что распадается. Она пытается соединить наше

повседневное сознание с нашей истинной сущностью, с Божественным в нас. Молитва создает единство между двумя аспектами действительности, которые в нас, людях, разделены.

Человеку принадлежит личное и трансличностное начала, или, говоря религиозным языком, человеческое и Божественное начала. Это система координат: естественное — сверхъестественное. Только если мы находимся в центре этой системы координат, мы можем быть цельным человеком. Тот, кто игнорирует или даже отрицает это Божественное в своем существовании, останавливается в своем процессе развития. Он остается человеком наполовину.

Человек должен молиться, чтобы раскрыть себя Божественному в себе, чтобы оно как бы молилось вместе с ним. Так же считает и Павел: «А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!”» (Гал. 4, 6).

Истинная молитва ни о чем не просит. Истинная молитва — это чистое отречение. Молитва-просьба в мистике является низшей формой сближения с Богом. По сути, мистика не признает молитвы-просьбы. Приведем слова Ангелуса Силезиуса:

*Человек, пока ты имеешь обыкновение благодарить Бога за то и за это,
Ты не преодолеешь барьера своей слабости.*

*Бог любит и хвалит сам себя столько, сколько захочет,
Он встает на колени и кланяется себе, Он молится сам на себя.*

*Кто просит Бога о дарах, дела того плохи.
Он молится созданию, а не создателю.*

*Самой благородной молитва является тогда,
когда молящийся изнутри преображается в того,
перед кем преклоняет колени.*

Экхарт говорит о людях, которые мешают себе в молитве тем, что уделяют слишком много внимания внешней молитве. «Есть “хорошие” люди, которые мешают сами себе тем, что застревают на раскаянии и покаянии, и уделяют много внимания знакам, и не стараются прийти к истинной правде».²²

«Устную молитву священный христианский мир ввел для того, чтобы душа сосредоточилась на внешних чувствах, в которых она рассеивается, на множественности преходящих вещей. Когда она после этого объединится с высшими силами (в разуме, воле и памяти), она одухотворится. И когда дух скрепится с Богом в полном единении воли, он будет обожествлен. И тогда он будет находиться в истинном обоготворении,

когда достигнет цели, для которой был создан. Мы сотворены исключительно для Бога и созданы по Его подобию. Кто не стремится к единению духа с Богом, тот не является настоящим духовным человеком».²³

«При этом ты, вероятно, поймешь, что также исчезает вся множественность; что также человечество нашего Господа — это что-то особо присутствующее; как Христос сказал своим ученикам: “Будет лучше, если Я пойду, ибо, если Я не пойду, не придет к вам утешитель, Дух Святой, Дух истины, которого пошлет Отец во имя Мое”. Здесь “хорошие” духовные люди мешают сами себе достичь истинного совершенства, придерживаясь по желанию своего духа, образа человечества нашего Господа Иисуса Христа: с чем они забываются только в видениях, это с тем, что и в образе видят вещи в своем духе, будь это люди, ангелы или наш Господь Иисус Христос, Сын человеческий... Он подразумевал не просто ученика в узком смысле слова, а всех, кто должен стать Его приверженцем и захочет следовать за Ним к высшему совершенству; для таких людей Его человечность является преградой, поскольку она связана с этим желанием».²⁴

Тот, кто считает, что молитва имеет что-то общее с разумом и сформулированными словами, тот новичок в молитве. Суфий думает об этом совершенно иначе.

— Спроси их, — обратился ко мне как-то аббат, — как они готовятся, чтобы предстать перед Богом; постятся?

— Нет же, — ответил, смеясь, молодой дервиш. — Мы едим, и пьем, и восхваляем Бога, который даровал человеку пищу и питье.

— Ну а каким же тогда образом? — удивился аббат.

— Посредством танца, — ответил самый старый дервиш с длинной белой бородой.

— Танца? — спросил аббат. — Почему?

— Потому что танцы заглушают «Я», — ответил старый дервиш. — Когда умирает «Я», исчезает препятствие для объединения с Богом.

БЕНЕДИКТ

«Божий человек Бенедикт уже встал для ночной молитвы, в то время как братья еще спокойно спали. Он стоял у окна и молился... Когда он в полночь выглянул наружу, то увидел вдруг свет, который изливался сверху и на одно мгновение прорезал темноту ночи. У него было такое яркое сияние, он так сверкал в темноте, что был даже светлее дневного света. С ним было связано чудесное ощущение. Как Бенедикт сам рассказывал позднее, перед его глазами весь мир явился как будто собранный в одном солнечном луче».²⁵

Бенедикт был мистиком. Описанный выше случай показывает это достаточно отчетливо. Существует метадействительность, которую мы не можем видеть своим физическим зрением. Она познается изнутри в виде света, причем свет является только символом того, что познается.

Самым важным предложением в описании видения святого Бенедикта является то, что «...перед его глазами весь мир явился как будто собранный в одном солнечном луче». Эта метадействительность, которую мы, христиане, называем Богом, является, говоря современными словами, холистической действительностью. Бенедикт познал Бога в Его космическом единстве.

В людях заложены возможности, которые превосходят всё, что мы можем знать осознанно. По сути, во время своих созерцательных молитвенных упражнений мы делаем не что иное, как раскрываем себя для этой холистической действительности. Мы стараемся попасть в утонченное пространство сознания, которое обычно перекрыто грубым материальным пространством. Оно является тюрьмой. Пройдет много времени, пока человек это вообще заметит, и еще больше времени, пока он действительно захочет из нее выбраться. Тогда он начинает искать путь, по которому мы здесь идем.

То, что с нами происходит, не обязательно происходит на нашей душе. Бенедикт стоял на рассвете на башне и созерцал ландшафт. Глубокое мистическое познание не зависит ни от места, ни от времени, ни от нашего вероисповедания; оно зависит только от силы нашего самоотречения и решимости не упустить эту метадействительность, как это сформулировал Бенедикт. Всё, что существует, может быть вратами к познанию этой действительности. Лишь когда мы осознаем, что религия является повседневностью, что Божественное исполняется в том, что нам следует именно здесь и сейчас взорвать, тогда мы будем воспринимать жизнь как святое паломничество и жить соответствующим образом.

Бенедикт описал свой путь тремя важными предложениями:

Vacare Deo. Быть свободным для Бога. В практике созерцательности путь к себе, а тем самым к метадействительности, требует времени. Иметь время для Бога.

Habitare secum. Жить у себя. Оставаться у себя. Именно оставаться у себя, не отрываться, для нас особенно трудно.

Ora et labora. Нет никакого разделения между религией и повседневностью. Лишь когда мы это поймем, мы будем на самом деле религиозными. Бенедикт объясняет это следующими словами: «Все вещи трактуются как священная алтарная утварь». Это означает освящение нашей жизни.

Многие, кто приходит в этот Дом, пострадали от церкви. У них церковные неврозы. Ничто не действует сильнее им на нервы, как эта религиозная терминология. При этом Бенедикт говорит то же самое, что и Бодхидхарма перед императором Ву: «Ничто не является священным» (ср. Хекиганроку 1). Все есть то, что оно есть. Таким образом, в таком виде, в каком оно есть, оно является «священной алтарной утварью», и не потому, что мы используем это для религиозных целей. Всё является формой выражения Божественного. Религия — это повседневность, и повседневность — это религия — так исполняется Божественное впрямь один раз. Лишь когда мы это поймем, мы станем религиозными людьми.

ВИДЕНИЯ (ЛК. 2, 36 И ДАЛЕЕ)

В современном Евангелии нам встречается пророчица Анна. Она вышла замуж и очень рано овдовела. По-видимому, это привело ее на внутренний путь. Она не покидала больше храма, написано в нем. Именно нужда приводит нас всегда к этому пути. И когда эта нужда достигает своего апогея, часто наступает глубокое познание, которое может иметь значение для всей нашей жизни, а возможно, и для жизни других людей. Мы внезапно познаем нашу собственную сущность. Мы познаем наш истинный образ. Видение, которое посетило Анну, является осознанием, основанным на убеждении: несмотря ни на что, жизнь имеет глубокий смысл.

Немало людей обретают подобные познания на протяжении одного курса. Я бы не хотел называть их именно видением, хотя они и очень похожи на него. Также и здесь имеются совершенно разные глубины. Почти все переживают однажды ситуацию, когда вещь, над которой они долго ломали голову, вдруг приобретает для них абсолютную ясность. Часто эта ясность является в образе. Осознание сливается с символической структурой или фигурой. «Она говорила о ребенке всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме». В этом ребенке она увидела спасение для себя и для своего народа. Зачастую подобные познания являются возвращением распавшихся частей нашего сознания. Это не определяет такое познание, а показывает нам, что Божественное от нас недалеко, что оно раскрывается в таких образах и знаках, происходящих из нашей глубинной сущности. Мы можем сказать себе «да» и жить дальше.

Итак, видения и познания, которые внезапно у нас случаются, могут быть сильной мотивацией для нашей жизни. Но мы не должны на них задерживаться, а должны осознать их послание.

Для Анны видение было глубоким религиозным переживанием. И своим познанием она вселила мужество в других.

МУДРОСТЬ

Мудрость для нас абстрактное понятие. Мы не связываем ее больше с определенным образом. Однако *chochma* (мудрость) изначально была женским божеством, мифической фигурой, которая позднее в иудаизме стала обозначаться как абстрактная мужская, Божественная сила.

Мудрость, прежде всего, это мудрость жизни, мудрость ожидания, восприятия и созревания. Она близко стоит к возрастанию и цельности. Она живет в глубине сознания. В книгах о мудрости Мудрость обращается к сыну, не к дочери. Там как бы наша женская половина говорит с мужской половиной. Здесь речь идет не о мужчине и женщине, а о мужской и женской основной установке в каждом из нас.

Мудрость говорит: «С первобытных времен, с самого начала, была я сотворена и не исчезну во веки веков» (Сир. 24, 9). Мудрость — это пронизывающий весь космос женский принцип, простирающийся над смертью.

*Кто меня найдет, найдет жизнь
И приобретет спасение от Господа.
Но кто меня не постигнет, навредит сам себе:
Все, кто меня ненавидит, любят смерть.*

Учение о мудрости — это «анима — воспитание». Женское начало обращается к мужскому. Женское начало более всеобъемлющее. Оно является созидающим, оно было уже при сотворении мира; и в нас оно является первоисточником жизни.

На Западе мы развивались в одном направлении, в котором в счет шло дело, работа, а не бытие. На первом месте стоят власть, руководство, регулирование и создание. Нас обучают логике и интеллектуальным знаниям, которые имеют большое значение в нашем обществе.

Мудрость — это не интеллектуальное знание. Она является пониманием природы вещей. В то время как мужской принцип легко выступает самовластно против порядка космоса, противится ему, женский принцип идентичен с основным миропорядком, а тем самым, с Божьей волей. Да, это основной порядок мира, сама Божья воля.

Патриархальный элемент создал законы, которые требуют безусловного, часто бессмысленного повиновения. Они могут быть доведены до такого абсолюта, что будут противоречить природе. Часто они тиранят людей. Возьмем только закон очищения для женщины, у которой начался лунный цикл.

Мудрость ориентирована не на мужскую, авторитарную Божью волю, а на космический порядок, который человек познает, когда обратится к

своему внутреннему миру. Речь идет об истинной жизни человека. Это не мышление в контрастах, а познание единства и цельности. Образами мудрости являются древо жизни, которое растет и развивается изнутри, и источник жизни, из которого всё истекает.

Отсюда и мудрость, которая определяет совершенного человека. Стать мудрым — вот наша цель. В конце эзотерического пути оказывается мудрец.

Образ мудрости однозначно является матриархально выраженной традиционной линией, которая в Библии противостоит патриархальной яхвистической традиции.

Образ мудрости, наверняка, происходит из матриархальной религии. Таким образом, она является необходимым дополнением к нашему патриархальному образу Бога и человека.

Но также она представляет ту нашу сторону, которую стоит допускать и развивать.²⁶

АПОКРИФИЧЕСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ МАРИИ — ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО В ЧЕЛОВЕКЕ

Любая религия дарует человеку упоительное предсказание цели. Но, очевидно, не все люди обладают даром видеть эту цель. Ибо орган, который видит новую цель, не может быть прежним сознанием. Он должен уже быть частью нового человека, человека, который прошел инициацию возрождения, метаною. Кто существует по истине, может услышать голос истины. «Только в своем Свете мы увидим Свет». Даже если это новое сознание (я мог бы его также назвать сознанием Христа) все еще является рудиментарным, оно является предпосылкой того, что в нас пробуждается резонанс новой жизни.²⁷

Многие люди, получающие представление об этой новой жизни, об этой новой возможности существования, инстинктивно ее отвергают. Они полагают, что она может нарушить их прежнюю жизнь. Они не хотят подвергать себя этому потрясению.

Это нам четко показывает апокрифическое Евангелие Марии. Оно хочет нам сказать, что человек не может осознать и последовать своей цели со своими естественными устремлениями, разумом и волей. Не может быть целью желание отдалиться при помощи интеллекта, воли и естественных стремлений от власти бренности; эти силы сами являются преходящими. Это тяжело для христианина, который придерживается добрых намерений соблюдать заповеди и закон благочестия. Доступ к сознанию Христа возможен, только если это непреходящее само проснется в человеке и придет ему на помощь. Полнота Света, которая есть

в каждом человеке, даже если она скрыта, должна осветить проблемное достоинство темноты с тем, чтобы человек на самом деле встал на путь.

Именно женский элемент, воспринимающий и слышащий, один, как инструмент, способен ощущать и предчувствовать новое сознание. Так говорит нам Евангелие Марии. Мария представляет женское начало. Страсть, разум и волю олицетворяют мужские фигуры: Петр, Андрей и Иаков.

Первым большим препятствием, проявляющимся в символической фигуре Петра, является страсть человека, которая также хочет завладеть новым познанием. Страсть является рафинированной. Она говорит Марии (душе): «Ты обманываешь сама себя. Твои поиски вечного — это только возмещение несбывшихся желаний и разочарований. Ты думаешь, твоя страсть происходит свыше и направлена на что-то непреходящее. На самом деле — это детские переживания, чувство одиночества и разочарования с регрессивной тенденцией. Ты не выдержишь неустойчивости существования и бежишь в ложное укрытие». И некоторые психологи пытаются так же заглушить религиозные тенденции. Все это только регрессия.

Вторым серьезным препятствием, которое проявляется в символической фигуре Андрея, является разум. Он упрекает новое сознание в невежестве. В конечном счете, разум — это инстанция, по которой выравнивают свою жизнь. Это относится также и к религиозной сфере.

«Почему ты думаешь, что знаешь больше? — говорит разум внутреннему сознанию. — У тебя нет мерила твоего внутреннего познания. Из чего ты черпаешь свою уверенность? Действительно ли твое познание является аутентичным? Не гонишься ли ты снова за фантомом?» Прежде всего, нужно мужество для того, чтобы оставить эту слабую тенденцию до тех пор, пока она не станет настолько сильной, что уже не будет осуждаться разумом и сбиваться с правильного пути.

Третьей силой, представленной символической фигурой Иакова, является воля. Она говорит душе, что от нее зависит путь к Богу. С усилием, напряжением и энергией она намеревается дать мотивацию возвращению.

Душа в образе Марии отвечает, что он находится на взлете своего «Я», сам того не замечая, поскольку считает, что может достичь спасения с помощью благонравного поведения, методов и усилий, планов и стремлений и соблюдения заповедей. На самом деле, речь идет только об этом прежнем «Я», которое хочет удержать свое господство и в новом мире.

Силы прежнего сознания стараются вернуть человека под свою власть. Они не могут понять, что покой, высматривание, внутреннее созерцание

и восприимчивость являются возможностями познать нашу истинную сущность, Божественное в нас. И в религии, однако, также, активность и планы, интеллектуальные истины и добрые намерения считаются основными инструментами, ведущими к новому сознанию.

Мария является символической фигурой женского начала в человеке, можно сказать, нового человека Божьего Царства. В Евангелии Мария не противопоставляется Петру, Андрею и Иакову, но указывается на то, что женское начало более восприимчиво к познанию Божественного, чем активное мужское начало. Женское начало открывает нам доступ к нашей глубинной сущности. Оно имеет сродство с Богом, которое не дано разуму и воле.

HAGIOS GAMOS — СВЯТАЯ СВАДЬБА (ВЕНЧАЛЬНАЯ РЕЧЬ)

Это помещение вам очень хорошо знакомо. Вы постоянно сюда приходите в часы или дни раздумий и памяти. Сегодня не только помещение выглядит иначе, но и вы оказались здесь совсем по другой причине. Вы решились на эту церемонию. Почему? Многие ваши знакомые, возможно, качают головами и говорят: «Оставьте им их идею фикс. Это всё еще как раз относится к нашим общественным формам». Ваше пребывание здесь больше, чем религиозно приукрашенное, определяемое обществом или признаваемое действие.

Брак — это инициация для пути к спасению.

Все, что происходит во время свадьбы, является инициацией для выхода из сообщества. Это посвящение в жизненный путь, более того, в путь к спасению. Брак — это не счастливая гавань, а путь к спасению. Тот, кто в браке видит только нарциссическое самоудовлетворение, потерпит неудачу, о чем сегодня знает каждый терапевт, консультирующий супружеские пары.

Два человека находят друг друга не случайно. Они встречаются, потому что должны вместе идти вперед к исполнению своего окончательного предназначения. Я хотел бы начать издали, чтобы объяснить это.

Сущность Бога — это единое целое. В творении целое распадается на неограниченное количество возможностей. Единство проявляется во множестве. Оно делится на бесчисленное количество форм проявления, которые относятся друг к другу и, тем не менее, являются абсолютно индивидуальным выражением единого целого.

Вначале, таким образом, стоит единое целое. Единое — это святое, спасительное, неделимое. Самой сильной болью является боль разделения. Боль искупления — это тоска части по единому целому, стремление к спасению, к преодолению первичного страдания от одиночества.²⁸

Мы сохранили представление о целостности, и это вызывает у нас тоску. Ностальгия бывает только тогда, когда знаешь, что есть родина. Каждая любовь — это вступление на путь и начало пути домой, то есть к Богу, к Единству.

Единое целое должно выйти из себя самого. Без того, чтобы оно не вышло из себя и не стало бы двойным и более, нет творения. Но вместе с творением приходит распад единства, а значит, и беспокойство. Все существа чувствуют, что они не являются больше единым целым. И потому все распавшиеся части стремятся назад к единству. Единство — это также и ваша глубинная сущность.

Мы, люди, ощущаем ущерб распада намного сильнее, чем другие существа. Таким образом, с процессом становления человека начинаются поиски дополняющей части. Ибо каждая половинка нуждается в другой, чтобы пережить единство. Наша глубинная сущность является не мужской, не женской, а единым целым.

Этому стремлению к единству мы дали название. И имя ему Любовь. Любовь разрывает границы одиночества, в котором заключен каждый человек, и освобождает его для целостности. Любовь — это стремление к утраченному единству, к нашему первоначальному состоянию. С нашим превращением в человека началась «первичная трагедия разобщения». Это первоначальная боль человека, боль разделения, которая не прекратится, пока человек снова не найдет себя в единстве. И то, что мы называем грехом, есть не что иное, как отделение. Отделение от нашей глубинной сущности. Оно является своеобразной склонностью к автономии, индивидуальности и отграничению.

Наша истинная идентичность находится намного глубже. Мы найдем ее только тогда, когда освободимся от главенствующего «Я». Брак — это инициация для совместной попытки найти ту основу, в которой можно познать единство.

Любовь — это другое слово для обозначения ностальгии. Расщепление единства принесло с собой разделение. Но также оно принесло нечто абсолютно новое — энергию любви. Любовь — это намного больше, чем стремление к размножению. Она является той центростремительной силой, которая заставляет вернуться к единству. Особенно мощной она является в отношениях между полами. Как между двумя магнитными полюсами возникает сила притяжения, так и между мужчиной и женщиной возникает любовь.

Тем самым в создании появляется новое сильное энергетическое поле, большее, чем сумма его частей. Любовь — это то, что нельзя объяснить, поскольку она выходит за рамки физической и духовной структуры человека. Это та метафизическая страсть, которая представляет первоначальную

чальную силу эволюции. Она ведет к непостижимому отграничению «Я», которое необходимо для возвращения к единству.

Наше «Я», однако, имеет тенденцию выступать против слияния с единым целым. Оно противостоит этому мистическому единению, поскольку не хочет отказываться от самого себя. Оно отличается от этого мистического стремления к единству тем, что хочет удержать его и иметь для себя. К целостности мы можем вернуться только через самоотречение, а не через желание обладать или завоевание. В этом трагизм человека и прежде всего мужчины, который все снова и снова пытается прийти к единству и целостности.

«Я» имеет тенденцию к использованию других, чтобы обогатиться и извлечь из этого выгоду. Оно хочет что-то иметь и усиливаться, но не ищет высшего единства в объединении с другим. Оно хочет оставаться осью своего маленького мира. Оно делает других средством для достижения личных целей и средством наслаждения.

Оно низводит партнершу или партнера до товара, который можно потреблять и использовать как угодно. Оно высасывает из него все силы и потом выбрасывает. Подобная любовь — это только увеличение эгоизма. Никто не высказался по этому поводу жестче, чем Кант. Он пишет, что брак — это «договор о двухстороннем использовании половых свойств». Опасность для любого брака представляет то, что он приведет не к желанию единства, а к желанию обладания.

Ваш совместный путь — это процесс развития. А подобный процесс очень мучительный. Любовь и страдание сопутствуют друг другу. И кажется, что любовь нуждается в страдании, чтобы стать зрелой. Сохраняйте самообладание в часы, когда вас посещают сомнения и когда вы хотите убежать друг от друга. Это важные часы созревания и развития.

Мистик и тот, кто по-настоящему любит, имеют много общего. Путь через пустыню и через ночь хорошо знаком мистика. Такая же темнота присутствует и в человеческих отношениях. Речь идет о том, чтобы дополнить осмысленное сверхъестественным, а без страдания, по-видимому, это невозможно.

То, что связывает мужчину и женщину, по духовной традиции называется *Nagios Gamos* (Святая свадьба). Брак является причастием, символом единства Божественного и человеческого начал.

Многие примеры из Священного Писания символизируют это. Так говорит пророк Осия: «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа» (Ос. 2, 19–20). У пророка Исаии мы читаем: «Ибо твой Творец есть супруг твой; Господь Саваоф — имя Его, и Искупитель твой — Святой Израилев... Ибо как жену, оставленную и скорбящую

духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена, говорит Бог твой» (Ис. 54, 5–6).

Истинную человеческую сущность представляет пара из мужчины и женщины. Это то, что нам говорит сообщение о творении: «Как мужчине и женщину создал Он их». Настоящий человек — это Божий человек; человек, который знает, что Божественное измерение относится к его целостности.

Ваша конечная цель — это не другая личность. Вашей общей целью является то Божественное измерение, которое вы должны найти вместе. И это истинная причина, по которой вы нашли друг друга и должны сообща встать на внутренний путь. Вы должны стать спутниками на пути к единству. Ваша любовь — это прорыв из одиночества и возвращение к Божественной целостности. Ваша свадьба — это посвящение, инициация для пути домой.

ОТКУДА МЫ?

Чтение из Евангелия Фомы:

«Иисус говорил... что Царство находится в вас и вне вас. Если вы познаете себя, вы обретете познание и познаете, что являетесь сынами живого Отца. Если же вы не познаете себя, вы останетесь духовно бедными» (3).

«Иисус говорил: если вас спросят: откуда вы появились? — отвечайте: мы появились из Света, оттуда, где Свет существует сам по себе.

Если вас спросят: кто вы? — говорите: мы Его сыны и дочери и мы избранные живого Отца.

Если вас спросят: что является признаком вашего Отца в вас? — говорите им: это движение и покой» (50).

«Его ученики спросили Его: когда наступит успокоение мертвых и когда придет новый мир? Он ответил: покой... уже наступил, но вы его еще не осознаете» (51).

Религия должна нам сказать, кто мы есть и в чем смысл нашего существования. Она не должна внушать нам страх перед карающим Господом, который будет судить нас в конце жизни. Плохо, что этот примитивный образ Бога все еще витает в головах и вселяет в людей страх.

Если же мы, напротив, будем придерживаться отрадных образов, о которых говорилось в этом отрывке, мы не будем умирать в страхе перед судьей. Мы — Его сыновья и дочери, мы — избранные живого Отца.

Мы принадлежим этому Божественному семейству. «Бог» — это как бы наша фамилия. И когда нас спросят: «Откуда вы?», мы можем отве-

тить: «Мы появились из Света». Этот Свет исходит из наших глаз, часто затемненный и искаженный, но это Божественный Свет.

Мы вернемся туда. Я надеюсь и желаю, чтобы путь, по которому мы идем, так бы преобразовал нас, чтобы мы могли без страха перешагнуть порог, отделяющий нас от следующего существования. Это только дверной порог. Мы в нашей религии слишком много говорим о смерти и о Суде. И слишком мало говорим о вечной жизни, хотя Писание изобилует речами о ней.

Наша идентичность — это жизнь Бога, которая в Евангелии обозначена как Свет. Если мы сможем познать нашу истинную идентичность, мы перестанем испытывать страх.

«Когда наступит успокоение мертвых?» — спрашивали ученики Иисуса. А Иисус отвечал: «Покой, который вы ожидаете, уже здесь, но вы его еще не можете осознать». Вечная жизнь здесь, но мы ее не осознаем. И поэтому боимся.

Путь созерцательности — это часть преодоления страха смерти. Умирание «Я» является основной темой всех мистиков Востока и Запада. «Кто умирает до того, как умрет, не умирает, когда он умирает» (Абрахам Санта Клара).

Смерть — это промежуточная цель всего мистического познания. Конечная цель — это новое рождение, которое следует за ней. Путь к истинной жизни проходит через смерть.

Существует страх перед смертью. Любая трансформация преграждается страхом. Он часто возникает, когда мы погружаемся в медитацию. Ведь страх, в конечном счете, это страх смерти «Я». Наши упражнения — это лучшая подготовка к умиранию. Все, что нам нужно сделать, это освободиться, чтобы проявиться такими, какие мы есть на самом деле.

Я надеюсь, что несмотря на страх и боль, во всех нас и в темные часы останется представление о том Свете, который страдает в нас; который также страдал в Иисусе Христе так, что Он воскликнул на кресте: «Бог, мой Бог, почему Ты меня покинул?». Но это были не последние слова. Я надеюсь, что жизнь всех нас может закончиться так же, как и Его: «Отец, в Твои руки вручаю я свой Дух».

КОНЕЦ СВЕТА (МК. 13, 24 И ДАЛЕЕ)

Что нам делать с этим Евангелием? То, что мы не должны понимать его буквально, это мы знаем. Что тогда представляют собой его мифические высказывания? Нам следует выделять его в субъективной сфере, то есть мы должны спросить себя, какие горизонты должны в нас обрушиться, что в нас должно умереть; какое солнце должно в нас затмиться;

какие звезды в нас должны упасть с неба, чтобы в нас мог воскреснуть и исполниться Сын человеческий.

Речь идет о внутреннем процессе. Мы должны выйти из узости сознания. Иисус употребил для этого слово «возрождение». Оно не имеет ничего общего с физическим возрождением, речь идет о развитии нашего сознания через Божественное измерение.

По сути, мы всегда находимся в состоянии возрождения, в Божественном измерении, которое пока не можем ощутить. С нашим повседневным сознанием мы сидим, как в аквариуме (Древерман), и полагаем, что за стеклянной стеной кончается космос. И затем мы приходим в смятение и угнетение, поскольку это ограничение не имеет никакого смысла.

Мы обладаем хроническими защитными механизмами, которые мешают нам смотреть через стекла аквариума. Это — первородный грех. Мы не знаем, мы еще не знаем, кто мы есть. Поэтому мы все совершаем глупости, которые называем грехами. Мы заключаем себя в мини-мире. Мы вращаемся в стенках аквариума и не выглядываем наружу.

Этот мини-мир должен исчезнуть, чтобы мог открыться Божественный мир. Эти ложные звезды, за которые мы держимся, от которых ожидаем исполнения нашей жизни, должны упасть с неба. Это ложное солнце нашего маленького «Я» должно погаснуть. Мы проходим через личные страхи и беды, через общественные и политические перевороты, возможно, и через революции.

Сын человеческий придет с силой и величием. Под этими словами я понимаю не возвращение исторического Иисуса, а проявление истинного человека в нас, раскрытие Божественного в нас, что на христианском языке обозначает «Божьи дети».

Новое небо и новая земля не являются определенным местом где-то в мировом пространстве, они находятся здесь и сейчас, прямо за стенками аквариума, в котором мы сидим. Однажды мы заметим, что этих стенок не существует.

Этот род не прекратится, пока не исполнится всё это. И это не имеет ничего общего со временем. Оно может случиться в любой момент. Пришествие Христа — это безвременное явление. Сын человеческий, новый человек, Божий человек находится в нас. Мы только не можем этого пока осознать.

И что делать со всем этим богослужением? Здесь мы чествуем пришествие Сына человеческого и Дочери человеческой. Здесь мы чествуем то, кто мы есть на самом деле, но еще не осознаем это. Мы прославляем новое небо, и новую землю, и нового человека. Мы прославляем Божественное, которое не только проходит через весь универсум, но и проявляется в нем. Мы не жалкие рыбы, которые беспрерывно тупо

тычутся в стенки аквариума. Мы связаны со всем этой Божественной жизнью и не важно, осознаем мы это или нет. Здесь и сейчас мы чувствуем это.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Что собственно означает «вечная жизнь», слова, которые постоянно встречаются у Иоанна? Мы часто используем религиозные термины, не задаваясь вопросом, что же они на самом деле обозначают. Каждый раз они нуждаются в новом толковании, ибо их смысл постоянно меняется.

Если сжать историю универсума до одного года — причем каждому месяцу будет соответствовать где-то один миллиард лет, — то получится следующая картина.

Из-за таинственного взрыва Вселенной первичный материал распался, благодаря своей силе тяжести, и охладился. Уже в кратчайшую долю первой секунды первого января возникает материя: элементарные частицы и сразу же за ними простейшие атомные ядра, водород и гелий. Еще до конца января излучение и материя разъединяются и создаются галактики.

В середине августа, благодаря столкновению облаков газа и пыли, возникает наша Солнечная система. На Земле сначала появляются сложные химические, а затем и биологические структуры. Древнейшие горные породы земной поверхности возникают где-то с середины сентября. Начало октября — время появления ископаемых водорослей. В течение двух последующих месяцев рождается невиданное количество водных растений и животных.

19 декабря растения распространяются на суше. 20 декабря пустынные пространства покрываются лесом. Жизнь сама создает для себя чистую атмосферу. 22 и 23 декабря из рыб рождаются амфибии и завоевывают влажную местность.

Из амфибий 24 декабря развиваются рептилии, которые заселяют также и сухие пространства. 25 декабря появляются первые теплокровные. Поздно вечером, наряду с многочисленными ящерами, возникают первые млекопитающие. В ночь на 30 декабря начинают разворачиваться горы и возникают горные пастбища. В ночь на 31 декабря (то есть в последний день) из рода обезьяньего развивается род человеческий. За пять минут до двенадцати появляются неандертальцы, за 15 секунд до двенадцати рождается Иисус Христос, за полсекунды до двенадцати начинается Технический век.²⁹

Мы не можем считать, будто религия началась с истории откровения Израиля около 6000 лет назад. Где и кем был Бог до этого? То, что мы

называем человеческой душой, происходит из животного царства, и развилось из него, как и наше тело. Это просто невозможно представить, что в данный момент человек еще является животным, а в следующий момент уже человеком.

Нам не остается ничего другого, как только воспринять, что мы, люди, на этой пылинке Земля являемся частью космической эволюции. Мы поступаем таким образом, как будто ждали 17 миллиардов лет, что наконец возникнет этот биологический вид, который уже пару сотен тысячелетий размышляет о самом себе. Наука уверяет нас, что галактики постоянно возникают и исчезают. А мы считаем себя такими значительными, что заставляем Вселенную вращаться вокруг нас и представляем себя кульминационным пунктом творения! Когда мы наконец взглянем на нашу затянутую антропологию космологическим взглядом? Действительно ли мы, люди, являемся главной темой развивающихся галактик и миров, о которых мы почти не имеем представления? Если бы теологи чаще смотрели в микроскоп или телескоп, они наверняка по-другому бы заговорили о человеке и о Боге. Мы все еще не воспринимаем себя как часть невиданной космической эволюции, которая, в конечном счете, является эволюцией самого Божественного принципа. Антропологическую отправную точку западноевропейского мышления следует откорректировать посредством космического мышления.

Это также имеет последствия для нашей веры в воскресение. Человек уже существует около двух или трех миллионов лет. У нас нет причин сомневаться, что он будет существовать и следующие два миллиона лет. Он будет так же сильно отличаться от современного человека, как сейчас человек отличается от обезьяны. В каком виде мы воскреснем?

Божественная жизнь — это структурный принцип всей комплексной системы. Что мешает нам уподобиться Божественному Духу и Божественной жизни? Это значит, что всё одухотворено Божественной жизнью и что все структуры есть не что иное, как воплощение Бога. Космос является проявлением Божественного принципа. Это танец самого Божественного, который мы называем космосом. И мы, люди, танцуем вместе с ним. Мы — танцевальный шаг, абсолютно индивидуальный и безотказный танцевальный шаг Бога, сейчас и во всех последующих существованиях...

Так с чем мы имеем дело, что мы здесь исполняем? Мы совершаем первобытный ритуал, который является таким же древним, как и сам человек. Святое вечернее богослужение прославляет оба аспекта действительности — видимый и невидимый. Поэтому мы обращаемся к хлебу и вину. Мы видим хлеб и вино, когда зажигаем свечи и ладан, кланяемся и поем. Эти оба аспекта действительности мы чувствуем во время ритуального обряда.

И наши усилия в практике созерцательности направлены на познание этих двух аспектов действительности как единого целого с тем, чтобы наконец познать самих себя как форму выражения Божественного. В этом заключается наше неповторимое предназначение.

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ (ОТКР. 21, 1 И ДАЛЕЕ)

Религия выражается в образах, параболах и мифах. Абстрактные научные положения являются изобретением разума и по своей сути не могут нас полностью удовлетворить. Несмотря на это, многим людям очень трудно отказаться от этого якобы прочного фундамента нашего интеллекта и погрузиться в более глубокое познание. На Западе разум стал высшей инстанцией для восприятия действительности. Западный человек считает, что может все постичь разумом. Но за пределами разума находится совсем другое измерение сознания.

Нынешний текст пытается привести к постижению этого измерения. В сознании возникают два образа: «Новый Иерусалим» и «Шатер Бога» среди людей.

«Новый Иерусалим» — это образ в сознании, а не определенная местность. Подобное состояние сознания может возникнуть здесь и сейчас. В Писании оно также называется «вечной жизнью» или «Божьим Царством». «Новый Иерусалим» не является чем-то преходящим. Он существует здесь и сейчас. Только границы сознания отделяют нас от него. Если мы сможем их перешагнуть, мы познаем, что носим в себе Божественную искру, о которой говорят все религии. В таком состоянии сознания нет слез. Ибо даже слезы являются проявлением Божественного.

Больше нет смерти. Тот, кто познает жизнь во всей ее глубине, знает, что рождение и смерть — это исполнение Божественного. Он познает единство с жизнью. Он живет в «Новом Иерусалиме». «Новый Иерусалим» — это познание Божественного.

То же самое можно сказать и об образе «Шатра Бога среди людей». Как и все образы нашего внутреннего мира, так и этот образ является архетипичным, то есть своими корнями он уходит далеко в прошлое человека, в мир представлений кочевников. Шатер — это их жилище, их домашний очаг. И этот образ означает: Божественное можно познать как наш домашний очаг, как нашу истинную природу. Бог дома у нас, а мы дома у Бога.

Здесь нет больше стенок. Ибо смерть осознается как переход к новой форме существования. Она является великим преобразователем. Все Божественное и вечное в нас остается неизменным во всех формах существования.

Так с чем мы имеем дело при исполнении этого ритуального обряда, что мы прославляем во время вечернего богослужения? Мы чествуем наш переход к новому существованию, который мы, христиане, называем воскресением. Мы прославляем «Новый Иерусалим». Мы прославляем эту новую действительность, какой бы далекой она нам ни казалась. Мы верим в это, и оттого что мы в это верим, у нас возникает мотивация для нашего пути, который должен привести нас к познанию этой действительности.

Иисус Христос — это образец, по которому мы познаем наш собственный путь. Через страдание и смерть Он пришел к воскресению. Именно это дано и нам. Мы прославляем то, кто мы есть на самом деле, но еще не осознаем это. Мы уже живем в «Новом Иерусалиме», хотя еще и не заметили этого. Пункт Омега отделен от нас не по времени, а только эмпирически. Новое небо и новая земля находятся здесь. «Шатер Бога» находится в нашей середине.

Часть 3

СООБЩЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Следующие сообщения основаны на личных познаниях, которые отражают внутреннее становление всеобъемлющей действительности. Лучше всего их воспринимать с тем пониманием, которое рекомендует Иоанн Креста при чтении подобных познаний:

«Было бы невежеством считать, что эти слова любви в мистическом смысле — как они здесь в этих строчках представлены — можно объяснить какими-либо речами... Поэтому они, скорее, окутывают чувства сравнениями, метафорами и образами и переводят полноту духа в таинственные речи, а не пытаются дать им рациональное объяснение. Если воспринимать все эти символические превращения не просто в духе любви и в образе мыслей, которыми они одухотворены, то они покажутся скорее бессмысленными, чем сознательными, как это видно из Песни Песней Соломона и из других книг Священного Писания».¹

Мы не должны искать мистического познания только в религиозной области или в конфессиональном словаре религии. Конечную действительность нельзя ограничить религией. Она предстает перед человеком в то время, когда он об этом даже не думает. Часто он совершенно не подготовлен к этому. Она настигает человека таким образом, который он не мог предвидеть. Я знал людей, членов ордена, которые были разочарованы тем, что их переживание не имеет ничего общего с христианством; и я знал агностиков, которые удивлялись своему глубокому христианскому познанию.

Мистическое познание выражается по-разному. Иногда это познание Света и Единства. Однако это не обычный свет и не единение с чем-то, а только единство.

Вторая форма познания — это тесная связь со всем, что существует. Глубокое внимание и любовь ко всем созданиям возрастают из этой связи. Противоположность исчезает. Остаются только деревья, пение птиц, образ цветка или простого предмета обихода.

Если кто-то после глубокого познания говорит: «Я Бог!», для нас это звучит кощунственно. Но это познание не является познанием главного существующего «Я» — тогда это действительно было бы кощунством, — это

познание истинной личности, Божественного ядра в человеке. Это познание Бога с самим собой.

Зачастую это познание не является специфическим и врывается в сознание в виде мощной энергии. Эта энергия может воздействовать очень болезненно. Чаще всего она связана с процессом очищения. Человек чувствует себя одиноким и покинутым. Это — темная ночь, в которой нет ни одного утешительного момента.

После познания повседневность может измениться на долгое время, пока рутина жизни снова не возьмет верх.

Из многочисленных сообщений в области познания я выбрал некоторые.

...ВСЁ ЕСТЬ СВЕТ...

Страх, сомнение в том, есть ли истина, есть ли Бог, и если они есть, смогу ли я их познать. И одновременно знание, что без истины, без смысла, без вечности нельзя жить. Этот конфликт ведет к невыносимому напряжению. Охваченный такой внутренней борьбой, я иду в лес. На какое-то время напряжение спадает. Все есть Свет — неполный Свет, — все вибрирует, пульсирует, но очень мягко. Не только деревья, но и воздух. Не Я и Ты, а только один Свет.

Когда познание меня оставляет, я обнаруживаю, что снова сижу на пне. Мне легко, напряжение ушло, но вскоре после этого возникли вопросы: кто есть Бог, кто есть я? «Я» — это только иллюзия, имеет ли «Я» свободную волю?

Не подходит никакая формулировка. Они говорят: «Бог живет в сердцах» или «в середине сущности»! Как будто бы существует собственная сфера и разграничение!

...ЧТО НЕТ СМЕРТИ...

В настоящий момент я сталкиваюсь со смертью и чувствую, что она «внутри», хотя в глубине души знаю, что смерти нет; происходит только внешнее разрушение материи. Бессмертие здесь и сейчас или его нет вообще!! Я ощущаю в основе своей Единое Бытие, и я не могу выпасть из этого единства, даже в смерти. Не существует границ, которые установлены только человеком.

...МЫ РАЗРУБАЕМ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ...

Полночь. Когда есть вчера, когда есть завтра? Мы хотим разрубить настоящее время, чтобы его записать. Но оно неделимое.

Вечность не состоит из времени, как милость из бесконечного количества отдельных пунктов. Вечность, бесконечность, небо — это пульсирующее настоящее время. «Сегодня я тебя произвел на свет».

...Я УЗНАЛ ВЫРАЖЕНИЕ: «НЕ БОЙТЕСЬ»...

Я дышал, когда вдруг мне пришла в голову мысль: дышу я или дышит кто-то во мне? Я в Боге или Бог во мне?

Итак, первое сомнение: внутри? снаружи? Что внутри, а что снаружи? Я испытал это как единение и сказал себе: дыши или позволь Ему дышать в тебе!

Через некоторое время возникло второе сомнение: Бог во мне, время, вечность. И это я познал как единение и понял, что нет ни Вчера, ни Завтра, а есть только Сегодня. Третье сомнение меня испугало: я есть Бог, Бог есть я? И я сказал себе: я верую в моего Господа Иисуса Христа, который умер и воскрес. Впал ли я тем самым в пантеизм? (Если я буду думать о ручье и об источнике, я должен заметить, что определенным образом я всегда существую в Боге.) Я продолжал дышать, но уже с чувством, как если бы весь универсум дышал здесь. Я познал глубокое единство со всеми, и это наполнило меня огромной радостью, но вместе с тем и глубокой печалью, оттого что еще так много людей не познали этого; и я пожелал, чтобы все смогли познать это.

Я всего боялся, я боялся поступить неправильно. Мне принесло огромное успокоение то, что мне сказал п. В.: «Ничего не бойтесь! Действительность есть такая, какая она есть, ни внутри, ни снаружи, ни вчера, ни завтра». В этом я познал слова «Не бойтесь», которые так часто повторяются в Библии; и меня наполнило огромное успокоение и тихая радость.

...НЕТ ПРОСТРАНСТВА, НЕТ ЛЮДЕЙ, НЕТ ГРАНИЦ...

Я медитирую еще с двумя другими людьми. При выдохе я говорю про себя: «освободить». Разрыв — яркий свет — жар исходит из моего сердца, — здесь нет пространства, нет людей, нет границ, нет «освобождения себя». Связь со всем и с тем, что я совсем не знаю. Абсолютная тишина. Они спрашивают: «Сколько времени?» — «Времени не существует!» Я был до конца, мы вместе ужинали, ходили на вечернее богослужение, и наконец я дома. Я прислушался к тишине и лег спать. Все как всегда. Я должен первый раз суметь увидеть и услышать людей. Я должен почувствовать себя ближе к ним и к вещам. Через недели или месяцы.

...ВДРУГ Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ...

Во время прохождения курса в саду: вдруг он весь заполнился. Я почувствовал, что связан с чем-то, что простирается от сада до самих звезд. Все вокруг меня было мне очень близко и было связано со мной по-новому. При этом меня охватило как бесконечное, глубокое умиротворение, так и безграничная радость.

После окончания курса во время беседы: вдруг изменилось мое познание пространства и людей. Дистанция по отношению к другим вдруг сократилась и превратилась в близость и взаимосвязь, которую я ощутил как тепло и жизненность.

Вдруг я перестал бояться. Я посмотрел в окно: ландшафт казался наполненным чем-то невидимым, с одной стороны, прозрачным и четко выгравированным, с другой стороны, абсолютно близким, как часть меня. От всего исходило сияние, которое способствовало его более яркому, красочному, интенсивному проявлению.

...БОЛЬШЕ НИ ОДНОГО ВОПРОСА...

Сегодня, во второй половине дня, события развивались очень быстро. В большей степени как покой, умиротворение, все хорошо, больше нет никаких вопросов. Это нельзя описать. Затем чувство переполнения светом, ощущение силы. Позднее, во время вечернего богослужения, я вдруг почувствовал, что связан со всеми в любви и сострадании. Раньше при подобном же событии я не хотел страдать. Слезы. Благодарю за возможность сострадать.

...ДА, Я БЫЛ В НЕМ...

В страстную пятницу я принимал участие в богослужении и узнал следующее: в духовной семинарии присутствовали около 25 молодых людей не старше 20 лет. Когда началась литургия, я забыл обо всем и просто делал то, что должен был делать. Другой священник читал мессу. После литургии я был твердо уверен, что был в единении с другим священником, да, я был в нем. Познание было таким спокойным, как рябь волн на пруду. Если бы я об этом не думал, то и не заметил бы этого.

Мне кажется, что чем быстрее уходит сознание нашего «Я», тем глубже погружаешься в эту внутреннюю действительность, в это «Ничто».

...МЕЖДУ СИДЕНИЕМ И ХОЖДЕНИЕМ НЕ БЫЛО РАЗРЫВА...

На четвертый или пятый день курса это просто было здесь. Это был звук и не-звук. Мне не нужно уже было это делать. Оно просто было здесь. Мне не нужно было больше дышать. Оно дышало. У меня текли слезы, и я все шептал: «Почему я, ведь я не достоин, почему выбран я?». Между сидением и хождением больше не было разрыва. Оно просто пришло. Во дворе, когда я смотрел на траву, я все еще продолжал плакать. Всё изменилось. Здесь уже не было больше травы и меня. Это была близость, внутренняя взаимосвязь. Тихая радость, благожелательность и нежность ко всему, и всё, что приходило на память, я думаю, было основным настроением.

Итак, это было оно. Лучшее я это не могу передать, хотя я и не полностью рассказал о том, что было. Просто всё изменилось, хотя и оставалось таким же, как прежде.

...КТО ПОДНИМАЕТСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ?...

Я старался повседневно жить, обращая внимание на свои действия, следя за тем, что происходит. И однажды у меня возникли вопросы:

- кто поднимается по лестнице?
- кто здесь чистит овощи?
- у кого звонит телефон, и кто снимает трубку?
- кто извлекает звуки из моей виолы?
- кто смотрит во мне, когда смотрю я?
- что заставляет людей и автомобили двигаться сплошным потоком по улицам?
- что соприкасается с землей в виде падающих снежинок?
- что всходит в виде первых зеленых ростков из земли?
- откуда берется сила, которая порождает в маленькой птичьей гортани такой пронзительный крик?

И за всем этим стоит вопрос: кто я в сущности изначально, в конечном итоге? Что вообще существует? Мне это не дает покоя, от ответа на этот вопрос зависит вся моя жизнь. Каким-то образом в моем прежнем устройстве мира низшее повернулось к высшему, кружащий бурлящий хаос.

...ПРОСТО ЛОЖКА...

Мне 70 лет, но сегодня я первый раз в своей жизни увидел ложку... просто ложку... смешно, просто ложку... только ложку!

ДА, ЭТО ОН, РЕДИС НА ТАРЕЛКЕ...

Мне никак не выйти из упражнения. Я ощутил огромное напряжение. И вдруг я оказался здесь. Но это уже больше было не «Я» то, что было «здесь». Было только «здесь». Никаких ограничений и никакого желания куда-то приходить. Я ощущал свое дыхание, которое просто было здесь... как и тикали часы, без границ.

Я не мог это выразить, не мог сказать. Я не хотел исказить познание своими словами. И сейчас слова как деревянные.

Когда я был на ужине: да, это он, редис на тарелке, это он. Радость! Преклонение! Вгрызаться в редис, плакать, смеяться, это он! Как прекрасно!

...КАПЛИ ДОЖДЯ ПАДАЛИ В ВОДУ, ЭТО БЫЛО ВСЁ...

Я стоял у пруда и смотрел, как капли дождя падают в воду. В этом, собственно, уже всё заключалось: это непрерывное изменение внешних форм, вечное погружение в самого себя. И когда я потом проходил мимо компоста: уверенность, что всё может потеряться только в себе самом. И позднее, при медитации: что всё вообще происходит из того же самого и что нет вообще ничего, что может быть извне.

...ПРИНЯТ В РАСКРЫТУЮ ДЛАНЬ ГОСПОДА...

Сегодня я долго гулял на природе. Земля просыпалась: первая зелень, анемоны, птицы строят гнезда, полевые работы. И во всем движении сила, та полнота, которые неистощимо побуждают к жизни! Я ощущаю, что принят в эту раскрытую длань Господа.

...СМОТРЕТЬ И НЕ ВИДЕТЬ...

Ранние утренние часы манят меня на поля и побуждают принять участие в чуде сотворения восходящего солнечного дня... В то время как я пребываю в совершенном молчании, всё мое существование вдруг становится объятым священным трепетом, как будто через меня прошла молния. Но в этом нет ничего определенного, ничего конкретно познаваемого или воспринимаемого. Я поражен, как будто сожжен, обожжен, как будто брошен молнией в пустоту незнания. Это — как смотреть и не видеть, слушать и не слышать, осознание того, что ничего не знаешь. Звон колокола в аббатстве

извещает об изменении в праздновании благодарственного вечернего богослужения. Представление Божественного существования — мистерия на пашне. Истина является простой.

...ЕСЛИ Я ПОСМОТРЮ БЛИЖЕ, ВСЕ ИСЧЕЗНЕТ...

С некоторого времени я не могу больше согласиться признавать этого личного Бога, брата, партнера, друга, который здесь существует для нас и ждет нас. В настоящее время я осознаю Бога темным, безличным; не как Богочеловека Иисуса Христа на этой земле, а как Божественное в вещах на этой земле, также и во мне; как силу, энергию, как бытие всего. И я не могу больше разделять чистую уверенность христиан в спасении, это ликование раз и навсегда спасенных, ибо мое познание Бога является слишком новым, слишком ранимым: оно сопровождается переломом и болью. И когда я пытаюсь ближе взглянуть на познаваемое, оно исчезает. Оно требует времени и молчания для произрастания во мне, а не многословных божественных служб. И еще одно меня поражает: мои речевые способности отказывают мне. Как и о чем я должен говорить с людьми, чтобы меня не приняли за сумасшедшего?

...ГРАНИЦЫ ПЕРЕСТАЮТ СУЩЕСТВОВАТЬ...

Собака, лающая снаружи, была во мне — дверь, ведущая в зал, была внутри меня. Я был в помещении, а помещение было во мне. Ничего не существовало вне меня. Границ больше нет. Глубочайшее ощущение счастья наполнило меня... Мой взгляд на вещи вдруг пришел в равновесие, и я почувствовал в себе норму, которая является первоисточником всех норм.

Во время прогулки деревья были моими любимыми и почитаемыми братьями. Я целовал их и прижимал темную влажную землю к своим губам. Утро было как акт рождения. Творение было создано для меня, и я разговаривал с деревьями, озером и горами.

...ВСЁ ЕСТЬ ОН...

Во время прогулки по лесу я вдруг ощутил, узнал, увидел, что всё, что во мне живет, что делает меня живым существом, является Богом. Он сам есть моя жизнь. Что ищу я в Его присутствии? Он — это моя жизнь, а значит, находится намного ближе, чем просто рядом. Он не при мне. Он много-много больше. Он —

это моя жизнь! Я не могу выразить, как грандиозно это было! Все деревья и кусты вокруг меня — всё есть Он!

Как-то зимой у меня было такое же глубокое Божественное познание с деревом. А один раз, весной, я проснулся и ощутил мощную пульсацию жизни, Его жизни, в себе и снаружи в природе, и меня охватила восторженная, безумная радость! После курса я в течение нескольких недель пребывал в великой радости, в чистой радости от жизни, оттого что я существую.

...ГДЕ ВСЁ ЕСТЬ, КАК ОНО ЕСТЬ ...

Где кончается ритм времени

И ограничение места.

Где не хватает потока мыслей.

Где больше не кипят чувства.

Где ничто не является дополнением к вещам

В значении, намерении, различии.

Где все есть, как оно есть, правдиво.

И всё, в сущности, является равным.

Где я гуляю с Богом,

В сущности, всё равно.

...ПОЧЕМУ Я ИЗУЧАЛ ТЕОЛОГИЮ? ...

В дереве ты являешься деревом,

Там ты летаешь в птице,

До этого ты плачешь в ребенке,

А сейчас ты смеешься в соседке.

Почему я изучал теологию?

Когда я всё снова забыл,

Ты был здесь.

...ЭТО ГРАНДИОЗНАЯ ИГРА...

Кошунственно ли наблюдать за эволюцией Бога? Для меня сегодня, в тотальном радикализме, создание и создатель являются идентичными. Это значит, что я совершенно не могу больше использовать эту терминологию. Полностью идентичные — тотально! И не могу больше воспринимать это в образе танцующего Шивы. Это грандиозная игра: игроки, игра, правила игры находятся в эволюции. Таким образом, страдание и радость, смерть и жизнь —

всё, всё, всё является единым целым. Я больше не противопоставляю создание и создателя. И разрушение природы также является составной частью этой игры. Причем любовь каким-либо образом является движущей силой? Могу ли и я в этом смысле считать себя идентичным Богу? Для меня это именно так.

...ВО ВСЕХ ВЕЩАХ НА МЕНЯ СМОТРИТ БОГ...

Во время недели упражнений это случилось на второй вечер в моей комнате: на меня снизошел покой, какого я еще никогда в жизни не переживал.

И во всех вещах на меня смотрел Бог. Это было так удивительно и в то же время само собой разумеющимся. И с этим я уснул. На следующее утро всё было как всегда и все-таки совершенно по-другому.

...ПРОСТО СИДЯ...

Сегодня во время сидения я ощутил беспокойство в области плечевых суставов, и мне захотелось ими пошевелить и накрыть их. Я сознательно их опустил. И сразу как будто вскрылась грудная клетка, и я вырвался из самого себя. Единственный импульс извне. Секунды без «Я», пустота без начала и конца. Я снова обнаружил себя: просто сидя.

...НЕТ МОРАЛИ, НЕТ СОВЕСТИ...

Я стою в книжном магазине, снимаю с полки книгу, что-то о значении изобразительного искусства. Я ее листаю и нахожу предложение, которое сейчас уже не могу вспомнить; и вдруг, как гром средь ясного неба: вот оно! Волны пришли в движение. Мне все стало ясно, абсолютно всё. В своеобразном приподнятом настроении я выбежал из книжного магазина. Одно познание следовало за другим. Тотальное познание без предмета познания. Я был совершенно вне себя от счастья и восторга. Я знаю, откуда это исходит. Я как будто парил в воздухе. Я чувствовал себя подхваченным теплым вихрем. Я знаю, что я нахожусь очень близко к этому. Всё ясно. А затем чувство, что я свободен, полностью свободен. Восток и Запад — я имею право выбора. Я больше абсолютно ничем не связан: ни этикой, ни моралью, ни совестью, так как этого вообще больше нет. Я бегу по улице. Всё в целом является просто нереальным. Я совершенно спокоен и полон энергии, я ощущаю себя сверхчеловеком. В то же время я

знаю, что принадлежу к чему-то великому, настолько великому, что невозможно описать, более великому, чем Земля, что невозможно представить. Такое чувство, будто я нахожусь посередине громадного вихревого потока, как в урагане, в самом центре, а вокруг меня невероятная энергия, но я ощущаю себя в безопасности. Нахожусь в безопасности благодаря именно этой энергии. Это можно также назвать Богом. Он взрывает любое выраженное измерение.

...Я ВСЕ ЕЩЕ ВИДИМ! Я?...

То, что я пережил, было похоже на смерть: уже не раз я стоял перед воротами в пустоту, в смутное, бездонное Ничто. Меня тянет войти туда; и в то же время я боюсь не выдержать степени интенсивности, которая меня там ожидает. Я испытываю смертельный страх исчезнуть из всего, чем я был до сих пор, перед лицом действительности, наряду с которой больше ничего не существует. До сих пор моим «решением» было своевременное возвращение. Однако что если вдруг пустота накатит на меня, как приливная волна, пройдет подо мной, надо мной и вокруг меня? Я не могу это четче описать, только могу сказать: это не катастрофа, не уничтожение. Только видение. Я все еще видим. Я?

...Я ЕЩЕ НИ РАЗУ НЕ БЫЛ ТАКИМ БОДРЫМ... ВНЕ ВРЕМЕНИ...

Это — как хождение в огне, уже недели. Старый кузнец в нашей деревне делал так: в калильном жаре он придавал железу форму копыта. Со мной происходит то же, что и с железом. Я могу только пассивно наблюдать за тем, что происходит, ибо речь уже идет не обо мне. Прощание и освобождение не являются моим достижением; мои сцепленные руки сами раскрываются; всё, бывшее любимым, теряет свою привлекательную силу; представления рассыпаются; интересы, образ жизни, по сути меняется всё. Сравнение с кузнецом хромает, поскольку в конце — а вчера при медитации был именно такой конец — не было последнего удара молота и выкованного в определенной форме железа, а только сильнейшее дыхание калильного жара, который расплавляет все, и никакого «Потом», никакого железа. Только огонь. Я — огонь и всё — огонь. Бесформенное, беззвучное. Пылающая мощь, которая не гаснет и не имеет первоисточника. Я еще ни разу не был таким бодрым, как в этот момент, вне времени. Мне нетрудно представить всё в целом с религиозной точки зрения как познание Божественности,

Божественного бытия, до тех пор пока понятия, в том что они традиционно обозначают, остаются прозрачными для того, что является абсолютно другим, не тем, что может выразить понятие.

...ЭТО БЫЛ БОГ, НО «СОВСЕМ ДРУГОЙ»...

На третий день курса я снова на короткое время вошел в пустоту сознания. На этот раз это было так, как будто что-то тянуло в данный момент в Ничто, в полную тишину и в неподвижность. Затем я оказался в тесном единении с собой и в глубоком погружении, в котором мог оставаться не прилагая усилий. Но я чувствовал себя не легким и свободным, а скорее скованным и зажатым. Единственное, что я видел, было каждое движение моего бытия. Этого для меня было недостаточно. Я хотел видеть не только мое бытие. Патер В. сказал, что я должен очень осторожно раскрываться Богу, очень мягко двигаться к Нему. Я постарался сделать так, как он сказал, и тогда произошло что-то неопишимо великое: плотный алый теплый поток излился из моего сердца навстречу «Ему»... Это была истинная «молитва молчания». Поток любви, доверия и согласия... И Он больше не прекращался. Подобное состояние сохранилось и потом, в постели. Сижу я или лежу, оно остается прежним. Несмотря ни на что, на следующее утро я был свежим и умиротворенным.

И вот первая утренняя медитация. Я сказал себе: «Я должен осторожно раскрывать себя навстречу Богу!». Только я об этом подумал, как пришло «Что-то», непостижимая, могущественная действительность, присутствие или Божество (как мне следует это называть?). Это был Бог, но «совсем другой». Я Его не видел, но я Его чувствовал; и это чувство было таким мощным и немного тревожным! Я не могу это ясно выразить словами. Но в тот самый момент я осознал: Ничто, пустота — это ОН!

...Я СТАЛ ВИДЕТЬ «НИЧТО».

ЭТО БЫЛА БЕЗГРАНИЧНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ...

Несколько дней назад я прочитал о созерцательности: «Когда ты смотришь на Бога, ты не видишь ничего, и это особая статья. Когда ты смотришь на ничто, то ничего и нет. Это не какое-то познание или своего рода осознание, фактически это именно то, что есть Бог; Бог есть Ничто». Сразу после этого я стал видеть «Ничто». Это была безграничная действительность, бескрайняя

действительность, и все мои привязанности, казалось, растворились в этом видении. На меня снизошло огромное успокоение, ничего не надо было делать. Незадолго до этого познания, примерно около двух недель, я почти все время пребывал в таком состоянии, когда мне хотелось плакать. Не было никаких причин для слез, было только мягкое касание во мне, нежность, которая не отвлекала меня от моих обязанностей.

...ВСЁ БЫЛО ТАКОЕ НАСТОЯЩЕЕ...

Подушка, на которой я сижу, образует тончайшую грань между телесной оболочкой, которой я являюсь, и неизмеримой трансцендентностью, которая всё шире раскрывается до безграничных далей... Мощь этой безграничности обрушилась на меня во время ночной медитации так, что по ту сторону моей способности к восприятию и переживанию существовало только БЫТИЕ, собранная энергия без проявления силы. У меня исчезло сознание «Я», сознание пола; я был не способен любить и не способен грешить, без страха, без радости. Всё было таким настоящим, что было бы абсурдно пытаться дать название этому познанию или объяснить то, что за ним лежит.

...ТОЛЬКО ЭТОТ БЕЗЫМЯННЫЙ...

...Потом стали возникать ситуации, когда мне во время сидения в медитации казалось, что я выхожу из того, что здесь сидит, и наблюдаю извне за своей игрой в театре и за игрой всего мира. Что это было, кто вышел? А кто остался сидеть? Где был я? «Мое» сознание больше не имело никакой индивидуальной окраски, и в моменты Божественного познания больше ни разу не было сознания из..., а только этот Безымянный. В подобных состояниях — как я понял позже — есть только духовное существование.

...ЭТО РАДИКАЛЬНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО...

Во время последнего курса я глубже погружался в медитацию, чем прежде, уже как несуществующий, свободный от себя самого. И впервые произошло восприятие этого состояния и восприятие повседневного сознания (что я тут сижу и дышу, что сосед икает, что кто-то ходит во время медитации по залу и т. д.). Подобное пересечение двух состояний сознания теперь у меня случается чаще,

иногда они оба находятся в моем свободном распоряжении. Я окончательно стал в тупик — это совершенно элементарное и радикальное помешательство.

...ОН БЕЖАЛ...

После часовой пробежки по лесу во мне что-то освободилось. Я вдруг ощутил легкость и воздушность — это уже бежал не я: «Он» бежал. Это было удивительное познание.

...ДЕЛО В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ СДЕЛАТЬ НИ ШАГУ...

Я замечаю: я сам не должен ничего делать. Я только материал, из которого происходит жизнь; пряжа, из которой соткан космический ковер. Это измерение жизни нельзя осознать и обосновать, его можно только открыть и познать по ту сторону всех оснований. Ты сам раскроешься для этой сути; тебе ничего не надо предпринимать, кроме того, что ты от всего устроишься и ничего не будешь добавлять своими действиями. Никогда устранение не происходит намеренно: это значит терпеливо сносить событие, которое ты не можешь ни вызвать, ни предотвратить, а только воспринять, допустить, «перенести».

Прохождение пути больше похоже на то, чтобы выйти. Дело в том, чтобы не сделать ни шагу. «Заставить себя идти» — как это легко сказать, как трудно это сделать!

...ВНУТРИ МОЛИТСЯ, ВНУТРИ ДЫШИТ...

Я живу в состоянии неспособности, внутреннего бессилия, болезненности — не будучи болен органически, — в состоянии интенсивной внутренней боли. Это тончайшая и в то же время грубейшая форма подчинения, которую я переживаю.

Моя истинная жизнь всё больше совершается «внутри». Внутри молится, внутри дышит, внутри смеется, внутри плачет; и вот уже некоторое время нет ничего, кроме любящих слез или плачущей любви. Эту боль не описать словами. Это словно все без исключения склонности, которые еще являются замутненными, должны исчезнуть..., словно преобразование может произойти только через ранение и угасание.

...Без своего содействия я догорю, при этом ничто во мне не вызовет сопротивления, ничто не убежит, ничто не спросит «почему», не поймет, что, собственно, происходит.

...ЭТО ПУТЬ ВНИЗ, К ЖИЗНИ И СМЕРТИ...

С увеличивающейся болью и возрастающей частотой я осознаю, что мои чувства непригодны для восприятия бытия; они в большей степени искажают и затемняют истину, чем проясняют. Они требуют основательного очищения в форме избавления от их собственного познания, чтобы суметь воспринять неприкрытую и неискаженную истину, чтобы стать прозрачным для Света.

Однако я ощущаю мучительную неспособность принять активное участие в этом процессе. Вместе со своими чувствами я вынужден нырять в океан пустоты, в Ничто. Это путь вниз, к жизни и смерти — и я боюсь освободиться. Есть еще много мнимых «сокровищ», за которые пытается цепляться мое «Я». Как далек путь?

...ПОЧЕМУ У БОЖЕСТВЕННОГО ПУТИ ТАКИЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ?...

Бог полностью удаляется. Хотеть ухватить Его — значит держать в руках пустую оболочку. Мое сердце не испытывает желаний; я больше не жажду Бога. Есть Его хлеб или не есть — это одно и то же, как и быть наполненным Богом или пустым. Я за одну ночь потерял вкус к Богу и к вещам. Я вдруг перестал прославлять творение, прежняя восторженность исчезла и сменилась пугающим меня равнодушием...

Я наблюдаю за изменением моих чувств: мои уши как будто оглохли, мои глаза как будто ослепли, мой вкус притупился, мои уста умолкли, потому что слова, которые могли облечься в форму, стали ничтожными.

Часто меня охватывает давящий страх от непредсказуемости этого развития, которое грозит полностью исключить любую мою инициативу. Моя доля, которую я мог бы в это привнести, всегда будет ничтожно малой. То, что составляло мое человеческое бытие, мое самоопределение, становится незначительным. Что-то такое распадается в ядре, а у меня нет сил это сохранить. Мое нынешнее состояние, которое мучительно охватывает всё мое бытие, можно сравнить с отчаянным положением утопающего, чей крик о помощи захлебывается в его гортани. Это отчаяние вызывает сомнение, смогу ли я вообще продолжать путь в подобном состоянии. Я еще никогда так не боялся впасть в глубокую душевную депрессию, как в последнее время, когда мне было отказано в любой активности и казалось, что с меня снимают кожу,

кусочек за кусочком. Это не может быть смыслом процесса становления целого, только через снижение и утрату потенциала действительно можно стать человеком! Почему у Божественного пути такие нечеловеческие черты!

...БОЖЕ, ПОЧЕМУ ТЫ МЕНЯ ЗАМАНИВАЕШЬ?...

Всё более насущным становится вопрос: неужели моя любовь, мое самоотречение, мои усилия, мое присутствие относились к Богу, который, возможно, совсем не был Богом? Не пропускал ли я до сих пор этого истинно Божественного Бога в своих человеческих представлениях и в своем познании? Боже, почему ты так стремительно, так безоговорочно, целиком и полностью, заманиваешь меня на этот путь и лишаешь меня своего присутствия, которое означает для меня радость, надежду и мужество?

Почему я с таким трудом понимаю, что только полное освобождение от всех моих представлений, образов и желаний ведет к пути становления человека и Бога единым целым?

Я топчусь в темноте; я должен оставить любую кажущуюся уверенность, которую мне необоснованно дают мои чувства и мое сознание, чтобы шаг за шагом продвигаться к такому состоянию, когда ничего не знаешь, ничего не можешь и ничего больше не хочешь. О, как противится моя натура этому настоящему, которое является единственно возможным для Божественного пути.

Все вещи такие пустые, безмерно пустые. Освященные солнцем вершины — пустые, деревья — пустые, пение птиц — пустое; друзья, которых я встречаю, — пустые, Бог — пустой, мое сердце — пустое. Не было ли у этого сердца в прошлом достаточно глубоких переживаний, где всё было пропитано Божественной полнотой? Не является ли то или иное познание только разным свидетельством одной и той же невыразимой действительности?

...Я, ВИДИМО, СТАЛ БЕЗБОЖНИКОМ...

«Мой Бог» — это только заученная формула, но здесь нет никакой Божественной противоположности, к которой может повернуться сердце. Я, видимо, стал безбожником. Буду ли я теперь, как и прежде, в нужде молиться Богу; это был бы грех — отделение. Прежняя вера имеет голову!

Раздается рыдание. Сердце долго плачет внутри. Наконец наступает огромная ясность: нет, в глубине является «да». Всё является

«да», что коренится в этой глубине и рождается из нее как любовь. Всё является абсолютным «да».

По прошествии нескольких часов после этого формулируется слово «Ава» (Отче)! Но уже не так, как прежде, в качестве обращения к «Богу». А так: из первоначальной «А» что-то приходит в язык, бормочет «в, в»... (это заменяет все немые знаки алфавита и представляет все формы выражения воспринимаемого в неартикулируемом): двигается, течет и опускается назад к «А».

«Ава» читается и туда, и обратно одинаково. Прообраз и отражение, раскрытие и возвращение, раньше и позже, это «не-два». Может безбожник молиться?!

Ава! А!

...ДАЖЕ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ...

Когда я пришел домой, я снова осознал, что такое жизнь и что это значит иметь возможность жить. Прежде всего я познал неизмеримую силу, неопишущую радость, которая таилась в каждом моменте. (А сейчас я осознаю бедность моего словарного запаса, поскольку совсем не могу выразить словами то, что я в действительности познал!)

Если бы мы познали момент в его свете и в его величине, это бы нас разорвало. Моя душа ликовала и думала: каждый момент так дорог — и, если у меня их осталось так мало, я проживу их со вниманием и сознанием, и мне было бы достаточно полноты момента. Откуда у меня появились заботы о моем здоровье? Теперь я это вижу ясно: что даже смертельно опасная болезнь перед лицом этой бесценной полноты момента не имеет никакого значения и что любые страхи являются ничтожными.

...ТОЛЬКО ОЛИВКОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ, ТОЛЬКО ЦИКАДЫ...

Когда я вышел из самолета, произошло что-то необычное: оливковые деревья больше не были символическими природными созданиями, сразу же вызывающими в моем сознании метафору, они просто были «только» оливковыми деревьями!

Я каждое утро погружаюсь в медитацию. Сегодня я заметил перемены: я был не в состоянии продолжать, здесь были только цикады, затем дверь, которая открывалась и закрывалась. И эти звуки были не такими как прежде: они были произведением искусства, совершенными!

...ТОЛЬКО ЭТОТ ШАГ, ТОЛЬКО ЭТО ДВИЖЕНИЕ...

Я иду, чтобы что-то взять, позвонить, написать и т. д. — но здесь только этот шаг, это движение, этот телефонный номер, эта книга, этот счет... Это чудо, и, тем не менее, совершенно банально: больше нет места для «если» и «но».

...НИКАКИХ «ПОЧЕМУ»...

Я сижу, потому что я сижу;

Я иду, потому что я иду;

Я ем, потому что я ем;

Я сплю, потому что я сплю.

Пустота. Никаких «почему».

Долина есть долина, и гора есть гора.

Здесь только дыхание, здесь только хождение, здесь только сидение.

Ничего кроме; больше ничего.

Я пью чистую воду момента — родниковую воду.

Теперь я знаю, каково на вкус «Сейчас»!

...КАЖДЫЙ ЛИСТОК И МОСТОВАЯ...**КАЖДАЯ ВЕЩЬ БЫЛА ОН...**

Рано утром я совершал длительную пробежку. Вместо того чтобы при этом перебирать четки, как я это обычно делал, я был только в том, что есть, как вдруг я был охвачен Его присутствием во всех вещах. Каждый звук и каждое движение, каждый листок и мостовая под моими ногами были наполнены Божественной жизнью. Каждая вещь была ОН. Я пребывал в экстазе и, тем не менее, был связан со всем. Познание продолжалось несколько дней. Я был охвачен Его существованием во всем.

...Я ЛЮБЛЮ ТАК МАЛО...

Обед, мытье посуды, отдых во дворе на скамейке, хочу войти внутрь, прохожу мимо деревца, и тут происходит это: я чувствую, как изливается Любовь, как всё, что я вижу, окружает меня Любовью. Я такого никогда не видел. Слезы подступают к глазам, я познаю Любовь и могу любить — а люблю так мало. Я ощущаю, что это начало чего-то, что идет намного глубже.

Как-нибудь я снова вернусь в повседневность. Всё снова так, как оно есть, но всё же по-другому. Я вижу и слышу по-другому, я хожу

по-другому. Я иначе открываю двери. Я вижу березу, белый ствол и вдруг понимаю, что в то время как я на нее смотрю, я познаю всё.

...НА КАКОЙ-ТО МОМЕНТ Я СТАЛ ЭТИМ ШОРОХОМ...

Собака носилась по комнате и нашла где-то клочок бумаги. Он шуришал. На какой-то момент я стал этим шорохом.

Один раз, когда я гулял с собакой, я осознал: если я являюсь ничем, то я являюсь всем. Если я есть ничто и всё, если ты есть ничто и всё, тогда мы оба есть только всё. И вместе мы также всё. Итак, мы есть одно и то же... и это то, что я еще ребенком хотел сказать всему миру. Ибо только это может каждого «спасти» и каждого «исцелить». Сообщить об этом всем — значит любить ближнего, и больше ничего. Я хотел удержать это осознание и спасти все живые существа, однако всё снова забыл. Это желание помогать и спасать гнездило во мне и побуждало меня отправиться в Третий мир, чтобы помогать людям. Эта иллюзия мучила меня всю мою жизнь, так как осталась несбывшейся.

Вдруг я осознал, что мне не надо отправляться в Третий мир, поскольку я снова познал «Приносящего исцеление». Что мог бы я тогда еще принести людям? Ничего! Ничего, что способствовало бы их исцелению. Я могу только терпеливо сидеть на своей подушке и своей жизнью показывать пример другим людям, и это мой подарок. Освободившись от этой иллюзии, я громко рассмеялся, часами я громко смеялся, плакал и смеялся!

...Это было то, что я еще ребенком хотел сказать всему миру!

...БУМАГА БЕЛАЯ, ЧЕРНИЛА СИНИЕ...

Спокойствие и неразбериха, радость и боль — часто всё сразу. Во всем что-то изменилось, всё является единым. Мне не хватает слов. Всё изменилось, всё является равным. Бумага белая, чернила синие, ручка черная.

...ВСЁ РАВНО... БОГ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ...

Бог стал действительностью, и большой вопрос: «Устраивает это Тебя?» замирает. Я связан и больше не свободен. Каждый раз — Бог, жизнь, полнота! Мир изменился. Больше нет особого различия между работой и досугом, поскольку всё равно, «Бог — действительность».

...БОЛЬШЕ НЕТ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ...

Переживание природы происходит в совершенно новой области. Я ни на что не смотрю, меня ничего не интересует, не волнует, не касается, поскольку больше нет противопоставлений моему переживанию. Больше нет противопоставлений, нет двойственности объекта и субъекта. Созерцаемое сливается с тем, кто созерцает в одно бытие. Я — это дерево, дерево — это я.

...ТЫ СЛЫШИШЬ, КАК СНАРУЖИ ВСЁ ЗЕЛЕНЕЕТ?...

Сегодня я написал в письме: «Ты слышишь, как снаружи всё зеленеет?» и лишь позже заметил, что я здесь написал.

...В ТОМ Я ИМЕЮ ЗНАЧЕНИЕ И ОДНОВРЕМЕННО НЕ ИМЕЮ...

Через вас проходит то, что я в своем ограниченном понимании называю Светом. В том я осознаю Свет в себе; и все-таки он не остается во мне; другие могут предполагать его во мне, и так он пойдет дальше. В том «Я» имею значение и одновременно не имею. В этом «Я» я могу познавать, видеть, слышать и чувствовать, обонять и ощущать, и снова отказываться. Оно не «Я», но оно находит во мне пространство, время и родину, а я в этом теряю пространство и время и нахожу родину.

Я очень благодарен вам за то, что я познаю. Нет ничего «правильного» и «ошибочного»; также нет ступени или цели, которую надо достичь; есть только постоянное усилие, которое, собственно, является не усилием, а раскрытием и освобождением, а именно: жизнью. В этом каждый человек и всё остальное имеет равные шансы. Это не состояние освобождения, а готовность к освобождению.

...ЧТО Я ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ МИМО ЭТОГО ПРОБЕГАЛ...

Когда я пришел домой, моя сущность полностью изменилась. Я был переполнен нежностью. После долголетнего пребывания в темноте мое сердце снова начало жить. Как-то утром у меня внезапно полились из глаз слезы. На какой-то момент я увидел и ощутил то, к чему стремилось всю жизнь мое сердце. Я почувствовал, что, в сущности, всё находится здесь, а я всю свою жизнь мимо этого пробежал. Больше всего меня мучило то, что я так мало любил и

постоянно был захвачен своим собственным безумием; что я никогда уже не смогу компенсировать эту нехватку любви.

Мое эго ничего не сможет взять из этого момента. Однако постепенно я ощущаю, что во мне происходит глубокое преобразование.

...Я УЖЕ ВНУТРИ ВОРОТ...

Сначала я сижу в полной расслабленности и покое, не ставлю перед собой никаких задач и условий. Я сижу и пытаюсь стать «опустошенным».

В дацане я получаю задание: «Кем я буду, если мною ничего не будет двигать?».

До этого момента мною ничего не двигало, я внутренне протестовал против этого задания. Я подхожу к следующему разговору: «Всё в порядке, твои мысли, твои переживания. Спрашивай всё же!»

Итак, я снова «сижу» со своим прежним заданием: «Твоя молитва — самоотречение». Что произошло, невозможно описать. Это произошло в течение одной секунды. Я хочу попытаться описать это наиболее понятно. Я сижу на своей подушке, готовлюсь и повторяю про себя то, что мне незадолго до этого в дацане сказал В.: «Самоотречение, самоотречение...». Вскоре на меня накатывает вал невиданной силы, которая называется Любовь, похожий на волну взрыва, сопровождаемый беспредельным Светом. Эти Свет и Любовь кажутся мне колоссальной силой. Я утопаю в Любви и в невероятно ярком Свете. Я вижу перед собой большие золотые ворота в сияющем свете. Я слышу музыку и ощущаю непреодолимое желание войти в ворота. Чувство такое, как будто за воротами находится город со множеством радостных и довольных людей. Всё переполнено удивительным светом и утопает в нем. Свет струится золотыми лучами, и отовсюду звучит музыка. Мне в голову пришло сравнение с «Небесным Иерусалимом», хотя, по сути, я не жалею эту христианскую терминологию. И словно какой-то голос во мне сказал: «Входи в ворота».

Я был в замешательстве от того, что со мной происходит, и в то же время я страшно испугался. Что-то во мне говорит: «Когда те, кто находится за воротами, увидят тебя в этом ярком свете, они заметят, что ты чужой. И когда ты войдешь в ворота, они выкинут тебя обратно». Во мне разгорается внутренний спор. Я плачу, встаю со своего места и ухожу в сад. Я в отчаянии. На следующем круге медитации я взял себя в руки. Я жалею, что не решился войти в ворота. Я сижу и стараюсь снова найти ворота.

Я хочу предпринять новую попытку пройти через многообещающие ворота.

Несмотря на всю свою волю и огромные усилия, которые я прилагаю, мне не удастся найти ворота, чтобы суметь пройти через них. Я вспоминаю о своих молитвенных упражнениях: «Твоя молитва — это самоотречение», и только это. Я слежу за тем, что происходит в моей голове. И снова вспоминаю: «Самоотречение». Я снова предаюсь тому, что происходит. Я чувствую слияние с давлением. Из давления и противодействия возникает сила, энергия. От давления в моей груди распускается большая лилия. Я думаю, что раскрылась моя сердечная чакра.

Это как прорыв плотины. Мир полностью изменился, хотя, конечно, он остался прежним. Через меня как будто проходит удар током напряжением в сто вольт. Я ощущаю жизненную энергию, жизненную силу и радость. Всё во мне полно жизни и живительно. Такое чувство, словно я растворился в Любви, переполнен Любовью — с самого начала. Мне не нужно больше искать ворота, мне не нужно больше через них проходить, ибо я уже нахожусь «внутри» ворот и я всегда буду находиться внутри ворот. То, что меня отделяет от состояния «нахождения внутри ворот», это, собственно, только мир моих мыслей. Мысли и возникающие из них чувства создают фиктивный мир.

Всё равно, что я делаю, всё равно, куда я иду, меня наполняет и окружает любовь. Всё бытие — это Любовь. Существует одна-единственная истинная действительность, и это Любовь. Эта Любовь олицетворяет возникновение и исчезновение, охватывает всё, что есть в этой жизни, а следовательно, и смерть. Это насыщенная, обильная, все наполняющая Любовь, не изнуряющая, мелочно-расчетливая любовь. Я ощущаю радость, веселье, солнце и Любовь. Не дети ли мы, принимающие участие в великом представлении жизни? Но не со слишком ли смертельной серьезностью и со слишком большим количеством искаженных реальностей мы это делаем?

Мне кажется, будто с моих глаз спала пелена. Я вижу мир не так, как прежде. Я понимаю, что подразумевается под словами «спящий человек». Разумом я это понимал при чтении, знал, о чем идет речь. Теперь я это чувствую и переживаю.

...НИЧЕГО, КРОМЕ ВЕЛИКОГО МОЛЧАНИЯ...

Господь, я боюсь освободиться, прекратить существовать и ничего не иметь; боюсь пустоты, боюсь перестать видеть и ощущать, боюсь одиночества, неясности; боюсь заходить в это безвременное

пространство. Я не слышу ничего, кроме великого молчания. Внезапно пронеслось дыхание — я чувствую это абсолютно четко.

Господь, сегодня я ощущаю радость от того, что должен стать ничем. Я работаю и не размышляю, для чего я работаю, мне сегодня легко, я летаю как на крыльях; завтра, когда мое «Я» снова выдвинет свои требования, мне будет намного тяжелее. Я работаю и радуюсь, что я существую.

Господь, иногда путь становится таким трудным. Вдруг моя дорога заходит в тупик, и я останавливаюсь. Господи, еще только этот один шаг, а затем следующий.

...ГДЕ Я МОГ ЗАБЛУДИТЬСЯ...

Господь, ты не вверху и не внизу, Ты не внутри и не снаружи; Ты не маленький и не большой, Ты не полный и не пустой. Господь, Ты всё! Всё постижимое находится в Тебе! Всё начинается и заканчивается с Тобой. Где я мог здесь заблудиться?

...Я ЕСТЬ... И ТЫ ЕСТЬ Я...

Господь, я есть! Я не знаю, для чего и почему. Я не должен этого знать, ибо Ты есть всё и не стоит спрашивать «что» и «почему». Я есть, потому что я есть! Я растворился в универсуме, в микро и макро. Господь, Ты — центр и Ты охватываешь всё. Ты со всех сторон. Ты без конца и без края. Ты — мой сосед и Ты есть я.

Господь, если я освобожусь и слепо доверюсь Тебе, я почувствую себя в бурной действительности, словно лежащим в «утробе» в тепле и безопасности. Я работаю и радуюсь тому, что я работаю. Я читаю и радуюсь тому, что я читаю. Господь, я не заглядываю в даль и в завтрашний день, я вижу и чувствую только то, что есть в данный момент, сейчас, в этот момент. Сейчас покой, сейчас боль, сейчас волнение, сейчас напряжение, сейчас тишина, сейчас слушание.

...КОГДА РАЗОРВУТСЯ ПОСЛЕДНИЕ ВЕРЕВКИ?..

Я нахожусь в пространстве и взываю к беспространственности; я нахожусь во времени и взываю к безвременью. В настоящее время я вишу между небом и землей, и мне от этого плохо до тошноты.

Господь, когда разорвутся последние веревки? Я хотел бы закрыть глаза и ощутить, как я падаю далеко и глубоко. В падении я буду изменяться.

Господь, после многих дней внутренней борьбы и мучений сегодня я чувствую себя свободней. Я ничего не знаю о происходящем внутри. Возможно, Ты хочешь освободиться, а я — Тебя удержать.

Господь, хоть я и желаю уйти от себя, я не доволен тем, как Ты это делаешь.

Я чувствую себя слабым и жалким, и это как раз то, что я не переношу. Мне трудно уйти от моего представления об идеале и воспринимать себя таким, какой я есть.

Господь, на каком языке Ты говоришь, я не слышу Тебя? Господь, всё, что я слышу, это только молчание; не успокаивающее, а изнуряющее молчание. Господь, я падаю глубже, чем в самую глубокую глубину. В этой крошечной темноте я больше не вижу, иду ли я. Я не ощущаю и не вижу ничего, кроме темноты. Движения мои неуверенные от слабости, мне дурно.

Мое мгновенное прощание — это расставание с желаниями и представлениями, общепризнанными традициями и уверенностью в безопасности. Прощание с широкими, прямыми улицами, где так шумно, пестро, стремительно и ярко. Оно ведет меня по узкой тропинке, осыпающейся, темной и безмолвной.

Господь, человек молчит, природа молчит, и Ты молчишь; здесь глубокая ночь.

Господь, я не знал, что могу быть действенным в сострадании. Стать спокойным, терпеливым, стойким с Тобой, в Тебе, для Тебя и, тем самым, для других, и наоборот.

Во мне огромная боль утраты, которую я не способен выразить словами. Мне больно, я — боль, и всё есть боль!

Господь, кто Ты, к кому я обращаюсь? Во мне всё словно освободилось — безмолвие! А вокруг меня бурный прилив, хаос, бушующий ураган. Стоя в центре бушующего урагана, я не кружусь вместе с ним. Я чувствую себя как остановившиеся часы среди громко тикающих других часов.

Господь, вся моя темнота — это я сам. Путь к неделимому свету — это долгий путь. Он является для меня совершенно особенным, поскольку я имею железную волю и сильный характер.

Господь, в темноте я Тебе и себе ближе всего. Здесь моя истинная сущность освобождается. В этой темноте становятся различимыми лица, которые исчезают при ярком дневном свете. Они подстерегают меня в моем освобождении и пытаются схватить меня и увести.

Господь, Ты — это всё: гора мусора и ухоженный городской парк, широкая и узкая улицы, судья и осужденный, ограда и свобода.

Господь, моя зависимость от людей и вещей взывает к небесам. Изменение вызывает во мне такие трудности лишений, что я едва ли способен пошевелиться.

Господь, все беды происходят от стремления удержать материю. Господь, я не добрый и не плохой, я такой, какой я есть!

Господь, я ощущаю себя атомом, который распался, разделился на части и снова соединился. Я больше не-я! Господь, я боюсь Твоих методов исцеления и Твоего горького лекарства, но я прошу Тебя вмешаться, когда это будет необходимо!

Господь, когда я освобожусь от самого себя, я стану безродным. У меня не будет родителей, братьев и сестер, у меня не будет ни жены, ни детей, ни дома, ни традиций, ни религии, ни законов. У меня нет благих намерений и советов. Я — освобожденный, я — чужой.

...ЧТО ЕСТЬ МОЯ СУЩНОСТЬ?...

Что есть моя глубинная сущность? «Переливающийся через край Свет и Любовь». Бог — это Свет! — Смотреть и быть видимым. Моя глубинная сущность неизменна.

Смотреть на мир так, словно впервые раскрыл глаза. Любое мгновение — это первое мгновение. Шелестят деревья, и ветер обдувает мое лицо..., и указательный палец обводит всю Вселенную. У вещей нет имен. Я задуваю свечку, а она продолжает гореть. Нескончаемый глубокий смех, который всё сотрясает.

Все вещи возникли из пустоты и в пустоту уйдут. Тамтам... Тамтам...Тамтам — Клик... Клик... Клик!

...ЗЕРКАЛО, МОИ ГЛАЗА, ТАМ Я ПОЗНАЮ ЭТО — Я, ТЫ, БОГ, ВСЕ...

Дома я сел на свою подушку. Внутри у меня всё плачет от радости. Я не знал, что всё так просто. Всю свою жизнь я искал «большую синеву», а мне нужно было только раскрыть руки и воспринять.

Христос представляет жизнь, представляет всё. Христос — властитель, сейчас и навсегда. Я написал это на стене дорического храма. Надпись останется до тех пор, пока зимой не пойдет дождь.

Я понимаю, понимаю, а не знал этого. Таким является путь: идти окольными путями, пробегать мимо, не иметь желания идти дальше и так: видеть колодец, видеть дерево. Филистер уже давно

прошел сквозь игольное ушко, а я сижу здесь и размышляю, как это могло случиться. Нет никакого игольного ушка. Я испытываю страх, смертельный страх. А если я при этом погибну?

Kyrie eleison (Господи, сжался) надо мной и над всеми. Раньше я молил о силе, сейчас я молю о слабости, чтобы ощутить свою нужду.

Найду ли я Бога? Найдет ли Он меня? — Вечером. Нет ничего, что нужно искать или находить. Ясность, ясность. Руки знают это, плечи знают это, а моя голова?

Я боюсь посмотреть в зеркало, ибо там я вижу ЕГО. В своих глазах я вижу ЕГО. Я боюсь своих глаз. Ноги знают это, руки, мои колени. Они молят о сострадании. А сейчас это увидели и мои глаза.

Впереди меня шла девушка, я хотел к ней прикоснуться, положить руку на плечо, обнять ее, но я боялся взглянуть ей в лицо.

Страх! Если я Тебя или Ты меня узнаешь, будь осторожен со мной, чтобы я не испугался Тебя в темноте.

Я чувствую Твою любовь в себе так сильно, что хотел бы обнять своих пациентов. Она как огонь, Твоя любовь. Свобода! Я ничего не должен делать, просто быть, как Ты. Не добрым, не злым; не мудрым, не глупым; не сильным, не слабым — просто таким, какой есть. Когда ветер обдувает луговые цветы, из них разлетаются семена. Он повсюду. Я повсюду. Если я совсем Тебя потеряю? Обходишь со мной как с тяжело больным пациентом, с любовью, утешай меня, запрещаешь мне задумываться над чем-либо.

У меня такое чувство, что сейчас Пасха. Земля пахнет смертью и воскресением. Я слышу, как птицы поют новые песни. Форма — это пустота, пустота — это форма. — Круг замкнулся. Христос — взаимозаменяемая форма Божественного — Мать Мария, Афина, Бог, Отец, Сын. Я могу только шептать: Мой Бог! Больше нет никаких слов.

Я выбежал в сад и увидел всё впервые. Девушка на пруду. Мы кормили головастика и придумывали им имена.

Вечернее богослужение, алтарное таинство. Я боюсь Твоего приближения в символах хлеба и вина. Страх от того, что Ты близко ко мне подойдешь и я растворюсь в Тебе. Я крепко держусь за голос молодого человека, который рядом со мной стоит на коленях. Он смотрит на меня с удивлением, когда я его позже благодарю.

Я сижу на ступеньке и плачу. Я уже не знаю, кто я и где я. Растворяюсь в звуках. Смотрю в зеркало, смотрю в свои глаза, не

знаю как долго. Я смотрю, и смотрю, и смотрю, и смотрю. Потом я вижу это: «Луна истины». Зеркало, мои глаза, в них я узнаю ЭТО — Я, ТЫ, БОГ, ВСЕ.

На обратном пути я пишу на телеграфных столбах «Аллилуйя».

...ДВЕРЬ ОТКРЫТА, Я ЭТОГО НЕ ЗНАЛ...

Дверь открыта, я этого не знал.

Дверь находится рядом со мной, я этого не видел.

Дверь зовет войти в нее, я этого не хотел?

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I. ДОКЛАДЫ

Введение

- ¹ Daio Kokuschi.
- ² По: G. Börner, Die Entstehung der Welt aus astronomischer Sicht, Vortrag in Alpbach 1989.
- ³ G. Zukav, Die tanzenden Wu Li Meister, Ro TB 7910, S. 351.

I. Поиск смысла жизни

- ¹ Rabbi Nackmann von Brazlar.
- ² Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 34.
- ³ Al-Halladsch, «O Leute, rettet mich vor Gott», Texte zum Nachdenken, Herder TB 1240, S. 26.
- ⁴ C. G. Jung, Gesammelte Werke, Stuttgart 1963, S. 362.
- ⁵ Johannes vom Kreuz, Gesammelte Werke, Die Liebesflamme, Einsiedeln 1964, IV 9. (Далее этот источник будет обозначаться LF.)
- ⁶ Johannes vom Kreuz, Aufstieg zum Berge Karmel, Einsiedeln 1964, III, 12. (Далее этот источник будет обозначаться АВК.)
- ⁷ J. Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 353, 23.
- ⁸ Там же, S. 308, 6.
- ⁹ Там же, S. 60 ff.
- ¹⁰ LF IV. 5.

II. Естествознание и мистика

- ¹ Ср. С. Lilly, Das Zentrum des Zyklons, Fischer TB 1768.
- ² Ср. Harold Burr, Elektrische Felder des Lebens, im: Lesebuch zu bedrängenden Fragen unserer Zeit, II, 85, Hrsg. E. Naudascher, Karlsruhe.
- ³ Rupert Sheldrake, Das Schöpferische Universum, Goldmann TB 14014, Vorwort.

III. Трансличностное познание

- ¹ Ср. Wilber, Halbzeit der Evolution, München 1984.
- ² Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 29.
- ³ Там же, С. 180.
- ⁴ Там же, С. 355.
- ⁵ Johannes vom Kreuz, АВК III, 12, 1.
- ⁶ Kabir, im Garten der Gottesliebe, Heidelberg 1984, S. 1.

- ⁷ Gesänge des tanzenden Gottesfreundes, Texte zum Nachdenken, Herderbücherei 679, S. 67.
- ⁸ LF IV, 9.
- ⁹ LF IV, 10.
- ¹⁰ Ср. Z. Shibayama, Zen in Gleichnis und Bild, München 1979, S. 82.
- ¹¹ Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 102, 12.
- ¹² Up from Eden, Anchor Press/Doubleday, New York 1981, S. 297 ff.
- ¹³ Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 358, 21 ff.
- ¹⁴ Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 397.
- ¹⁵ Garma C. C. Chang, Mahamudra-Fibel, Octopus Verlag, Wien 1979.
- ¹⁶ Josef Quint, Meister Eckehart, München 1979, S. 61, 16.

IV. Религия или эзотерика

- ¹ Эзотерика происходит от греческого слова *esoterós* — «внутри, изнутри». Экзотерика происходит от слова *exoterós* — «популярный, понятный для дилетантов». Слово «эзотерика» используется здесь не в понимании посвященных людей, то есть людей, причисляющих себя к эзотерической группе; а слово «экзотерика» не в понимании непосвященных, стоящих вне эзотерической группы людей. В большей степени словом «эзотерика» обозначается духовность, целью которой является познание и осмысление религии.
- ² Josef Quint, Meister Eckehart, S. 450, 3.
- ³ Там же, С. 450, 3.
- ⁴ Ср. Nikolaus v. Kues, *Verteidigung der wissenden Unwissenheit*, Philosophisch-theologische Schriften I, Wien 1962.
- ⁵ То, что происходит в мире и с нами, имеет свой смысл и становится понятным, исходя из того, что уже было в «первобытные времена», являлось Божественным свершением и отразилось затем в мифах и культах. Миф, таким образом, является одной из форм религии. (*Der grosse Henker*, Bd. 6, S. 851)
- ⁶ Ср. Thorwald Dethlefsen, *Das Ostermysterium*, Vortrag.
- ⁷ Ср. J. Campbell, *Lebendiger Mythos*, München 1987.
- ⁸ Ср. Thorwald Dethlefsen, *Gedanken zum Ostermysterium*, Vortrag.

V. Христианская мистика и восточные эзотерические пути

- ¹ Ср. Green B. Michael, в журнале: *Spektrum der Wissenschaft*, November 1986, S. 54.
- ² G. Zukav, *Die tanzenden Wu Li Meister*, rororo 7910, 1985, S. 354.
- ³ Там же, с. 351.
- ⁴ Nikolaus von Kues, *Studienausgabe* III, S. 133.
- ⁵ *Thomasevangelium* Nr. 22, цит. по: *Apokryphe Evangelien aus Nag Hammadi*, Andechs 1988, S. 198 f.
- ⁶ Josef Quint, Meister Eckehart, S. 436 ff.
- ⁷ C.G. Jung, *Zur Psychologie westlicher und östlicher Religion*, Band II, Olten 1971, S. 116.

VI. Созерцательная молитва

- ¹ Ср. Johannes v. Kreuz, ABK II, 15.
- ² Там же, III, 14.
- ³ Там же und Johannes v. Kreuz, Die dunkle Nacht, SW, Einsiedeln 1977, II, 18. (Далее будут обозначаться как DN.)
- ⁴ Ср. M. Guyon, Kurzer und sehr leichter Weg zum inneren Gebet, Hrsg. v. E. Jungclaussen, Freiburg 1988, S. 51.
- ⁵ DN I, 1, 1.
- ⁶ F. de Osuna, Versenkung, Herderbücherei 938, S. 30.
- ⁷ ABK II, 14, 2.
- ⁸ ABK II, 13, 7.
- ⁹ Ср. Hugo v. St. Viktor, De sacramentis I, 10, 2.
- ¹⁰ Ср. Bonaventura, Itinerarium, München 1961, 41.
- ¹¹ Wolke der Nichtwissens, Hrsg. v. W. Massa, Topos TB 30. Wolke des Schweigens, Hrsg. v. W. Massa, Kevelaer 1974.
- ¹² Ср. E. Jungclaussen, Suche Gott in dir, Freiburg 1986, S. 51.
- ¹³ ABK, Einleitung.
- ¹⁴ C. Naranjo / R. E. Ornstein, Psychologie der Meditation, Fischer TB 42298, Frankfurt 1988.
- ¹⁵ Ср. Ken Wilber, Halbzeit der Evolution, München 1981.
- ¹⁶ Ср. Writings from the Philokalia, Faber and Faber, London 1979, S. 194 ff.
- ¹⁷ Cassianus J., Collationes X.
- ¹⁸ Demetrias v. Nagel, Puritas Cordis, in: G. Stachel, Ungegenständliche Meditation, Mainz 1978, S. 140.
- ¹⁹ Там же, с. 195.
- ²⁰ J. E. Berendt, Nada Brahma, Die Welt ist Klang, rororo 7949, S. 38.
- ²¹ Ср. Aufrichtige Erz. Eines russischen Pilgers, Hrsg. von E. Jungclaussen, Freiburg 1968, S.25.
- ²² Ср. J. E. Berendt, a.a.O., S. 102.
- ²³ J. E. Berendt, a.a.O., S. 152.
- ²⁴ Ср. O. E. Berendt, a.a.O., S. 55.

VII. Молитвенный путь великих мистиков

- ¹ Cassianus J., Collationes Prolog.
- ² Там же, 1, 4.
- ³ Там же, 1, 7.
- ⁴ Demetrias v. Nagel, in: munen muso, Ungegenständliche Meditation, Hrsg. von G. Stachel, Mainz 1978, S. 140.
- ⁵ Там же, с. 141.
- ⁶ Evagrius Pontikus, Praktikos Nr. 64.
- ⁷ Там же, с. 146.
- ⁸ Там же, с. 149.
- ⁹ Там же, с. 152.
- ¹⁰ Там же, с. 153.
- ¹¹ Там же, с. 154.

- ¹² Meister Eckehart; Die lateinischen Werke, hrsg. von J. Quint, IV, 198, 11.
- ¹³ Meister Eckehart, Die deutschen Werke, hrsg. von J. Quint, I, 253, 6 ff. (Далее данное сочинение будет обозначаться как DW.)
- ¹⁴ Mumonkan 19.
- ¹⁵ Meister Eckehart, Deutsche Predikten und Traktate, hrsg. von J. Quint, München 1977, S. 436, 9 ff. (сокращенно: DPT)
- ¹⁶ DW V, 403, 4 f.
- ¹⁷ DPT S. 438, 4 f.
- ¹⁸ DW III, 485, 10–11.
- ¹⁹ DW V, 209, 1 ff.
- ²⁰ DW I, 52, 9 f.
- ²¹ DPT S. 433, 22 ff.
- ²² DW III, 196, 14.
- ²³ DW III, 19, 2 f.
- ²⁴ DPT S. 420, 24 ff.
- ²⁵ DW I, 312, 8 f.
- ²⁶ DW III, 240, 3 ff.
- ²⁷ DW I, 351, 8 f.
- ²⁸ DW I, 170, 1.
- ²⁹ DW I, 203, 3 f.
- ³⁰ DW III, 284, 1 f.
- ³¹ Kabir, Im Garten der Gottesliebe, Heidelberg 1984, S. 6.
- ³² DW, Pr. 53.
- ³³ D. Mieth, Meister Eckehart, Freiburg 1979, S. 96.
- ³⁴ Там же, с. 92.
- ³⁵ DW V, 203 ff.
- ³⁶ DW V, 275, 10.
- ³⁷ DW V, 277, 1 ff.
- ³⁸ Cp. Gottwald Wolz, Übung und Gnade, in: Zeitschrift für Philosophie und Theologie, Bd. 34, 1987, Heft 1–2, S. 147.
- ³⁹ LF III, 33.
- ⁴⁰ Cp. LF III, 34.
- ⁴¹ LF III, 34.
- ⁴² LF I, 12.
- ⁴³ LF III, 41.
- ⁴⁴ LF III, 55.
- ⁴⁵ ABK II, 4, 2.
- ⁴⁶ ABK II, 13, 7.
- ⁴⁷ ABK II, 14, 9.
- ⁴⁸ ABK II, 14, 1.
- ⁴⁹ ABK II, 14, 2, 3.
- ⁵⁰ ABK II, 15.
- ⁵¹ ABK II, 14, 2.
- ⁵² ABK II, 14, 2, 3.
- ⁵³ Brenan G., St. John of the Cross, London 1950, S. 43, 47, 48, 53, 55.

- ⁵⁴ Ср. DN IV, 2.
- ⁵⁵ Ср. May, Will and Spirit, Harper & Row, San Francisco 1982, S. 108 ff.
- ⁵⁶ DN I, 10, 2.
- ⁵⁷ DN I, 10, 4.
- ⁵⁸ ABK Vorrede 3.
- ⁵⁹ Ср. LF III, все абзацы с 53 по 66.
- ⁶⁰ LF III, 60.
- ⁶¹ LF III, 43.
- ⁶² LF III, 52
- ⁶³ LF III, 62.
- ⁶⁴ LF III, 30
- ⁶⁵ Tauler, Predigten, Band I, Einsiedeln 1979, S. 204.
- ⁶⁶ Joh. Tauler, a.a.O., S. 201.
- ⁶⁷ LF 3, 30.
- ⁶⁸ LF 3, 46.
- ⁶⁹ ABK II, 22.
- ⁷⁰ Jungclaussen E., Suche Gott in dir, Freiburg 1986, S. 55, 73. (Далее в сокращенном варианте: SGID.)
- ⁷¹ GS S.12.
- ⁷² GS S. 13.
- ⁷³ GS S. 19.
- ⁷⁴ GS S. 24.
- ⁷⁵ GS S. 21.
- ⁷⁶ GS S. 23.
- ⁷⁷ GS S. 19.
- ⁷⁸ GS S. 280.
- ⁷⁹ GS S. 26.
- ⁸⁰ SGID S. 112.
- ⁸¹ SGID S. 191.
- ⁸² SGID S. 90.
- ⁸³ SGID S. 86.
- ⁸⁴ SGID S. 85.
- ⁸⁵ GS S. 45.
- ⁸⁶ GS S. 46.
- ⁸⁷ GS S. 50.
- ⁸⁸ GS S. 81 ff.
- ⁸⁹ GS S. 109.
- ⁹⁰ GS S. 108.
- ⁹¹ GS S. 86.
- ⁹² GS S. 100.
- ⁹³ GS S. 102.
- ⁹⁴ Jungclaussen, Suche Gott in dir, Freiburg 1986, S. 51.
- ⁹⁵ Keating Th., Das Gebet der Sammlung, Münsterschwarzach 1987, S. 43.
- ⁹⁶ Th. Keating, a.a.O., S. 44.
- ⁹⁷ Th. Keating, a.a.O., S. 45.

- ⁹⁸ E. Lorenz, *Der nahe Gott*, Freiburg 1985, S. 122.
⁹⁹ Там же, с. 15.
¹⁰⁰ Там же, с. 109.
¹⁰¹ G. Denzler, *Die verbotene Lust*, Piper 1988, S. 252.
¹⁰² I. Behn, *Spanische Mystik*, Düsseldorf 1957, S. 265.
¹⁰³ Zukav G., *Die tanzenden Wu Li Meister*, rororo 7910, S. 351.

VIII. Иисус Христос в созерцательности

- ¹ ABK II, 11, 7.
² ABK II, 11, 12.
³ S. Kirkegaard, *Einübung im Christentum*, XII, 102.
⁴ Painadath, in: *Christ in der Gegenwart*, Nr. 47, Herder, Freiburg.
⁵ ABK II, 7, 11.
⁶ ABK II, 12, 5.
⁷ BK II, 7, 12.
⁸ Ср. *Apokryphe Evangelien aus Nag Hammadi*, hrsg. v. K. Dietzfelbinger, Dingfelder Verlag, Andechs 1988.

IX. Психологические аспекты внутреннего пути

- ¹ Aus *Zenzo Mondo* — *Dialoge von Zenmeistern*.
² Ср. Ken Wilber, *Wege zum Selbst*, München 1984, S. 174 f.
³ Там же, с. 170 f.
⁴ LF IV, 9.
⁵ Shibayama, *Zen in Gleichnis und Bild*, Barthverl., S. 82.
⁶ Jean D. Laussade, *Hingabe an Gottes Vorsehung*, Zürich 1981, S. 146.
⁷ Там же, с. 68/69.
⁸ Там же, с. 147.
⁹ Там же, с. 153.
¹⁰ Там же, с. 30.
¹¹ Там же, с. 33.
¹² Из санскрита.
¹³ Josef Quint, *Meister Eckehart*, S. 63.
¹⁴ Там же, с. 58–59.
¹⁵ Там же, с. 324.
¹⁶ Там же, с. 60–61.
¹⁷ Там же, с. 61.
¹⁸ Ср. *Lexikon der östlichen Weisheitslehren*, München 1986, S. 425.
¹⁹ Там же, с. 317.
²⁰ J. Quint, *Meister Eckehart*, S. 180, 9.
²¹ Там же, с. 181, 38. Ср. также: Ken Wilber, *Psychologie der Befreiung*, Scherz-Verlag München 1988, Beitrag von Brown, S. 229.
²² Следующие высказывания взяты из статьи J. White в книге: S. Grof, *Die Chance der Menschheit*, München 1988, S. 234 ff.
²³ Mihajlo Mihajlov, in: *Lesebuch zu bedrängenden Fragen unserer Zeit*, hrsg. von E. Naudascher, II, 83.

- ²⁴ Ср. Глава IX: «Депрессия или процесс трансформации?».
- ²⁵ Ср. Maha-Satibbatthana-Sutta = Lehre über die Erweckung der Achtsamkeit im Hinayana Buddhismus.
- ²⁶ Ср. Weisung der Väter, Hrsg. B. Miller, Freiburg 1965.
- ²⁷ J. Campbell, The Power of Myth, Doubleday NY, 1988.
- ²⁸ Ср. Платон, Сämtliche Werke, Bd. III, Hamburg 1988, S. 224.
- ²⁹ Ср. Дүрр H., Physik und Transzendenz, München 1986, S. 14.
- ³⁰ C. G. Jung, Gesammelte Werke IX, zweiter Halbband, Olten 1976, S. 18.
- ³¹ Ср. Beitrag von R. Metzner, Der innere Feind, in: Grof S., Die Chance der Menschheit, S. 78
- ³² Там же, с. 79.
- ³³ Ср. Там же, с. 64.
- ³⁴ Kabir, Im Garten der Gottesliebe, Heidelberg 1984, S. 55.
- ³⁵ Ср. Willigis, Jäger, Kontemplatives Betes, Münsterschwarzach 1985, S. 15.
- ³⁶ Kabir, Im Garten der Gottesliebe, Heidelberg 1984, S. 51.
- ³⁷ Kabir, a.a.O., S. 58.
- ³⁸ Meister Eckehart, Deutsche Predigten Nr. 10.

X. Нравственное поведение

- ¹ B. Toban, Raumzeit und erweitertes Bewußtsein, Synthesis Verlag, S. 134.
- ² Martin Buber, Die Geschichten der Chassidim, Zürich 1949, S. 715.
- ³ Mumonkan 19.
- ⁴ Ср. L. Govinda, Lebendiger Buddhismus im Abendland, München 1986, S. 96.
- ⁵ M. Buber, Die Erzählungen der Chassidim, Zürich 1949.
- ⁶ L. Govinda, Lebendiger Buddhismus im Abendland, S. 102.
- ⁷ Там же, с. 107.
- ⁸ A. Watts, Dies ist Es, rororo 7908, S. 94.

XII. Мистика — бегство от мира или ответственность за мир

- ¹ J. Quint, Meister Eckehart, S. 277, 25.
- ² E. Neumann, Kulturentwicklung und Religion, Frankfurt am Main 1981, S. 178.
- ³ E. Neumann, a.a.O., S. 182 f.
- ⁴ E. Neumann, a.a.O., S. 178.
- ⁵ E. Neumann, a.a.O., S. 169.
- ⁶ J. Quint, Meister Eckehart, S. 450, 3.
- ⁷ Там же, с. 450, 2.
- ⁸ Ср. G. Schmid, Die Mystik der Weltreligionen.
- ⁹ Ср. E. Neumann.

ЧАСТЬ 2. ВЫСТУПЛЕНИЯ

- ¹ Gertrud v. Le Fort, die ewige Frau, München 1962, S. 21.
- ² Josef Quint, Meister Eckehart, S. 258, 13.
- ³ Там же, с. 451, 12.
- ⁴ Там же, с. 178, 16.

- ⁵ Там же, с. 227, 23.
⁶ Там же, с. 317, 30.
⁷ Там же, с. 178, 31.
⁸ Там же, с. 450, 3; там же, с. 450, 2.
⁹ Там же, с. 161, 25.
¹⁰ Там же, с. 172, 12.
¹¹ Там же, с. 185, 21.
¹² Там же, с. 317, 19; 317, 30; 318, 12; 319, 10; 319, 30.
¹³ Там же, с. 180, 16 ff.
¹⁴ Там же, с. 317, 24.
¹⁵ Там же, с. 178, 15.
¹⁶ Evagrius, Ponticus, Münsterschwarzach 1989, S. 18.
¹⁷ Johannes vom Kreuz, Aufstieg zum Berge Karmel, II, 7, 11.
¹⁸ Ср. Bäumer-Despeigne, Hadewijch v. Antwerpen, Copr.: Bannhalde 25, СН-8500 Frauenfeld, S. 16 ff.
¹⁹ Ср. Schure E., Die großen Eingeweihten, München 1986.
²⁰ F. Dostojewski, Der Jüngling, nach E. Drewermann, Tiefenpsychologie, S. 691.
²¹ Ср. Grof Stanislav, Spirituelle Krisen, München 1990, S. 234.
²² F. Pfeiffer, Meister Eckehart, Aalen 1962, S. 239, 17 ff.
²³ Там же, с. 249, 8–18.
²⁴ Там же, с. 240, 19–35.
²⁵ Gregor d. Gr., Vita des hl. Benedikt.
²⁶ Ср. Christa Mulack, Die Weiblichkeit Gottes, Stuttgart 1984, S. 178.
²⁷ Ср. K. Dietzfelbinger, Apokryphe Evangelien aus Nag Hammadi, Andechs 1988, S. 256 ff.
²⁸ Schubart Walter, Religion und Eros, München 1966, S. 93.
²⁹ G. Börner, Die Entstehung der Welt aus astronomischer Sicht, Vortrag in Alpbach 1989.

ЧАСТЬ 3. СООБЩЕНИЯ

- ¹ Ср. E. Lorenz, «Ins Dunkel geschrieben». Herder TB 1505, S. 65.

КНИГИ ПО ТЕМЕ

- Alt, F., C. G. Jung, Von Religion und Christentum. Walter Verlag, Olten, 1987.
Assagioli, Roberto, Psychosynthese. Zürich, 1988.
Berendt J. E., Nada Brahma, rororo 7949.
Bäumer, Bettina, Patanjali, Die Wurzeln des Yoga. München, 1979.
Binnig, Gert, Aus dem Nichts, München, 1989.
Briggs, John, Die Entdeckung des Chaos, München/Wien, 1990.
Brück von, Michael, Einheit der Wirklichkeit, München, 1986.
Brück von, Michael, Weisheit der Leere, Zürich, 1989.
Campbell, Josef, Lebendiger Mythos, München, 1988.
Cleary, Thomas, Zen essence, Boston, 1989.
Davies, Paul, Prinzip Chaos, München, 1988.
Dethlefsen T., Ödipus, München, 1990.
Dietzfelbinger, Konrad, Apokryphe Evangelien, Dießen, 1988.
Ditfurth von, Hoimar, Innenansichten eines Artgenossen, Düsseldorf, 1989.
Drewermann, Eugen, Das Markusevangelium, Band I u. II, Olten, 1987.
Dürr H. P., Physik und Transzendenz, München, 1986.
Eccles, John C., Gehirn und Seele, München, 1987.
Egner- Walter, U., Das innere Gebet der M. Guyon, Münsterschwarzach, 1989.
Evagrius, Ponticus, Praktikos, Münsterschwarzach, 1986.
Fernando, Antony, Zu den Quellen des Buddhismus, Sri Lanka, 1981.
Fischer-Schreiber, I., Herg., Lex. Der östlichen Weisheitslehren, Bern, 1986.
Franz von, Marie-Louise, Schöpfungsmythen, München, 1990.
Franzoni, Giovanni, Der Teufel mein Bruder, München, 1990.
Gorinda Lama Anagarika, Schöpferische Meditation, Freiburg, 1982.
Grof, Stanislav und Christina, Spirituelle Krisen, München, 1990.
Grof, Stanislav, Das Abenteuer der Selbstentdeckung, München, 1987.
Grof, Stanislav, Geburt, Tod und Transzendenz, München, 1985.
Grof, Stanislav, Die Chance der Menschheit, München, 1988.
Hillman, James, Die Suche nach Innen, Zürich, 1981.
Hillman, James, Puer Papers, Dallas, 1987.
Jäger, Willigis, Gebet des Schweigens, Salzburg, 1984.
Jäger, Willigis, Kontemplation, Salzburg, 1983.
Jantsch, Erich, Die Selbstorganisation des Universums, München, 1979.
Johannes vom Kreuz, Gesammelte Werke, Einsiedeln, 1957.
Johannes vom Kreuz, Gesammelte Werke, Einsiedeln, 1964.
Jungclaussen, E., Das Jesusgebet, Regensburg, 1976.
Jungclaussen, E., Der Meister in Dir, Freiburg, 1975.
Jungclaussen, E., (Hrsg.) Aufrichte Erzählungen

- Jungclaussen, Emmanuel, Suche Gott in dir, Freiburg i. Br., 1986.
 Keating, Thomas, Das Gebet der Sammlung, Münsterschwarzach, 1987.
 Kues, Nikolaus v., Philosophisch-Theologische Schriften, Wien, 1982.
 Küng, Hans, Objekt Weltethos, München, 1990.
 Läßle, Alfred, Ketzer und Mystiker, München, 1988.
 Le Saux, Henri, Das Geheimnis des heiligen Berges, Freiburg i. Br., 1989.
 Lilly, John C., Das Zentrum des Zyklons, Fischer Tb., 1976.
 Lilly, John C., Simulationen von Gott, Basel, 1986.
 Lipsett, P.R., Wege zur Transzendenz-Erfahrung, Frankfurt am Main, 1988.
 Lorenz, Erika, Teresa von Avila, Schaffhausen, 1982.
 Massa, Willi, Kontemplative Meditation, Mainz, 1974.
 Mensching G., Die Religion, Stuttgart, 1959.
 Miller, Bonifaz, Weisung der Väter, Freiburg i. Br., 1965.
 Mindell, Arnold, City shadows ..., London, 1989.
 Mindell, Arnold, Schlüssel zum Erwachen, Olten, 1989.
 Mulack, Christa, Die Weiblichkeit Gottes, Stuttgart, 1984.
 Mulack Christa, Maria, Die geheime Göttin, Stuttgart, 1985.
 Naranjo C/ Ornstein R.E., Psychologie der Meditation, Fischer TB 42298, Frankfurt, 1988.
 Neumann, Erich, Kulturentwicklung und Religion, Frankfurt am Main, 1978.
 Obrist, Willi, Neues Bewußtsein und Religiosität, Olten, 1988.
 Pagels, Elaine, Versuchung durch Erkenntnis, Frankfurt am Main, 1981.
 Palmer, G. E. H., The Philokalia, Volume I–V, London, 1984.
 Panikkar, Raimon, Den Mönch in sich entdecken, München, 1989.
 Panikkar, Raimon, Der neue religiöse Weg, München, 1990.
 Pietschmann H., Das Ende des naturwissenschaftlichen Zeitalters, Hamburg, 1980.
 Quint, Josef, Eckehart Konkordanz, Berlin, 1986.
 Quint, Josef, Meister Eckehart, München, 1977.
 Repges, Walter, Johannes vom Kreuz, Der Sänger der Liebe, Würzburg, 1985.
 Ruh, Kurt, Geschichte der abendländischen Mystik, München, 1990.
 Ruh, Kurt, Meister Eckehart, München, 1985.
 Schillebeeckx, Edward, Christus und die Christen, Freiburg i. Br., 1977.
 Schillebeeckx, Edward, Jesus, Freiburg, 1976.
 Schmid, Georg, Die Mystik der Weltreligionen, Stuttgart, 1990.
 Schubart, Walter, Religion und Eros, München, 1966.
 Sheldrake R., Das schöpferische Universum, München, 1984.
 Sheldrake R., Das Gedächtnis der Natur, München, 1990.
 Seuse, Heinrich, Deutsche mystische Schriften, Düsseldorf, 1986.
 Smothermon, Ron, Drehbuch für Meisterschaft im Leben, Bielefeld, 1989.
 Theresa v. Jesu, Sämtliche Schriften, München, 1956.
 Thiele, Johannes, Hrsg. Mein Herz schmilzt wie Eis, Stuttgart, 1988.
 Toben, Bob, Raum — Zeit und erweitertes Bewußtsein, Frankfurt am Main, 1990.
 Walker, Susan, Speaking of Silence, New York, 1987.
 Wehr, Gerhard, Heilige Hochzeit, München, 1986.
 Welte, Bernhard, Meister Eckhart, Freiburg i. Br., 1979.
 Wilber, Ken, Der glaubende Mensch, München, 1988.
 Wilber, Ken, Hrsg. Psychologie der Befreiung, Bern, 1988.
 Zukav, Gary, Die tanzenden Wu Li Meister, Reinbek bei Hamburg, 1988.

Фирма «ДИЛЯ»

приглашает к сотрудничеству книготорговые организации,
а также на конкурсной основе авторов и правообладателей.

Санкт-Петербург: тел./факс (812) 378-39-29

Москва: тел. (095) 261-73-96

198095, Россия, СПб., Митрофаньевское ш., д. 18 лит. «Ж»

www.dilya.ru

E-mail: spb@dilya.ru (*Санкт-Петербург*)

mos@dilya.ru (*Москва*)

Уважаемые читатели!

*Книги «Издательства «ДИЛЯ» вы можете приобрести
наложенным платежом, прислав вашу заявку по адресам:*

190000, СПб., а/я 333, «Невский Почтовый Дом», тел. (812) 434-91-39

E-mail: nevpost@yandex.ru

*почтовый каталог книг «Издательства «ДИЛЯ» высылается бесплатно,
а также:*

192236, СПб., а/я 300 ООО «Ареал», тел. (812) 774-40-63

E-mail: postbook@areal.com.ru

Просьба не забывать указывать свой почтовый адрес, фамилию и имя.

Виллигис Йегер

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ

Изменение сознания на пути к внутреннему миру

Ответственный за выпуск *С. С. Раимов*

Редактор *А. Г. Кудряшова*

Оформление *К. Б. Муганлинский*

Корректор *Л. Г. Алёшичева*

ИД № 06073 от 19.10.2001

Подписано в печать 15.09.2005. Гарнитура «Times».

Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,7. Печать офсетная.

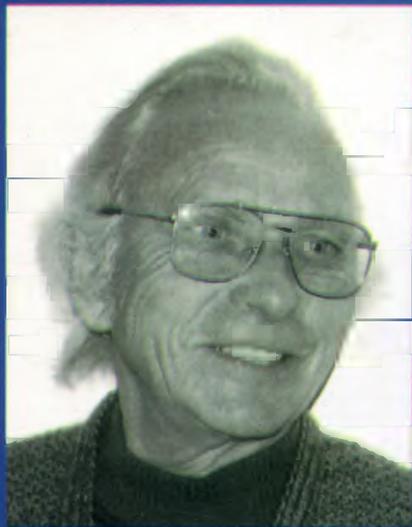
Тираж 3000 экз. Заказ № 1905.

ООО «Издательство «ДИЛЯ»

198095, Санкт-Петербург, Митрофаньевское ш., д. 18, лит. «Ж».

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ИПК «Лениздат»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

- Патер Виллигис Йегер, бенедиктинец и мастер дзэна (Ko-in-Roshi). Практикой дзэна он занимался двенадцать лет. С 1982 года он руководит многочисленными курсами в Центре для занятий созерцательностью и дзэном в Доме Святого Бенедикта в Вюрцбурге.

- Его деятельность не ограничивается только Германией, она охватывает и другие европейские страны и США. С 1981 года он ведет занятия дзэна в школе Sanbo-Kydan.

- Он стремится донести до человеческого сознания забытые традиции мистики и воплотить их в жизнь.
- Многолетняя деятельность в качестве руководителя курсов созерцательности и собеседника, огромное число учеников, полностью ему доверяющих, его космические, целостные взгляды на будущее, его непрекращающиеся усилия служить ищущим свой путь людям, его собственный духовный путь и его познание образуют базис его мудрости.

-
- В этой книге подробно изложены все важные темы духовной жизни. Они касаются не только христианской мистики, но и эзотерических традиций других религий, развития современного естествознания и достижений трансличностной психологии.
 - В книге речь идет о внутреннем пути христианской религии, об изменении сознания по примеру Христа, о новой, изнутри идущей этике, которая берет на себя ответственность за окружающий мир. В своих докладах и выступлениях патер Виллигис Йегер превосходит свои собственные традиции и дает новые ответы.

ISBN 5-88503-419-2

9 785885 1034197

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДИЛЯ

www.dilya.ru